

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96-01-16004

*Издается по постановлению Ученого Совета Института археологии
Российской Академии Наук*

Ответственный редактор
доктор исторических наук **М.Г.Мошкова**

Художник **Г.М.Баев**

Итина М.А., Яблонский Л.Т.

И 92 Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) – М.:
“Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 1997. – 187 с., илл.

В монографии впервые осуществлена подробная публикация археологических и палео-антропологических материалов из всемирно известного раннесакского могильника Южный Тагискен, расположенного на территории древней дельты Сырдарьи. Полностью систематизирована богатейшая коллекция находок, включающая в себя предметы вооружения и украшения, орудия труда и замечательные образцы ранних форм скифо-сибирского звериного стиля. Уточнена хронологическая и культурная атрибуция могильника. Все материалы проанализированы на широком фоне памятников скифо-сакского времени.

Для историков, археологов, искусствоведов, антропологов, музейных работников, а также всех, кто интересуется проблемами этногенеза древнейших кочевников Евразии.

ББК 63.4(2)

ISBN 5-86004-069-5

© Итина М.А., 1997.
© Яблонский Л.Т., 1997.
© “Российская политическая энциклопедия”
(РОССПЭН), 1997.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена публикации и анализу раскопок памятника, который является подлинным открытием в истории ранних кочевников азиатских степей. Речь идет о курганном могильнике Южный Тагискен, обнаруженном Хорезмской археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР в 1961 г. на территории древней дельты Сырдарьи. Курганы раскапывались в 1961—1963 гг.

Тогда же в 30 км к востоку от Южного Тагискена был открыт и раскопан курганный могильник Уйгарак. Ритуал захоронений и характер погребального инвентаря позволил считать оба могильника, практически, синхронными, с той лишь разницей, что Южный Тагискен датировался VII—V вв. до н.э., а захоронения Уйгарака — преимущественно VII—VI вв. до н.э. Погребения V в. там единичны. Культурно-типологическая принадлежность обоих могильников к сакскому кругу памятников, значительные черты сходства в культуре оставившего их населения дали возможность рассматривать полученные материалы в едином комплексе, что и было сделано в многочисленных публикациях (Толстов, 1961, 1962, 1963; Толстов, Жданко, Итина, 1963; Толстов, Итина, 1966, 1971; Вишневская, Итина, 1977, 1992; Итина, 1986, а, б).

В 1973 году вышла в свет монография, специально посвященная анализу археологических материалов из могильника Уйгарак (Вишневская, 1973). Могильник же Южный Тагискен до сих пор полностью не публиковался. Между тем, он представляет для науки не меньший интерес. Принципиально важным является то, что этот памятник был расположен на плато Тагискен, рядом с некрополем эпохи поздней бронзы Северный Тагискен. Даже первоначальные наблюдения над некоторыми деталями конструкций погребальных камер и погребального ритуала того и другого позволили заметить черты определенной преемственности между ними, что позволило ставить вопрос об их единой этнокультурной основе и высказать предположение о культурно-генетической связи саков Южного Приаралья с предшествующим населением эпохи поздней бронзы (Итина, 1992, с.31 и сл.).

Кроме того, сопоставление комплексов Северного и Южного Тагискена позволило сделать выводы о нижней дате культуры ранних саков низовий Сырдарьи. В плане хронологическом не менее интересно

то обстоятельство, что среди захоронений Южного Тагискена имеются такие, которые могут быть датированы временем формирования сакской культуры и, вместе с тем, значительная доля погребений сопровождается инвентарем савроматской эпохи.

Наконец, материальная культура Южного Тагискена бесспорно дает основание для заключений о достаточно широком круге культурных связей саков Восточного Приаралья.

Для того чтобы найти объяснение этому явлению, следует иметь в виду палеоэкологическую ситуацию, которая сложилась в регионе, где были открыты упомянутые нами памятники.

Древняя дельта Сырдарьи расположена между ее современным руслом и самой южной системой сухих русел Инкардарьи. Этот огромный треугольник, ограниченный с юга массивом песков Кызылкумы, а с запада — Аральским морем, заполнен бесчисленным количеством староречий, тянувшихся то в широтном, то в меридиональном направлениях. По-видимому, вся система дельтовых протоков в целом, в связи с характерным для дельтовых областей непостоянным водным режимом функционировала спорадически в разные хронологические периоды. Так, например, система Инкардарьи (самая южная) и система Пра-Кувандарьи (самая северная, близкая к современному руслу Сырдарьи) функционировали в эпоху неолита и бронзы (III — начало I тыс. до н.э.). На Инкардарье были открыты и более поздние памятники — упомянутые выше сакские курганные могильники (VII—V вв. до н.э.) и средневековые поселения X в. н.э.

На Жанадарье, вошедшей в свою систему некоторые отрезки Инкардарьи, и были открыты памятники середины I тыс. до н.э. — I пол. I тыс. н.э., а также (главным образом, на Жанадарье) средневековые, XII—XIII вв. и позднесредневековые древности XVI в.

Все эти археологические свидетельства наглядно демонстрируют пульсирующий режим сырдарьинской дельты и связь систем расселения человека в этой аридной зоне с естественными водными источниками, и все это — на протяжении тысячелетий.

Курганные могильники сакского времени, были расположены преимущественно в южной части Сырдарьинской дельты. Они дислоцировались на внутридельтовой равнине (так называемые, "шлаковые курганы" — Левина, 1979) или на уплощенных вершинах останцовых возвышенностей (Южный Таги-

скен и Уйгарак). В юго-западной части дельты, в котловинах выдувания песчаных массивов, на внутриводном пространстве, были найдены временные стоянки скотоводов с грубой лепной керамикой и трехперыми бронзовыми наконечниками стрел скифского типа (не ранее VI в. до н.э.). Не исключено, что укреплением-убежищем для этой группы номадов служило городище Чирик-Рабат, известное нам, главным образом, по материалам IV в. до н.э. (нижние слои его, к сожалению, не раскопаны).

Расселение сакских племен в низовьях Сырдарьи было связано с обводненностью этого дельтового региона, а сакские памятники, открытые Хорезмской экспедицией, в целом, были привязаны к южной части дельты. Такое их расположение объясняется заинтересованностью древних скотоводов не только в воде, но и в хороших сезонных пастбищах, которые обеспечивала близость кызылкумских песков. Все эти рассуждения имеют прямое отношение к Южному Тагискену, вернее — к оставившему его населению, но не только.

Анализ погребальных сооружений и обряда, сопровождающего инвентаря курганов Южного Тагискена даст ключ к постановке вопроса о местном генезисе культуры саков Приаралья. С другой стороны, этот анализ помогает определить место приаральских саков в "скифском мире" евразийских степей и показать, что в это время низовья Сырдарьи были ареной сложных этногенетических процессов. Заметим, что такое историко-культурное понятие, как "скифский мир", по нашему мнению, следует рассматривать как систему, черты единообразия звеньев которой, были, прежде всего, основаны на языковом сходстве населения не только в рассматриваемое время, но и раньше, в эпоху бронзы (последняя сводка данных: Кузьмина, 1994).

С другой стороны, объяснение своеобразия отдельных культур "скифского мира" следует искать, вероятно, в той относительно пестрой этнокультурной основе, которую представляло собой население степной Евразии эпохи поздней бронзы. При этом наиболее полным археологическим выразителем традиционных идеологических представлений и их живучести в среде ираноязычного населения степи на протяжении длительного отрезка времени является погребальный обряд. Но и он же в ряде случаев будет служить индикатором культурной неоднородности сакского объединения не только в низовьях Сырдарьи, но и в ареале "скифского мира" (подробнее об этом см.: Яблонский, 1988, 1990, 1991, 1992, 1993).

Погребальный инвентарь покажет нам и сравнительное единообразие культур "скифского мира", и принадлежность их к разным историко-культурным областям и районам. Причем на примере раннесакских древностей низовий Сырдарьи можно проследить, что включение того или иного региона в сферу тех или иных культурных связей и влияний было обусловлено тем же направлением этих связей еще в эпоху бронзы.

Но, говоря о локальных особенностях, мы не должны упускать из виду, что разнородное сакское население низовий Сырдарьи, несомненно, тяготеет, в целом, к азиатскому пласту "скифского мира", представленному, в первую очередь, кочевниками и полукочевниками сопредельных областей Казахстана.

Вместе с тем, со 2-ой половины VI в. до н.э. здесь проявляются ощутимые контакты с номадами савроматского времени Южного Приуралья. В этом контексте следует иметь в виду, что один из древних караванных путей связывавших Среднюю Азию и Казахстан с Оренбургскими степями, проходил через западную часть Сырдарьинской дельты и далее на север, совпадая с направлением возможных сакских меридиональных перекочевков. Примечательно, что он удерживался на протяжении столетий (вспомним сезонные перекочевки Малой Орды казахов—киргиз-койсаков), которые в XIX в. осуществлялись именно в этом регионе.

В аспекте сако-савроматских связей, о которых писал еще К.Ф.Смирнов (1964), интересны новые открытия в Южном Зауралье, где были обнаружены памятники, сходные с сакскими и, видимо, принадлежавшие к одному с ними культурному кругу (Таиров, 1991). Датируются они VII—VI вв. до н.э., и исследователи прямо пишут о большом сходстве их с погребальными памятниками Приаралья, Северного и Центрального Казахстана того же времени. А.Д.Таиров и С.Г.Боталов, открывшие раннесакские комплексы Зауралья, справедливо полагают, что сформировались они на генетически сходной с саками Приаралья этнокультурной основе эпохи поздней бронзы, в эпоху же раннего железа связи во многом обуславливались меридиональными перекочевками по пути, идущему с севера по Тургайской впадине к нижнему и среднему течению Сырдарьи и низовьям Сарысу и Су (Таиров, Боталов, 1988, с.109).

Этот меридиональный путь сакских перекочевков, также как и более западный, удерживался в веках, а впоследствии вплоть до XIX в. он был одним из направлений, связывавших Среднюю Азию с северными и северо-восточными регионами степи. Разумеется, внутри Сырдарьинской дельты имели место и широтные перекочевки, одной из целей которых были зимники в песках, покрывавших западную часть дельты, ближе к восточному берегу Арала.

Наконец, и южносреднеазиатские связи прослеживаются в некоторых элементах раннесакской материальной культуры, и, к тому же, они дают основание видеть в "варварской" сакской периферии земледельческих оазисов низовий Сырдарьи не только реципиентов, но и передатчиков элементов культуры южных земледельцев в степи Евразии. И надо полагать, что именно в это время закладываются основы тех связей земледельческого Хорезма и его степной периферии, которые позднее сыграли столь

важную роль в политической истории и развитии экономики этого государственного образования.

Сравнительно недавние исследования в низовьях Амударьи (Присарыкамышская дельта) наиболее зримо показали процесс развития этих связей во времени, открыв для нас, к тому же, еще один регион распространения населения сакского культурного облика (Яблонский, 1986, 1991).

Из всего сказанного можно получить общее представление о том, какой набор исторических проблем может поставить перед нами анализ сакских древностей Южного Тагискена. Парадоксально, но факт, что задержка полной публикации результатов раскопок могильника Южный Тагискен, сыграла невольно положительную роль, так как новые открытия прошедших лет значительно расширили возможности сравнительного анализа культуры саков низовой Сырдарьи с культурами ранних скотоводов азиатской степи и, что очень важно, позволили затронуть в этом исследовании не только узкорегionalные, но и общеисторические проблемы.

Древняя Сырдарьинская дельта — огромный треугольник, включающий русла, текущие как в широтном, так и в меридиональном направлениях, осваивалась человеком, по крайней мере, с эпохи неолита и далее на протяжении истории (Андрианов, Итина, Кесь, 1974). Но выявить определенные закономерности в этапах этого освоения значительно труднее, по сравнению с дельтовыми равнинами Амударьи. Тому есть несколько причин. Прежде всего, удалось установить, что к моменту освоения человеком дельтовой равнины Сырдарьи, все ее русла были уже проработаны, но периодически то одна, то другая система или затухала, или сток по ней активизировался (Андрианов, Итина, Кесь, 1974). Археологические памятники, расположенные вдоль этих систем, могли бы датировать время функционирования соответствующих русел, но тут вступает в силу другой фактор. Дело в том, что пульсирующий режим дельты приводил и к тому, что более древняя русловая система отмирала, а позднее прорабатывалась новая, которая включала в себя отрезки старой системы, как бы поглощая их. Так случилось, например, с русловой системой Инкардарья, часть которой была поглощена позднее проработанной системой Жанадарьи (где-то в середине I тыс. до н.э.). И тогда становится ясным, что степень объективности определения времени освоения того или иного участка аллювиальной равнины, относительна, ибо более древние памятники могли в результате этих процессов быть уничтожены. Уничтожались они и вследствие многократного, на протяжении тысячелетий, хозяйственного освоения отдельных участков дельты, особенно ее восточной части, что приводило к разрушению более древних памятников. Это, в свою очередь, приводило к возникновению лакун в изучении истории развития того или иного региона.

При воссоздании истории освоения человеком дельтовой равнины Сырдарьи следует учитывать естественно-географический и климатический факторы. Сырдарья имеет воды в четыре раза меньше, чем Амударья, причем вода эта менее насыщена илстыми и песчаными осадками. Территория, на которой откладывались сырдарьинские наносы, в полтора раза меньше площади амударьинских дельт. Эти особенности гидрографии и геоморфологии низовьев Сырдарьи обусловили меньшую, по сравнению с Амударьей, мощность как аллювиальных отложений, так и агроирригационных наносов. К тому же, в низовьях Сырдарьи наблюдаются, в отличие от Амударьи, дефляционные процессы, что способствовало разрушению памятников, в особенности, первобытной культуры. Это также затрудняет для нас возможности более объективной оценки истории освоения человеком ее дельтового пространства.

К этому следует добавить более северное расположение Сырдарьинской дельты, незащищенность многих участков ее территории от господствующих северных и северо-восточных ветров, что создавало более суровые и менее пригодные для земледелия климатические условия, по сравнению с низовьями Амударьи. Эти обстоятельства, по-видимому, могут объяснить отсутствие следов ведения здесь земледельческого хозяйства в эпоху бронзы и появление хорошо фиксируемых ирригационных систем лишь в IV в. до н.э.

Очевидно, древнейшим русловым протоком Сырдарьи была Инкардарья. Она состоит из системы русловых протоков, не соединенных в единое целое, причем протоки эти растянуты как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Иными словами, беря начало, в основном, в русле Сырдарьи где-то южнее г. Кызыл-Орда, Инкардарья текла в Арал, часто меняя свое русло, перемещая его. А поэтому можно говорить о существовании Южной Инкардарьи и Северной, особенно в верхнем ее течении. При этом на более северных участках Инкардарья выражена лишь отдельными отрезками русел. Южная Инкардарья, идущая вдоль северного края кызылкумских песков, более четко просматривается как единое русло, хорошо выраженное в рельефе.

Работы по исследованию древней дельты Сырдарьи и археологических памятников на ее территории были начаты С.П. Толстовым еще в 1946 г. и позднее продолжены (Толстов, 1948, с.53—62, 123—140; 1962, с.77—88, 136—204). Исследование памятников проводилось в послевоенные годы в виде раскопок и с помощью маршрутов комплексно, с участием геоморфологов, с широким использованием данных аэрофотосъемки.

Исследования показали, что система Инкардарьи (самая южная) и система Пра-Кувандарьи (самая северная, близкая к современному руслу Сырдарьи), функционировали в эпоху неолита и бронзы (III — начало I тыс. до н.э.). На Инкардарье были от-

крыты и более поздние памятники, в том числе сакские могильники Южный Тагискен и Уйгарак.

Не позднее, чем в VII в. до н.э., на территории Южного Приаралья расселяются группы людей, принадлежавшие к сако-массагетскому союзу. Наиболее ранние из известных памятников, (помимо территории Присарыкамышской дельты), были зафиксированы в районе слияния протоков двух дельт — Акчадарьинской и Сырдарьинской, на западных меридиональных руслах Сырдарьинской дельты, на средней Инкардарье, в междуречье Южной и Средней Инкардарьи и, наконец, на Жанадарье. В конце этой эпохи сток по Жанадарье уже был, причем она, формируя свое новое русло, вобрала в себя некоторые отрезки Инкардарьи. И, когда мы говорим о районе слияния протоков Акчадарьи и Сырдарьи, в него следует, по-видимому, включать и систему жанадарьинских русел.

На протоках северной Акчадарьинской дельты, в ее северной части, там, где они приближаются к Инкарадарьинским, были обнаружены отдельные стоянки эпохи неолита. Вероятно, здесь Акчадарьинские протоки в период паводка на Сырдарье подпитывались водами Инкардарьи. Этот процесс наблюдался и позднее, уже в историческое время и, по-видимому, послужил основанием для сложения легенд о слиянии вод Амударьи и Сырдарьи, нашедших, в частности, графическое отражение на географических картах конца XVII — XVIII вв. (Итина, 1974).

Известно, что о соединении Амударьи с Сырдарьей писал еще в XV в. Хафеиз-и-Абру (Бартольд, 1965). В новое время эту версию поддерживали некоторые участники русских походов в Среднюю Азию конца XIX в. (Костенко, 1880, с.199; Соболев, 1874, с.242). Даже такие крупные исследователи как Н.А.Северцев и А.В.Каульбарс считали, что в районе горы Кокча (крайние восточные отроги Султануиздага) происходит соединение Амударьинских и Сырдарьинских вод. Только Н.А.Северцев (1874, с.228—229) полагал, что амударьинская вода устремлялась по меридиональным руслам Акчадарьи от Шурахана к горе Кокча, а А.В.Каульбарс (1881, с.291) думал, что она подходила по широтному Акчадарьинскому протоку к югу от гор Султануиздаг. Исследованиями Хорезмской экспедиции было установлено, что сток Сырдарьинских вод по Жанадарье начался не ранее середины I тыс. до н.э., то есть тогда, когда сток Амударьи по Акчадарье в Арал уже прекратился. В то же время археологические материалы свидетельствуют, например, о том, что в IV — V вв. сырдарьинской водой орашались поля Барактамского оазиса, расположенного в северной части Северной Акчадарьинской дельты (Толстов, 1962, с.236—239). Приходится думать, что процесс постоянного подтопления Акчадарьинских русел в их нижней части водами Сырдарьи, периодически повторялся.

Возвращаясь к вопросу о сакском расселении в Восточном Приаралье и, предваряя анализ матери-

алов из могильника Южный Тагискен, следует отметить, что поселения саков и местонахождения эпохи бронзы представлены пастушескими стоянками, расположенными в котловинах выдувания невысоких гряд, а часто уже просто на такыре, но вблизи русел. В последнем случае можно предположить, что в момент жизни этих стоянок регулярного и интенсивного стока по данным руслам не было. Небольшое число стоянок найдено в Северной Акчадарьинской дельте и в западной части Сырдарьинской, то есть в тех районах, которые с эпохи бронзы и на всем протяжении истории являлись местом выпаса; оседлые земледельческие поселения там, практически, неизвестны. Правда, не исключено более широкое распространение пастушеских поселений, в частности, и в восточной части Сырдарьинской дельты (находка в районе Зангаркала), но интенсивное позднее освоение этого района, уничтожившее более ранние памятники, не позволяет нам идти дальше предположений.

Группа стоянок, расположена вдоль русел к северу от замка Барактам, в Северной Акчадарьинской дельте. Разбросаны они и вдоль ее восточного коренного берега. Далее к северу места стоянок тянутся к месту соприкосновения Акчадарьинских и Жанадарьинских протоков и в низовьях Жанадарьи (урочище Аксага). Это неподалеку от восточного берега Арала. Там были расположены пески с богатой растительностью, камышовыми зарослями, служившими убежищем от холодных зимних ветров и скотоводам нового времени.

По Жанадарье к востоку стоянки эти более или менее часто встречаются вплоть до района Чирик-Рабата — по-видимому, крепости-убежища, постройка которого относится предположительно к IV в. до н.э., хотя не исключена и более ранняя ее закладка. Чуть ниже Чирик-Рабата, от Жанадарьи к югу отделяла поток, который заканчивался в озере Кокча-Тенгиз. Судя по стоянкам раннесакского времени, расположенным по берегам этого озера (ныне солончак), не исключено, что вода попадала в него и в этот период. Учитывая это обстоятельство и вероятность стока Жанадарьи в Арал в последующий период, становится ясно, что Сырдарья в то время была значительно полноводнее, чем, скажем, в XIX в., так как в большинстве записок нового времени мы читаем, что сток ее завершался в "озере Кукча-Тенгиз" (Мейер, 1865; Венюков, 1872; Таранов, 1885).

Находка развешенных стоянок по берегам этого озера, равно как и всех вышеупомянутых, дала основания С.П.Толстому выделить кокча-тенгизскую культуру, ранний этап которой он датировал VII — V вв. до н.э. (Низовья Амударьи..., 1960; Толстов, 1962; Левина, 1977). Материальная культура этих стоянок представлена грубой лепной керамикой, часто украшенной у горла налепом с зашипами, орудиями из кварцита, выходы которого известны в низовьях Сырдарьи; встречаются следы железодельного производства, гончарные шлаки. Датируют

эти стоянки бронзовые наконечники стрел, редко — двуперые с листовидной головкой, чаще — трехперые втульчатые. Нам представляется, что материалы этих стоянок вряд ли стоит выделять в иную культуру, чем раннесакскую, тем более, что последняя убедительно представлена в низовьях Сырдарьи рядом пастушеских стоянок и такими погребальными памятниками, как Южный Тагискен и Уйгарак, но и комплексом "шлаковых" курганов (Толстов, 1961; 1963; Толстов, Итина, 1966; Вишневская, 1973; Вишневская, Итина, 1971; Левина, 1979; Итина, 1992).

В этой книге впервые дается исчерпывающая сводка археологических материалов, полученных при раскопках могильника Южный Тагискен. Опи-

сание признаков погребального обряда и вещевого инвентаря сопровождается типологическими классификациями, которые являются для нас основой в ходе проведения культурно-типологического и хронологического анализа исходных данных.

Кроме того, специальная глава книги посвящена полной публикации краниологических материалов из погребений. Анализ этих данных выполнен на современном научном уровне. Авторы надеются, что публикационные и обобщающие материалы, представленные в книге, послужат лучшему пониманию особенностей историко-генетических процессов, протекавших в азиатской части степей, в эпоху становления здесь ранних форм номунизма.

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О КУРГАНАХ

Возвышенность Тагискен находится в 220 км к юго-западу от г. Кызыл-Орда в Казахстане. Холм представляет собой останцовую возвышенность на высоком берегу одного из протоков древнего русла Инкардарьи, самой южной системы сырдарьинских дельтовых русел (См. рис. 1, карта).

Плато имеет крутые восточный и северный склоны. К югу поверхность холма спускается полого, переходя в обширную такырную равнину. С запада возвышенность прикрыта навейным песчаным массивом. Плато находится в 1,5—2 км южнее современного сухого русла Жанадарьи.

Упоминания об урочище Тагискен (Токускен, Тугускен) или могиле Тагискен встречаются в сочинениях русских путешественников, прошедших с исследованиями по Жанадарье в конце XIX в. и позднее (Каульбарс, 1881, с.235, 304; Грен, 1863, с.57; Материалы по киргизскому землепользованию, 1912, карта). Как правило, фигурирует название Токускен, однако, ни в одном случае не упоминается о возвышенности. В то же время Уйгарак, расположенный в 30 км к юго-востоку от Тагискена, справедливо называется бугром или возвышенностью (Каульбарс, 1881, с.305; Материалы..., 1912, карта; Никитин, 1915, с.34).

Не исключено, что урочище Тагискен включало тогда колодцы, расположенные неподалеку от "могилки" того же названия (Каульбарс, 1881 с. 304), а плато Тагискен с курганами из-за песков, подпирающих его с северо-востока оставалось незамеченным.

Примечательно, что и в наши дни, когда велись раскопки могильника, экспедиционная машина нередко проскакивала поворот с Чимбайского тракта к плато, что вынудило нас поставить там опознавательный знак.

Курганы Южного Тагискена были открыты только благодаря аэрофотосъемке. Во время разведочного маршрута 1959 года были зафиксированы курганы в северной части плато, но, как выяснилось впоследствии, большая их часть оказалась развалинами мавзолеев, выстроенных из сырцового кирпича в эпоху поздней бронзы. Тогда же, в 1959 г. мы обследовали все плато, проехав до южного его конца, и, за исключением нескольких курганов, могильника в целом просто не заметили, т.к. большинство насыпей было совершенно уничтожено временем: их насыпи были

развеяны и сnivelированы с современной дневной поверхностью, сплошь покрытой мелкой растительностью. И лишь на аэрофотоснимке четко обозначались кольца некогда курганных насыпей. Так был открыт раннесакский могильник Южный Тагискен, а некрополь в северной оконечности плато был назван Северный Тагискен. На обоих могильниках в 1961—1963 гг. велись раскопки (начальник отряда М.А.Итина), результаты которых неоднократно публиковались в периодической печати (Толстов, 1961, 1962 а.б, 1963; Толстов, Жданко, Итина, 1963; Толстов, Итина, 1966; Вишневская, Итина, 1971; Итина, 1962, 1974, 1977 а,б, 1980, 1984, 1986 а,б,в; 1992 а,б).

В 1961 году были произведены разведочные археологические раскопки четырех насыпей, расположенных на южной оконечности возвышенности. Первые результаты показали, что эти курганы датируются раннесакским временем.

В 1962 году под руководством М.А.Итиной на курганах Южного Тагискена были развернуты более широкие археологические раскопки, которые были продолжены и в сезоне 1963 года.

Курганы Южного Тагискена локализуются в две группы, разделенные ложбиной шириной 50—60 м (Рис. 2). Оказалось также, что раннесакским временем могут датироваться и некоторые курганы, расположенные в северной части возвышенности, в непосредственной близости от мавзолеев. Таким образом, топографически выделяются три группы насыпей (северная, центральная и южная), которые относятся к сакскому времени. Центральная содержала 12 курганов, самая южная — 29. Девять курганов оказались расположенными в площади некрополя Северный Тагискен. В итоге из 50 курганов сакского времени удалось раскопать 38. На территории некрополя Северный Тагискен было раскопано 4 кургана.

Не исключено, что в сакское время мавзолей эпохи бронзы в том или ином виде были еще видны на поверхности (Итина, 1992), и саки могли осознавать особый статус возвышенности. В Средней Азии и Казахстане и поныне практикуется обычай, когда умерших в наши дни хоронят вблизи от старых погребальных сооружений, а нередко и в насыпях древних курганов. Любопытно, что еще в начале XIX в. упоминались большие курганы на территории древней Сырдарьинской дельты. Более того, можно пред-

положить, что уже тогда велись их грабительские раскопки, так как упоминаются в числе прочего "вещи золотые и серебряные, но большей частью медные, принадлежавшие к украшению одежды и конской сбруи" (Замечания о древностях..., 1822, с. 327—328).

Прежде чем перейти к подробному описанию раскопанных нами курганов, заметим, что в большинстве случаев они были ограблены, причем явно современниками погребенных в них людей. Об этом заставляет думать точное направление грабительских ходов к тем участкам погребальных камер, где, согласно ритуалу, помещались наиболее ценные вещи. При этом величина курганных насыпей в древности и значительная глубина могильных ям предполагали проведение больших земляных работ, что было не под силу грабителю-одиночке. Из этого следует, что ограбление курганов было акцией организованной и, вероятно, не без участия и санкций представителей высшей власти. Пример этот не уникален. Вспомним хотя бы попытку ограбления гробницы Тутанхамона жрецами Египта.

Хотя, в данном контексте можно предложить и другую, но близкую по сути, версию. Согласно этнологическим данным (Кузьмин, 1991, с.147—152), в традиционных обществах не исключается посещение могил предков с целью ритуальных манипуляций с костями умершего или его погребальным инвентарем.

Обратимся к описанию раскопанных курганов.

Поверхность возвышенности довольно плоская, покрытая перевейным песком и поросшая редким мелким кустарником. Плато Тагискен сложено в верхних слоях из материкового песка с карбонатными стяжениями. Ниже идет слой плотной третичной глины, который фиксировался на глубине от 0,8 до 2 м. Дно погребальных ям всегда находилось именно в толще этого слоя.

Большая часть полуразвезанных насыпей курганов была слабо различима с поверхности, и в значительной степени смотрелась в виде пятен, диаметром от 10 до 35 м, образовавшихся от округлых в плане проплешин в редкой растительности. Так, лишь благодаря изображениям на аэрофото, были найдены и раскопаны курганы 47 и 49, да и не только они. В редких случаях насыпь сохранялась до высоты более 30 см.

Несколько курганов территориально не входят в группу Южный Тагискен, но, несомненно, относятся к сакскому времени. Прежде всего, это курганы, расположенные поблизости от мавзолея № 6 Северного Тагискена. Раскопки этих курганов были начаты не случайно. Дело в том, что к мавзолеям эпохи бронзы № 4, 5а и 7 были сооружены пристройки, внутри которых были захоронены, по-видимому родственники и приближенные к вождю лица (Итина, 1992, табл. 1, 3, 4). Нам хотелось проверить, нет ли таких пристроек к мавзолею 6 (Итина, 1992, табл. 1, 2), и мы решили с этой целью раскопать

ближайшие к нему курганы, поскольку до раскопок занесенные песком мавзолеи и курганные насыпи смотрелись совершенно одинаково.

Курган 8 располагался в центральной части северной группы. Насыпь не выделялась рельефом и смотрелась на современной дневной поверхности в виде белесого пятна. Под песчаным слоем была обнаружена могильная яма глубиной 145 см от поверхности погребенной почвы, которая в плане имела форму прямоугольника со скругленными углами. Верхняя часть стенок ямы была разрушена грабительским лазом. В нижней части заполнения могилы прослеживались мощные золистые прослойки. Стены камеры, особенно в северо-западном углу носили следы прокала и были окрашены в красный цвет. В заполнении ямы были найдены мелкие фрагменты лепного сосуда.

По углам погребальной камеры располагались округлые в плане ямки диаметром 20—30 см и глубиной 25—27 см. В их заполнении фиксировалась значительная примесь золы и древесного тлена. На полу погребальной камеры лежал мощный (до 15—20 см) слой обгоревших веток и камыша — остаток рухнувшего перекрытия. Следы этого перекрытия прослеживалась также на бортах ямы и вблизи бортов — на поверхности древнего горизонта.

Захоронение было ограблено в древности, погребальный инвентарь не сохранился.

На уровне поверхности погребенной почвы погребальная камера была окружена земляным валом, который располагался в 4 м от ее бортов. Слой горения прослеживался на поверхности древнего горизонта от краев могилы до подножия вала. Ширина вала у основания — около 3 м. С внешней стороны вала был обнаружен кольцевой ров шириной по верху до 180 и глубиной 25 — 30 см.

Ров был забит сгоревшим хворостом. Таким образом, при совершении обряда пылали камера, пространство вокруг нее и огненное кольцо по окружности. В результате совершенного здесь трупосожжения сгорели четыре опорных столба, установленных в углах камеры и перекрытие из веток и камыша. Насыпь возводилась на неостывшем еще пожарище.

Курган 9 был также расположен в центральной части северной группы. Его насыпь не выделялась рельефом, и на дневной поверхности смотрелась в виде округлого в плане пятна диаметром 25—30 м, оконтуренного растительностью. В центре круга выделялось подпрямоугольное пятно от могильной ямы. Она имела размеры 290x234 см при глубине 220 см от поверхности и длинной осью была ориентирована меридионально. На расстоянии 3—5 м от краев ямы был зафиксирован земляной кольцевой вал, основание которого лежало на поверхности погребенной почвы. Ширина вала в основании составляла 2—2,5 м, в высоту он сохранился на 30 см.

На поверхности древнего горизонта, в 9,5 м от края ямы были найдены дисковидные бронзовые бляшки с изнаночной петлей (Рис. 3, 4) и обойма из бронзовой полоски шириной 7,5 и толщиной 1 мм.

Заполнение могильной ямы состояло из бурой плотной супеси, перемешанной с измельченным известняком. В толще заполнения были найдены фрагменты трех лепных сосудов: два чайникообразных (рис. 3, 6, 9) и бокальчик со сломанной ножкой (Рис. 3, 7), лопатка барана со следами красной краски на поверхности и две цилиндроконические халцедоновые бусины с наведенным (содовым) орнаментом (Рис. 3, 1, 2).

По углам погребальной камеры располагались четыре ямки диаметром 17—40 см и глубиной 15—22 см. Их заполнение состояло из однородной светлой супеси и не имело следов древесины. В заполнении северо-западной ямки были найдены фрагменты лепного чайникообразного сосуда. Надо полагать, что угловые ямки лишь имитировали столбовую конструкцию.

Еще в древности захоронение было полностью разрушено грабителями. Можно предполагать, однако, что в яме была совершена ингумация, после чего она была перекрыта жердями на уровне древнего горизонта (остатки жердей фиксировались в заполнении ямы).

Курган 13 был также расположен в центральной части северной группы, к югу от кургана 9. Насыпь слабо выделялась рельефом и смотрелась на современной дневной поверхности в виде пятна округлой в плане формы диаметром около 13 м. Внешние края этого пятна были ограничены слабой растительностью, а поверхность внутри была усыпана измельченным известняком. В центре пятна просматривалась легкая западина — след грабительского лаза. Он вел в могильную яму, которая на уровне погребенной почвы имела подпрямоугольную в плане форму с размерами 270x230 см. Длинная ось ямы была ориентирована широтно.

На расстоянии 3—3,5 м от краев ямы прослеживался земляной кольцевидный в плане вал шириной в основании до 150 см и высотой до 25 см. На поверхности вала была найдена бронзовая уздечная обойма (Рис. 36) и фрагмент лепного орнаментированного сосуда (Рис. 36).

Глубина могильной ямы — 178 см от поверхности погребенной почвы. Ее заполнение в верхней части состояло из сероватой плотной слоистой супеси затечно-надувного происхождения, ниже — из плотной бурой супеси. В толще заполнения встречались мелкие кусочки желтой краски, здесь же был найден бронзовый наконечник стрелы, трехлопастной, со скрытой втулкой (Рис. 3, 8), фрагменты лепных сосудов, части которых удалось реконструировать — два горшковидных (Рис. 3, 5, 10) и кувшин с боковой вертикально расположенной петельчатой ручкой

(Рис. 3, 11), мелкий обломок кварца со следами ретуши по краю. В придонной части заполнения были расчищены разрозненные обломки костей человеческого скелета и мужской череп без нижней челюсти. По углам погребальной камеры располагались четыре ямки диаметром до 15 см и глубиной 12—15 см. Их заполнение состояло из светлой однородной супеси и не содержало остатков древесины, но в нем фиксировались мелкие обломки костей. Таким образом, угловые ямки лишь имитировали столбовую конструкцию.

Захоронение было ограблено и полностью разрушено в древности.

Судя по всему, описанные выше курганы не связаны непосредственно с мавзолеем № 6 и были сооружены позднее. Там же, на северо-восточном краю возвышенности был раскопан курган 2 (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с.50). Кирпичная стена окружала центральное круглое в плане сооружение и находилась на расстоянии 3,5 м от него. От центрального здания сохранился цоколь высотой 1,15 м, увенчанный двумя взаимно пересекающимися стенками, образующими 4 камеры, которые были соединены между собой проходами. Вход в здание располагался в юго-восточной части, к нему вел пандус, который пересекал кольцевой коридор, окружающий здание. Внутри коридора были зафиксированы остатки мощного горения. Коридор был забит глыбами гончарного шлака и кусками ошлакованных сырцовых кирпичей.

Курган был ограблен. Среди находок — кувшин, золотые пронизки, каменные грузила.

Пристроен был к северной группе мавзолеем 1, который представлял собой 10-метровое в диаметре цилиндрическое здание, установленное на цоколь (Толстов, 1962, с.141—143; рис. 20). Это здание имело центральный неф и две отходящие от него погребальные камеры, где были совершены трупосожжения. Кольцевидного коридора здесь не было. Никаких находок, кроме отдельных фрагментов керамики, не обнаружено.

Остальные раскопанные курганы располагались на территории собственно могильника Южный Тагискен.

Курган 23 (Рис. 4) содержал погребение на древнем горизонте. Насыпь, практически, не выделялась рельефом и смотрелась на современной дневной поверхности в виде округлого в плане пятна, свободного от растительности, диаметром около 15 м. Базисные слои насыпи состояли из плотной протакыренной супеси, перемешанной с измельченным известняком. Под слоями насыпи, на поверхности погребенной почвы фиксировались супесчаные слои, насыщенные продуктами интенсивного горения.

Они перекрывали столбовые ямки с углисто-золистым заполнением. Двадцать пять таких ямок образовывали кольцо диаметром около 5 м. Четыре ямки располагались внутри кольца, обозначая углы

трапеции со сторонами 280x180x300x280 см. Длинная ось трапеции была направлена по линии северо-запад - юго-восток. Еще одна столбовая ямка была вынесена за пределы кольца, к северо-востоку от него. Диаметр столбовых ям достигал 30—40 см, а их глубина — 70—75 см.

Наиболее интенсивные следы горения фиксировались внутри трапециевидной площадки, где были найдены куски горелого дерева, а также мелкие фрагменты сильно кальцинированных костей человека.

В юго-восточной части площадки были найдены парные бронзовые подпружные пряжки (Рис. 6, 1, 2), бронзовая пронизь для перекрестия ремней уздечки (Рис. 6, 3) и бронзовые уздечные накладки с грибовидными ножками (Рис. 6, 4, 6).

Реконструируется округлая в плане деревянная постройка с четырьмя внутренними опорными столбами перекрытия. Тело погребенного было помещено в центральной части сооружения, на поверхности древнего горизонта и сожжено вместе с постройкой.

В древности захоронение было ограблено.

Курган 26 (Рис. 5) расположен в середине центральной группы, к югу от кургана 23. Насыпь слабо выделялась рельефом и на современной дневной поверхности смотрелась в виде пятна, почти лишенного растительности, диаметром около 24 м.

Под нижними слоями насыпи, состоявшими из плотного протакыренного бурого суглинка, были расчищены остатки погребальной конструкции, которая была сооружена на поверхности древнего горизонта.

Вначале был вырыт ровик шириной 40 и глубиной 20 см. Он ограничивал подквадратную в плане площадку размерами 240x220 см. Углы этой площадки были направлены по сторонам света. В пределах погребальной камеры прослеживались следы камыша, насланного перед тем, как поместить сюда тело погребасмого.

В 50—80 см от наружного края ровика были зафиксированы столбовые ямки, ряд которых в плане образовывал окружность диаметром около 5 м. Ямки располагались на расстоянии 30—50 см друг от друга. Они имели диаметр 22—24 см при глубине около 20 см. Заполнение ямок состояло из однородной светлой супеси, древесный тлен в них отсутствовал. Они имели только символическое значение, и столбы в них никогда не устанавливались. Внутри погребальной площадки найдены куски глиняной обмазки с отпечатками камыша. Здесь же были обнаружены предметы сопровождающего инвентаря, уцелевшие после ограбления кургана в древности: каменная зернотерка с терочником из гальки (Рис. 6, 7, 8), каменный чашевидный алтарь овальной формы (Рис. 6, 5). На поверхности древнего горизонта находились также мелкие кусочки красной, желтой и белой орга-

нической краски, обломки отдельных человеческих костей, кости животных.

Курган 28 (Рис. 7) располагался в центральной группе, у края возвышенности, к востоку от кургана 26. Насыпь, практически не выделялась рельефом и была обнаружена по лишенному растительности пятну от россыпи измельченного известняка. Диаметр насыпи точно не устанавливается, но, судя по размерам пятна, он составлял не менее 6 м. Под слоем плотного протакыренного суглинка на поверхности погребенной почвы был зафиксирован настил из дерева и камыша, который распространялся на расстояние до 1,5 м от краев могильной ямы. Над могильной ямой слой настила не прослеживался — он был разрушен при ограблении кургана. Впрочем, остатки слоя перекрытия прослеживались в придонной части профиля заполнения ямы. На поверхности настила были найдены мелкие фрагменты кальцинированных костей животных. Другие проявления огня в погребальном обряде не прослеживались.

По форме в плане могильная яма приближалась к прямоугольнику со слегка скругленными углами. Ее размеры по нижнему контуру — 300x225 см. Длинной осью она была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, углами, соответственно — по сторонам света. Глубина могилы — 194 см от поверхности погребенной почвы. Заполнение ее состояло из плотной бурой супеси, перемешанной с галечником. Вблизи стен в заполнении фиксировались слои древесного и камышового тлена — остатки провалившегося перекрытия могилы. В центральной части могилы эти слои были разрушены при ее ограблении.

Захоронение было разрушено грабителями почти полностью. В анатомическом порядке остались лежать лишь кости стоп. Их положение указывает на то, что погребенный лежал головой на запад, с небольшим отклонением к северу. Он был уложен на слой однородной светлой песчаной подсыпки мощностью до 12 см.

Из сопровождающего инвентаря сохранились следующие предметы: каменный чашевидный алтарь овальной формы (Рис. 9, 8), обработанная лопатка барана со следами реальгара на поверхности, каменный пестик — галька со следами реальгара на рабочей части (Рис. 9, 3), бронзовая обкладка из согнутого пополам листа со следами деревянной основы (Рис. 9, 2), клык кабана со следами обработки (Рис. 9, 8), каменная зернотерка (Рис. 9, 7), бронзовая гвоздевидная заклепка (Рис. 9, 4), окатанный кусок сырой глины (Рис. 9, 9). Кусочки реальгара встречались и в заполнении могилы.

Курган 29 (Рис. 8) располагался на восточном краю центральной группы, к юго-востоку от кургана 28. Насыпь слабо выделялась рельефом и представляла собой округлое в плане возвышение с уплощенной вершиной диаметром около 20 м. В центральной

части насыпи с уровня дневной поверхности прослеживались следы грабительской ямы в виде воронки диаметром около 6 м. Воронка была заполнена слоистой светлой плотной супесью затечно-надувного происхождения.

Вокруг могильной ямы был вырыт прерывистый округлый в плане ров шириной до 60 см и глубиной до 40 см от поверхности материка.

По форме в плане могильная яма приближалась к широкому четырехугольнику со скругленными углами, с размерами 320x270 см. Длинной осью она была ориентирована меридионально. Глубина — 180 см от поверхности погребенной почвы. Заполнение могилы в центральной части состояло из плотной светлой супеси, а в придонной — из бурой супеси, перемешанной с комками материкового суглинка, с включениями тлена от камыша, коры и веток. Вблизи стен погребальной камеры прослеживались спускающиеся с поверхности погребенной почвы слои древесного тлена от веток и коры. В центральной части заполнения эти слои отсутствовали — они были уничтожены при ограблении могилы.

Вдоль периметра стен ямы, в дне ее были пробиты канавки глубиной и шириной около 60 см. Они образовывали "ложе", на поверхности которого лежало тело погребенного. "Ложе" было прямоугольной в плане формы с размерами 230x210 см, длинной осью направлено меридионально. Северо-западный и юго-западный углы "ложа" были пробиты незамкнутыми с наружной стороны столбовыми ямками.

При ограблении могилы в наибольшей степени пострадала юго-восточная часть "ложа". Кости скелета погребенного были сброшены в юго-восточную канавку. Среди них был найден костяной нож со сквозным отверстием в верхней части рукояти (Рис. 9, 5), два фрагмента керамики. Вблизи северо-западного угла канавки — конусовидная накладка из бронзово-латочка с волнистыми краями (Рис. 9, 1).

Стратиграфические наблюдения показали, что после погребения, дневная поверхность над ямой была перекрыта камышом. Поверх камыша была сделана подсыпка из супеси, перемешанной с измельченным известняком, которая, в свою очередь, была выстлана деревом и корой.

Курган 30 расположен в центральной группе, у края возвышенности, к востоку от кургана 29. Насыпь не выделялась рельефом, и место захоронения было обнаружено по пятну, свободному от растительности и усыпанному россыпью измельченного известняка. Диаметр насыпи не устанавливается. Нижние ее слои состояли из светлой плотной супеси. Под насыпью были обнаружены остатки погребального сооружения, устроенного на поверхности древнего горизонта. Сооружение представляло собой имитацию столбовой конструкции. Тридцать две ямки диаметром 20—25 см и глубиной до 30 см образовывали прямоугольную в плане фигуру размерами

460x420 см. Длинная ось ее была направлена по линии северо-запад — юго-восток. С юго-западной стороны пара столбовых ям выступала за пределы основного контура и обозначала вход. Внутри образовавшейся площадки четыре столбовых ямы большего диаметра (до 40 см) отмечали углы погребальной камеры. Заполнение столбовых ям состояло из желтой светлой супеси материкового происхождения и не содержало никаких остатков древесины.

Поверхность погребенной почвы внутри погребальной камеры была выстлана слоем коры и камыша. Этот слой перекрывал площадь столбовых ям, что лишнее раз свидетельствует об их символическом назначении. В юго-восточной части камеры, в слое камыша были расчищены обломки костей человеческого скелета.

Здесь же были найдены вещи, оставшиеся после ограбления кургана в древности: фрагменты венчиков и стенок четырех лепных сосудов (два из них — явно случайного происхождения); костяной двухлопастной, черешковый, четырехгранный в сечении наконечник стрелы (Рис. 11, 1), бронзовый листовидный, с выступающей втулкой (Рис. 11, 2) и бронзовый трехлопастной черешковый (Рис. 11, 3); зеленая пастовая бусина (Рис. 9, 4).

Курган 31 (Рис. 10) был расположен на южном краю центральной группы, к юго-востоку от кургана 30. Насыпь смотрелась в виде овального в плане возвышения диаметром около 14 м и в основе своей состояла из светлой супеси, перемешанной с мелкой галькой.

Под насыпью была обнаружена могильная яма трапециевидной в плане формы. По нижнему контуру она имела размеры 210x310x230x230 см и длинной своей осью была ориентирована широтно. Глубина могилы — 140 см от поверхности погребенной почвы. Верхние слои заполнения ямы состояли из плотной слоистой светлой супеси затечно-надувного характера. В этих слоях заполнения была найдена золотая бляшка-накладка в виде фигурки стоящего льва (Рис. 12, 2) и обломок железного однолезвийного ножа. Ниже прослеживался слой древесного тлена мощностью до 8—10 см, а под ним — серая супесь, перемешанная с комками материкового суглинка.

В полу погребальной камеры, по ее углам располагались округлые в плане ямки диаметром до 40 см и глубиной до 55 см. Их заполнение состояло из однородной светлой супеси, без следов древесного тлена. Таким образом, угловые ямки лишь имитировали наличие деревянной конструкции.

На дне погребальной камеры был расчищен полуразрушенный скелет человека. В неповрежденном состоянии сохранились кости таза и нижних конечностей, а также кисти рук. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. На дне ямы лежали предметы конской упряжи, выполненные из бронзы: колечко (Рис. 12, 3), фигурная пряжка с двумя про-

резьями (Рис. 12, 1) и бронзовая застежка от колчана с округлыми окончаниями и перетяжкой в центре (Рис. 12, 4).

Могильная яма на уровне поверхности древнего горизонта была перекрыта деревом. Захоронение было ограблено в древности.

Курган 32 (Рис. 13) располагался в южной части центральной группы и до раскопок представлял собой округлое в плане расплывшееся возвышение с уплощенной поверхностью, диаметром 18—20 м. В центральной части насыпи с уровня дневной поверхности фиксировалась округлая в плане западина — след грабительского входа. Верхние слои грабительской ямы состояли из плотной слоистой, затечной по характеру светлой супеси.

Могильная яма по форме в плане приближалась к неправильному четырехугольнику. Ее основные габариты по нижнему контуру — 500x412 см, глубина — 160 см от поверхности погребенной почвы. Длинная ось ямы была направлена широтно. Заполнение могилы состояло из светлой супеси с прослойками измельченного известняка.

Яму на уровне поверхности погребенной почвы окружал земляной кольцевидный валик, состоявший из светлой супеси, перемешанной с измельченным известняком. Стены ямы и вал были покрыты слоем древесного тлена — остатками деревянного перекрытия погребальной камеры.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 50—60 см и глубиной 36—55 см. Между ними находились 4 столбовые ямки меньшего диаметра (20—30 см), глубиной до 20 см. В каждой из них были обнаружены следы древесного тлена, а в центре образованной ими площадки были расчищены остатки деревянных жердей диаметром 5—8 см, лежащих на слое коры, которой было выстлано дно могилы. Здесь же располагались кости полуразрушенного человеческого скелета.

В анатомическом порядке сохранились лишь кости нижних конечностей. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, со слегка согнутой левой ногой, головой на запад, с небольшим отклонением к югу.

Среди разбросанных грабителями костей скелета были найдены фрагменты лепного чайникообразного сосуда с трубчатым носиком (Рис. 14, 28), каменный осколок с отверстием для подвешивания (Рис. 14, 35), обломок железного предмета, скорее всего — кинжала и бронзовые наконечники стрел, среди которых присутствовали следующие формы: втульчатые базисные, ромбические в сечении (Рис. 14, 1-4), двухлопастной с выступающей втулкой (Рис. 14, 5), черешковые четырехлопастные (Рис. 14, 6,7), черешковые трехлопастные с различными формами головок (Рис. 14, 8-27), черешковые с трехгранной в сечении головкой (Рис. 14, 28-34).

Скопление разнотипных бронзовых наконечников стрел (33 шт.) было обнаружено вблизи края северо-западной столбовой ямки. Они лежали остриями на запад и, очевидно, находились в колчане, который мог быть прислонен к столбу перекрытия погребальной камеры. Среди наконечников 21 черешковый трехлопастной, 5 черешковых трехгранных, два черешковых двухлопастных, 4 втульчатых четырехгранных со скрытой втулкой, 1 втульчатый двухлопастной с выступающей втулкой. В заполнении могилы зафиксированы отдельные кости овцы.

Курган 34 (Рис. 15) располагался в южной части центральной группы, к югу от кургана 32. Насыпь хорошо выделялась рельефом и имела диаметр около 40 м. Основу насыпи составляла светлая супесь. Центральная часть насыпи была разрушена грабительским входом, следы которого прослеживались в виде округлой в плане западины.

По форме в плане могильная яма приближалась к квадрату с размерами 290x290 см по нижнему контуру. Глубина могилы — 200 см от поверхности погребенной почвы. Углами яма была ориентирована по сторонам света. В углах погребальной камеры располагались округлые в плане ямки диаметром 40—44 см и глубиной 40—50 см. Их заполнение состояло из однородной светлой супеси. Следы древесного тлена в заполнении полностью отсутствовали, следовательно, столбы в них не устанавливались.

Перед захоронением на полу камеры была сооружена деревянная решетка, поверх которой был уложен слой камыша. Тело погребенного лежало поверх этого слоя.

Верхняя часть скелета была полностью разрушена при ограблении могилы в древности, но кости нижних конечностей сохранились в неповрежденном состоянии. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине, головой на юго-запад, с вытянутыми ногами.

Из сопровождающего инвентаря не уцелело ничего, кроме фрагментов железного предмета неопределимой формы.

Погребальная камера на уровне древнего горизонта была перекрыта деревом, от которого сохранился слой тлена мощностью до 5 см. Этот слой спустился непосредственно на дно камеры, что может свидетельствовать о том, что могила была ограблена в то время, когда перекрытие еще держалось.

Вокруг ямы и на слое деревянного перекрытия фиксировались мелкие кальцинированные фрагменты костей животных.

Курган 36 (Рис. 16) располагался на северном краю центральной группы, вблизи среза возвышенности. Насыпь не выделялась рельефом, и месторасположение могильной ямы было обнаружено по пятну, лишенному растительности.

По форме в плане могильная яма приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, ориентированному меридионально. Габариты ямы по нижнему контуру — 298x270 см, глубина — 100 см от поверхности погребенной почвы. Заполнение ямы состояло из светлой плотной супеси. В толще заполнения прослеживались два слоя органического тлена мощностью до 8 см. Верхний (с остатками древесины) спускался с уровня поверхности погребенной почвы и не достигал дна, а нижний (камышовый тлен) лежал на стенках ямы и непосредственно на ее дне. В центральной части ямы верхний слой тлена был разрушен при ограблении могилы в древности.

По углам погребальной камеры располагались четыре ямки диаметром до 30 см и глубиной от 26 до 40 см. Заполнение их состояло из однородной светлой супеси, не содержащей остатков древесины. Это позволяет предполагать, что ямки не имели функционального назначения и являлись чисто ритуальными. На полу камеры прослеживались остатки деревянной решетки из жердей.

В погребальной камере было совершено трупоположение, после чего на уровне древнего горизонта она была перекрыта деревом. Перед захоронением стенки и дно ямы были устланы слоем камыша.

При ограблении могилы захоронение было почти полностью разрушено. В заполнении ямы было найдено пять мелких бирюзовых бусин (Рис. 18, 3-7), фрагменты железного ножа (Рис. 18, 10) и круглого в сечении железного предмета (Рис. 18, 11). На полу, вблизи северо-западной угловой ямки лежали фрагменты двух лепных сосудов, которые удалось полностью восстановить. Это два кувшина, один из которых с высоким узким горлом и раздутым туловом (Рис. 18, 1); второй — близкий к грушевидной форме с одной лепной вертикально расположенной, петельчатой, круглой в сечении ручкой (Рис. 18, 2).

Около юго-восточной ямки лежали бронзовые детали конской упряжи. Среди них клювовидной формы пронызы для перекрестия ремней уздечки, украшенные растительным орнаментом (Рис. 17, 1-4), клювовидный в профиль, с петелькой в верхней части бронзовый колокольчик со множеством специально сделанных отверстий (Рис. 17, 8), бронзовая дисковидная накладка на ремень уздечки с грибовидной изнаночной заклепкой (Рис. 17, 7), бронзовые, овальной формы подпружные пряжки. Одна из них имела на лицевой стороне выступ в виде копытца (Рис. 17, 11, 12). У самого края этой же ямки находились *in situ* нетронутые грабителями вещи: бронзовое зеркало с бортиком по краю и ручкой-петелькой в центре диска (Рис. 18, 8), под ним — бронзовые двухдырчатые, с центральной петлей псалии и строгие удила со стремевидными окончаниями и упором (Рис. 17, 9). Рядом располагалась каменная зернотерка со следами реальгара на рабочей поверхности (Рис. 18, 15), и каменный пестик для растирания краски (Рис. 18, 14), следы которой сохранились на

его рабочей поверхности. Здесь же было найдено глиняное конусовидное пряслице (Рис. 17, 10) и железная цилиндрическая проныза (Рис. 17, 6).

Курган 37 (Рис. 19, 20) находился в северной части центральной группы, к югу от кургана 36, вблизи среза возвышенности. Насыпь практически, не выделялась рельефом, и местоположение могильной ямы было обнаружено по пятну от слабо интенсивной растительности. По форме в плане могильная яма приближалась к квадрату со сторонами 255x250 см. Углами она была ориентирована по сторонам света. Глубина могилы — 200 см от поверхности погребенной почвы.

По углам погребальной камеры располагались ямки округлой в плане формы диаметром 12—23 см и глубиной от 16 до 24 см. Их заполнение состояло из светлой супеси, содержащей вкрапления угля и древесного тлена. Малая интенсивность этих вкраплений не позволяет уверенно утверждать, что в ямах действительно были установлены столбы. Скорее всего, они не имели функционального назначения.

Несмотря на то, что заполнение могильной ямы было потревожено грабителями, удалось проследить детали конструкции перекрытия погребальной камеры. Оно состояло из двух рядов деревянных балок. Нижний ряд был сложен из четырех таких балок, уложенных на поверхность древнего горизонта в широтном направлении. Затем под углом к балкам нижнего ряда были уложены аналогичные, а поверх них — хворост.

Погребенный лежал на подстилке из камыша. В неповрежденном состоянии остались только берцовые кости. Судя по их положению, погребенный лежал головой на юго-запад-запад.

После того, как тело умершего было помещено в погребальную камеру, она была перекрыта деревянной конструкцией из балок и хвороста, а затем перекрытие подожгли. При этом некоторые кости скелета обгорели. Это свидетельствует о том, что засыпку погребальной камеры производили только после того, как перекрытие полностью или частично сгорело.

Зачистка поверхности погребенной почвы показала, что вокруг ямы, по кольцу был уложен хворост. Диаметр этого кольца составлял около 7 м, а ширина его — 30—40 см. Этот хворост также был подожжен, но интенсивность его горения на разных участках кольца была неодинаковой.

В заполнении погребальной камеры и на ее дне были найдены оставленные грабителями предметы сопровождающего инвентаря: фрагменты лепного сосуда, обломки железного однолезвийного ножа (Рис. 18, 9), бронзовые фигурные пронызы (Рис. 24, 1, 3), бронзовый черешковый трехлопастной наконечник стрелы (Рис. 24, 2).

Курган 40 (Рис. 21) располагался в северной части южной группы. Насыпь почти не выделялась рельефом, и диаметр ее не устанавливался. В пред-

полагаемом центре насыпи фиксировалась впадина, обозначающая следы грабительского входа. Ее заполнение состояло из серой слоистой супеси затечно-надувного характера и — ниже — светлой супеси, перемешанной с измельченным известняком, вкраплениями мелких угольков, древесного тлена и крошкой от кальцинированных костей. На поверхности погребенной почвы, к северу от могильной ямы были найдены фрагменты лепной керамики.

Могильная яма имела подпрямоугольную в плане форму, с сильно скругленными углами. Длинной осью она была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ее габариты по нижнему контуру — 260x190 см, глубина — 170 см от поверхности погребенной почвы. Заполнение ямы в придонной части состояло из светлой супеси, перемешанной с комками материкового суглинка. В толще заполнения прослеживался слой древесного тлена мощностью до 8 см, который спускался со стен и в центральной части погребальной камеры фиксировался непосредственно на дне.

По углам погребальной камеры располагались четыре овальные в плане ямки размерами 40x30 см и глубиной до 32—40 см. Заполнение ямок состояло из серой рыхлой супеси с вкраплениями древесного тлена. На уровне поверхности погребенной почвы могильная яма была перекрыта деревянными плашками, поверх которых лежал камышовый настил. Слой растительной подстилки фиксировался непосредственно на дне камеры, а под ним прослеживались остатки деревянной решетки.

При ограблении могилы в древности кости скелета были сдвинуты в северо-западный угол ямы. Из сопровождающего инвентаря после ограбления сохранились: каменный жертвенник клювовидной формы (Рис. 22, 6), бронзовое зеркало с бортиком и центральной ручкой-петелькой (Рис. 22, 1), фрагменты лепного сосуда, который удалось реставрировать — кувшин с грушевидным туловом, без ручек (Рис. 22, 5). Примечательно, что все эти предметы были найдены в площади западной угловой ямки.

В центральной части камеры, на ее дне были найдены: железный однолезвийный нож без выделенной рукояти и обломок железного браслета, а вблизи западной стенки — предметы конской упряжи. Среди них — бронзовые трехдырчатые псалии с лопаточковидными окончаниями (Рис. 22, 10), бронзовые стремевидные удила с дополнительным отверстием (Рис. 22, 8) и две кольцевидной формы подпружные пряжки, украшенные в верхней части сильно стилизованным изображением зверя, скорее всего — льва (Рис. 22, 18, 19).

Найденные там же бронзовые бусы (140 шт.) также служили украшением конской сбруи (Рис. 22, 7, 15). К ремням уздечки имели отношение четыре бронзовые накладки с дисковидными головками и выгнутыми поверхностями. Две из них имели изначенную петельку (Рис. 22, 4, 17), а другие — грибовидную ножку (Рис. 22, 2, 16). Еще одна бронзовая

накладка имела брусковидную форму и грибовидную ножку (Рис. 22, 9). Пронизи для перекрестия ремней уздечки представлены различными типами — столбиками с выгнутыми верхними плоскостями и четырьмя боковыми отверстиями (Рис. 22, 11, 13) и цилиндром с петелькой (Рис. 22, 14). В состав уздечки входила также бронзовая колоколовидная ворворка (Рис. 22, 3). Здесь же лежало глиняное пряслице конической формы (Рис. 22, 12).

Характер заполнения угловых ямок, находки в пределах одной из них вещевого инвентаря позволяют предполагать имитацию столбовой конструкции.

Курган 42 (Рис. 23) располагался в северной части южной группы, к югу от кургана 40. Насыпь рельефом не выделялась, и место захоронения обозначало пятно на дневной поверхности, свободное от растительности. При зачистке поверхности древнего горизонта под этим пятном были выявлены следы горения, образующие в плане кольцо с перемычкой с западной стороны. Ширина перемычки — 250 см. Размеры кольца по внутреннему контуру 420x325 см, вытянуто оно было в широтном направлении.

В центре образованной кольцом площадки находилась могильная яма. Ее восточная стенка была прорезана грабительской траншеей. Заполнение ямы состояло из желтой супеси, насыщенной прослойками от продуктов горения. Горелые слои мощностью 10-30 см выклинивались на поверхность погребенной почвы вокруг бортов ямы. Погребальная камера по форме в плане приближалась к кругу с диаметром 260—280 см. Ее глубина — 155 см от поверхности погребенной почвы. В дне погребальной камеры, вдоль периметра ее стен располагались 10 столбовых ямок диаметром 19—25 см и глубиной от 22 до 28 см. Заполнение их состояло из светлой супеси, перемешанной с интенсивными включениями угля и древесного тлена. По полу камеры фиксировались горелые куски дерева — остатки столбов, поддерживавших перекрытие. Таким образом, погребальное сооружение имело деревянное перекрытие, которое покоилось на десяти опорных столбах. После того, как тело погребенного было помещено в яму, деревянную конструкцию сожгли.

После ограбления кургана в древности у восточной стенки могильной ямы сохранились бронзовые черешковые трехлопастные наконечники стрел (Рис. 25, 1, 2, 5, 6), некоторые предметы конской упряжи, в том числе, бронзовые строгие удила со стремевидными окончаниями и утопленной планкой (Рис. 25, 7), бронзовое колечко (Рис. 25, 3) и бронзовая пронизь для перекрестия ремней клювовидной в плане формы, с четырьмя боковыми отверстиями (Рис. 25, 4).

Ни на дне камеры, ни в ее заполнении не были зафиксированы следы подстилки. Не было обнаружено также никаких следов скелета.

Курган 44 (Рис. 26) был расположен в средней части центральной группы к югу от кургана 42. На-

сыпь кургана диаметром около 13 м и высотой 15—20 см над уровнем современной дневной поверхности слабо выделялась рельефом.

Под насыпью находилась могильная яма, которая по форме в плане приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, ориентированными по сторонам света. Основные габариты ямы 400х380 см, глубина — 180 см от поверхности погребенной почвы. По углам погребальной камеры располагались четыре ямки округлой в плане формы диаметром 48—50 см и глубиной до 35 см. Их заполнение состояло из однородной желтой супеси, в которой отсутствовали следы древесины, что позволяет предполагать чисто ритуальное, не функциональное назначение этих ямок.

Могила была ограблена в древности, но на полу ее удалось все же проследить остатки деревянных плашек, образующих в плане решетку, поверх которой была настелена камышовая циновка — подстилка для тела погребенного. Циновка перекрывала площадь угловых ямок, что лишний раз свидетельствует о том, что они только имитировали деревянное сооружение. Слои дерева и камыша, прослеженные в заполнении погребальной камеры и на поверхности древнего горизонта вблизи ее бортов, свидетельствуют о том, что незасыпанная могильная яма была перекрыта деревом и камышом.

В процессе ограбления большая часть костей скелета погребенного была выброшена из ямы, но в северном углу ее, вне пределов контуров грабительского лаза, были найдены бронзовые предметы конской упряжи. В их числе — бронзовые удила с прямоугольным окончанием и упором и бронзовые трубчатые трехдырчатые псалии, у которых среднее отверстие заменено прямоугольной скобой, расположенной в плоскости, перпендикулярной двум другим отверстиям (Рис. 27, 2). Кроме того, пара однотипных бронзовых пронизей для перекрестия ремней уздечки; низкоцилиндрические, с выгнутой поверхностью и четырьмя боковыми отверстиями (Рис. 27, 4,5), бронзовые дисковидные накладки на ремень уздечки с выгнутой поверхностью; одна — с изнаночной петелькой (Рис. 27, 8), другая — с грибовидной ножкой (Рис. 27, 6). У третьей (Рис. 22, 7) деталь крепления не сохранилась. В комплекс входили также пара бронзовых подпружных пряжек кольцевидной формы, с выступом, имеющим прорезь. Одна из них на лицевой поверхности имела кнопку для крепления подпружного ремня в виде копытца (Рис. 27, 1,2). В северной угловой ямке лежал вверх дном каменный жертвенник овальной формы (Рис. 27, 9).

Следы применения огня в кургане отсутствуют.

Курган 45 (Рис. 28) располагался в средней части южной группы, у края возвышенности, к востоку от кургана 44. На современной дневной поверхности насыпь, не имеющая выраженного рельефа, смотрелась в виде пятна, лишенного растительности и усы-

панного измельченным известняком. Диаметр пятна составлял около 19—20 м. При зачистке поверхности под насыпью кургана были найдены фрагменты лепного сосуда, угольки, крупинки реалгара.

По форме в плане могильная яма приближалась к квадрату с сильно скругленными углами, ориентированными по сторонам света. Габариты могильной ямы 380х370 см, глубина — 210 см от поверхности погребенной почвы. В заполнении были найдены три бронзовые бусины от уздечки.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 25—30 см и глубиной от 25 до 35 см. Их заполнение состояло из однородной светлой супеси и не содержало никаких остатков древесины, что предполагает их чисто ритуальное, конструктивно не функциональное назначение.

В толще заполнения ямы, которое было представлено, в основном, светлой супесью, перемешанной с мелким гравием, прослеживались прослойки древесного тлена. После того, как тело погребенного было помещено в камеру, она была перекрыта деревом на уровне поверхности древнего горизонта. Перекрытие состояло из деревянных жердей и слоя коры. После того, как перекрытие рухнуло, могила была ограблена.

В процессе ограбления верхняя часть скелета погребенного была полностью разрушена, но кости нижних конечностей остались в неповрежденном состоянии. Их положение указывает на то, что погребенный был уложен на спину, головой на юго-запад.

В северо-западном углу погребальной камеры были найдены 45 бронзовых бусин (Рис. 30, 8), аналогичных тем, что были встречены в заполнении могилы. Основная же масса находок была сделана вблизи западной угловой ямки. В составе сопровождающего инвентаря было бронзовое зеркало с бортиком и центральной ручкой-петелькой (Рис. 29, 9), бронзовые строгие стремевидные удила (Рис. 30, 2) и роговые трехдырчатые псалии (Рис. 30, 1,5), разнообразные детали конской упряжи из бронзы. Среди них отметим две подпружные пряжки (Рис. 30, 3,4), каждая из которых была увенчана сверху фигурой лежащего льва, бронзовые пронизи для перекрестия ремней уздечки (Рис. 30, 6,7), бронзовую накладку с грибовидной шляпкой и изнаночной петлей (Рис. 30, 9). Поверх зеркала лежал каменный ослол со сквозным отверстием для подвешивания, (Рис. 29, 7), а над ним — три накладки из золотой фольги с изображением лежащего льва (Рис. 29, 1-3). Вместе с ними — фрагмент золотой накладки в виде фигуры кошачьего хищника, на туловище которого были изображены олени в жертвенной позе (Рис. 29, 10). Здесь же находился овальный каменный жертвенник с четырьмя ножками-выступами (Рис. 29, 6), со следами темно-коричневой краски на внутренней поверхности и глиняное пряслице (Рис. 29, 8).

Ближе к восточной стенке камеры лежал однолезвийный железный нож с выделенной рукоятью (Рис. 29, 5). Среди разбросанных в беспорядке кос-

той человеческого скелета была найдена еще одна накладка из золотой фольги с изображением льва, стилистически близкая трем предыдущим (Рис. 29, 4). В ногах погребенного лежал каменный чашевидный алтарик овальной формы, с плоским дном и следами реалгара на внутренней поверхности (Рис. 29, 11). На полу, в центральной части камеры был найден кусочек мела с преднамеренно сглаженными краями.

Курган 46 был расположен в центральной части южной группы, к югу от кургана 44. Основание насыпи покоилось на естественном песчаном возвышении, но сама насыпь не имела выраженного рельефа, и погребение было обнаружено по белесому пятну от россыпи измельченного гравия. Диаметр насыпи не определяется.

Могильная яма подквадратной в плане формы имела размеры по нижнему контуру 375x360 см, глубину 105 см от поверхности погребенной почвы и углами была ориентирована по сторонам света. Придонная часть заполнения могилы состояла из светлой супеси. В центральной части ямы верхние слои заполнения были представлены серой плотной слоистой супесью, перемешанной с измельченным известняком — затянутый грабительский ход. Грабительская яма прорезала в центре слой древесного тлена мощностью до 8 см, который спускался от поверхности древнего горизонта в направлении дна, но не достигал пола погребальной камеры — остатки перекрытия могилы на уровне древней поверхности.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром до 40 см и глубиной 20 см. Их заполнение состояло из однородной светлой супеси, без каких бы то ни было следов древесины — ямки не имели конструктивно функционального назначения.

В погребальной камере было совершено трупоположение, после чего она была перекрыта настилом из дерева и коры на уровне древнего горизонта. Захоронение было полностью разграблено и разрушено. От скелета захороненного в непо потревоженном состоянии остались лишь кости стоп, которые указывают на то, что погребенный лежал головой на северо-запад.

Из инвентаря сохранились фрагменты лепного сосуда с туловом грушевидной формы и прямым венчиком (Рис. 31, 1), 10 бронзовых наконечников стрел, среди которых — 9 трехлопастных и один трехгранный (Рис. 31, 2-13), железный однолезвийный нож (Рис. 31, 6), бронзовые детали конской упряжи, в том числе, 20 бронзовых пронизок (Рис. 31, 14) и бронзовое украшение ремня уздечки в виде грибовидной шляпки с изнаночной петлей (Рис. 31, 1), фрагмент неопределимого предмета из железа (Рис. 31, 5), бронзовая подвеска в виде стилизованного изображения головы кабана (Рис. 31, 15).

Курган 47 (Рис. 32) был расположен в средней части южной группы, у края возвышенности, к востоку от кургана 46. Насыпь кургана не имела выраженного рельефа, и на современной дневной поверхности она была обозначена пятном, лишенным растительности. Диаметр пятна — около 17 м. При зачистке поверхности древнего горизонта у северного и восточного края предполагаемой насыпи были зафиксированы горелые пятна от костров округлой в плане формы, диаметром около 30 см. В северо-восточном секторе на поверхности погребенной почвы были найдены мелкие фрагменты лепной керамики, а сама поверхность была покрыта здесь угольками и древесным тленом от прутьев. С поверхности насыпи прослеживался грабительский вход подпрямоугольной в плане формы с размерами 380x270 см, длинной осью направленной по линии северо-восток — юго-запад. В заполнении грабительской ямы встречались фрагменты костей.

Нижний контур погребальной камеры по форме в плане приближается к прямоугольнику со скругленными углами и с основными размерами 320x280 см. Глубина ямы 210 см от поверхности погребенной почвы. Углами она была ориентирована по сторонам света.

В углах погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром около 30 см и глубиной 40—45 см. Они были заполнены однородной желтой супесью, которая не сохранила следов древесины — столбовая конструкция перекрытия отсутствовала.

На дне погребальной камеры и вблизи от ее стенок фиксировались деревянные плашки. Одна из них имела длину до 150 см при диаметре 12 см.

Скелет погребенного был разрушен при ограблении кургана, но кости нижних конечностей остались непо потревоженными. Их положение указывает на то, что погребенный лежал на спине, головой на юго-восток. Из сопровождающего инвентаря сохранились поделки из кости (Рис. 33, 6,7,9), каменный (песчаниковый) оселок прямоугольной формы с отверстием для подвешивания (Рис. 33, 3), бирюзовая бусина цилиндрической формы (Рис. 33, 4), каменный пестик (Рис. 33, 2), фрагменты лепного кувшинообразного сосуда с грушевидным туловом, форму которого удалось восстановить (Рис. 33, 1), фрагмент глиняного пряслица (Рис. 33, 5), обломок трехдырчатого рогового палия (Рис. 33, 8).

На дне погребальной камеры фиксировались следы циновки из камыша, на которую было уложено тело погребенного.

Курган 48 (Рис. 34) был расположен в средней части южной группы, вблизи края возвышенности, к югу от кургана 47. Место захоронения было отмечено округлой в плане впадиной на современной дневной поверхности диаметром около 5 м и глубиной до 8 см от уровня дневной поверхности. Впадина являлась следом от грабительского входа, который вел в

могильную яму. По форме она приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, с размерами 370x250 см. Глубина могилы — 195 см от поверхности погребенной почвы, длинной осью она была направлена широтно с очень небольшим отклонением. Заполнение могильной ямы, представленное в основе своей рыхлой супесью, было насыщено прослойками угля, золы, горелого камыша и древесного тлена. В заполнении были найдены фрагменты лепного сосуда и обломки кальцинированных костей. В толще заполнения попадались также куски деревянных жердей диаметром 13—15 см, перекрытых сверху слоем горелого камыша.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром до 50 см и глубиной до 20 см. Они были заполнены светлой супесью с включениями мелких фрагментов керамики и костей. Никаких следов дерева в заполнении угловых ямок не было обнаружено, и это позволяет предполагать, что они лишь имитировали столбовую конструкцию.

На полу погребальной камеры, покрытом камышовой циновкой, были найдены разрозненные обломки человеческих костей, фрагменты лепной керамики, биметаллический (из бронзы и железа) предмет неясного назначения, скорее всего, деталь конской упряжи (Рис. 36, 1).

Стратиграфия могильной ямы свидетельствует о том, что она была перекрыта на уровне древнего горизонта деревянными плахами, ветками и камышом. После того, как тело погребаемого было помещено в могилу, перекрытие было сожжено. Курган ограблен в древности.

Курган 49 (Рис. 35) был расположен в средней части южной группы, к западу от кургана 48. Насыпь не выделялась хорошо выраженным рельефом и определялась в виде пятна, свободного от растительности. Предполагаемый диаметр насыпи — около 16 м. Под центральной частью насыпи располагалась могильная яма подпрямоугольной в плане формы с размерами 330x290 см, глубиной 185 см от поверхности погребенной почвы. Углами она была ориентирована по сторонам света. Заполнение ямы состояло почти целиком из плотной серой супеси затечно-надувного характера, с вкраплениями мелких угольков и крошки кальцинированных костей.

В углах погребальной камеры располагались округлые в плане ямки диаметром 30—32 см и глубиной около 40 см. Они были заполнены желтой супесью. Следы древесины в заполнении не прослеживались. Это позволяет предполагать, что ямки не имели прямого отношения к конструкции перекрытия могилы.

Перед погребением на дно ямы были уложены параллельно четыре деревянные плашки диаметром около 8 см, поверх которых постелена камышовая циновка, на которую и был уложен погребенный.

Верхняя часть скелета была полностью разрушена при ограблении кургана. Однако, кости нижних конечностей остались непо потревоженными. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на юго-запад.

На уровне поверхности погребенной почвы могильная яма была перекрыта корой и слоем камыша, которые не несут следов горения. Остатков жердей или плах не найдено. Возможно, что слой коры и камыша перекрывал заполнение могильной ямы.

Остатки сопровождающего инвентаря были разбросаны по всей площади дна погребальной камеры. Здесь были найдены: лопатка животного со следами красной краски, обломки железных однолезвийных ножей (Рис. 36, 11-13), лепной сосуд с двумя ручками, каменный чашевидный жертвенник овальной формы (Рис. 36, 14); предметы из бронзы, имеющие отношение к конской упряжи: бронзовые подпружные пряжки листовидной формы (одна с наружной кнопкой), украшенные штампованным геометрическим орнаментом (Рис. 36, 15-17), бронзовая накладка на ремень грибовидной формы, поверхность которой была орнаментирована аналогичным образом (Рис. 36, 16), бронзовые пронызы для перекрестия ремней с выгнутой верхней плоскостью и четырьмя боковыми отверстиями (Рис. 36, 4, 5), бронзовые украшения ремней уздечки с грибовидными шляпками и изнаночными петлями или ножками (Рис. 36, 2, 3, 6, 7), фрагмент глиняного пряслица конической формы (Рис. 36, 9), обработанный камень, возможно — пес-тик для растирания краски, два клыка животных (Рис. 36, 8, 10).

Курган 50 (Рис. 37) был расположен в средней части южной группы, к югу от кургана 49. Насыпь рельефом не выделялась и смотрелась на современной дневной поверхности в виде округлого в плане пятна, свободного от растительности, диаметром около 8 м.

По форме в плане могильная яма приближается к прямоугольнику со скругленными углами, с размерами 262x180 см, глубина — 216 см от поверхности погребенной почвы. Углами она была ориентирована по сторонам света. Борта могилы были разбиты при ограблении кургана. Заполнение ямы состояло, в основном, из серой плотной супеси затечно-надувного характера.

В углах погребальной камеры располагались четыре ямки неправильной формы диаметром 12—40 см и глубиной всего 5—12 см. Заполнение их состояло из однородной желтой супеси. Следов древесины в ней не отмечено. Ямки не имели отношения к конструкции перекрытия могилы и лишь имитировали эту конструкцию.

В процессе ограбления кургана кости скелета были полностью выброшены из могилы. Из предметов сопровождающего инвентаря сохранился каменный жертвенник, глиняное пряслице и фрагменты лепного сосуда, найденные в заполнении ямы.

После того, как тело погребенного было уложено в могилу, она, незасыпанная, была перекрыта на уровне древнего горизонта бревнами, поверх которых устроили настил из коры и камыша. После этого перекрытие было сожжено. Кроме того, вокруг ямы был устроен костер, от которого сохранилась кольцевидная в плане полоса следов интенсивного горения, шириной от 1 до 1,5 м.

Курган 51 (Рис. 38) был расположен в средней части южной группы, к западу от кургана 50. До раскопок насыпь высотой около 40 см и диаметром около 12 м хорошо выделялась своим рельефом на современной дневной поверхности. Она состояла из желтовато-коричневой супеси, перемешанной с галькой.

Под насыпью находилась могильная яма подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами размерами 285x218 см, глубиной 178 см от поверхности погребенной почвы. Длинной осью яма была ориентирована широтно, с небольшим отклонением. Заполнение ямы в верхней части состояло из плотной коричневой супеси затечно-надувного характера, а в нижней — из более рыхлой коричневой супеси, перемешанной с галькой.

По четырем углам погребальной камеры располагались ямки неправильной подовальной в плане формы с размерами 44—68 см, глубиной от 20 до 50 см. Их заполнение состояло из однородной желтой супеси. Остатки древесины в заполнении не прослеживались, а в площади западной ямки была найдена золотая серьга с бирюзовой вставкой (Рис. 40, 9). Все это свидетельствует об отсутствии опорных столбов перекрытия и о том, что угловые ямки не имели функционального назначения.

При ограблении кургана в древности скелет погребенного был почти полностью разрушен. На месте осталась только берцовая кость, по расположению которой можно судить о том, что погребенный лежал головой на запад.

Хорошо сохранившиеся остатки деревянных балок и коры свидетельствуют о том, что сразу после погребения яма не была засыпана. Над ней соорудили перекрытие из бревен, концы которых лежали на поверхности древнего горизонта. Бревна были перекрыты слоем коры.

После ограбления в могиле сохранились некоторые детали конской упряжи и упомянутая выше золотая серьга. В заполнении юго-восточной угловой ямки был найден фрагмент лепного сосуда.

Курган 52 (Рис. 39) был расположен в средней части южной группы, к западу от кургана 51. На поверхности возвышенности насыпь хорошо выделялась своим рельефом. В плане она имела овальную форму с размерами 13x10,5 м. Высота ее над уровнем современной дневной поверхности — около 40 см. Основу насыпи составляла плотная коричневая супесь. В основании насыпи фиксировалась прослойка из камышового тлена, которая, в свою очередь, перекрывала

подсыпку из светлой супеси мощностью до 40 см, которая лежала на поверхности погребенной почвы. Подножие насыпи было окружено кольцевым рвом шириной до 180 см и глубиной 38—40 см. Заполнение рва состояло из коричневой супеси, перемешанной с галькой.

В центре площадки, образующей рвом, располагалась могильная яма, которая по форме в плане приближалась к прямоугольнику со скругленными углами. На уровне поверхности погребенной почвы были обнаружены балки перекрытия погребальной камеры, уложенные перпендикулярно длинной оси могилы. Ее габариты — 260x180 см при глубине 105 см от поверхности погребенной почвы. Длинной осью яма была ориентирована широтно с очень небольшим отклонением. Заполнение ее состояло из серой супеси с карбонатными включениями.

На дне погребальной камеры был расчищен скелет человека, сохранившийся в полном анатомическом порядке. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Под костями скелета были выявлены следы камышовой циновки, которой было выстлано дно погребальной камеры.

В районе правой ключицы были найдены шесть бусин из стеклянной пасты (Рис. 40, 3-8). В головах погребенного стояли два лепных сосуда. Один из них — баночной формы (Рис. 40, 11), другой миниатюрный, с двумя ручками (Рис. 40, 10). В насыпи кургана были найдены два бронзовых наконечника стрел. Оба — черешковые с трехгранной головкой (Рис. 40, 1, 2).

Насыпь кургана 52 была перекрыта насыпью кургана 66, который, следовательно, являлся относительно более поздним.

Курган 53 (Рис. 41) располагался в центральной части южной группы, к западу от кургана 52. Насыпь не выделялась рельефом и была обнаружена по светлому пятну, лишенному растительности и вытянутому в широтном направлении. В юго-западном секторе пятна на дневной поверхности прослеживалась западина — след грабительского входа. Под слоем насыпи, состоявшем из коричневой супеси, перемешанной с галькой, была обнаружена могильная яма, которая по нижнему контуру имела подквадратную в плане форму с размерами 270x240 см. Углами она была ориентирована по сторонам света, а глубина ее составляла 215 см от поверхности погребенной почвы.

К западной стенке погребальной камеры примыкал дромос длиной до 10 м, шириной 1,3—1,5 м, глубиной 65—95 см от поверхности погребенной почвы. Дно дромоса при входе в камеру возвышалось над ее полом на 110 см.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 40—50 см и глубиной от 20 до 28 см. Их заполнение состояло из однородной желтой супеси и не содержало никаких остатков древесины. В площади юго-восточной и северо-западной ямок были сделаны находки вещей, что лишней раз подтверждает факт отсутствия в ям-

ках столбов. Вдоль северной стенки погребальной камеры шел уступ-заплечик шириной 40 см и высотой 15 см от пола камеры. Его сопровождала канавка, вырубленная в полу. Ее ширина 24 см и глубина 10 см.

Западная половина погребальной камеры была разрушена грабительским лазом. На дне камеры, в восточной ее половине были расчищены кости нижних конечностей человеческого скелета и оставшиеся после ограбления могилы в древности некоторые предметы сопровождающего инвентаря.

Погребенный лежал на камышовой циновке, постеленной на полу камеры, на спине, головой на запад, ноги были слегка согнуты в коленях, и колени направлены в стороны ("поза всадника"). Следы камышовой циновки были зафиксированы и на полу той части дромоса, которая примыкала к могильной яме, на два метра от ее края. Сверху кости скелета и предметы сопровождающего инвентаря были перекрыты другой циновкой. Она также перекрывала площадь угловых ямок.

Вблизи южной стенки могильной ямы были найдены многочисленные фрагменты лепного сосуда. Вдоль восточной стенки, в ногах погребенного лежал железный меч (Рис. 44, 5), обращенный рукоятью к югу. Меч имел валютообразное навершие и почковидное перекрестие, которое было украшено золотой (из фольги) накладкой с тисненым стилизованным изображением головы архара (Рис. 44, 4). Клинок находился в деревянных ножнах, украшенных золотыми (из фольги) накладками, украшенными тиснеными изображениями идущих хищников (Рис. 44, 6). Неподалеку была найдена золотая обкладка ворворки, поверхность которой была украшена спиралевидным орнаментом (Рис. 44, 3). Рядом — предмет из железа неясного назначения.

Вдоль северной стенки камеры, в площади канавки располагался деревянный колчан со стрелами. Все наконечники бронзовые, втульчатые трехлопастные, разнотипные, всего — более 50 шт. (Рис. 43). Стрелы были направлены остриями на запад. К колчану имела непосредственное отношение золотая накладка, оформленная в виде фигурки льва, изображенного en face (Рис. 44, 1). Она лежала на месте предполагаемой застежки. Серия однотипных накладок (12 шт.) в виде фигурок идущих львов была найдена в нижней части колчана как с лицевой, так и с тыльной его стороны (Рис. 44, 2). В юго-восточном углу ямы вместе с костями животных лежал плохо сохранившийся и неопределимый предмет из железа (Рис. 54, 55).

Несколько бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел были найдены на поверхности погребенной почвы вблизи бортов ямы и в заполнении дромоса.

В пределах дромоса были обнаружены также остатки бревен, которые могут свидетельствовать о наличии деревянного перекрытия погребальной камеры и дромоса на уровне древнего горизонта.

Курган 54 находился в центральной части южной группы, к югу от кургана 52. Насыпь хорошо выделялась своим рельефом, достигая в высоту 80 см над уровнем поверхности возвышенности. Видимый диаметр насыпи составлял 36—37 м. В основе слогающая ее слоев лежала плотная супесь, перемешанная с галькой. Вокруг подножия насыпи был прослежен кольцевой ров шириной 150—200 см и глубиной 5—6 см. Диаметр площадки, образованной внутренними краями рва составлял 22—25 м. Под насыпью, в центре этой площадки располагалась могильная яма, которая по уровню древнего горизонта была перекрыта слоем камыша, поверх которого лежал слой коры. Эти слои образовывали в плане круг диаметром 10—12 м.

Могильная яма по форме в плане приближалась к прямоугольнику, который по нижнему контуру имел размеры 350x280 см. Глубина погребальной камеры составляла 213 см от поверхности погребенной почвы, а углами она была ориентирована по сторонам света. На поверхности погребенной почвы, в 150—200 см от краев ямы, были найдены орнаментированные фрагменты лепной керамики, которые могут быть датированы эпохой бронзы и, которые попали сюда случайно.

К юго-восточной стенке погребальной камеры подходил дромос, длина которого достигала 12 м при глубине 118 см от поверхности погребенной почвы. На протяжении 7 м от начала пол дромоса, практически, не имел наклона и лишь затем постепенно спускался к борту погребальной камеры так, что перепад высот составил 20—25 см.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 40—45 см при глубине от 40 до 60 см. Заполнение их состояло из темной рыхлой супеси. В двух ямках были зафиксированы следы перегнившего дерева. Вдоль периметра стен, в полу погребальной камеры была пробита канавка глубиной 12—15 см. Она образовывала четырехугольную площадку — "столлик" на котором и было совершенно труположение.

Захоронение было разрушено при ограблении кургана в древности. При ограблении в наибольшей степени пострадала северо-западная часть погребальной камеры. Тем не менее, удалось установить, что погребенный был уложен на камышовую циновку, края которой перекрывали площадь канавки. Судя по положению костей нижних конечностей, которые остались непо потревоженными, погребенный лежал на спине, головой на восток. Ноги были слегка согнуты в коленях, а колени раскинуты в стороны ("поза всадника").

После захоронения яма и дромос не были засыпаны. Их на уровне древнего горизонта перекрыли слоем дерева и камыша. Перекрытие камеры покоилось на четырех опорных столбах, установленных в углах погребальной камеры, а перекрытие дромоса лежало на поверхности. Перекрытие погребальной камеры было присыпано слоем песка мощностью до 30—35 см, по-

верх которого был настелен еще один слой камыша, края которого уходили в ров, окружавший насыпь кургана.

После ограбления камеры из сопровождающего инвентаря уцелели: почти не сохранившаяся рукоять железного меча, втульчатый, четырехгранный в сечении бронзовый наконечник стрелы (Рис. 45, 3), два небольших лепных сосуда грушевидной формы (Рис. 45, 1, 2), две однотипные золотые (из фольги) накладки на концы пояса (Рис. 45, 7), золотая витая проволока, напоминающая пружинку (Рис. 45, 4), зеленые пастовые бусины (Рис. 45, 5), бронзовая втулка (Рис. 45, 8), фрагмент бронзовой пряжки, железный однолезвийный нож с отверстием и невыделенной рукоятью (Рис. 45, 6).

Курган 55 (Рис. 46) был расположен в центральной части южной группы, к востоку от кургана 54, ближе к краю возвышенности. Насыпь имела высоту около 40 см и хорошо выделялась на поверхности своим рельефом. Ее видимый диаметр составлял около 10 м. В основе ее лежала светлая плотная супесь, перемешанная с галькой.

Под насыпью располагалась могильная яма, которая по форме в плане приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, с размерами по нижнему контуру 360х270 см. Глубина могилы 175 см от поверхности погребенной почвы, длинной осью она была ориентирована широтно. На стенках ямы сохранились следы орудия, с помощью которого она была выкопана. Это киркообразный инструмент с рабочей частью шириной около 40 мм. Длина скольжения — 30 см.

По периметру стен погребальной камеры в дне ее была пробита канавка шириной 35—40 и глубиной 10—15 см. Канавка образовывала подпрямоугольное в плане ложе, на поверхности которого и было совершенно труположение. Предварительно на поверхность ложа была сделана подсыпка из песка толщиной 2—3 см. Поверх нее в направлении, поперечном длинной оси ложа были положены параллельно жерди, а поверх них — настил из камыша, на котором и располагалось тело погребенного.

Захоронение было ограблено в древности, и большая часть скелета погребенного была разрушена. Нетронутыми остались кости нижних конечностей и правой руки. Их положение дает основание утверждать, что погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Тело погребенного было присыпано песком, поверх которого был настелен слой камыша и коры толщиной до 5 см. После этого погребальная камера была перекрыта жердями диаметром до 8 см (части их, длиной 60—80 см сохранились в заполнении могилы). Поверх жердей перекрытия был настелен еще один слой камыша и коры, которые распространялись по поверхности древнего горизонта далеко в сторону от могильной ямы. Вокруг ямы, на поверхности погребенной почвы фикси-

ровались мелкие фрагменты кальцинированных костей, угольки, керамическая крошка.

После ограбления в погребальной камере все же остался многочисленный и разнообразный по составу сопровождающий инвентарь. В юго-западном углу ямы — бронзовые цельнолитые удила со стремевидными окончаниями, двудырчатые С-видные псалии (Рис. 47, 9), обломок железного дуговидного предмета (Рис. 47, 12).

Бронзовые наконечники стрел, все втульчатые: 1 листовидный, с выступающей втулкой, 2 с выступающей втулкой и усеченно-ромбической головкой, 3 — со скрытой втулкой, ромбические в сечении. Один наконечник стрелы — бронзовый черешковый, трехлопастной (Рис. 47, 1-7).

Неподалеку, параллельно краю ложа лежала пара бронзовых однолезвийных, слегка изогнутых ножей с невыделенными рукоятями и подтреугольными отверстиями в них. Там же находился рог со следами обработки (Рис. 47, 11). В ногах погребенного располагались разнообразные детали конской упряжи, выполненные из бронзы, в том числе, две парные подпружные пряжки с геральдически расположенными изображениями лошадиных голов. (Рис. 47, 13, 15). Здесь же — крестообразная пронизь для перекрестия ремней уздечки с изображением солярного знака в центре (Рис. 47, 14) и деталь украшения уздечки в виде диска с изнаночной петлей. Поверхность диска была украшена солярным знаком (Рис. 47, 10).

Наконечники стрел, удила с псалиями лежали в пределах канавки, причем стрелы располагались остриями на северо-восток, а ножи были наложены друг на друга, рукоятями в противоположные стороны. Обращает на себя внимание костяной ножичек (?) с невыделенной, но фигурно оформленной рукоятью (Рис. 47, 8).

Курган 56 (Рис. 48) был расположен у самого края возвышенности, в центральной части южной группы, к востоку от кургана 55. Насыпь слабо выделялась рельефом, и на современной поверхности возвышенности место погребения было отмечено округлой в плане западиной диаметром около 6 м — след грабительской ямы. Насыпь состояла из плотной коричневой супеси, перемешанной с мелкой галькой.

Под насыпью находилась могильная яма подпрямоугольной в плане формы с размерами 280х250 см по нижнему контуру. Длинной осью яма была ориентирована широтно. От южного ее борта в направлении на юго-юго-запад отходил дромос шириной у входа в яму 50 см, а при выходе на поверхность погребенной почвы — 15—20 см. Длина дромоса 8,5 м. Дно дромоса почти не имело наклона и лишь в части, подходящей к краю погребальной камеры оно приобрело небольшой уклон. Глубина дромоса у входа в яму — 98 см. Глубина погребальной камеры — 240 см от поверхности погребенной почвы.

Заполнение могильной ямы в основной своей части состояло из плотной светлой супеси затечно-надувного характера, но в придонной части характер заполнения менялся. Здесь оно становилось более рыхлым, и его подстилал слой древесного тлена толщиной до 6 см, который спускался в направлении дна с поверхности погребенной почвы. Между слоем древесного тлена и дном фиксировался слой однородной плотной желтой супеси, мощность которого достигала 30 см.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 35—40 см и глубиной от 45 до 50 см. Их заполнение состояло из однородной плотной желтой супеси, которой было покрыто дно погребальной камеры.

При ограблении могилы в древности остались непотревоженными кости нижних конечностей скелета погребенного. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине, головой на восток. Песчаная подсыпка на дне камеры была перекрыта тонким (до 5 см) слоем коры и камыша.

Из предметов сопровождающего инвентаря после ограбления могилы сохранились: пара костяных пулевидных наконечников стрел (Рис. 49, 1,2), поделки из трубчатой кости (Рис. 49, 4,8), два каменных жертвенника — большой (Рис. 49, 9) и миниатюрный (Рис. 49, 10), каменная пластина со следами реальгара на одной из поверхностей (Рис. 49, 6), каменный пестик (Рис. 49, 3), согнутый, квадратный в сечении бронзовый стержень, приостренный с одной из сторон (Рис. 49, 5).

Все эти находки были сделаны вблизи северной стенки могильной ямы. В ногах погребенного лежало ребро крупного домашнего животного. Оно располагалось в поперечном направлении по отношению к оси скелета, вогнутой стороной к костяку.

В заполнении могильной ямы встречались обломки деревянных плашек длиной 10—15 см и диаметром 5-6 см (скорее всего, остатки деревянного перекрытия погребальной камеры и дромоса на уровне древнего горизонта).

В заполнении дромоса было найдено дисковидное пряслице, выточенное из розового песчаника (Рис. 49, 7).

Курган 57 (Рис. 50) был расположен в южной части южной группы, у края возвышенности, к западу от кургана 56. На современной дневной поверхности насыпь кургана смотрелась в виде округлого в плане расплывчатого возвышения диаметром около 36 м. При раскопках оказалось, что исходный диаметр насыпи не превышал 29 м. Основу насыпи составляла светлая супесь, перемешанная с измельченным гравием. С поверхности насыпи была видна западина — след грабительской ямы.

Под насыпью была обнаружена могильная яма подпрямоугольной в плане формы с размерами по нижнему контуру 310x285 см (Рис. 51). Длинной осью она была ориентирована широтно, но с замет-

ным отклонением. Глубина могилы — 220 см от поверхности погребенной почвы.

От стенки погребальной камеры, обращенной к юго-юго-востоку отходил дромос длиной около 8 м. Его ширина 110 см, а глубина у борта погребальной камеры — 165 см от поверхности погребенной почвы. Таким образом, высота ступеньки дромоса составляла 55 см. Дно дромоса плавно выходило на поверхность с подъемом в 150 см. Стенки и дно дромоса были покрыты слоем камыша.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 35 и глубиной 45 см. Они были заполнены однородной желтой супесью без всяких следов присутствия дерева. Угловые ямки, таким образом, не имели конструктивно функционального значения.

Дно и стены погребальной камеры были выстланы слоем камыша, после чего в яму было совершено труположение. Скелет погребенного был разрушен при ограблении могилы в древности, но, судя по всему, он лежал черепом на юго-восток.

После захоронения на уровне древнего горизонта было устроено плоское перекрытие из деревянных жердей. Затем в 1 м к югу от ямы и в 2 м к западу от нее были зажжены костры, от которых остались следы горения на поверхности погребенной почвы. К этим кострам, возможно, имеют отношение четыре столбовые ямки, зафиксированные к северу и к западу от погребальной камеры. Вокруг ямы, на поверхности погребенной почвы были рассыпаны также фрагменты кальцинированных костей. Над кострищем была устроена супесчаная насыпь диаметром около 13 м, поверхность которой была устлана слоем камыша, который спускался на поверхность древнего горизонта на 1 м за пределы насыпи. И лишь после этого была возведена другая насыпь, перекрывавшая нижнюю и достигающая в диаметр 29 м. В толще ее, на уровне 20 см выше поверхности погребенной почвы был найден бронзовый черешковый наконечник стрелы (Рис. 52, 4).

После ограбления в могиле остались лишь некоторые предметы сопровождающего инвентаря: нашивки из золотой фольги со стилизованным изображением крыла (Рис. 52, 7), бронзовые ворворки (Рис. 52, 10, 11), бронзовая деталь конской упряжи в виде цилиндра с петлей (Рис. 52, 8), обломки железных однолезвийных ножей (Рис. 52, 6, 9), бронзовые черешковые трехлопастные наконечники стрел (Рис. 52, 3, 5).

Курган 58 был расположен в южной части южной группы могильника, к западу от кургана 57. Насыпь на современной дневной поверхности смотрелась в виде слабого возвышения округлой в плане формы диаметром около 16 м.

Под ней находилась могильная яма подпрямоугольной в плане формы, углами ориентированная по сторонам света. Размеры ямы 400x200 см, глубина — 70 см от поверхности погребенной почвы.

Могила была ограблена в древности и захоронение полностью разрушено. Обломки некоторых кос-

тей человеческого скелета в беспорядочном состоянии лежали в толще заполнения ямы. На дне были найдены бронзовые черешковые трехгранные наконечники стрел (Рис. 55, 1, 2).

На поверхности погребенной почвы около борта ямы были обнаружены небольшие фрагменты лепной керамики (один из них орнаментирован).

Курган 59 (Рис. 53) располагался в южной половине южной группы могильника, к западу от кургана 58. Насыпь не выделялась рельефом, и на современной дневной поверхности она смотрелась в виде округлого в плане пятна с менее интенсивной, чем за ее пределами растительностью. Погребальное сооружение было перекрыто прослойкой темной мягкой супеси толщиной 5-6 см и коркой протапыренного суглинка, отчего создавалось впечатление о полном отсутствии собственно насыпи кургана.

На месте пятна при зачистке поверхности древнего горизонта была выявлена система столбовых ям, позволяющая реконструировать основные характеристики погребального сооружения. Погребальную камеру обозначали два ряда столбовых ям, которые в плане образовывали внешний и внутренний прямоугольник. Размеры внешнего — 6,0х5,5 м, внутреннего (собственно погребальной камеры) — 4,0х3,5 м. Расстояние между внешней и внутренней стеной сооружения составляло около 1,5 м, расстояние между соседними столбами — 50—60 см. Своими углами сооружение было ориентировано по сторонам света. От северо-восточной "стены" отходили параллельные ряды столбовых ям, моделирующие вход в погребальную камеру. Длина этого коридора — около 8 м, ширина (по внешним сторонам столбовых ям) — более 2 м. Диаметры столбовых ям колеблются в пределах от 25 до 35 см, глубина — от 25 до 30 см. В заполнении ям встречались остатки древесного топлива и мелкие угольки. Вокруг сооружения были зафиксированы следы горения, образующие в плане кольцо из интенсивного слоя угля и золы, диаметром более 20 м.

В пределах площади внутреннего погребального сооружения были найдены следующие предметы: бронзовые массивные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (Рис. 55, 3-5), фрагмент накладки из золотой фольги с изображением сцены терзания (Рис. 55, 11), железный меч с когтевидным (? — обломано) навершием и почковидным перекрестием (Рис. 55, 9), железный кинжал (Рис. 55, 8), бронзовое проволочное кольцо (Рис. 55, 12), массивный железный нож с выделенной рукоятью (Рис. 55, 13).

Меч был направлен рукоятью на северо-восток, что указывает, очевидно, на направление головы погребенного.

Курган 60 (Рис. 54) располагался на южном краю южной группы могильника к югу от кургана 59. Насыпь достаточно рельефно выделялась на современной дневной поверхности и состояла из светлой

супеси с известняковыми включениями. С поверхности насыпи прослеживались следы грабительского входа.

Под насыпью находилась могильная яма подквадратной в плане формы с размерами (по нижнему контуру) 230х210 см. Углами она была ориентирована по сторонам света. Глубина могилы — 280 см от поверхности погребенной почвы. К юго-восточной стенке погребальной камеры подходил дромос длиной 9,5 м, шириной 190 см по поверхности древнего горизонта и 90 см у дна. При выходе на поверхность древнего горизонта в полу дромоса имелась ступенька высотой 30 см. Далее дно дромоса круто спускалось к погребальной камере, и у борта ямы дно дромоса находилось на глубине 130 см от поверхности погребенной почвы. В юго-восточной стенке ямы, у входа в дромос имелась ступенька высотой 25 см от дна камеры.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 35—50 см и глубиной от 30 до 40 см. Их заполнение состояло из однородной светлой супеси и не содержало никаких остатков древесины — ямки лишь имитировали столбовую конструкцию.

При ограблении могилы в древности кости скелета погребенного были сдвинуты. Непотрешенными остались кости нижних конечностей, положение которых указывает на то, что погребенный лежал на спине, головой на северо-восток.

Из инвентаря сохранилось бронзовое зеркало со следами красной, желтой и синей краски на поверхности. На зеркале лежал специально обработанный каменный предмет (Рис. 55, 7), возможно — пестик для растирания краски, рядом — бронзовая ворворка (?) в виде бокала с поддоном (Рис. 55, 6). Кроме того, в могиле был найден клювовидный каменный алтарик, который лежал у северо-западной угловой ямки (Рис. 55, 10).

Дромос и погребальная камера были перекрыты на уровне древнего горизонта настилом из деревянных плах и коры.

Курган 61 (Рис. 56) был расположен на южном краю южной группы могильника, южнее кургана 60. Насыпь, практически не выделялась рельефом и смотрелась на современной дневной поверхности в виде пятна от менее интенсивной растительности в его пределах. Основу насыпи составляла плотная светлая супесь. В толще насыпи были встречены два фрагмента лепных сосудов. Один из них был орнаментирован.

Под насыпью находилась погребальная камера подпрямоугольной в плане формы, с размерами 250х220 см по нижнему контуру, глубиной 205 см от поверхности погребенной почвы. Углами она была ориентирована по сторонам света.

По углам камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 30—40 см и глубиной от 32 до 41 см. Заполнение их состояло из рыхлой однородной светлой супеси, которая не содержала никаких остатков древесины — ямки лишь имитировали

столбовую конструкцию. Дно погребальной камеры было покрыто камышовым настилом.

К юго-восточному борту погребальной камеры подходил дромос длиной 9 м. У борта камеры дно дромоса проходило на 118 см ниже поверхности древнего горизонта, а ширина его здесь составляла 70 см. От стенки камеры пол дромоса поднимался полого и у выхода на поверхность древнего горизонта имелось две ступеньки высотой 10 и 15 см.

Верхняя половина скелета погребенного была разрушена при ограблении могилы в древности, но кости нижних конечностей остались нетронутыми. Судя по их положению, погребенный был уложен на спину, головой на северо-восток. Ноги полусогнуты в коленях, колени раскинуты в стороны («поза всадника»).

Над погребальной камерой и вокруг нее были зафиксированы остатки перекрытия в виде слоя коры. Этот слой распространялся и на выкид из могильной ямы.

После ограбления в могиле все же сохранились отдельные предметы сопровождающего инвентаря: у левого бедра погребенного клинком к голове лежал однолезвийный железный нож с выделенной рукоятью (Рис. 57, 8), а поблизости от его рукояти — пять бронзовых наконечников стрел, втульчатых, четырехгранных, с длинными опущенными жальцами (Рис. 57, 3-7). У правого бедра стоял лепной сосуд грушевидной формы (Рис. 57, 1). По всей площади пола погребальной камеры были разбросаны однотипные костяные нашивки в виде цилиндров высотой 1 см и диаметром до 5 мм с прорезями, в количестве более 300 штук (Рис. 57, 2). Наибольшее их скопление было зафиксировано возле правой кисти погребенного.

Курган 62 (Рис. 58) был расположен на склоне возвышенности, на южном краю могильника, к западу от кургана 61. Насыпь не выделялась рельефом, и место захоронения было обнаружено по пятну на поверхности, в пределах которого отсутствовала растительность.

При зачистке поверхности горизонта в пределах этого пятна была обнаружена могильная яма нижней контур которой в плане приближался к прямоугольнику со скругленными углами, с размерами 350x230 см. Глубина могилы 217 см от поверхности погребенной почвы, углами она была ориентирована по сторонам света.

В придонной части заполнения погребальной камеры и непосредственно на поверхности ее дна фиксировались остатки деревянного перекрытия, состоявшего из жердей. Раму перекрытия поддерживали деревянные стойки — четыре угловые и три промежуточные. Для установки стоек в полу камеры были пробиты округлые в плане ямки диаметром до 10 см. В заполнении этих ямок сохранились остатки древесины, поблизости лежали части опорных столбов.

Кроме того, на дне могилы была расчищена деревянная конструкция в виде рамы с поперечными перекладинами, перекрытыми сверху слоем камыша.

На дне погребальной камеры находились кости двух человеческих скелетов. Оба они были разрушены при ограблении кургана в древности, при этом большая часть костей была сдвинута в юго-восточную половину ямы. Некоторые кости лежали в анатомически нормальных сочленениях: тазовые кости с правой бедренной и костями левой ноги. В анатомическом сочленении были найдены также кости предплечья и голени. Все эти кости лежали на полу камеры, поверх деревянной решетки и слоя камыша, под остатками деревянного перекрытия могилы. Некоторые кости второго скелета, локализованные вблизи северо-западной стенки ямы, также находились в правильном сочленении: кости таза, позвоночного столба и грудной клетки.

После ограбления в могиле все же сохранились некоторые из предметов сопровождающего инвентаря: двадцать девять железных пронизок с сомкнутыми концами (Рис. 59, 18), четыре однотипные бронзовые обоймы для перекрестия ремней уздечки с выгнутыми верхними плоскостями и четырьмя боковыми отверстиями (Рис. 59, 16), пять железных дисковидных накладок с выгнутыми плоскостями (Рис. 59, 6, 7, 11, 15, 17), две бронзовые усеченно-конические ворворки (Рис. 59, 8, 9), две однотипные бронзовые пронизи в виде диска с изнаночной петлей (Рис. 59, 10), пять бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел (Рис. 59, 1-5), обломки каменного жертвенника, прямоугольной формы с бортиком по краю (Рис. 59, 14, 19), биметаллическая бляшка с петлей, фрагмент верхней части лепного горшковидного сосуда (Рис. 59, 13).

Курган 63 располагался на краю южной группы, к западу от кургана 62. Насыпь на 17 см возвышалась над уровнем современной дневной поверхности. Ее видимый диаметр составлял около 12 м.

Под насыпью находилась могильная яма подпрямоугольной в плане формы с размерами 310x285 см. Глубина могилы 190 см от поверхности погребенной почвы. Углами она была ориентирована по сторонам света. В заполнении могилы встречались скопления угля и древесного тлена.

Захоронение было разрушено при ограблении кургана в древности. Непотревоженными остались бедренные кости скелета погребенного, положение которых указывает на то, что череп был ориентирован головой на восток. Погребенный лежал на тонком слое камыша, вероятно, циновке, которым было выстлано дно погребальной камеры.

В заполнении могилы были найдены многочисленные фрагменты лепной керамики, из которых удалось реконструировать приземистый, с прямым венчиком корчагообразный сосуд (Рис. 60, 1), семь бронзовых втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел (Рис. 60, 7-12, 15), предметы конской упряжи из железа — С-видные (Рис. 60, 4) и 8-образные детали (Рис. 60, 14), дисковидная с выпуклой плоскостью накладка (Рис. 60, 13), бронзовая

пронизь для перекрестия ремней уздечки с выгнутой верхней плоскостью и четырьмя боковыми отверстиями (Рис. 60, 5), золотые украшения, в виде спаянных вместе шариков (Рис. 60, 3), сердоликовая подграненная подвеска (Рис. 60, 2), каменное усеченно-коническое пряслице (Рис. 60, 6), мелкие обломки железного ножа (Рис. 63).

После сооружения перекрытия вокруг могилы был устроен костер, кольцевидный след которого сохранился на поверхности погребенной почвы. Угли от этого костра попали в заполнение могилы во время ее ограбления.

Курган 65 (Рис. 61) был расположен в средней части южной группы могильника, на краю возвышенности. Диаметр насыпи составлял около 10 м. С поверхности насыпи прослеживались следы грабительской ямы.

Под насыпью находилась могильная яма, которая по форме в плане приближалась к прямоугольнику с размерами (по нижнему контуру) 275х196 см. Глубина могилы 135 см от поверхности погребенной почвы, углы ее были ориентированы по сторонам света.

По углам погребальной камеры располагались ямки округлой в плане формы диаметром 35—50 см и глубиной от 20 до 33 см. Их заполнение состояло из однородной желтой супеси, перемешанной с мелким галечником. Никаких следов древесины в заполнении ямок не было, и они не имели непосредственного отношения к конструкции перекрытия. Перекрытие над могилкой все же было — в заполнении встречались деревянные жерди, которыми яма была перекрыта по уровню поверхности древнего горизонта. Поверх жердей был настелен слой коры и, затем, камыша.

Могила была ограблена в древности, но на полу камеры сохранились отдельные предметы из набора сопровождающего инвентаря. Вблизи юго-восточной стенки были найдены две пары бронзовых строгих удил со стремевидными окончатиями (Рис. 62, 1, 2) и рядом — три бараньих астрагала, обломок железного однолезвийного ножа, два бронзовых двухлопастных наконечника стрел, один — втульчатый, другой — черешковый (Рис. 62, 3, 4).

Предметы конской упряжи из состава уздечки группировались под юго-западной стенкой ямы. Среди них: низкоцилиндрическая с плоским верхом обойма для перекрестия ремней уздечки, на поверхности которой имеется солярный знак (Рис. 62, 6), дисковидная деталь с изнаночной петлей и солярным знаком на поверхности диска (Рис. 62, 5), пара однотипных кольцевидных, с прорезанными выступами подпружных пряжек (Рис. 62, 7, 8).

Курган 66 (Рис. 63) располагался в средней части южной группы могильника и перекрывал насыпь кур-

гана 52, являясь, следовательно, по отношению к последнему, относительно более поздним. На современной дневной поверхности насыпь смотрелась в виде расплывшегося бугра высотой около 40 см. Могильная яма была обнаружена подполой кургана 52. Она была подпрямоугольной в плане формы и углами ориентирована по сторонам света. Габариты погребальной камеры (по нижнему ее контуру) — 300х280 см, глубина — 105 см от поверхности погребенной почвы (Рис. 64).

К юго-восточной стенке ямы примыкал дромос длиной 5,1 м. Ширина его по нижнему контуру стен — 60 см. Пол дромоса плавно спускался от поверхности древнего горизонта к погребальной камере и при входе в нее глубина дромоса составляла 65 см от поверхности погребенной почвы. Высота ступеньки дромоса составляла 40 см от дна могильной ямы.

По углам погребальной камеры располагались четыре округлые в плане ямки диаметром 40—45 см и глубиной до 40 см. Заполнение их состояло из однородной желтой супеси, перемешанной с мелким галечником. Следов древесины в заполнении не было. В площади северной ямки был найден каменный жертвенник клювовидной формы (Рис. 65, 7). Все это убедительно свидетельствует о том, что ямки не имели непосредственного отношения к конструкции перекрытия могилы и являлись чисто символическими.

При ограблении могилы в древности скелет был разрушен, но нетронутыми остались кости голени, положение которых позволяет предполагать, что погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток.

Погребальная камера была перекрыта на уровне поверхности древнего горизонта бревнами длиной до 6 м и диаметром 20—25 см. Поверх бревен были настелены жерди диаметром 5—6 см, хворост и слой камыша. При раскопках было зафиксировано 12 бревен перекрытия уложенных поперечно длинной оси могильной ямы. Дромос был перекрыт деревянными жердями и хворостом. Перекрытие погребальной камеры и, частично, дромоса было сожжено, причем насыпь кургана сооружали над непогасшим еще костром — нижние слои насыпи носили следы прокала. Перед сооружением насыпи вокруг погребальной камеры был устроен костер из хвороста, кольцевидный след которого фиксировался на поверхности погребенной почвы.

На поверхности выкида из грабительской ямы была найдена фигурка сайги, изображенной в летучем галопе, выполненная из золотой фольги. Еще пять аналогичных бляшек были найдены на полу погребальной камеры (Рис. 65, 3—5). Кроме того, здесь было обнаружено бронзовое зеркало с центральной петелькой и отогнутым под тупым углом бортиком (Рис. 65, 6), мелкие бирюзовые бусы.

ГЛАВА 2

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Итак, на плато Тагискен было исследовано 37 курганов (о тридцать восьмом скажем ниже), которые могут относиться к раннесакскому времени. Описания захоронений, приведенные в предыдущей главе, дают общее представление о разнообразии археологических признаков погребального обряда, характеризующих конструктивные особенности захоронений.

В целях систематизации наших представлений о погребальном обряде могильника мы провели классификацию подлежащих учету признаков погребений, которую можно представить в виде типологической схемы (в скобках — численность). Количество раскопанных захоронений не позволяет применить для составления классификации статистические методы. Поэтому данная классификация является собой схему, которая отражает лишь эмпирические представления авторов об иерархии и таксономии признаков погребального обряда Южного Тагискена. Таксон класса обладает наименьшим весом, а таксон тип — наибольшим. Таксоны подтип и вариант в нашей схеме вообще не имеют, по-видимому, формообразующего значения; их нужно рассматривать как вспомогательные элементы классификации, которые позволяют все же уточнить особенности того или иного типа. Выделение таксона класса обусловлено наличием в могильнике захоронений как на по-

верхности горизонта, так и в грунтовых ямах. Признак категория отражает способ погребения — кремацию или ингумацию. Поскольку в каждой из категории присутствуют (или отсутствуют) деревянные погребальные сооружения или их имитация, в классификацию введен таксон группа. Таксон подгруппа уточняет особенность планировки сооружения (его имитации) в отношении наличия или отсутствия обозначенного входа в данное сооружение. При классификации могил с деревянными перекрытиями вводится дополнительный таксон отдел, поскольку в ряде случаев, но далеко не всегда, деревянное перекрытие преднамеренно поджигали в процессе совершения обряда погребения. Тип дает представление об основных характеристиках самой погребальной камеры, а подтип, вариант и подвариант типа дают представление о вспомогательных элементах погребального сооружения. Вспомогательное значение последних таксонов обусловлено, и тем, что растительная подстилка или легкие деревянные конструкции не всегда могут быть со всей определенностью зафиксированы археологически, тем более в случае, когда захоронения пострадали в процессе ограбления.

Располагая сравнительно небольшой в количественном отношении выборкой погребений, мы лише-

КЛАССИФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ФИКСИРУЕМЫХ ПРИЗНАКОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН

(в скобках — численность)

КЛАСС 1 — Захоронения на поверхности горизонта (6)

КАТЕГОРИЯ 1 — *Кремация* (4)

Группа А — Внутри столбовой конструкции (ее имитации) (4)

Подгруппа 1 — без обозначенного входа (2)

Тип 1 — камера, округлая в плане (1)

Подтип 1 — камера, трапецевидная в плане (1)

Подгруппа 2 — с обозначенным входом (2)

Тип 1 — камера, прямоугольная в плане (1)

Подтип 1 — камера, прямоугольная в плане (1)

КАТЕГОРИЯ 2 — Ингумация (2)

Группа А — Внутри столбовой конструкции (ее имитации) (2)

Подгруппа 1 — без обозначенного входа (1)

Тип 1 — постройка, подпрямоугольная в плане (1)

Подтип 1 — камера, прямоугольная в плане (1)

Вариант А — поверхность выстлана камышом и корой (1)

Подгруппа 2 — с обозначенным входом (1)

Тип 1 — постройка, округлая в плане (1)

Подтип 1 — без обозначения камеры (1)

Вариант А — поверхность выстлана камышом (1)

КЛАСС 2 — Захоронения в ямах (31)

КАТЕГОРИЯ 1 — Кремация (2)

Группа А — Без дополнительных конструкций на поверхности горизонта (1)

Подгруппа 1 — с перекрытием (1)

Тип 1 — на опорных столбах (1)

Подтип 1 — яма, прямоугольная в плане

Группа В — Со столбовой конструкцией на поверхности горизонта (имитацией) (1)

Подгруппа 1 — с перекрытием (1)

Тип 1 — на опорных столбах (1)

Подтип 1 — яма, округлая в плане

КАТЕГОРИЯ 2 — Ингумация (29)

Группа А — Яма без дромоса (23)

Подгруппа 1 — без перекрытия (2)

Тип 1 — без дополнительных конструкций (2)

Подтип 1 — яма, прямоугольная в плане (2)

Вариант А — дно выстлано камышом (2)

Подгруппа 2 — с перекрытием (21)

Отдел А — с сожженным перекрытием (3)

Тип 1 — с ритуальными ямками по углам (3)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (3)

Вариант А — с камышовым настилом

Вариант Б — без камышового настила

Отдел Б — с несожженным перекрытием (18)

Тип 1 — только с ритуальными ямками по углам (13)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (13)

Вариант А — с камышовым настилом по дну (2)

Подвариант 1 — с деревянной решеткой на дне (4)

Вариант Б — без камышового настила по дну (2)

Подвариант 1 — с деревянной решеткой на дне (2)

Тип 2 — с ритуальными ямками по углам и "столиком" (1)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (1)

Вариант А — без камышового настила по дну (1)

Тип 3 — только с опорными столбами, без ямок (2)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (2)

Вариант А — с настилом из коры по дну (1)

Вариант Б — без настила (1)

Тип 4 — без дополнительных устройств (2)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (2)

Вариант А — с камышовым настилом по дну (1)

Вариант Б — без настила, с песчаной подсыпкой по дну (1)

Группа В — Яма с дромосом (6)

Подгруппа 1 — с перекрытием (6)

Отдел А — с сожженным перекрытием (1)

Тип 1 — с ритуальными ямками по углам (1)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (1)

Вариант А — без камышового настила по дну (1)

Отдел Б — с несожженным перекрытием (5)

Тип 1 — только с ритуальными ямками по углам (5)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (5)

Вариант А — с камышовым настилом по дну (3)

Вариант Б — без камышового настила по дну (2)

Тип 2 — с ритуальными ямками по углам и "столиком" (1)

Подтип 1 — яма, широкопрямоугольная в плане (1)

Вариант А — с камышовым настилом по дну (1)

ны возможности выявить устойчивые типы погребального обряда с помощью статистических методов. Поэтому в данном случае таксономия признаков отражает только лишь эмпирические представления авторов. Тем не менее, некоторые закономерности взаимовстречаемости признаков различных категорий, выявленные даже визуально, помогут охарактеризовать основные черты погребальных ритуалов, которыми руководствовались люди, оставившие захоронения в могильнике. При этом надо сразу отметить значительное разнообразие признаков погребений и, следовательно, типологическую неустойчивость погребального обряда.

Абсолютное большинство захоронений в могильнике (около 85%, или 33 случая из 37) совершено с использованием ингумации. В этой категории подавляющее большинство могильных ям (31 из 33) имело деревянные перекрытия. В четырех случаях в ходе погребального ритуала перекрытие подожгли, но более устойчивую группу составляют захоронения с несожженными перекрытиями. Лишь в редких случаях для сооружения перекрытия использовали опорные столбы, которые устанавливали в углы погребальной камеры — таких погребений всего два. Гораздо чаще (22 случая) угловые ямки, как это было твердо установлено, носили исключительно ритуальный характер и не являлись элементом конструкции перекрытия, которое укладывали на борта погребальной камеры. В абсолютном большинстве случаев могильные ямы в плане имели очертания широкого прямоугольника, стремящегося к квадрату. Только шесть таких камер имели длинные входы-дромосы. В тринадцати случаях из 33 на дне погребальных камер были зафиксированы настилы из ка-

мыша или коры, а в двух случаях на дне ям имелась песчаная подсыпка. В трех могильных ямах, в полу, вдоль периметра стен были вырублены канавки, образующие "столик" - ложе.

Наличие или отсутствие в кургане кольцевых валиков, рвов и костров вокруг погребальной камеры не было связано с определенным ее типом.

Анализ способов труположения и ориентировок погребенных крайне затруднен из-за сплошного ограбления курганов, сопровождавшегося, как правило, полным разрушением скелетов захороненных. Тем не менее, удалось все же зафиксировать три способа труположения: 1. На спине, в вытянутом положении; 2. На спине, с полусогнутой ногой; 3. На спине, со сведенными стопами и раскинутыми в стороны коленями (только в могилах с дромосами). Однако, любые соображения о количественном соотношении этих групп из-за разрушительной деятельности грабителей представляются лишними смысла.

Ориентировка осей погребальных камер относительно устойчива — в 25 случаях из 33 углы их были ориентированы строго по сторонам света, шесть ям длинной осью были направлены в широтном направлении и только две — в меридиональном. В трех погребениях на горизонте (из четырех имеющихся) угловые ямки от столбов погребальных камер были также ориентированы по сторонам света. В одном случае (круглая погребальная камера, без скелета) ориентировка не устанавливается. Дромосы всегда были расположены в юго-восточном секторе сооружения, за исключением кургана 53, где дромос подходил к западной стенке погребальной камеры. Впрочем, возможно, что отклонение было связано с тем, что к юго-востоку от кургана 53 вплотную рас-

положены насыпи курганов 52, 54 и 66. Это и заставило подвести дромос с противоположной, но свободной от насыпей, стороны. В наземном сооружении кургана 59 вход в камеру был обозначен с северо-восточной стороны.

В целом же, ориентировки основных осей погребальных камер не были связаны с особенностями их конструкции.

Более разнообразными, насколько это удалось проследить, были ориентировки захороненных. В погребальных камерах, углы которых были направлены по сторонам света, погребенных укладывали чаще всего головой на юго-запад. Однако, были и исключения. Так, в кургане 28 погребенный был уложен головой на запад (параллельно бортам ямы), а в курганах 54 и 63 — на восток, в курганах 57, 59, 60 и 66 — на северо-восток, в кургане 62 — на север. Создается впечатление о том, что ориентировке погребальной камеры придавали большее значение, в ритуале, чем устойчивому направлению головы самого погребенного.

По меньшей мере в трех случаях четко прослеживается диагональное, по отношению к оси погребальной камеры, положение скелета (курганы 54, 62 и 63). Можно заметить, что в первом случае — это могла с дромосом, в другом — погребальная камера с перекрытием на столбах и в последнем — могильная яма без дополнительных конструкций.

Северо-восточную и восточную ориентировку захороненных можно предположительно связывать с погребениями с дромосами. (их всего 8, причем одно — на поверхности горизонта). В шести случаях ориентировка головы приходится на северо-восточный сектор, в одном она не установлена. Лишь однажды (курган 63) северо-восточная ориентировка была зафиксирована в погребальной камере без дромоса.

Таким образом, наиболее типичной формой погребальной камеры для могильника Южный Тагискен является широко-прямоугольная могильная яма без дромоса, с четырьмя ритуальными "столбовыми" ямками по углам, ориентированными по сторонам света, с несоединенным плоским деревянным перекрытием, уложенным на поверхность горизонта, иногда (но не обязательно) — с камышовым настилом на полу, с неустойчивой ориентировкой головы захороненного.

Особую группу, с достаточно устойчивым обрядом составляют заглубленные в материк погребальные камеры с длинными дромосами. Их специфическое положение среди других погребений, помимо всего прочего, подчеркивается и топографическим положением в могильнике (См. план, рис. 2).

На плане можно видеть как бы три локальных скопления насыпей. Северное — территория могильника эпохи бронзы Северный Тагискен. Здесь было исследовано и три кургана раннесакского времени (8, 9 и 13). Курганы 9 и 13 отличаются наличием кольцевых валов, что не характерно для захоронен-

ных в других локальных группах. В могильной яме кургана 8 была произведена полная кремация захороненного, но такие погребения имеются и в других частях могильника (курганы 23, 42 и 59).

Из восьми раскопанных курганов центральной группы два содержали ингумации на поверхности горизонта, внутри столбовой конструкции (курганы 26 и 30) и один — полную кремацию в яме, окруженной столбовой конструкцией (курган 23). Остальные пять содержали разнотипные грунтовые погребальные камеры. Однако, два кургана с сожжениями внутри столбовой конструкции в яме (курган 42) и на горизонте (курган 59) имеются и в южной группе, где они также составляют меньшинство из исследованных. Большинство захоронений центральной и южной групп представлено широкоугольными могильными ямами с угловыми ямками. Но погребения с длинными дромосами расположены только в южной группе, и при том весьма компактно (курганы 53, 54, 56, 57, 60, 61 и 66). Нужно также заметить, что именно в этой группе были исследованы все захоронения с сожженными перекрытиями (курганы 37, 48, 50, 66), причем одно перекрытие было сожжено в погребении с дромосом (курган 66).

Таким образом, в данном случае, в принципе, мы не видим пока оснований для дифференциации трех локальных групп насыпей с точки зрения хронологии или социальной принадлежности. Однако, если предположить, (руководствуясь исключительно логическими соображениями), что могильник рос в направлении с севера (от развалин мавзолеев Северного Тагискена) на юг, то может оказаться, что курганы с дромосами и сожженными перекрытиями, расположены в относительно наиболее поздней группе насыпей. Впрочем, эта гипотеза нуждается в проверке с помощью анализа сопровождающего инвентаря, анализа, который мы еще предпримем в последующих главах книги. На этом этапе исследования ограничимся выводом о том, что на фоне значительного разнообразия признаков погребений, в могильнике Южный Тагискен намечаются две группы захоронений, каждая из которых отличается определенной устойчивостью комбинации некоторых таких признаков.

Над захоронениями (за исключением, может быть дромосного погребения на горизонте, № 59) сооружались полусферические земляные курганные насыпи. Далеко не все из них сохранились — многие были основательно разрушены при ограблении могил, но уцелевшие дают представление о том, что они имели округлую в плане и полусферическую форму. Насыпи были сложены из коричневой супеси, перемешанной с мелкой галькой, которой и теперь покрыта поверхность возвышенности и которая составляла один из верхних слагающих ее геологических слоев. Супесчаная основа насыпей способствовала их эрозии, и об их исходной высоте и диаметрах нельзя, по-видимому, судить достаточно объективно.

О габаритах насыпи можно с большей определенностью судить в тех, редких для Южного Тагискена, случаях, когда подножие ее было опоясано кольцевым рвом, отдельными его отрезками или валиком. Эти наблюдения показывают, что диаметры насыпей составляли в среднем 9—15 м.

Насыпи, под которыми находились погребальные камеры с длинными дромосами, в отличие от остальных, имели в плане форму овала. Габариты насыпи кургана 54, например, фиксируемые по внутренним стенкам рва, — 25x17 м.

В четырех случаях (курганы 8, 9, 13, 29) вокруг места погребения были сооружены кольцевые валы, основу которых составляла плотная коричневая супесь, насыщенная галькой. Все эти валы окружали могильные ямы и их можно было бы принять за выкды, образовавшиеся при рытье могил, однако, в сакской археологии этот признак погребального обряда встречается повсеместно. Характерно, что на Нижней Амударье кольцевые валики, насыпанные из измельченного известняка и грунта встречались и вокруг захоронений на поверхности древнего горизонта — при отсутствии могильной ямы (Яблонский, 1986, с.45; 1991, с.72), что лишнее раз подчеркивает смысловую преднамеренность их сооружения.

Кольцевые выкладки и насыпи в подножии курганов, которые иногда называют кромлехами, составляли неотъемлемую черту погребального обряда андроновцев Казахстана (Сорокин, 1960, с.55). Часто этот элемент конструкции кургана рассматривался в качестве одного из связующих звеньев погребального обряда саков и андроновцев от Памира (Бернштам, 1952, с.213; Литвинский, 1969, с.14) и Восточного Туркестана (Литвинский, 1985, с.105) до Приаралья (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с.48) и Южного Урала (Смирнов, 1954, с.198; 1964, с.250; Мошкова, 1966, с.46). На востоке евразийских степей каменные валики сопровождают захоронения сакского типа на территории Тувы (Кызласов, 1979, с.35) Восточного и Южного Казахстана (Черников, 1965, табл. 2; Агеева, Пацевич, 1956, с.45). Их появление на территории Дагестана в конце II тыс. до н.э. связывают с проникновением сюда именно степного населения (Мунчаев, Смирнов, 1957, с.186).

Чаще всего происхождение этого элемента погребального обряда объясняют существованием у степных племен эпохи бронзы и раннего железа солярного культа (Смирнов, 1964, с.250; Грач, 1980, с.70; Бессонова, 1983, с.31; Мандельштам, 1968, с.105) или страха перед покойником, желанием от него отгородиться (Литвинский, 1969, с.15—16; Кузьмина, 1986, с.79). Отмечалась также возможность многоплановой семантической нагрузки кольцевых валиков, как приема, отражающего комбинацию культового и конструктивного (в качестве крепиды насыпи) назначения (Мещанинов, 1930, с.17; Грач, 1980, с.70).

Таким образом, кольцевые валики Южного Тагискена вполне укладываются в наши представления об оформлении погребальных сооружений сообществ раннесакского культурного типа. При этом надо отметить, что количество их в могильнике очень невелико по сравнению с другими памятниками сакского типа. Так, например, на территории Присарыкамышья в 137 курганах сакского времени было зарегистрировано 42 кольцевых валика.

Трижды были встречены курганы (8, 52 и 54), в которых погребальная площадка была окружена кольцевым рвом шириной до 2 м и глубиной 40-60 см. В кургане 8 ров сопровождал с внешней стороны кольцевой валик. Особо нужно отметить ров кургана 26 (захоронение на поверхности горизонта). Он отличался от остальных подквадратной в плане конфигурацией. Рвы, в принципе, встречаются при сакских курганах довольно редко, в виде исключения. Так, в Присарыкамышье только 7 курганов сакского времени из 142 были окружены рвом. Ничего не сказано о наличии рвов в монографии, специально посвященной сакским курганам Уйгарака (Вишневская, 1973). Вместе с тем, рвы фиксировались вокруг "шлаковых" курганов (Левина, 1979, рис. 2).

Впрочем, надо еще раз заметить, что как валы, так и рвы не характерны и для погребальных сооружений Южного Тагискена.

В восьми случаях (курганы 37, 42, 48, 56, 57, 59, 63, 66) вокруг места погребения фиксировались следы огня. В качестве горючего материала использовали хворост.

Для эпохи поздней бронзы этот элемент погребального обряда был прослежен, в частности, в могильниках Северный Тагискен (Толстов и др., 1963, с.39; Итина, 1984, с.82) и Тигровая Балка в Южном Таджикистане (Пьянкова, 1987, с.58), а в раннесакское время — он хорошо известен по материалам раскопок Присарыкамышских могильников (Яблонский, 1991), правда, там кольцевые костры всегда сопровождали захоронения только на поверхности древнего горизонта. Такой же вид погребального обряда был зафиксирован в Уйгараке (Вишневская, 1973, с.65).

В Южном Тагискене, во всех случаях, когда при погребальной церемонии разводили кольцевой костер, отсутствовали рвы и валы вокруг места захоронения. Не исключено, что эти элементы погребального обряда являлись семантически взаимозаменяемыми. Стратиграфические наблюдения показали, что насыпь курганов сооружали над непогасшим еще костром — нижние слои всегда носили следы прокала. Аналогичный способ возведения насыпи был характерен для погребальных сооружений Северного Тагискена (Толстов, Итина, 1966, с.154; Итина, 1984, с.82), Уйгарака (Вишневская, 1973, с.65) и Присарыкамышья (Яблонский, 1991, с.82). Позже аналогичным образом поступали в Южном Приуралье савроматского времени (Тереножкин, 1971,

с.19—20; Мошкова, 1972, с.52; Очир-Горяева, 1988, с.7; Курганы..., 1993) и в Южной Сибири — на второй стадии тагарской культуры (Дэвлет, 1975, с.126—127). В значительном количестве случаев (курганы 29, 30, 49, 52, 54, 55, 57, 61) перед сооружением насыпи поверхность горизонта над ямой и вокруг нее устилали слоем камыша или коры, а иногда — с применением обоих материалов (курганы 30, 54, 61). Стратиграфические исследования насыпи кургана 29 показали, что поверхность горизонта над засыпанной ямой была перекрыта сначала слоем камыша, затем была сделана песчаная подсыпка, которая, в свою очередь, была покрыта деревом и корой, и лишь потом соорудили насыпь. В кургане 52 был обнаружен только один слой камышового настила, но и он был уложен на поверхность песчаной подсыпки.

Наиболее ранние, пожалуй, свидетельства возникновения этого элемента обряда относятся к погребениям могильника Синташта (Челябинская обл.), который был датирован I-ой пол. II тыс. до н.э. Здесь над засыпанными могилами были прослежены остатки жердей и соломы, поверх которых разводили костер (Генинг, 1977, с.70). В предскифское время подобные же настилы устраивали носители белозерской культуры в Северном Причерноморье (Отрошенко, 1975, с.194; Шарафутдинова, 1981, с.89). В могильнике Уйгарак также известны курганы, в основании насыпей которых фиксировались настилы из органического материала (Вишневская, Итина, 1966, с.97; Вишневская, 1973, с.69). Такие курганы являются обычными и для саков Присарыкамья (Яблонский, 1991, с.79—80). Подкурганые настилы встречались и на юге Средней Азии, в низовьях Зерафшана, но как раз в тех погребальных комплексах, происхождение которых связывают со степными племенами сакского типа (Обельченко, 1980, с.250). В Приуралье настилы из дерева и камыша отмечались и для савроматского времени, что, наряду с другими признаками, сближает погребальный обряд приуральских племен эпохи раннего железа с характерным для приаральских саков (Мошкова, 1972, с.77).

Напомним, что при описании погребального обряда скифов, Геродот (IV,71) отмечает: "Выкапывают в земле большую четырехугольную яму... Когда положат тело в могилу на циновке (постель, ложе из камыша, тростника)... настилают доски (брусья, дровяник) и покрывают камышовыми циновками (камышом, тростником)..."

Говоря о погребальном ритуале, нужно еще упомянуть следы тризн, которые фиксировались как в заполнении погребальных камер, так и на поверхности древнего горизонта неподалеку от бортов могил. Обычно это были мелкие фрагменты сильно кальцинированных костей животных, обломки лепной посуды, измельченные угольки.

В Южном Тагискене в обряде захоронения использовали как кремацию (в редких случаях), так и ингумацию. Один раз кремация была осуществлена в могильной яме, имевшей деревянное перекрытие, уложенное на опорные столбы (курган 8; 2. А, 1, 1, 1)*

В приаральском регионе сожжение в ямах практиковали саки Присарыкамья (Яблонский, 1991, с.83). Любопытно отметить, однако, что этот вид обряда не был встречен в могильнике Уйгарак (Вишневская, 1973, с.65).

На территории Средней Азии обряд сожжения в ямах был зафиксирован еще для эпохи бронзы в южных могильниках, происхождение которых, правда, связывают с проникновением сюда северных скотоводческих племен (Мандельштам, 1967, с.61; 1968, с.41—45).

В европейских степях белозерского времени сожжения деревянных конструкций в могильных ямах применялось в могильниках Поднепровья (Отрошенко, 1975, с.198). По заключению П.Д.Либера (1950, с.80), на территории распространения классических вариантов скифской культуры наиболее поздняя дата для таких могил — VI в. до н.э.

В двух других курганах Южного Тагискена сожжения производили в специально построенных на поверхности горизонта деревянных сооружениях, когда вместе с сооружением сгорало и тело погребаемого. В кургане 23 постройка имела в плане форму круга (1, 1, А, 1, 1), а в кургане 59 — прямоугольника (1, 1, А, 2, 1), в целом повторяющего план погребения с дромосом. В кургане 42 могильная яма была перекрыта деревом, а на дне по окружности погребальной камеры была выстроена столбовая конструкция (2, 1, В, 1, 1), которая впоследствии была сожжена вместе с перекрытием.

В расположенном неподалеку раннесакском могильнике Уйгарак погребений на древнем горизонте намного больше (30), причем 7 из них были совершенны по обряду трупосожжения (Вишневская, 1973). Если судить по аналогичным погребениям, но с ингумацией, погребенных, как правило, клали на камышовую подстилку, вытянуто на спине, головой на запад или юго-запад, внутри легкой деревянной каркасной постройки, стены которой были переплетены прутьями и камышом. Следы таких построек сохраняются в виде круглых столбовых ямок, заполнение которых содержит остатки сгнивших или сгоревших столбов. В плане эти постройки — круглые, овальные, реже — прямоугольные. В большинстве случаев кольцо ям было одинарным, а внутри него располагалась прямоугольная или квадратная в плане камера, археологически отмеченная ямами от угловых опорных столбов. Иногда кольцо ям было двойным, и вок-

* Здесь и далее в скобках дается код вида погребальной камеры в соответствии с нашей классификацией — последовательно: класс, категория, группа, подгруппа, отдел, тип.

руг камеры образовывался, таким образом, кольцевой коридор.

Кремации на поверхности древнего горизонта довольно частое явление в сакских курганах Присарыкамышья. В могильнике Тарымкая 1 были раскопаны два таких погребения, но без столбовых конструкций (Вайнберг, 1979а, с.36), а в сакарчагинских (Яблонский, 1986; 1991) и шахсенемском (Юсупов, 1986, с.30) могильниках были зафиксированы самые различные способы трупосожжения на горизонте. Аналогичные захоронения были прослежены и в Уйгараке (Вишневская, 1973, с.65). Гораздо реже, в единичных случаях встречаются в сакских могильниках Приаралья трупосожжения в ямах, окруженных столбовой конструкцией. Но и они известны по раскопкам в Присарыкамышье (Вайнберг, 1979а, с.36). В могильнике Сакарчага 6 (Яблонский, 1991, с.79) была исследована аналогичная по конструкции, полностью ограбленная в древности яма, которая не содержала явных остатков трупосожжения, но поверхность погребенной почвы вокруг нее была прокалена и покрыта слоем золы.

Два захоронения Южного Тагискена (в курганах 26 и 30) также были совершены на поверхности горизонта, но по способу трупоположения (I,II,A,1,1; 1,II,A,2,1) тела захороненных располагались внутри кольца из столбовых ям. Судя по тому, что ни в одной из этих ям не были зафиксированы следы древесины, они лишь имитировали деревянную конструкцию и носили чисто символический характер. В кургане 30 столбовые ямы образовывали в плане прямоугольник, причем некоторые из них были перекрыты слоем камыша и коры, которыми была устлана поверхность погребальной площадки.

Сожжения и ингумации в деревянных постройках, иногда с имитацией таковых, хорошо известны по материалам Уйгарака (Вишневская, 1973, с.61—65) и Присарыкамышья (Вайнберг, 1979а, табл. 4, табл. Хб; Яблонский, 1991, с.79, 83).

Истоки обряда погребения на поверхности горизонта следует искать, очевидно, в степных могильниках эпохи поздней бронзы, где такие захоронения встречались как на востоке — в комплексах карасукской культуры (Мартынов, 1964, с.121; Подольский, 1981, с.34; Членова, 1973, с.119), так и на западе степного региона — у срубников (Мерперт, 1958, с.151—154). По мнению Л.Р.Кызласова (1975, с.15; 1977, с.35), погребальные сооружения на горизонте появляются в Западной и Южной Сибири, в Казахстане и в Средней Азии в конце бронзового века, но особенно характерны для памятников переходного (VIII—VII вв. до н.э.) этапа и раннескифского (VII—VI вв. до н.э.) времени. Высказывалось предположение о том, что погребения на горизонте, которые встречаются вместе с захоронениями в ямах, сооружались зимой (Подольский, 1981, с.34).

Что же касается, в частности, трупосожжений на горизонте, то уже не раз справедливо отмечались ге-

нетические связи сакского погребального обряда с традициями, прослеженными в материалах Северного Тагискена (Толстов, 1962, с.201—203; Вишневская, Итина, 1971, с.198; Вишневская, 1973, с.64). Совпадают даже такие детали, как обычай выкапывания нескольких столбовых ям в пределах одной, большей по диаметру, что было зафиксировано в Северном и Южном Тагискене (Толстов, Итина, 1966, с.157) и на Нижней Амударье (Яблонский, 1991, рис. 4).

Возникновение и распространение обряда кремации на поверхности горизонта связывают с федоровским вариантом андроновской культуры. Именно так интерпретировал появление трупосожжений в Самарском и Саратовском Поволжье К.Ф.Смирнов (1957, с.7), а в Нижнем Поднепровье — В.В.Отрощенко (1976, с.185). В последнее время многими исследователями (Е.Е.Кузьмина, Т.М.Потемкина, М.А.Итина) разделяется точка зрения, согласно которой в пределах андроновской культурной области (АКО) развиваются, а на каком-то этапе сосуществуют две культуры — алакульская и федоровская, причем ни одна из них не являлась вариантом или последовательной ступенью андроновской культуры. Недавно эта же точка зрения на погребальном материале была обоснована С.В.Хабаровой (1993). Кроме того, установлено, что в памятниках федоровской культуры сосуществовали обряды кремации и ингумации. И, наконец, федоровские памятники в большинстве случаев датируются более поздним временем, чем алакульские. Два последних обстоятельства имеют существенное значение для анализа генетических корней сакской культуры.

Продолжая нашу тему, заметим, что для эпохи поздней бронзы погребения с кремацией засвидетельствованы и на Южном Урале (Сальников, 1940, с.58—67; 1948, с. 35—34). Там этот обряд продолжает бытовать и на ранних стадиях сарматской культуры (Смирнов, 1954, с.197; Мошкова, 1961, с.121). Сарматским временем был датирован курган с кремацией в Волгоградском Заволжье (Синицын, 1954, с.85—87).

Что касается Приаралья, то и здесь в послесакское время обряд, связанный с трупосожжением, получает дальнейшее развитие как на Нижней Сырдарье (Толстов, Итина, 1966, с.165; Левина, 1979, с.178—180), так и в левобережье Амударьи (Лоховиц, 1968, с.157; Болелов, 1994). В частности, длительное сохранение древних традиций кремации у населения Сырдарьи демонстрирует погребальный комплекс Чирик-Рабат, где был исследован мавзоль, датирующийся IV—III вв. до н.э. Детали обряда сожжения и особенности планировки погребальной камеры этого сооружения восходят к традициям Северного Тагискена (Трудновская, 1963, с.213).

Говоря об особенностях обряда кремации у саков Южного Приаралья, надо заметить, что ни в Уйгараке, ни в Южном Тагискене не были встречены захоронения праха сожженных на стороне, между тем, как такие погребения раннесакского времени были

раскопаны на территории Присарыкамышья (Яблонский, 1991, с.74).

И все же, подавляющее большинство захоронений в могильнике Южный Тагискен — 31 из 37, или около 84% было совершено с использованием ингумации. Для сравнения отметим, что в сакарчагинских могильниках обе категории погребений распределялись поровну, а в Уйгараке полные трупосожжения встречались лишь в единичных случаях.

Два раза трупоположения совершали на поверхности древнего горизонта (1,II,A,1,1 и 1,II,A,1,2), внутри имитированной столбовой конструкции. В кургане 30 столбовые ямы образовывали в плане прямоугольник, причем некоторые из них были перекрыты слоем камыша и коры, которыми была выстлана поверхность погребальной площадки. Трупоположения на горизонте, аналогичные по обряду тагискенским, часто встречались в Уйгараке (Вишневская, 1973, с.61—63) и в Присарыкамышье (Вайнберг, 1979а, с.36; Яблонский, 1991, с.79). Все, что было сказано выше относительно кремации на горизонте, справедливо и для ингумаций. Весьма вероятно, что оба способа существовали одновременно. Во всяком случае, в могильнике Сакарчага 6, где и те, и другие погребения составляли равные по численности группы, они сопровождалась идентичным по типологическому составу набором инвентаря. Очень интересное захоронение было раскопано в могильнике Сакарчага 3. Здесь, в одном из курганов, круглая в плане погребальная площадка, была разделена на две половины столбовыми ямами, выстроенными по одной линии. В одной из камер было совершенно трупоположение, а в другой сожжение. Стратиграфические наблюдения показали синхронность обоих захоронений. К вопросам, связанным с сосуществованием в сакских памятниках этих способов погребения мы еще вернемся ниже.

Основная масса курганов Южного Тагискена сохранила ингумации в ямах (29 случаев из 37). Двадцать три ямы не имели дромосов. В зависимости от наличия или отсутствия перекрытия эти погребальные камеры делятся на подгруппы.

Не было обнаружено следов перекрытия лишь в двух случаях, причем в обоих дно ямы было выстлано камышом. Такие ямы составляли большинство в западной группе Уйгарака.

О.А.Вишневская (1973, с.68) видела единственные эпохальные аналогии этим могилам на территории Восточного Казахстана, на Алтае, но, главным образом, — в Южном Приуралье савроматского времени. Теперь, после раскопок могильников раннесакского времени в левобережье Амударьи, список аналогий можно дополнить (Вайнберг, 1979а, Яблонский, 1991).

Все остальные грунтовые могилы этой группы, а их — 21, имели деревянные перекрытия и были широкопрямоугольными в плане. В ряде случаев при совершении обряда перекрытия поджигали. Таких ям —

три, причем все они имели ритуальные ямки по углам (2,II,A,1,1). В остальных случаях (18) перекрытия не носили следов огня. Среди ям с несожженным перекрытием по форме устройства выделяются камеры с ямками по углам (2,II,B,1,1), с ямками по углам и канавками вдоль стен (2,II,B,2,1), камеры, перекрытие которых поддерживалось столбами (2,II,B,3,1) и широкопрямоугольные с плоским перекрытием, ямы без дополнительного оформления (2,II,B,4,1). В большинстве случаев пол камер был устлан камышом, а на дне некоторых были прослежены деревянные решетки и песчаные подсыпки.

Ни в одной из угловых ямок не были зафиксированы следы древесины. В ряде случаев площадь ямок была перекрыта слоем растительной подстилки, а иногда в заполнении "столбовых" ям находили предметы сопровождающего инвентаря. Все это со всей очевидностью доказывает их не столько конструктивное, сколько ритуальное назначение в погребальном обряде — они лишь имитировали столбовую конструкцию перекрытия. На самом же деле балки перекрытия укладывали прямо на поверхность горизонта в один или несколько рядов, а сверху настилали ветки, камыш или кору. Конструктивные особенности такого перекрытия были подробно прослежены, например, в кургане 37 (см. описание в гл.1).

Совершенно аналогичный обряд известен по захоронениям Уйгарака (Вишневская, 1973, с.60). В сходных по конструкции камерах могильника Сакарчага 6 угловые ямки также не содержали следов дерева (Яблонский, 1991, с.80, рис. 9).

Помимо приаральского региона на территории Средней Азии аналогичный погребальный обряд известен только по материалам могильника Калкансай в низовьях Зерафшана. Наиболее ранние захоронения этого могильника О.В.Обельченко (1980, с.250—258) датировал VII в. до н.э. Он полагал, что этот вид погребальных камер появился на территории Согда в результате миграции сюда какой-то группы саков Приаралья.

К востоку от Нижней Сырдарьи такие погребальные камеры были исследованы в могильниках саргатской культуры, но там их присутствие объясняли тесными связями с населением скифского времени Средней Азии и Причерноморья (Матвеева, Матвеев, 1992, с.125—126).

В Синташте (Геннинг, 1977, с.65), а затем — в срубных могильниках Поволжья, намечилась связь этого вида погребальных сооружений с обрядом кремации. Больше аналогий можно обнаружить в украинских степях. По данным В.С.Ольховского (1978, с.86—96), каркасно-столбовые конструкции фиксируются здесь начиная с чернолесского времени. Сначала они действительно служили для установки столбов. Но уже в белозерскую эпоху ямки редко использовались по назначению, и с их помощью лишь имитировали деревянную каркасно-столбовую постройку — полуземлянку (Отрошенко, 1975, с.196;

Лесков, 1981, с.71; Тошев, 1984, с.24), доживая до IV—III вв. до н.э. (Мурзин, 1982, с.49; Ольховский, 1991, с.20).

Для Приаралья отмечалась генетическая связь этого обряда с мавзолеями Северного Тагискена (Толстов, Итина, 1966, с.155—157).

В Уйгараке, так же, как и в Тагискене, значительно меньшую в количественном отношении группу составляли могильные ямы с канавками вдоль стен (Вишневская, 1973, с.60—61), а в Присарыкамышье таких камер нет вовсе. Г.Б.Зданович (1969, с.78), обнаружив такие погребения раннесакского времени на р.Ишим, связывал их генезис с андроновскими традициями. Вместе с тем, необходимо отметить присутствие могильных ям с канавками вдоль стен и в памятниках белозерского времени Северного Причерноморья (Петренко, 1967, с.15; Отрошенко, 1975, с.194; Галанина, 1977, с.22, 38; Тошев, 1984, с.29;). Иногда канавки сопутствуют здесь ритуальным столбовым ямкам (Шарафутдинова, 1981, с.89). Белозерские могильные ямы с канавками, так же, как и камеры с угловыми ямками чаще всего датируют IX—VIII вв до н.э., хотя некоторые исследователи не исключают и XII—X вв (Тошев, 1984, с.24). По данным В.С.Ольховского (1991, с.22), такие могилы отмечены и в скифских памятниках, где они не встречаются позже V в. до н.э.

Нам представляется, что канавки вдоль стен могильных камер изначально, так же, видимо, как и угловые столбы, имели чисто практическое назначение. Так, в большом грунтовом могильнике Синташта (петровская или раннеалакская культура, 2-ая четв. II тыс. до н.э.) деревянная облицовка погребальных камер из досок вставлялась вертикально в такие канавки (Синташта..., 1992, с.379). Так что прав, очевидно, Г.Б.Зданович, связывая генетически эту конструкцию с андроновской культурой. Этот же прием был зафиксирован и в мавзолее 7 Северного Тагискена, где обугленные деревянные плашки были раскрыты *in situ* в такой канавке. Аналогичная канавка есть и в наиболее позднем, вероятно, мавзолее 6, но в ней *in situ* группами стояли сосуды, т.е. функционально она уже не использовалась (Итина, 1992).

Думается, что канавки вдоль стен погребальных камер сакских могильников Южный Тагискен и Уйгарак, образующие "столики" на которых покоился погребенный, своими корнями восходят к степным традициям эпохи бронзы.

Сходство в целом, погребального обряда Южного Тагискена и Уйгарака иллюстрируется и другими деталями: это и наличие растительной подстилки и деревянные жерди, и решетчатые деревянные носилки на дне погребальных камер (Вишневская, 1973, с.63). В присарыкамышских погребениях камыш использовался часто, но вот деревянных носилок здесь нет, хотя, возможно, это связано с худшими условиями сохранности дерева.

Нет в амударьинских курганах и могил с сожженными перекрытиями, хотя, как уже отмечалось, роль огня в погребальном обряде присарыкамышских саков была велика. В Уйгараке известно лишь одно такое погребение, которое О.А.Вишневская (1973, с.65) отнесла к наиболее поздней хронологической группе могильника. При захоронении в грунтовых ямах Уйгарака, огонь не играл существенной роли.

Погребальные камеры с плоским перекрытием на четырех столбах встречаются в погребениях срубной эпохи. Тогда же возникает обычай разводить костры на месте захоронения, перед сооружением насыпи (Граков, 1977, с.110,117). Погребения в ямах и на дневной поверхности, с деревянными склепами, нередко со следами сожжения деревянных конструкций в позднюю бронзу (Отрошенко, 1975, с.198) и в раннескифское время (Ильинская, Тереножкин, 1983, с.359) существовали в лесостепной зоне Восточной Европы.

С миграцией позднесрубного населения связывают появление погребального обряда с применением огня на Северном Кавказе (Козенкова, 1982, с.28—30) и в Закавказье (Погребова, 1977, с.115,133).

Впрочем, нельзя утверждать, что этот обычай был специфичен для позднесрубных и раннескифских популяций Восточной Европы. В могильнике Дашти-кази близ Пянджикента огонь сопровождал каждое погребение. Происхождение населения, оставившего этот могильник, Т.М.Потемкина (1987, с.76,78) связывала с азиатской степью. Сжигание деревянных конструкций могил было распространено у большеерченских коллективов Верхней Оби (Грязнов, 1956, с.82), а в эпоху, переходную от бронзы к железу — у населения Северного, приишимского Казахстана (Хабдулина, 1992, с.11). На второй стадии тагарской культуры поджигание погребальных камер перед засыпкой могилы становится обычным явлением (Дэвлет, 1975, с.126—127). И все же, как уже отмечал Г.Б.Зданович (1988, с.153), чем дальше на восток, тем реже встречается в погребальном обряде кремация. Надо присоединиться к мнению о том, что, хотя почитание огня было характерно для всех индоиранских и вообще индоевропейских народов, наиболее отчетливо применение огня для неполного сожжения погребенного прослеживается по материалам эпохи поздней бронзы и раннего железа в лесостепной и степной зоне Восточной Европы, в Приуралье и Приаралье.

Нам осталось рассмотреть группу погребальных камер с длинными входами-дромосами (2,II.В,1А и 1Б).

Дромос, как конструктивный элемент погребальной камеры, в принципе, известен в материалах раннесакского и сакского времени Средней Азии и Казахстана, как в наземных, так и в грунтовых сооружениях. Ямки, обозначающие вход, хорошо знакомы по материалам Присарыкамышских могильников и Уйгарака. Дромосы имели погребальные каме-

ры Чиликтинских (Черников, 1965) и Бесшатырских (Акишев, Кушаев, 1963) курганов Казахстана. Во второй половине 1 тыс. до н.э. погребальные камеры с дромосами, предназначенные для коллективных захоронений, широко распространились в Арало-Уральском степном регионе (Яблонский, 1992). Однако, мы не знаем точных аналогий тагискенским коридорообразным дромосам ни в европейской, ни в азиатской части степей. Нельзя не заметить, что погребальные камеры дромосных могил Тагискена с их деревянными перекрытиями, угловыми ямками по углам и "столиком" (одно перекрытие было сожжено) живо напоминают бездромосные могилы некрополя. И мы вполне можем допустить, что между этими типами камер существовала какая-то связь, хотя они никак не могут синхронизироваться (подробнее см. об этом ниже, в разделе, посвященном хронологии погребений).

Все же надо признать, что в сакское время сооружения с дромосами оказываются, в принципе, более характерными для восточных регионов степей, чем для западных.

Изложенные выше материалы позволяют на этом этапе исследования прийти к следующим основным выводам:

1. Типологические характеристики погребальных камер могильника Южный Тагискен имеют прямые аналогии в других погребальных комплексах Приаралья, которые были датированы раннесакским временем.

2. Вместе с тем, некоторые конструктивные особенности, а также частота встречаемости отдельных признаков погребений, со всей очевидностью указывают на определенные различия в погребальном обряде саков Южного Тагискена и Присарыкамышья. Более того, определенные различия наблюдаются и между захоронениями Южного Тагискена и Уйгарака, сакского могильника, расположенного всего в 30 км от Тагискенской возвышенности. Не исключено, что ключ к объяснению этих различий можно получить при исследовании предметов материальной культуры из захоронений Южного Тагискена.

ГЛАВА 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на почти сплошное ограбление погребений Южного Тагискена в могильнике в процессе раскопок был получен многочисленный, выразительный и разнообразный по составу инвентарь. Судя по тому, что грабительские ходы вели, как правило, к голове погребенного, можно предположить, что именно там, а не в ногах находились наиболее ценные вещи. В результате разрушения костяков антропологическое определение пола большинства захороненных затруднено. Однако, в целом ряде случаев сохранившийся комплекс вещевого инвентаря может все же предположительно характеризовать пол погребенного.

По-видимому, покойника клали в могилу в одежде и головном уборе, которые могли быть расшиты мелкими бусинами и золотыми бляшками. В кургане 54, например, были обнаружены узорчатые накладки на пояс типа аппликации, вырезанные из золотой фольги. Во многих погребениях встречались бусы из сердолика, бирюзы, халцедона и других пород камня.

Бронзовые и железные однолезвийные ножи лежали как в мужских, так и в женских захоронениях, у ног. Конскую сбрую, имитировавшую, видимо, захоронение коня, в большинстве случаев клали тоже в ногах погребенных, как мужчин, так и женщин.

Керамика также имеется и в мужских, и в женских могилах, но далеко не во всех. Обычно это один или два лепных горшка, редко — три. Как правило сосуды, если они были зафиксированы *in situ*, стояли в ногах.

Непременной принадлежностью мужского инвентаря является оружие: бронзовые наконечники стрел (иногда — в колчане, иногда — в виде пучка), бронзовые и железные кинжалы, часто сопровождаемые каменным оселком, железные длинные мечи.

В инвентаре женских погребений встречаются дисковидные бронзовые зеркала с бортиком и петлевидной ручкой в центре, каменные алтарики, плоские обработанные кости, на которых с помощью каменных терочников растирались кусочки реальгара и киновари, а также предметы быта — зернотерки и пряслица.

Рассмотрим сопровождающий инвентарь по категориям.

Керамика (Рис. 66, 67). При ограблении могил большая часть керамических сосудов была разбита, и

их фрагменты находили не только на дне погребальных камер, но и в заполнении могильных ям, а также в пределах грабительских лазов. Таким образом, редко удавалось с достаточной степенью уверенности выявить изначальное местоположение сосудов в погребальной камере.

С большой долей вероятности можно предполагать, что в кургане 40 сосуд стоял в площади юго-западной входной ямки (в ногах погребенного); в курганах 47 и 49 сосуды располагались справа от погребенного, у верхней части тела; в кургане 52 оба сосуда стояли в головах, а в кургане 62 — вблизи правого бедра захороненного. В двадцати двух камерах керамики не было.

Все сосуды лепные, сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц. Они имеют серый или коричневый цвет, иногда покрыты жидкой глиняной облицовкой. Поверхность сосудов затерта, в единичных случаях встречены следы лощения. Черепок довольно грубый, обжиг костровой. На некоторых экземплярах были заметны пятна копоти. Все сосуды плоскодонны. Край их в большинстве случаев уплощен.

Среди археологически целых или восстанавливаемых сосудов отчетливо выделяются формы, характерные для сырдарьинского и нижнеамударьинского сакских ареалов. Это, прежде всего, кринкообразные горшки с узким, высоким и слегка изогнутым горлом и низким раздутым туловом. Они, как и все сосуды из могильника — плоскодонные. Высота их различна — от 15—17 см до 25. Сосуды этого типа иногда имеют круглую в сечении налепную ручку (курганы 3 и 36; Рис. 18, 2). Керамика этой формы встречалась в Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. XXII, 2,3) и в комплексе куюсайской культуры (Вайнберг, 1992, табл. 44,7) Спорадически их находили в скотоводческих комплексах более позднего времени.

Другая часто встречающаяся форма — грушевидные сосуды (Рис. 22,5; 45,1,2). Они известны по материалам Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXII, 22-26) и в памятниках куюсайской культуры (Вайнберг, 1992, табл. 44, 6,8). Генетически эта форма восходит, очевидно, к дандыбай-бегазинским и тагискенским сосудам эпохи поздней бронзы (Маргулан, 1979, с.16, рис. 84; Толстов, Итина, 1966, с. 159; рис. 6). Следует заметить, что кринкообразные

сосуды и сосуды с грушевидным туловом, в принципе, близки по форме и, в целом, они являются ведущим типом посуды в Южном Тагискене. Восточнее сырдарьинской дельты сосуды этого типа встречаются sporadически. Отдельные экземпляры есть в комплексе сакского времени на Памире. Небезынтересно, что в памятниках савроматского периода на Южном Урале грушевидные сосуды появились в VI в. до н.э., являясь типичными для данных комплексов (Смирнов, 1964, с.118). Не исключено, что присутствие их там было обусловлено культурными связями с саками среднеазиатского междуречья.

Еще одна, характерная для Южного Тагискена форма — сосуды с трубчатим носиком, отходящим от тулова на уровне плечика и приподнятым в большей или меньшей степени к краю горла (Рис. 3,6,9; рис. 14, 28).

Один из тагискенских сосудов этой формы имеет сферическое тулово и слегка отогнутый венчик. Тулово другого по форме приближается к цилиндру, а край венчика у него прямой. Оба происходят из кургана 9. Остальные сохранились фрагментарно. Все сосуды этой разновидности выполнены из рыхлого теста, черепок в изломе темный, поверхность черного цвета закопчена.

Помимо Южного Тагискена в Приаралье аналогичные по форме сосуды находили в сакских захоронениях Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXII, 9-11; табл. XXIII, 1,2), на поселениях сакского типа в районе слияния протоков Акчадарья и Жанадарья (Левина, 1979, рис. 9, 1-2, 10-15), в Присарыкамышье: на поселении Куюсай 2 (Вайнберг, 1979, табл. VII, 1-5) и в курганах на возвышенности Сакарчага (Яблонский, 1991б, рис.2, 8; 5, 6; 1996, рис. 8,8).

В предсакское и раннесакское время принципиально сходные формы фиксируются на юге Средней Азии (Массон М, 1951, рис. 11, 7; Литвинский, 1959, с. 49; Тереножкин, 1940, с. 32—38), и в Семиречье (Акишев К., 1956, табл. II, 18; Акишев, Кушаев, 1963, рис. 77; рис. 82, 1,2; Бернштам, 1950, табл. ХСV, 53,55; Бабанская, 1956, табл. V,7; табл. VI,1,2).

В савроматское время сосуды с носиками получили распространение в Южном Приуралье и в Нижнем Поволжье (Смирнов, 1964, с.118, рис. 66,5; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 7,34,37; табл. 8,36). Однако, по справедливому замечанию О.А.Вишневской (1973, с.79), приуральская керамика этого вида все же далека от сакской, хотя исключить взаимодействие на Урале этой формы из Средней Азии, нельзя (См. об этом также: Смирнов, 1964, с.118—119).

Остальные формы представлены в Южном Тагискене единичными экземплярами.

Из серии сосудов баночного типа целой формой представлен экземпляр из кургана 52 (Рис. 40, 11). Диаметр его горловины несколько превышает диаметр дна, а чуть приостренные края венчика слегка

вогнуты так, что наибольший диаметр сосуда приходится на середину тулова. Поддон выделен. Подобные формы керамики известны в степи с эпохи бронзы и имеют самый широкий круг аналогий, в том числе, и в сакских памятниках Приаралья (См., например: Вишневская, 1973, табл. XXII,19; Вайнберг, 1979, табл. XXIII; Яблонский, 1991б, рис. 2).

Горшкообразные сосуды со сферическим туловом (Рис. 3,5) выполнены из рыхлого теста и имеют поверхность желтоватого цвета. Условно можно выделить два варианта таких сосудов — с отогнутыми и прямыми венчиками. И те, и другие известны в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXIII, 3-5) и на поселении Куюсай 2 (Вайнберг, 1979; табл. VI). Один из тагискенских сосудов имеет реповидную форму (Рис. 60, 1), аналогия которой известна в тагарских древностях (Членова, 1967, табл. 42, 15).

В единственном экземпляре был встречен небольшой приземистый горшочек (курган 52), диаметр дна которого немного превышает диаметр горла. Он имеет две петлеобразные ручки (Рис. 36, 10). Фрагмент горшка с двумя такими ручками был найден на поселении Куюсай 2 в Присарыкамышье (Вайнберг, 1979, табл. VII, 6). Целый горшок с двумя ручками, но иной формы — в составе керамического комплекса из Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXII, 21).

Наконец, обращает на себя внимание бокальчик с обломанной ножкой из кургана 9 (Рис.3,7). Аналогии ему есть в тагарских комплексах (Членова, 1967, табл. 42,8,20). По предположению Б.И.Вайнберг, сходные формы были и на поселении Куюсай 2, но там представлены лишь ножки от таких сосудов (Вайнберг, 1979, табл. VII, 14-20). К тому же, в отличие от тагискенского экземпляра, в куюсайских сосудах имелось центральное сквозное отверстие. Б.И.Вайнберг полагает, что это были светильники. Нельзя упускать из виду, что сама по себе форма бокалов или кубков известна в степях Евразии с эпохи поздней бронзы. Есть кубок и в материалах Северного Тагискена (Итина, 1992, табл. 2, 31), но он имеет другую форму. Как отмечала Е.Е.Кузьмина (1974), кубки встречаются в комплексах единично, и, по видимому, не принадлежали к типу массовой посуды. В эпоху раннего железа они, практически, уже вышли из употребления.

Не вызывает сомнений, что комплекс лепной посуды из Южного Тагискена, в целом, вполне сопоставим с керамикой, полученной из памятников, которые включаются, как правило, в круг сакских. Это дает возможность рассматривать тагискенский керамический комплекс как один из вариантов сакской посуды.

Нужно лишь добавить, что в насыпях курганов, на поверхности погребенной почвы, иногда — в заполнении могильных ям находили фрагменты лепной керамики, орнаментированной насечками. В одном случае был найден фрагмент лепного горшка,

орнаментированного с помощью гребенчатого штампа. Нельзя, однако, с достаточной уверенностью утверждать, что орнаментированная керамика имеет непосредственное отношение к сакскому погребальному ритуалу. Скорее всего, это более ранняя керамика эпохи поздней бронзы, попавшая в насыпь кургана или заполнения ямы случайно.

Один фрагмент круговой сероглиняной керамики был найден на полу погребальной камеры кургана 8, и этот фрагмент вполне может иметь отношение к данному погребению. Довольно многочисленные находки сероглиняной круговой керамики импортного, южносреднеазиатского происхождения были сделаны в сакских памятниках Сырдарьи (Вишневская, 1973, рис. 48) и Присарыкамышья (Вайнберг, 1979, табл. IX, 9, 12; Яблонский, 1991б, рис. 13,4,5; 1996, рис. 13, 2,3).

Ножи часто встречались в захоронениях Южного Тагискена. По материалу, из которого они были сделаны, ножи делятся на три группы: железные, бронзовые и костяной (единственный экземпляр).

Костяной нож (Рис. 9, 5), найденный в кургане 29, выполнен из ребра крупного животного. Общая его длина 152 мм. Наибольшая ширина лезвия — 20 мм. Рукоять не выделена и в верхней части имеет сквозное отверстие диаметром 4 мм — для подвешивания. Еще один предмет из кости, который мог служить в качестве ножа, происходит из кургана 55 (Рис. 47, 8). Он также сделан из ребра животного и имел резную рукоять.

Железные ножи плохой, как правило, сохранности и чаще всего обнаруживались во фрагментарном состоянии. Все они односторонней заточки, а по форме рукояти подразделяются на два вида: с выделенной рукоятью — из курганов 59, 61, 62 (Рис. 55, 13; рис. 57, 8; рис. 59, 12) и с невыделенной рукоятью. По форме клинка ножи делятся на прямые и с горбатой спинкой. Ножи с горбатой спинкой имели невыделенную рукоять. Таковы экземпляры из курганов 40, 57 (Рис. 45,6; 52,6). В силу неудовлетворительной сохранности не определяется с уверенностью форма ножей из курганов 36 и 45 (Рис. 18, 10; рис. 29,5).

Нож из кургана 62 (Рис. 59, 12) определенно имел массивную, округлую в сечении рукоять, тонкий, длинный и прямой клинок односторонней заточки.

Оба варианта железных ножей (с прямой и горбатой спинкой, выделенной и невыделенной рукоятью) имеют множество аналогий в сакских могильниках Приаралья. В частности, совершенно аналогичные экземпляры были найдены в захоронениях Уйгарака (Вишневская, 1973, с.72), где они были датированы VII—VI вв. до н.э. Железные ножи с горбатой спинкой и невыделенной, с полукруглым окончанием рукоятью встречались также в саксарчагинских могильниках Присарыкамышья в разнотипных по устройству погребальных камерах (Яблонский,

1991б, рис. 3, 8; рис. 10,12,13). Там были найдены и длинные ножи с прямым клинком и выделенной массивной рукоятью — могильник Сакарчага 1, северная группа, курган 1; Сакарчага 6, курган 41 (Яблонский, 1996, рис. 21,10).

Нужно еще отметить, что в кургане 57 Южного Тагискена была найдена пара железных ножей, причем лезвия их были наложены друг на друга. Пара бронзовых ножей зафиксирована в кургане 55. Оба этих случая заслуживают специального рассмотрения, и к этому сюжету мы еще вернемся на последующих страницах.

Анализ типологических форм ножей, представленных, как правило отдельными фрагментами, мало что дает для хронологической атрибуции погребений. Прототипы ножей, как с прямым лезвием, так и с горбатой спинкой, известны с эпохи поздней бронзы, а сами эти формы продолжают существовать и в сарматское время как в европейских степях (Смирнов, 1964, с.105—106), так и в азиатских. На приаральских материалах можно лишь высказать осторожное предположение о том, что ножи с прямым лезвием и массивной рукоятью вошли в употребление относительно позже остальных. Во всяком случае, для обоих присарыкамышских захоронений, в которых они были найдены, не исключается дата в пределах VI в. до н.э., а в Южном Тагискене такой нож был найден вместе с втульчатými трехлопастными наконечниками стрел, которые также не могут быть датированы более ранним временем. Вместе с тем, железные ножи с невыделенной рукоятью встречались в тех погребениях Уйгарака и Сакарчаги, вероятная верхняя дата которых вполне укладывается в пределы VII в. до н.э.

К предметам труда и быта относятся каменные оселки, пряслица и поделки из кости и железа.

Из шести *пряслиц*, найденных в Тагискене, лишь одно (Рис. 49,7) было сделано из камня. Все остальные — керамические. Все пряслица характерной усеченно-конической формы и различаются между собой лишь деталями — большим или меньшим диаметром среза верхней части (ср.: Рис. 17, 10 и Рис. 22, 12). Некоторые из них имеют выгнутые в профиль боковые поверхности (Рис. 33, 5), другие — вогнутые (Рис. 36, 9).

Глиняные пряслица аналогичных форм часто находили в приаральских могильниках: в Тумеккичиджике (Вайнберг, 1975, с.47; 1979, с.41), в Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. XVI,9; XVIII, 8), в Сакарчаге 3 (Яблонский, 1986, рис. 1). Они вообще характерны для памятников раннесакского круга.

Последнее замечание относится и к *каменным оселкам* прямоугольной формы, прямоугольных в сечении, иногда — со сквозным отверстием в верхней части. В Южном Тагискене были найдены четыре каменных оселка различных форм и размеров (Рис. 14,35; рис. 29,7; рис. 33,3). Полные аналогии им имеются в материалах могильников Сакарчага 1 и 3

(Яблонский, 1986, рис.1), а также — в Уйгараке. О.А.Вишневская (1973, с.73) отмечала, что в захоронениях Уйгарака оселки всегда располагались поблизости от ножей, что и свидетельствует об их функциональном назначении — для заточки ножей. К слову сказать, М.П.Грязнов (1961, с.142), полагал, что эти предметы имели культово-магическую роль, а А.Х.Халиков (1977, с.158) рассматривал их в качестве "запора пояса".

Какое-то бытовое назначение могли иметь еще три предмета из Южного Тагискена. Это обработанные трубчатые кости, вероятно, игольники (Рис. 49, 4, 8), квадратный в сечении предмет из бронзы, возможно, шило (Рис. 49, 5).

Предметы сакрального назначения. Строго говоря, выделение этой группы инвентаря является чисто условным, поскольку в погребальном обряде любой его элемент непременно несет в себе определенную сакральную нагрузку. Выше мы уже упоминали о *ножах*, которые в сакских могильниках находят иногда парами. В могильнике Сакарчага 6, курган 20, два длинных бронзовых ножа с прямой спинкой и слабо выделенной рукоятью (Яблонский, 1991б, рис. 7,67,68) были наложены друг на друга, рукоятями в противоположные стороны. В кургане 23 того же могильника аналогичным образом лежали железные ножи (Яблонский, 1991б, рис.10, 12, 13), которые наконечниками стрел датируются временем не позднее VII в до н.э. Парные ножи, найденные в Уйгараке, и также датированные VII в. до н.э. (Вишневская, 1973, с.68) рассматривались в качестве элемента атрибутов власти. Этот признак погребального обряда прослеживается не только в сакских, но и в собственно скифских памятниках Северного Причерноморья, где такие находки датировали в пределах VII—VI вв. до н.э. (Іллінська, 1951, с.209; Ильинская, 1975, с.64; 1980, с.47) и V в до н.э. (Петренко, 1967; Яценко, 1959, с.48; Замятнин, 1946, рис. 22, с.49).

Все исследователи согласны в том, что в случаях, когда ножи в захоронениях находят парами, можно говорить об их жертвенном, культовом назначении. Так же нужно трактовать и тагискенские находки. Надо полагать, что этот элемент погребального обряда в основе своей имеет общеиранские идеологические представления. Об этом свидетельствует то, что он получил широкое распространение в разнотнической, скорее всего, среде скотоводов степной Евразии и существовал здесь в течении длительного отрезка времени.

Если жертвенные ножи являлись атрибутом мужских захоронений, то для женских погребений были характерны каменные *зернотерки* (Рис. 6,8; рис. 9,7; рис. 18, 15), которые обычно находят вместе с пестиками (Рис. 9,3; рис. 18, 14; рис. 33, 2; рис. 49, 3). Чаще всего эти предметы не подвергались тщательной обработке и представляют собой обломки дикого песчаника, как правило, подпрямоугольной или подовальной формы. Одна из поверхностей камня — рабочая, имеет более или менее выраженную

вогнутость. Таковы находки в могильниках Присарыкамышья (Вайнберг, 1979, табл. XXV, а,б; Яблонский, 1986, рис. 1, 8,9; 1991, рис. 3, 9-11; рис. 5, 8,9; рис. 6, 36; рис. 13, 2,3) и в Уйгараке (Вишневская, 1973, с.70). Аналогичны им предметы, найденные в курганах 26, 28 и 36 Южного Тагискена. В кургане 28 две зернотерки лежали вместе с пестиками. Иногда, как это было, например, в Присарыкамышье, пестикам специально придавали форму правильного цилиндра с выделенной и особо тщательно оформленной рабочей частью (Яблонский, 1991б, рис. 3,5; 1996, рис. 21, 9).

О том, что зернотерки и терочки, имеющие, казалось бы, исключительно утилитарное назначение, в погребальном обряде несли на себе сакральную нагрузку, свидетельствуют находки на их рабочей поверхности крупинок или следов реального. Такие же следы фиксировались и на рабочих плоскостях пестиков (Вайнберг, 1979, с.41; Вишневская, 1973, с.85). Материалы из сакских могильников Приаралья со всей очевидностью свидетельствуют о прочной семантической связи в погребальном ритуале зернотерок и реального, причем именно в женских погребениях.

Помимо более или менее бесформенных зернотерок в захоронениях Южного Тагискена были неоднократно встречены специально изготовленные из камня *алтари*, или, как их еще называют, *жертвенники*. По форме они делятся на четыре типа (Рис. 68):

Тип 1. — овальной формы, с плоским дном — курганы 26, 28, 44, 45, 49 (Рис. 6, 5, 7; рис. 9,8; рис. 27, 9; рис. 29, 11; рис. 36, 14).

Тип 2. — клювовидные, с плоским дном — курганы 40, 60 и 66 (Рис. 22, 6; Рис. 55, 10; Рис. 65, 7).

Тип 3. — овальные, с четырьмя выступами-ножками — курган 45 (Рис. 29, 6).

Тип 4. — прямоугольные, с плоским дном — обломок из кургана 62 (Рис 55, 14, 19).

Жертвенник из кургана 26 имел длину 180 мм, ширину по краям бортиков 50 мм и высоту бортика 48 мм. Жертвенник из кургана 28 имел габариты по осям 210x75 мм при высоте бортика 30 мм. Основные габариты жертвенника из кургана 44 — 125x23 мм при высоте бортика 23 мм. Размеры жертвенника из кургана 45 — 120x48 мм при высоте бортика 23 мм. Жертвенник из кургана 49 имел длину 195 мм, ширину 47 мм и высоту бортика 27 мм.

Однотипные каменные жертвенники — блюда составляли неотъемлемую часть погребального инвентаря женских захоронений Уйгарака. О.А.Вишневская (1973, с.86—87) отнесла их к группе 1 своей классификации, отметила их полное сходство с экземплярами из женских погребений тасмолинской культуры Казахстана и погребений ранних кочевников Северного и Северо-Восточного Казахстана и не характерность этой формы для захоронений савроматского времени Южного Приуралья. В низовьях

Амударьи аналогичные предметы были найдены в сарчагинских могильниках.

Клювовидный жертвенник из кургана 40 имел длину 115 мм, при наибольшей ширине 60 мм и высоту бортика 30 мм.

Другой клювовидный жертвенник из кургана 60 почти не отличается по форме от предыдущего, но бортики его несколько ниже, а "клюв" более заострен. Основные габариты этого жертвенника — 230 x 210 мм при высоте бортика 30 мм.

Клювовидный жертвенник из кургана 66 (Рис. 65,7) имел бортик, образованный двумя валиками, разделенными желобком. Жертвенник аналогичной формы был найден в могильнике Сакарчага, на Нижней Амударье, в женском погребении, совершенном по обряду кремации. Внутри сохранились крупинки реальгара. Клювовидные жертвенники были обнаружены также в Уйгараке. О.А.Вишневская (1973, с.87) предполагала, что жертвенники такой формы специфичны для Нижней Сырдарьи, однако сходные экземпляры известны по могильникам раннесакского времени Северного и Южного Казахстана (Хабдулина, 1987, с.11).

Овальный жертвенник с четырьмя выступами-ножками из кургана 45 имеет основные габариты 220 x 170 мм при высоте бортика 30 мм. В принципе, он напоминает овальный жертвенник на ножках из Уйгарака (Вишневская, 1973, с.86, табл. XXIV, 1), но, если в уйгаракском экземпляре ножки выполнены в виде вертикальных столбиков, то на тагискенском они лишь намечены в виде невысоких выступов. Жертвенники на четырех высоких ножках в VI—V вв. до н.э. были широко распространены на обширной территории восточного ареала степей (Вишневская, 1973, с.86), но все они, как и уйгаракский экземпляр отличаются тщательной отделкой ножек.

Каменные жертвенники прямоугольной формы с плоским дном, известны по материалам Уйгарака (Вишневская, 1973, с.87, табл. XXIV, 7). Кроме того, аналогичные по форме предметы, но без ножек, встречались и в других могильниках, расположенных на территории Казахстана (Кадырбаев, 1974, с.41; Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с.67).

К.Ф.Смирнов (1964, с.203—204) писал, что каменные алтари-жертвенники составляют особенность памятников самаро-уральской группы, и для Поволжья они не типичны. По мнению исследователей, эти жертвенники, очевидно, были связаны с погребениями жриц и должны рассматриваться как атрибуты культа домашнего очага и солнца (Кадырбаев, 1977, с.211).

Примечательно, что прямоугольный плоский жертвенник (сохранилась половина) из обожженной глины, был обнаружен в мавзолее 6 Северного Тагискена и датируется не позднее VIII в. до н.э. Таким образом, жертвенники могут считаться одной из традиционных составляющих погребального обряда степного населения.

К предметам, связанным с культами относятся и *косяные ложечки*, сделанные из лопаток животных (Южный Тагискен, курган 49; Сакарчага 3, курган 13 (Яблонский, 1996 с.115.; Вишневская, Итина, 1971, с.200; Вишневская, 1973, с.65, 85).

Иногда крупинки реальгара как в Присарыкмыше, так и на Сырдарье находили в отсутствие зернопок и ложечек, но это может означать, что иногда ложечки делали из дерева, и они не сохранились.

Обычай подсыпать в захоронения *реальгар* фиксировался в могильниках срубноандроновского круга (Акишев А., 1984, с.127) и, помимо саков Приаралья, был унаследован населением савроматского времени Южного Приуралья. К.Ф.Смирнов (1964, с.95; 1975, с.156—158) трактовал этот обычай как проявление культа огня. Камень и пестик со следами реальгара был найден также в погребении сакского типа, которое было исследовано в долине Зерафшана (Обельченко, 1980, с.250), в захоронении жрицы, раскопанного в Актюбинской области Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с.67, 70).

В Южном Тагискене реальгар красного, желтого и синего цвета, был найден на поверхности одного из зеркал (Курган 60).

Все бронзовые зеркала, найденные в Южном Тагискене (Рис. 70), относятся к типу дисковидных, с бортиком по краю и с петлевидной ручкой в центре обратной стороны, неорнаментированные (Рис. 18,8; рис. 22,1; рис. 29,9; рис. 65,6). В кургане 36 зеркало и сопровождающий его комплекс вещей не был потревожен грабителями и дает представление о наборе предметов, связанных в погребальном обряде Южного Тагискена с зеркалом. Оно лежало поверх бронзовых удил и псалий, а рядом находилась каменная зернотерка со следами реальгара, каменный пестик со следами реальгара на рабочей поверхности, пряслице и железная пронизь. Весь комплекс располагался вблизи края юго-восточной "столбовой" ямки.

В кургане 45 зеркало и сопровождающий его комплекс вещей частично перекрывал северо-западную "столбовую" ямку и так же лежал *in situ*. В состав набора входили следующие предметы: бронзовые удила с роговыми псалиями, каменный оселок с отверстием, пара подпружных пряжек с изображениями в зверином стиле, каменный алтарь, обоймы для перекрестия ремней уздечки, железный нож. Поверх зеркала лежал каменный оселок, а под ним — накладка из золотой фольги с изображением льва.

На поверхности зеркала из кургана 60 лежал каменный пестик для растирания краски, а рядом, — миниатюрный бронзовый сосудик (?), явно сакрального назначения. На этот раз зеркало было найдено у правого бедра погребенного, но, возможно оно было перемещено уже после захоронения — могила сильно пострадала при ограблении. Похоже на то, что в данном случае *in situ* сохранился только каменный

алтарик, который располагался вблизи края северо-западной "столбовой" ямки.

В кургане 66 зеркало также было сдвинуто grabителями (при этом была повреждена ручка-петелька), но и в этом захоронении имелся каменный алтарик, который лежал в площади северной "столбовой" ямки.

В Присарыкамышских могильниках, возможно, в силу почти сплошной их ограбленности зеркала не были обнаружены. В погребениях Уйгарака их было найдено пять. Все они аналогичны тагискенским. О.А.Вишневецкая (1973, с.85) высказывала предположение о том, что при явно бытовом, в принципе, назначении зеркал, все они в погребальном обряде являлись неотъемлемым атрибутом женщин-жриц, которых в Уйгараке хоронили только в восточной группе могильника. В погребальном обряде зеркало выполняло определенные знаковые функции. Характерно, например, что в кургане 11 Уйгарака зеркало лежало в комплексе с жертвенником, окрашенном костью и терочником. В кургане 47 — вместе с ножом, пряслицем и предметами конской упряжи, в кургане 51 — с жертвенником, пряслицем и деталями конской сбруи.

Условия находок зеркал в захоронениях Южного Тагискена — чаще всего — вблизи символических столбовых ямок, почти обязательное присутствие вместе с ними каменных зернотерок или специально оформленных алтариков со следами реалгара лишней раз свидетельствует в пользу реальности такого вывода. О знаковой символике зернотерок в погребальном обряде саков Присарыкамышья мы уже писали ранее (Яблонский, 1991б, с.10). Там их также находили только в женских погребениях, и они, очевидно, подчеркивали роль женщины, как хранительницы домашнего очага и главного действующего лица при отправлении домашних культов. При этом функции жреца для всего сообщества выполнял, очевидно, мужчина-вождь.

В специальной монографии Т.М.Кузнецовой (1991) проведен археологический анализ зеркал с центральной ручкой-петелькой и бортиком. Там же приводится полный список аналогий этим зеркалам на территории Сибири, Центральной Азии, Казахстана, в европейской степи и лесостепи скифского времени. Это исследование избавляет нас от необходимости повторного анализа. Основные выводы автора сводятся к следующему (Кузнецова, 1991, с. 21 и сл.):

1. Зеркала с центральной ручкой-петелькой являлись священными предметами, что и обусловило специфический характер их распространения в степях и лесостепях Евразии. 2. Наиболее древние памятники с такими зеркалами расположены именно в восточном регионе Евразии, где они датируются VII—VI или в пределах VII в. до н.э. 3. Наибольшая концентрация зеркал данного типа приходится на области Южного Приаралья, которые Т.М.Кузнецова и рассматривает в качестве центра их распростра-

нения. 4. Расширение ареала таких зеркал связано с оттоком сакского населения из Приаралья как на запад, так и на восток, в области распространения тасмолинской и тагарской культур. 5. На западе степного ареала и в приднепровской лесостепи эти зеркала датируются временем не ранее VI в. до н.э., но и там к V в. до н.э. они исчезают.

Нам представляется, что знаковая символика зеркал с центральной ручкой требует более осторожного подхода при их интерпретации как маркеров продвижения собственно сакского населения. Надо иметь в виду, что находки бронзовых зеркал, правда меньших размеров и без бортика, в комплексах степной бронзы Средней Азии (середина — 2-ая половина II тыс. до н.э.) дают возможность предполагать генетическую связь этих двух форм. Возможно, что именно эти зеркала эпохи бронзы послужили основой для появления зеркал с бортиком на значительных территориях (Кузьмина, 1966, с.67—68; Членова, 1967, с. 88—90; Итина, 1977, с. 133—134). Однако, выводы Т.М.Кузнецовой относительно хронологии зеркал представляются достаточно убедительными.

К группе предметов, имеющих отношение к отпавлению культов, можно отнести, по-видимому, и железный предмет из кургана 55 (Рис. 47, 12), который представляет собой дугообразный железный стержень диаметром 20 мм и общей длиной 120 мм.

Совершенно аналогичный предмет был найден при раскопках кургана 12 могильника Сакарчага 6 (кремация на поверхности древнего горизонта). Там он был обнаружен в комплексе с наконечниками стрел, верхняя дата которых не выходит за рамки VII в. до н.э. (Яблонский, 1996, рис. 15,8). О культовом назначении таких предметов свидетельствует, на наш взгляд, находка из кургана 20 могильника Сакарчага 6 (Яблонский, 1991б, рис. 8). В этом случае концы дугообразного железного стержня были обложены подграненной золотой фольгой. К сожалению, плохая сохранность всех трех находок затрудняет определение их функционального назначения, но то, что при совершении погребального обряда им придавалось какое-то особое значение, у нас сомнений не вызывает. Наконечниками стрел стержень из кургана 20 также датируется временем не позднее VII в. до н.э.

Украшения из могильника Южный Тагискен представлены, в основном, бусами. По материалу все они подразделяются на три категории: каменные, костяные и стеклянные (пастовые). Среди каменных бус выделяются халцедоновые и бирюзовые.

Две халцедоновые веретенообразные бусины (Рис. 3, 1, 2) с наведенным по поверхности содовым орнаментом (курган 9) были уже опубликованы ранее (Итина, 1984, рис. 2). Длина одной из них 25 мм, другой — 20 мм. Исследователи предполагают, что они имеют индийское происхождение (Литвинский, 1972, с.80—82; Трудновская, 1979, с.84—85). В Приаралье бусина такого типа была найдена в слоях го-

родища Кюзелигыр вместе с псалиями и обломками каменного жертвенника, которые могут датироваться в пределах VII—VI вв. до н.э. и, в принципе, являются характерными для материальной культуры саков (Итина, 1984, с.82).

Бирюзовые бусы были обнаружены в курганах 36, 47 и 66. В кургане 36 — рубленные дисковидные бисерины диаметром 2,5—4 мм (Рис. 18, 3-7). В кургане 47 — бочковидная, округлая в сечении длиной 5 мм и диаметром 2 мм. В кургане 66 — две округлые бусины диаметром 2 и 5 мм (Рис. 65, 1, 2).

Не исключено, что бирюзовой является неправильно-округлой, дисковидной формы бусина цвета морской волны из кургана 30 (Рис. 12, 4). Ее диаметр — 13 мм.

Как уже отмечалось (Итина, 1992, с. 40), на Сырдарье бусы из бирюзы изготовлялись на месте, а источник сырья для них мог быть единым — Кызылкумский горный массив (Виноградов, Лопатин, Мамедов, 1965, с. 131). По цвету они отличались от бадахшанской бирюзы.

В двух курганах Южного Тагискена были найдены стеклянные пастовые бусы характерного зеленого цвета. В кургане 52 — шесть бусин, округлых в плане и овальных в сечении, диаметром 10—17 мм (Рис. 40, 3-8), в кургане 54 — десять мелких рубленных бусин неправильной формы диаметром 3—5 мм (Рис. 45, 5). Все они, видимо, нашивались на одежду.

Весьма вероятно, что в качестве бусины или подвески была вторично использована и подграненная сердоликовая вставка из кургана 63 (Рис. 60, 2). Для подвешивания в верхней части ее корпуса было просверлено сквозное отверстие. В плане подвеска представляет собой равносторонний треугольник со стороной в 13 мм. Поперечное сечение подвески приближается к овалу с размерами 13x8 мм, диаметр отверстия — 1 мм.

Бирюзовые, сердоликовые и пастовые бусы различных типов составляют неотъемлемую часть комплексов материальной культуры саков. Бусы, аналогичные тагискенским, известны по материалам раскопок поселения Куюсай 2 (Вайнберг, 1979, табл. XIa) и могильников (Вайнберг, 1977, с. 44; 1979, табл. XVб; Яблонский, 1991б, рис. 3, 1-4; рис. 6, 35; рис. 13, 1) в Присарыкамышье. Сходный по составу набор бус присутствует в могильнике Уйгарак (Вишневская, 1973, с.82—84). Пастовые бусы встречались в могильниках раннесакского времени Памира (Бернштам, 1952, с.314), Западного Алтая и Тувы (Грач, 1980, с.25). Ожерелье из голубых пастовых и бирюзовых бус было обнаружено в погребении могильника раннесакского времени Жиланды в Северном Казахстане (Кадырбаев, 1974, с.44). Есть мнение о том, что бирюзовые, сердоликовые и нефритовые бусы в могильниках Восточного Забайкалья, имеют юго-восточное происхождение (Гришин, 1975, с.101).

В связи с находками бирюзы на поселении Куюсай 2 Б.И.Вайнберг (1979, с.18) приводила аргументы в пользу несреднеазиатского ее происхождения. По ее мнению, в кызылкумских месторождениях нет никаких свидетельств добычи бирюзы после эпохи ранней бронзы.

Однако, как известно, кызылкумские месторождения бирюзы, равно как меди и кассетерита находились часто в одной группе. Добыча здесь последних датируется 2-ой половиной II тыс. до н.э. (Пругер, 1978, с.31—32; сводка: Анисеева, 1996). Это уже не ранняя бронза. К тому же, нельзя упускать из вида проявление такого важного фактора, как степень изученности того или иного региона. Этот район, плохо изученный для эпохи ранних кочевников, был связан с древнейшим караванным путем, который продолжал существовать в новое время, чему в немалой степени способствовало наличие там колодез. Этот путь назывался Бухарской дорогой. Можно предположить, что, ранние номады могли попросту подбирать куски бирюзы, как это делали караванщики позднейших времен.

В этом плане интересны результаты спектрального анализа бирюзовой застежки колчана из кургана 23 могильника Сакарчага 6 (Яблонский, 1991б, рис. 10, 16), который был проведен сотрудником аналитической лаборатории ВНИИМС Ж.В.Соболевой. Анализ показал, что образец происходит из месторождения в Центральных Кызылкумах, вероятно, в районе Учкудука.

Однако, в принципе, возможность появления в Южном Приаралье украшений с использованием не только кызылкумской, но и бадахшанской бирюзы, конечно, отрицать не приходится.

К числу украшений можно отнести также некоторые предметы из золота. Это проволочная спиралька из кургана 54 и предмет из девяти спаянных между собой шариков из кургана 63 (Рис. 60, 3). Не исключено, что для украшения одежды использовались костяные цилиндрики с боковой прорезью из кургана 61 (Рис. 57, 2).

Железный, согнутый в дугу стержень диаметром 7 мм из кургана 36 (Рис. 18, 13) можно предположительно определить как фрагмент *браслета*. Железные кольцевые браслеты известны по материалам могильника Сакарчага 6 и Уйгарака. По замечанию О.А.Вишневской (1973, с.82), такие браслеты были широко распространены в памятниках скифо-сакского времени и не имеют, видимо, более строгой хронологической атрибуции.

В группе украшений нам осталось рассмотреть *серьгу* из кургана 51 (Рис. 40, 9). Эта серьга состоит из трех элементов — проволочного золотого кольца для подвешивания, золотой конусовидной обоймы с перетяжкой по нижнему краю и бирюзовой каплевидной вставки. Общая ее длина 27 мм, диаметр кольца — 14 мм, длина стерженька 6 мм, длина вставки — 8 мм.

В сакарчагинских комплексах почти аналогичные серьги были найдены дважды. Они отличаются от тагискенской лишь тем, что кольцо для подвешивания было сделано у них из трех витых, спаянных между собой проволочек (Яблонский, 1991б, рис. 3,7; рис.10, 11). Фрагменты аналогичных подвесок были найдены на поселении Куюсай 2 (Вайнберг, 1979, табл. XIa). Принципиально сходные формы известны в раннесакских памятниках Казахстана (Вишневская, 1973, табл. XIX,9; Кушаев, 1968, табл. 1) и Алтая (Завитухина, 1966, рис. 2,3; Грязнов, 1992, табл. 69,8). Исходной формой для изделий этого типа можно считать подвеску эпохи поздней бронзы из Северного Тагискена (Итина, 1992, табл.2,8). Сакарчагинские находки комплексов наконечников стрел датируются в пределах конца VIII—VII вв. до н.э., в Уйгарке (Вишневская, 1973, с. 122) — VII — началом VI в. до н.э.

Предметы вооружения представлены в захоронениях могильника мечами, кинжалом, наконечниками стрел, колчаном и имеющим отношение к колчанам, застежками.

Железные мечи были найдены в курганах 53 и 59. (Рис. 44,5; 55,9). Меч из кургана 53 общей длиной около 125 см лежал в ногах погребенного. Он имел брусковидное (скорее) или овальное навершие и бабочковидное перекрестие, украшенное накладкой из золотой фольги с тисненым изображением головы архара. Деревянные ножны меча были также украшены: продольной накладкой из золотой фольги подпрямоугольной формы с профильным стилизованным изображением двух лежащих хищников (волков-?) , кончик хвоста которых имеет петлеобразное завершение — стилистический элемент, характерный для звериного стиля савроматской эпохи. На конце ножен сохранился золотой наконечник. Неподалеку от меча был найден полый выпуклый предмет из золотой фольги с тисненым спиралевидным орнаментом — видимо, обкладка деревянной ворворки от портупеи.

Напомним, что под насыпью кургана 53 находилась могильная яма с дромосом.

Также дромосное захоронение, но в наземном варианте, было обнаружено в кургане 59, где в разграбленном погребении был найден другой железный меч общей длиной около 110 см. Он имел почковидное перекрестие. Рукоять — с двумя боковыми валиками. Форма навершия не устанавливается достаточно определенно из-за плохой сохранности, но можно предположить, что оно было когтевидным. Ножны меча, которые, скорее всего тоже были деревянными, до нас не дошли, но не исключено, что фрагмент золотой пластинки из фольги с изображением сцены терзания, найденный там же, является элементом обкладки этих ножен.

Прямые аналогии нашим мечам мы находим не среди скифских экземпляров, которые обычно не превышают в длину 70 см и редко достигают 100 см

(Мелюкова, 1989, с.93), а среди савроматских. Именно у савроматов, по данным К.Ф.Смирнова (1961, с. 29) с конца VI в. до н.э. появляются "... длинные всаднические мечи (длиной более 1 м), приспособленные для колющего и, главным образом, рубящего удара." Скифские мечи с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (тип 2 по А.И.Мелюкову) и датирующиеся концом VI—V вв. до н.э., конечно, напоминают тагискенские, но для нас более существенным оказывается иной круг аналогий. И, прежде всего, ананьинские и сибирские экземпляры, к которым мы еще вернемся в ходе анализа сюжетов, выполненных в зверином стиле. Насколько этот тип мечей и акинаков был характерен для сакского воина свидетельствуют изображения на персепольских рельефах, а также на известном изображении воина из Амударьинского клада (Herzfeld, 1941, pl. LXXV, LXXIX; Minns, 1913, pl.174).

В свое время К.Ф.Смирнов (1961, с. 31) высказал предположение, что появление длинных савроматских мечей было связано с восточными влияниями — сибирскими и, может быть, среднеазиатскими. Позднее М.А.Итина выступила с противоположной гипотезой, предполагая возможность заимствования саками низовьев Сырдарьи этого типа мечей у кочевников Южного Приуралья (Итина, 1992, с.42). По ее мнению, эта гипотеза подкрепляется находкой в кургане 53 колчана со стрелами, типологически сходными с савроматскими. К этому вопросу нам еще придется вернуться позднее.

Типологически близкие мечи, найденные в восточной зоне Евразийских степей, были проанализированы в связи с находкой в Алтайском крае (Могильников, Медникова, 1985, Рис. 1; с.79). Из Новообинки происходит железный меч длиной 106 см. Его брусковидное навершие и рукоять были инкрустированы золотом. Перекрестие почковидное. Рукоять, как и у меча из кургана 59 Южного Тагискена профилирована валиками. Комплексом инвентаря авторы датировали меч концом VI — началом V в. до н.э. Похожие мечи из Приуралья К.Ф.Смирнов (1961, с.10—11) датировал VI в. до н.э. Инвентарь курганов 53 и 59 Южного Тагискена вполне согласуется с предложенными датировками — VI — начало V в. до н.э.

Остатки *колчана* были найдены слева от ног погребенного в кургане 53. Колчан содержал около 50 бронзовых наконечников стрел (Рис. 43), у большинства из которых сохранились деревянные древки. Колчан был сделан из кожи и украшен тринадцатью золотыми бляшками, выполненными в виде фигурок львов. Двенадцать бляшек представляют собой штампованные фигурки идущих или стоящих львов, изображенных в профиль, головами влево (Рис. 44, 2). Тринадцатая, более массивная изображает лежащего льва, но, в отличие от остальных, морда зверя направлена en face, а голова положена на передние лапы (Рис. 44, 1). Двенадцать бляшек были найдены в нижней части колчана, причем половина из них ле-

жала лицевой частью вверх, а другие — лицевой частью вниз, как раз в промежутках между предыдущими. Видимо, цепочка из фигурок львов опоясывала донную часть колчана.

Стрелы в колчане располагались наконечниками вверх. С.П.Толстов предполагал, что тагискенский колчан имел форму песочных часов. Колчаны этого типа он специально проанализировал в одной из своих работ (Толстов, 1948а, с.211—227). Расположение стрел наконечниками вверх диктовало необходимость закрывать колчан специальным застегивающимся клапаном для защиты руки воина от бойцов, которые могли быть отравлены. Вероятно, более крупная бляшка с изображением льва могла служить застегивающей частью колчана. Такая конструкция обуславливала появление специальной формы колчана, корпус которого, в отличие от обычных для скифов, расширялся книзу — именно там располагались оперения стрел. К средней части колчан сужался и расширялся вновь при переходе корпуса в клапан-крышку. Колчан, скорее всего носили справа — положение наиболее удобное для вытягивания стрелы левой рукой при верхней позиции наконечника. В захоронении Южного Тагискена колчан располагался слева от погребенного, однако, он, скорее всего, не был надет на тело при погребении, а просто уложен рядом.

К оформлению колчанов могут иметь отношение еще два предмета, найденные в захоронениях Южного Тагискена. Один из них — бронзовая цилиндрико-ническая застежка с центральным желобком из кургана 31 (Рис. 12,4). Принципиально сходные формы из разных материалов — костяные, каменные, металлические, деревянные хорошо известны в памятниках переходного и раннесакского времени. Довольно близкую аналогию тагискенской представляет собой бронзовая застежка из кургана 20 могильника Сакарчага 6 в Присарыкамыше (Яблонский, 1991б, рис. 8, 3). Там комплексом наконечников стрел она датировалась в пределах конца VIII—VII вв. до н.э. Отличают сакарчагинскую застежку не приостренные, как у тагискенской, а, напротив, притупленные концы. Сходный экземпляр происходит из кургана 51 могильника Уйгарак, из захоронения, которое О.А.Вишневская (1973, табл. XVI, 14, с.120) датировала в пределах VII—VI вв. до н.э. Впрочем, уйгаракская застежка также имеет притупленные концы.

Не исключено, что застежкой от колчана мог служить и каменный предмет из кургана 60 (Рис.55,7). Он напоминает гальку с перемычкой по центру из кургана 39 Уйгарака, который О.А.Вишневская (1973, табл. XIII, 1; с.120) датировала VII—VI вв. до н.э.

Весьма вероятно, что к колчанам могли также иметь отношение грибовидные бронзовые заклепки из кургана 28 (Рис. 9,4). Во всяком случае, в могильнике Сакарчага 6 совершенно аналогичные заклепки были найдены вместе с пучком стрел и застежкой от колчана (Яблонский, 1991б, рис. 8).

В Южном Тагискене было найдено в общей сложности 139 *наконечников стрел*. Анализ этого вида вооружения связан с определенными трудностями, вытекающими из специфики материала — а именно, принципиальной возможности быстрого распространения отдельных образцов на значительные расстояния, легкого механизма заимствования, вероятности длительного бытования металлических изделий. Вместе с тем, уже давно было замечено, что при изучении не отдельных находок, а комплексов стрел, прослеживается все же определенная территориально-хронологическая привязка типов и вариантов, что дает принципиальную возможность использовать этот археологический источник в качестве культурного и хронологического детерминанта. Последнее утверждение верно даже при поверхностном обзоре регионально-типологических классификаций стрел раннесакского времени: разные исследователи при построении таких классификаций чаще всего стараются использовать сходные признаки для группировки, и все же каждая классификация, представляющая даже общий хронологический горизонт имеет собственную региональную специфику. В этом отношении материалы из Южного Тагискена не являются исключением. При составлении типологической классификации наконечников стрел предскифского и скифо-савроматского времени большинство исследователей используют принцип, заложенный в свое время К.Ф.Смирновым (1961а, с.37). Согласно этому принципу, группы наконечников выделяются по способу насада, отделы — по форме поперечного сечения головки, а типы — по форме головки и насада. В случае необходимости, типы подразделяются на варианты.

Лишь Н.Л.Членова (1967, с.40) сочла возможным постулировать, что первостепенное значение имеет, все же, не форма насада, а форма головки, что и обусловило иной подход к разработанной ею классификации наконечников стрел тагарской культуры. Заметим, однако, что уже давно было признано основным отличие наборов казахстанских ("сакских") наконечников стрел от собственно "скифских". Оно состоит, напомним, в сосуществовании в колчанах азиатских кочевников черешковых и втульчатых групп (Акишев, Кушаев, 1966, с.121; Акишев К., 1973, с.49; Граков, 1930б, с.73; Вишневская, Итина, 1971, с.203; Толстов, Итина, 1966, с.162; Аванесова, 1975, с.38; Мандельштам, 1978, с.20). Истоки этой особенности некоторые исследователи обнаруживают в материалах эпохи бронзы (Маргулан и др., 1966, с.375). Таким образом, нам представляется, что именно форма насада является таксономически значимым типобразующим признаком. Кроме того, схема К.Ф.Смирнова является и более удобной для сопоставления с материалами из других регионов (ср.: Аванесова, 1975).

Таким образом, все тагискенские наконечники стрел (рис. 70,а,б) разделены на *категории* (по материалу, из которого они были изготовлены), *группы*

(по способу насада на древко), *отделы* (по форме поперечного сечения головки) *типы* (по форме головки в профиль), *подтипы* (по форме основания пера). Некоторые типы наконечников отличаются выделенным в верхней части головки бойком, имеющим треу-

гольную в сечении форму. Такие экземпляры собраны в специальный отдел классификации. Рисунок линии основания бойков у этих наконечников различается, что привело к необходимости выделить *варианты типов* наконечников.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН

(в скобках — численность)

КАТЕГОРИЯ 1 — Бронзовые (136)

ГРУППА 1 — Черешковые (53)

Отдел А — двухлопастные (2)

Тип 1 — со сводчатой головкой (2)

Подтип 1 (№ 1) — с опущенными концами пера (1) — курган 65.

Подтип 2 (№ 2) — с прямым основанием пера (1) — курган 32.

Отдел Б — трехлопастные (40)

Тип 1 (№ 3, № 4, № 5, № 6) — с широкосводчатой головкой (23)

Подтип 1 — с прямым основанием пера — курганы 32, 42, 46, 30, 32, 37, 42, 46.

Тип 2 (№ 7, № 8, № 9, № 10) — с узкосводчатой головкой (16)

Подтип 1 — с опущенными концами пера — курганы 32, 42, 46.

Подтип 2 — с косо срезанным основанием пера — курганы 32, 46, 57

Подтип 3 — с невыделенным основанием пера — курган 32.

Тип 3 — с треугольной головкой (№ 11) — (1)

Подтип 1 — с прямым основанием пера — курган 55.

Отдел В — трехгранные (10)

Тип 1 (№ 12) — треугольные в сечении, с прямым основанием пера (10) — курганы 32, 46, 57 58.

Отдел Г — четырехлопастные (1)

Тип 1 (№ 13) — со сводчатой головкой, двумя широкими и двумя узкими лопастями, с прямым основанием пера (1) — курган 32.

ГРУППА 2 — Втульчатые (83)

Отдел А — ромбические в сечении (18)

Тип 1 (№ 14, № 15, № 16, № 17) — с башневидной головкой и скрытой втулкой (13) — курганы 32, 55.

Подтип 1 — без шипов (2)

Подтип 2 — с шипами (№ 17, 18)

Тип 2 (№ 18) — со сводчатой головкой и скрытой втулкой (4) — курган 32

Подтип 1 — без шипов

Тип 3 (№ 19) — со сводчатой головкой и выступающей втулкой (1) — курган 54

Подтип 1 — с невыделенным основанием пера

Отдел Б — двухлопастные (6)

Тип 1 (№ 20) — лавролистные, с выступающей втулкой (1) — курган 30.

Подтип 1 — с невыделенным основанием пера

Тип 2 (№ 21, 22) — ассиметрично-ромбические, с выступающей втулкой (4) — курганы 55, 65.

Подтип 1 — с невыделенным основанием пера

Тип 3 (№ 23) — со сводчатой головкой (1) — курган 32

Подтип 1 — с косо срезанным основанием пера

Тип 2 (№ 27) — со сводчатой головкой и скрытой втулкой (1) — курган 53

Подтип 1 — с прямым основанием пера

Отдел Д — трехлопастные, с выделенным трехгранным бойком (47)

Тип 1 (№ 28, № 29) — со сводчатой головкой и скрытой втулкой (21) — курганы 13, 53, 63

Подтип 1 — с опущенными концами пера

Подтип 2 — с прямым основанием пера

Вариант А с прямой линией основания бойка (11) — курганы 13, 53

Вариант Б — с треугольной линией основания бойка (5) — курган 53.

Тип 2 (№ 30, № 31, № 32) — со сводчатой головкой и выступающей втулкой (24) — курганы 53, 62

Подтип 1 — с опущенными концами пера

Подтип 2 — с прямым основанием пера

Вариант А — с прямой линией основания бойка

Вариант Б — с треугольной линией основания бойка

Тип 3 (№ 33) — лавролистные, со скрытой втулкой (1) — курган 62.

Подтип 1 — с невыделенным основанием пера

Тип 4 (№ 34) — лавролистные, с выступающей втулкой (1) — курган 63.

Подтип 1 — с невыделенным основанием пера

КАТЕГОРИЯ 2 — Костяные (3)

ГРУППА 1 — Черешковые (1)

Отдел А — четырехгранные (1)

Тип 1 (№ 35) — со сводчатой головкой (1) — курган 30

Подтип 1 — с опущенными концами граней

ГРУППА 2 — Втульчатые (2)

Отдел А — пулевидные, со скрытой втулкой (2)

Тип 1 (№ 36) — со сводчатой головкой (2) — курган 56.

Подтип 1 — с прямым основанием

Классификация тагискенских наконечников стрел в графическом варианте представлена на рис. 70 а, б.

Данные таблицы 1 отражают количественное соотношение различных типов стрел, распределение их по погребальным комплексам могильника, а также взаимовстречаемость, как на уровне одного погребения, так и на уровне групп погребений. Эти данные позволяют составить типологические совокупности наконечников, которые, в соответствии с принципом взаимовстречаемости, образуют две основные вариантные совокупности. Подавляющее большинство наконечников представлены группой 1 (черешковые), которые сочетаются в комплексах с наконечниками группы 2 (втульчатые), но только с той частью последних, которые входят в Отделы А и Б классификации, то есть ромбическими в сечении и двухлопастными. В эту же совокупность входит единственный в коллекции четырехгранный костяной наконечник

Другая совокупность представлена исключительно наконечниками втульчатыми (группа 2), трехлопастными (с выделенным и невыделенным бойком) и трехгранными.

Два типа наконечников (четырёхгранные, с выступающей втулкой и костяные пулевидные) выпадают из обеих совокупностей, так как не встречены в сочетании с иными типами.

Нужно заметить, прежде всего, что многие типы наконечников представлены немногочисленными, а то и единичными экземплярами. В первую очередь это относится к двухлопастным наконечникам разных типов. Они образуют более или менее компактную связку в пределах первой из выделенных нами совокупностей, вместе с ромбическими. Не трудно заметить, что основу данной совокупности составляют наконечники, которые датируют обычно раннесакским временем.

Достаточно однородна по составу другая совокупность — основу ее составляют различные варианты втульчатых трехлопастных наконечников — базисных и с выступающей втулкой. Обычно (руководствуясь классификацией К.Ф.Смирнова), такие типы датируют савроматским временем (VI—V вв. до н.э.).

Специфичны для Южного Тагискена наконечники из курганов 54 и 56 (бронзовый втульчатый с аморфной головкой и костяные пулевидные).

В соответствии с типологическим распределением вариантов наконечников стрел, те курганы Южного Тагискаена, в которых они были найдены (менее половины от общего числа погребений) можно разделить на две основные части, внутри которых погребения, в принципе, относительно синхронизируются однотипными формами стрел:

Первую группировку составят тогда курганы 30, 32, 37, 42, 46, 55, 57, 58, 61 и 65;

Вторую — курганы 13, 53, 59, 62 и 63

Типологическое положение курганов 54 и 56 найденными в них наконечниками стрел не определяется.

Задача сравнительно-типологического и хронологического анализа наконечников стрел для нас существенным образом облегчается за счет детальных разработок, выполненных для территории Скифии (Мелюкова, 1964), Волго-Уральского региона (Смирнов, 1961; Смирнов, Петренко, 1963; Мошкова, 1962, 1992), Казахстана (Акишев, Кушаев, 1963; Маргулан и др., 1966; Вишневская, 1973; Медведская, 1969, 1972; 1980; Кадырбаев, 1968, Кузьмина, 1966; Аванесова, 1975), Алтая (Черников, 1965; Аванесова, 1975), Южной Сибири (Членова, 1967; Кулемзин, 1976), Средней Азии (Литвинский, 1968; Вайнберг, 1979; Ягодин, 1984; Юсупов, 1987). Особенно существенными являются для нас разработки аналогичного или близкого, по существу, материала, проведенные О.А.Вишневской и Б.И.Вайнберг. Подробный анализ состава наконечников стрел раннесакского времени из Присарыкамышья провел ранее один из авторов этой книги (Яблонский, 1991).

Бронзовые двухлопастные черешковые наконечники (1, 1, А; рис. 70а, 1, 2) считаются одной из наиболее ранних форм этого вида вооружения и в различных регионах датируются от эпохи бронзы (Акишев К, 1973, с.48; Кузьмина, 1964, с.152; Аванесова, 1975, табл. 2). Предполагают, что они ирано-анаусского (Кузьмина, 1966, с.37) или переднеазиатского (Кулемзин, 1976, с.50) происхождения. В Восточном Казахстане, в могильнике Канай был обнаружен двухлопастной наконечник с опущенными концами, несколько напоминающий наш вариант № 1 и датированный позднеандроновским временем (Черников, 1956, с.56, рис. 21, 2). Сложнее обстоит дело с установлением верхней даты двухлопастных черешковых стрел. Есть мнение, что они исчезают уже к VIII в. до н.э., когда на смену им приходят крупные трехперые наконечники со сплюснутыми черешками (Акишев, Кушаев, 1963, с.118). Именно они и становятся определяющей формой среднеазиатских и казахстанских колчанов доскифского времени (Медведская, 1980, с.28). В то же время Б.А.Литвинский (1968, с.99) и О.А.Вишневская (1973, с.14—16) полагают, что подобные стрелы могли существовать и на протяжении VI в. до н.э. Исследователи так же акцентировали внимание на факте единичности находок двухлопастных стрел в раннесакских комплексах (Кадырбаев, 1968, с.26), где они, видимо, явля-

лись анахронизмом. Один из наконечников Южного Тагискаена (№1) производит весьма архаическое впечатление и был найден вместе со втульчатой двухлопастной с ромбической головкой (№ 21), что не исключает возможности датировать его в пределах конца VIII—VII вв. до н.э. В сакаргагинских могильниках наконечники близкой формы, с упором (Яблонский, 1991б, рис. 7) и без упора (Там же, рис. 5, 2), были датированы именно этим временем. Впрочем, в Южном Тагискаене этот вариант представлен единственным экземпляром, да и аналогичных втульчатых в нашем комплексе всего три штуки. Этот набор, безусловно, ранний, но он не отражает, очевидно, даты более или менее значительной группы погребений могильника.

Наконечник варианта № 2 из кургана 32 имеет ближайшие аналогии в материалах Уйгарака (курган 84). Там абсолютно аналогичные экземпляры были встречены в комплексе с черешковыми трех- и четырехлопастными, и базисным трехлопастным и датированы VI в. до н.э. (Вишневская, 1973, с.122). Для тождественного экземпляра из кургана 23 могильника Сакарчага б была предложена дата в пределах VII в. до н.э. (Яблонский, 1991б, рис. 10, 7; с. 86). Очевидно, права была О.А.Вишневская (1973, табл. XXV, 34), не исключавшая возможности существования этого типа наконечников на протяжении обоих этих столетий. Состав колчана из кургана 32 Южного Тагискаена (Рис. 14), представленный, в основном, различными вариантами трехгранных и трехлопастных бронзовых наконечников, делает дату этого набора в пределах VI в. до н.э. вполне приемлемой.

Отдел Б (Рис. 70а, 3-12) нашей классификации представлен самыми разнообразными формами черешковых трехлопастных и трехгранных наконечников. Принципиально исходные формы для них также обнаруживаются в памятниках восточного ареала степей эпохи бронзы, а в классическое скифское время они встречаются здесь крайне редко (Грязнов, 1952, с.137). В Минусинскую котловину такие наконечники проникают еще в карасукскую эпоху (Членова, 1962, с.281), но продолжают существовать и у тагарцев (Киселев, 1951, табл. XXVI, 10). В Петропавловской области Казахстана, как и в Приаралье, они встречаются вместе с двухлопастными втульчатыми (Зданович, 1969, с.74). В памятниках дандыбайгазинского типа их датировали временем не позднее VII в. до н.э. (Кызласов, 1977, с.74; Маргулан, 1979, рис. 55, 10). Так же датировали и на территории Тувы (Виноградов, 1980, с.62—64; Грач, 1983, с.31 и сл.). Особенно широко они представлены на территории Казахстана, в том числе и в памятниках эпохи поздней бронзы (Черников, 1960, табл. XIV). По мнению К.А.Акишева (1973, с.49), крупные трехлопастные наконечники со сплюснутым черешком заменяют здесь двухперые черешковые. Ранее к аналогичному выводу приходили С.П.Толстов и М.А.Итина (1966, с.162). Трехлопастные черешковые наконечники являлись неотъемлемой частью колчанов из

Уйгарака, а в Присарыкамышских могильниках они составили почти половину от общего количества зарегистрированных там стрел раннесакского времени (Яблонский, 1991б, с.85).

Есть мнение о том, что трехгранные наконечники сменяют трехлопастные на протяжении VII—VI вв. до н.э. (Акишев, Кушаев, 1963, с.118). Трехгранные наконечники, аналогичные варианту № 12 из Южного Тагискена, хорошо представлены в погребениях VII—VI вв. до н.э. Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXV, 43), но они совершенно неизвестны в разнообразных типологических наборах из могильников Присарыкамышья, датированных в пределах VII в. до н.э. Нет их и среди наконечников стрел, собранных на территории поселения Куюсай 2.

Черешковые наконечники с узкими башневидными головками (№ 7) и сводчатые с широкими лопастями (№ 5), с невыделенными основаниями перьев (№ 10) имеют прямые аналогии в уйгаракском и присарыкамышских комплексах, но, практически, не встречаются за пределами приаральского региона. По-видимому, их можно считать специфически местными и говорить о существовании особого центра их изготовления. Хотя принципиально сходные формы известны в материалах, происходящих с Алтая (Уманский, 1970, с. 176, рис. 8, 12).

Аналогии четырехлопастному наконечнику (№ 13; Рис. 70а, 13) имеются в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXV, 31, с.94) и в Сакарчаге 6 (Яблонский, 1991б, Рис. 7). В первом случае он был датирован VI, а во втором — VII в. до н.э.

Как и в случае с двухлопастными черешковыми, не существует единого мнения о времени, когда трехлопастные и трехгранные бронзовые черешковые наконечники стрел полностью выходят из употребления. Так, на Памире, по данным Б.А.Литвинского (1972, с.99), они встречаются в комплексах V в. до н.э., а на территории Монголии только к VI—V вв. до н.э. они получают достаточно широкое распространение (Волков, 1962, с.24; 1967, с.60-61). В комплексах тагарской культуры их датировали в пределах VII—VI вв. до н.э., но по мысли А.М.Кулемзина (1976, с.52) они имеют восточно-казахстанское происхождение и у тагарцев появились на вооружении позже, чем у кочевников Казахстана. Впрочем, и для территории Казахстана М.К.Кадырбаев (1968, с.26) не исключал V в. до н.э. Иной точки зрения придерживается И.Н.Медведская (1969, с.62). Выводя черешковые наконечники Средней Азии и Казахстана из эпохи поздней бронзы, она постулировала положение о том, что в V в. до н.э. черешковые стрелы здесь уже не встречаются. По ее мнению, если в комплексе с черешковыми трехлопастными наконечниками отсутствуют трехлопастные втульчатые, такие наборы надо датировать не позже, чем VII в. до н.э. (Медведская, 1972, с.83). От себя мы можем добавить другое предположение: если вместе с черешковыми трехлопастными в наборе отсутствуют двухло-

пастные втульчатые, нельзя исключить VI в. до н.э. как вероятное время существования такого набора.

В выделенной нами второй группе тагискенских наконечников при значительном разнообразии трехлопастных и трехгранных черешковых, двухлопастные втульчатые отсутствуют полностью. Исключение составляет весьма специфический наконечник — вариант № 23 (Рис. 70б, 23), ближайшая аналогия которому обнаруживается на поселении Куюсай 2 (Вайнберг, 1979, табл. XII, 20) и в могильнике Сакарчага 6 (Яблонский, 1991б, рис. 7). Зато имеются четырехгранные с длинными шипами, которые чаще всего, как мы убедимся ниже, временем более ранним, чем VI в. до н.э. никто не датирует.

Втульчатые наконечники стрел, в отличие от наборов из Уйгарака и Присарыкамышья, представлены в Южном Тагискене, в основном, трехлопастными формами, хотя в небольших количествах здесь присутствуют также двухлопастные, ромбические и треугольные в сечении.

Двухлопастные наконечники (отдел Б нашей классификации (Рис. 70б, 20-22) делятся на лавролистные с выступающей втулкой (№ 20) и ассиметрично-ромбические, также с относительно длинной выступающей втулкой (№ 21 и 22). Аналогии варианту 20 имеются в материалах из Присарыкамышья (Вайнберг, 1979, табл. XII, 1; Яблонский, 1991, рис. 6), а в Уйгараке точных аналогий ему нет. В принципе, это одна из наиболее часто встречающихся форм двухлопастных втульчатых стрел. В слоях Яз-депе и на территории Ирана их датировали временем не позднее начала I тыс. до н.э. (Массон, 1956а, с.437; 1956б, рис. 24), во всяком случае, доахеменидской эпохой (Дьяконов, 1960, с.199). Известны они и в евразийских степях эпохи поздней бронзы (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 34, 19), на Кавказе (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, рис. 4, с.194), в том числе и в памятниках предскифского времени (Смирнов, 1961а, рис. 11, 12; Тереножкин, 1961, рис. 7). При анализе материала, происходящего с территории Средней Азии, Е.Е.Кузьмина (1966, с.93) поместила аналогичные формы в тип 1 отдела Б своей классификации, указав на аналогии в памятниках эпохи бронзы. Эти данные вполне согласуются с данными по Таджикистану (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 222—223) и Восточному Прикаспию, включая и Южное Приаралье (Итина, 1958, с.301; 1963, с.123; Ягодин, 1963, с. 139). Сравнительно частые находки таких наконечников в памятниках сакского типа объясняются, очевидно, тем, что их форма полностью повторяет столь характерные для эпохи бронзы листовидные втульчатые наконечники копий и дротиков, распространенных повсеместно в степях Евразии и на Кавказе. В Южном Тагискене единственный наконечник этого типа был найден в комплексе с костяным черешковым и сравнительно архаическим вариантом бронзового черешкового, что

лишний раз свидетельствует в пользу относительно ранней даты всего комплекса.

Наконечники 21 и 22 варианта (их всего четыре) делятся на две разновидности: одни имеют резко обозначенный перелом профиля лопасти чуть выше середины (№ 21), а другой — плавные очертания профиля лопасти (№ 22). Аналогии обим разновидностям имеются в материалах сакарчагинских могильников (Рис. 6, 7, 10), где они были датированы в пределах VII в. до н.э., в Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. XXV, 17) — VII—VI вв., с несколько укороченной втулкой — на поселении Куюсай 2 (Вайнберг, 1979, табл. XII, 3, 16) — VII—VI вв. до н.э. Подобные наконечники имеют иногда на втулке заостренный шип, и на территории Казахстана их датировали IX—VIII вв. до н.э. (Акишев, Кушаев, 1963, с. 117, 119). В предскифское время бронзовые двухлопастные наконечники удлиненно-ромбической формы распространяются в Северном Причерноморье (Тереножкин, 1961, рис. 71; Мелюкова, 1964, табл. 6; Шрамко, 1975, рис. 1, 17; Щепинский, 1960, с. 257; Бидзиля, Яковенко, 1974, рис. 9). В большом наборе они имеются в ранней группе Жаботинских курганов. В.А.Ильинская отметила их широкое распространение на территории Евразии, что, по ее мнению, свидетельствует о единстве исходной формы, которая появилась еще до того, как сформировались особенности колчанов кочевников Казахстана и Сибири. Она предполагала также, что распространение стрел с ромбической головкой связано со степными культурами восточного ареала степи, а появление их в I пол. VII в. до н.э. в Северном Причерноморье было обусловлено особыми обстоятельствами становления собственно скифской культуры (Ильинская, 1983, с. 55). Примерно в это же время подобные наконечники появляются в Поволжье (Смирнов, 1961, рис. 11). На Кавказе подобные формы датировали VIII—VII вв. до н.э. и распространение их здесь связывали с военным вторжением с севера (Козенкова, Крупнов, 1966, с. 86). Наиболее восточным пунктом находок стрел этого типа является район Верхнего и Среднего Прииртышья (Абрамова, Стефанов, 1985, рис. 9, 11–13) и Восточного Казахстана (Черников, 1965, рис. 6, 1, 2), а одним из наиболее западных — комплекс у с. Енджа в Болгарии, который датируется 750—650 гг. до н.э. (Попов, 1932; Мелюкова, 1984, с. 297). Сходный экземпляр, найденный в Чуйской долине, А.Н.Бернштам (1950, табл. XVI, 10) датировал в пределах VIII—VI вв. до н.э., а на территории Казахстана время их наибольшего распространения приходится, по данным М.К.Кадырбаева (1966, с. 387) на VII в. К началу VII в. до н.э. относит их появление на территории Средней Азии И.Н.Медведская (1972, с. 89).

Заметим, кстати, что непосредственным прототипом длинноромбических наконечников В.А.Ильинская и А.И.Тереножкин (1983, с. 19—20) считали стрелы из кургана Аржан. По заключению И.Н.Мед-

ведской (1980, с. 33), для скифских наборов 2-ой половины VII и начала VI вв. до н.э. этот тип наконечников становится уже не характерным.

Три из четырех описанных выше наконечников были встречены в кургане 55 Южного Тагискаена (Рис. 47), вместе с треугольным черешковым трехлопастным и базисными четырехгранными с ромбической головкой, а еще один (в кургане 65) с двухлопастным черешковым. Эти комбинации делают вероятной относительно раннюю дату данных вариантов (очевидно, в пределах VII в. до н.э.).

Ромбические в сечении наконечники из Южного Тагискаена (Группа II, Отдел А нашей классификации; Рис. 70а, 14—18) делятся на три типа. Тип 1 (базисные) представлен тремя вариантами, которые различаются формой граней в профиль. Варианты 14 и 15 имеют прямой профиль верхней части грани, но нижняя часть у наконечника варианта 15 (единственный экземпляр) слегка вогнута. Базисные ромбические в сечении, с ромбовидной головкой наконечники являются неотъемлемой составной частью колчанов саков Приаралья. Аналогичные формы неоднократно фиксировались в Присарыкамышье, как на поселении (Вайнберг, 1979, табл. XII, 18, 19), так и в синхронных могильниках (Яблонский, 1991б, рис. 7, 10). В материалах Уйгарака О.А.Вишневская (1973, табл. XXV, 23) отнесла их к ранней группе и датировала в пределах VII—VI вв. до н.э.

Костяные прототипы для наконечников этого типа находят на широкой территории — в карасукских памятниках (Кызласов, 1981, с. 185) и срубноандроновских эпохи поздней бронзы (Сальников, 1951, с. 130; Литвинский, 1968, с. 94). На Садчиковском поселении они датируются началом I тыс. до н.э. (Кривцова-Гракова, 1951, с. 181). Встречены они в памятниках, непосредственно предшествующих скифскому времени, в частности, в Малой Цымбалке и на Субботовском городище (Либеров, 1954, табл. 1, 14; Граков, Тереножкин, 1958, рис. 7, 6, 7, с. 178; Тереножкин, 1961, с. 183). Там их датировали в пределах IX — I половины VII вв. до н.э. Примерно этим же временем аналогичные экземпляры из кургана Аржан датировал М.П.Грязнов (1980, рис. 11, 13).

Аналогичные по форме наконечники, но отлитые из бронзы, помимо приаральских памятников, были найдены на территории Северного и Восточного Казахстана (Арсланова, 1972, рис. 1, 17–19; Хабдулина, 1987, рис. 2), на Памире, в составе известного "брелока" из Айдынкуля, датированного VII в. до н.э. (Литвинский, 1968, с. 93). Ранее высказывали предположение в казахстанско-приаральском происхождении наконечников данного типа (Вишневская, Итина, 1963, с. 203). Оно было поддержано Б.А.Литвинским (1972, с. 96) и с тех пор, кажется, никем не оспаривалось. Тем не менее, надо заметить все же, что костяные прототипы этой формы, известны пока только в западном ареале степного и лесостепного региона и в материалах Аржана.

В памятниках Причерноморья собственно скифского времени экземпляры, аналогичные тагискенским, уже не встречаются (Мелюкова, 1964, с.10) и верхней датой для них, по данным И.Н.Медведской (1972, с.89), является VII, возможно, 1-я половина VI в. до н.э.

Тагискенские наконечники варианта № 18 (похожие на предыдущие, но с дугообразным профилем грани) имеют единственную, пожалуй, аналогию в кургане 3 могильника Сакарчага 6 (Яблонский, 19916, рис. 6,1). Там набор стрел, в который входил этот наконечник, был датирован концом VIII — VII вв. до н.э. В Южном Тагискене он также входит в состав ранней совокупности наконечников.

Нам нужно рассмотреть еще один тип наконечников, включенных в Отдел А — втульчатых. Это наконечники со скрытой втулкой и длинными шипами, отходящими от нижних частей граней. Существует два варианта таких наконечников — с двумя шипами (два других едва намечены) и с четырьмя шипами (соответственно варианты № 16 и 17). На территории Присарыкамышья такие формы отсутствуют, зато аналогичный экземпляр был получен при раскопках кургана 43 в могильнике Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XIII, 50) и датирован VI в. до н.э. (Табл. XXV, 13). О.А.Вишневская (1973, с.91) уже отмечала, что в материалах савроматского времени из Нижнего Поволжья и Приуралья абсолютно аналогичные формы отсутствуют, хотя похожие экземпляры, у которых имеются два коротких шипа, известны по раскопкам Ново-Кумакского могильника (Смирнов, 1961, рис. 4, А, 53) и в Беркуткалинском оазисе Хорезма (Толстов, 1948а, с.73, рис.129). Зато совершенно аналогичные экземпляры известны по раскопкам курганов в Семиречье. В частности, они имеются в кургане 25 могильника Бешатыр. К.А.Акишев (Акишев, Кушаев, 1963, с.117,120) полагал, что такие наконечники распространяются на территории Казахстана не ранее V в. до н.э., а О.А.Вишневская почему-то не прокомментировала это утверждение. В Южном Тагискене четырехгранные наконечники с шипами были найдены в комплексе с черешковыми трехлопастными и трехгранными, которые вряд ли можно датировать временем, более поздним, чем VI в. до н.э., и поэтому дата, предложенная О.А.Вишневской, представляется нам более корректной.

Временем, не позднее, чем VI в. до н.э., следует датировать наконечники с ромбической головкой и выступающей втулкой (тип 3, вариант 23). Наконечник, напоминающий наш вариант 23 О.А.Вишневская (1973, табл. XXV, 22) датировала VII—VI вв. до н.э., а сходный экземпляр из могильника Сакарчага 6 (Яблонский, 19916, рис. 7) был найден вместе с набором конца VIII—VII вв. до н.э. Похожий наконечник имеется в наборе с поселения Куюсай 2 (Вайнберг, 1979, табл. XII, 20). Аналогии в раннесакских

наборах имеет и наконечник № 19 из Южного Тагискена (Ср.: Яблонский, 19916, рис. 6, 11).

Трехгранный втульчатый наконечник с шипами (Отдел В, тип 1; рис. 706, 24) не имеет аналогий ни в Присарыкамышье, ни в Уйгараке, но сходные известны в материалах тасмолинской культуры. К.А.Акишев полагал, что такие формы появляются на территории Казахстана в начале VI в. до н.э. (Акишев, Кушаев, 1963, с.120).

В Отдел Г нашей классификации включены трехлопастные втульчатые наконечники, со сводчатой формой невыделенного бойка (Рис. 706, 25-27).

Тип 1 (№ 25) — с узкими длинными лопастями и опущенными концами не имеет аналогий ни в приаральских памятниках, ни в других районах Казахстана. Аналогичный наконечник, происходящий из Самаро-Уральского региона К.Ф.Смирнов (1961, табл. III, 9) отнес к типу 9 своей классификации и датировал VI в. до н.э. По данным Б.А.Литвинского (1984, Рис. 8, с.154), в Средней Азии аналогичные экземпляры были встречены в слоях городища Тахти-Сангин в Бактрии, в погребениях Актамского могильника в Фергане, в могильниках Андемин и Тергермансу I, в которых, по его мнению, они могут датироваться весьма широко — от VI до IV в. до н.э. Ссылка Б.А.Литвинского на аналогичные формы в Дингильдже (Хорезм) не точна. Автор указывает на наконечники с широкой втулкой и короткой головкой, которые не совсем соответствуют по форме тагискенскому и тахтисангинскому. Указывая на аналогии в Мерве и Персеполе, а также в памятниках сарматской культуры, Б.А.Литвинский считает возможным датировать этот вариант стрел даже IV—III вв. до н.э. Забегая вперед отметим, что южнотагискенский экземпляр был найден в комплексе с вещами, в том числе и с наконечниками стрел, для которых дата позднее начала V в. до н.э. представляется невероятной. Заметим также, что, если даже признать дингильджинские аналогии этому типу, надо вспомнить, что ни один комплекс из Дингильдже не датируется позже середины V в. до н.э. (хотя, повторяем, приведенные аналогии представляются нам слишком отдаленными).

Наконечники варианта № 26 — массивные, со сводчатой головкой и широкой втулкой были найдены на Дингильдже (Воробьева, 1973, табл. I, № 87, 94) и в Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. XXV, 5), где они были датированы в пределах VI в. до н.э. в слоях Кюзелигыра, которые датируются временем в пределах VI — начала V вв. до н.э. (Толстов, 1962, рис. 44, 6, с.98). Близкие, по сути, формы К.Ф.Смирнов (1961, табл. 2) включил в тип VIa своей классификации и совершенно аналогичные экземпляры из Нижнего Поволжья датировал 2-ой половиной VI в. до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 13, 3,6).

Базисные трехлопастные наконечники варианта № 27 представляют одну из наиболее распространенных форм. В Дингильдже М.Г.Воробьева (1973,

Табл. 1, 42-45), сопоставила их с типом XII классификации К.Ф.Смирнова и датировала в пределах VI—V вв. до н.э. Однако, судя по материалам из Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXV, 20), Кюзелигыра (Толстов, 1962, Рис. 2, 4, 9, 10), они могут датироваться и более ранним временем.

Мы выделили в отдел Д нашей классификации (Рис. 70б, 28—34) втульчатые трехлопастные наконечники с утяжеленным, трехгранной формы выделенным бойком.

Базисный лавролистный наконечник типа 3 (№ 33) имеет аналогии в Дингильдже (Воробьева, 1973, табл. 1, Б, 64), в Оренбургской области (Смирнов, 1961, с.46) и в Келермесе — Отдел II, тип 1, вариант 2 — по А.И.Мелюковой (1964, табл. V, 1). В Средней Азии близкие по форме наконечники были найдены в Тахти-Сангине, правда там он — с небольшими шипами (Литвинский, 1984, рис. 10). Автор вслед за К.Ф.Смирновым датировал такие наконечники V в. до н.э.

Вариант № 34 нашей классификации представлен также лавролистным наконечником, который отличается от предыдущего короткой, но все же достаточно заметно выступающей втулкой. М.Г.Воробьева (1973, табл. 1, 57) отнесла сходные наконечники из Дингильдже к отделу II, типу 1 своей классификации. Приведя широкий круг аналогий как на востоке, так и на западе М.Г.Воробьева (1973, с. 196) указывала на широкие датировки этого варианта стрел — VII—V вв. до н.э. и на их, вероятнее всего, древнеиранское происхождение. Аналогичный по форме наконечник, но как и в нашем случае, с несколько утяжеленным бойком, она отнесла к типу II своей классификации и, сославшись на близкую форму в классификации К.Ф.Смирнова (Отдел III, тип 7), сочла возможным датировать его концом VI в. до н.э.

Наконечники вариантов 28 и 29 — базисные, с башневидной головкой отличаются небольшими размерами и по форме соответствуют типу XV трехгранных стрел по классификации К.Ф.Смирнова, который датировал их VI—V вв. до н.э. (Смирнов, 1961, табл. V). В Уйгараке аналогичный наконечник был найден в кургане V в. до н.э. (Вишневская, 1973, табл. XXV, 3), в Дингильдже сходные формы были найдены в слоях VI—V вв. до н.э. (Воробьева, 1973, с.200-201).

Небольшие трехлопастные наконечники с относительно коротким пирамидальным бойком и сравнительно длинной выступающей втулкой были выделены нами в тип 2 Отдела Д (№ 30). По форме они близки к типу 5а трехгранных наконечников по классификации К.Ф.Смирнова (Табл. IV, 12-14) и могут датироваться VI в. до н.э. Так же датировала сходные экземпляры из Уйгарака О.А.Вишневская (1973, табл. XXV, 10).

Наконечники типа 2, трехгранные, с выступающей втулкой. Вариант 31 более массивный, с прямым основанием бойка. К.Ф.Смирнов (1961, табл. IV, 17-

25) отнес их к типу V в своей классификации и датировал в пределах VI—V вв. до н.э.

Вариант 32 представлен наконечниками более мелкими, с подтреугольным основанием бойка. По К.Ф.Смирнову, такие наконечники входят в тип Vг трехгранных и датируются так же, как и предыдущие. Мы можем согласиться с предложенными датировками, лишь ограничив верхнюю дату существования этих форм началом V в. до н.э.

Три костяных наконечника составили категорию II нашей классификации. Один из них — черешковый, с ромбической в сечении головкой (вариант № 35; Рис. 70б, 35). Такие типы наконечников имеют самые широкие хронологические рамки и могут датироваться от эпохи бронзы, практически, до средневековья. В Южном Тагискене единственный экземпляр был найден в комплексе с черешковым трехлопастным и втульчатым двухлопастным лавролистным, наиболее вероятная дата которых лежит в пределах VII в. до н.э.

Два других костяных наконечника (вариант 36; Рис. 70б, 36) — характерной пулевидной формы. Аналогичные экземпляры известны в слоях предскифского времени Чернолесского городища (Мелюкова, 1964, табл. 1). В Высокой могиле они были датированы VIII—VII вв. до н.э. (Бидзиля, Яковенко, 1974, рис 9). Позднее эта форма продолжает существовать в раннескифское время как на территории европейской (Мелюкова, 1964, табл. 6; Субботин, Загинайло, Шмаглий, 1970, с.151), так и азиатской степи (Смирнов, 1961, рис. 12). Ближайшие аналогии тагискенским наконечникам имеются в погребениях VII—VI вв. до н.э. Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXV, 25, 26) и Присарыкамышья (Яблонский, 1991б, рис. 7), где они были найдены в составе набора, датированного концом VIII—VII вв. до н.э.

Приведенный обзор позволяет сделать предварительные выводы о вероятной датировке комплексов тагискенских наконечников стрел.

Группа I датируется в пределах конца VIII — первой половины VI вв. до н.э.

Группа II: основная масса наконечников датируется в пределах второй половины VI — начала V в. до н.э.

Соответственно, исходя из датировок наконечников стрел, курганы № 30, 32, 37, 42, 46, 55, 57, 58, 61 и 65 могут датироваться в пределах конца VIII — первой половины VI вв. до н.э.

Курганы № 13, 53, 59, 62, и 63 — в пределах второй половины VI — начала V вв. до н.э.

Приведенные выше датировки курганов являются сугубо предварительными и ориентировочными и требуют проверки со стороны всех сопутствующих находок. Привлечение этого комплекса сопровождающего инвентаря необходимо еще и потому, что не все тагискенские курганы содержали наконечники стрел. Поэтому теперь мы переходим к характеристике элементов конской упряжи.

Эти элементы представлены в материалах могильника разнообразными по назначению предметами. Рассмотрим их по категориям.

Конское снаряжение. Предметы, имеющие отношение к конскому снаряжению, были обнаружены в 22 захоронениях Южного Тагискена из 37 (курганы 9, 13, 23, 28, 29, 31, 36, 40, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 54, 55, 57, 62, 63 и 65). Можно предполагать, что захоронений, содержавших эти предметы, на самом деле могло быть и больше, если бы не последствия ограбления могильника. Как бы то ни было, надо признать, что конская упряжь являлась наиболее характерной категорией погребального инвентаря.

Нельзя не заметить, что собственно захоронения коней для сакских погребений Приаралья не характерны. Примечательно, что и в эпоху бронзы, в отличие от традиций, существовавших у андроновцев, приаральские тазабагьябцы части туши лошади в могилы не клали, хотя кости коня не раз фиксировались в культурных слоях поселений. Однако, для сакского времени можно дать и другие объяснения этому явлению, чисто сакрального характера.

Из-за сплошного ограбления захоронений исходное положение деталей конской упряжи в могилах устанавливается надежно лишь в единичных случаях. В этом отношении можно сделать следующие выводы:

1. Удила и псалии, с одной стороны, другие детали упряжи, с другой, укладывали в разных частях могилы;
2. Удила и псалии оказывались в комплексе с вещами жертвенного значения;
3. Удила и псалии обнаруживались в площади угловых ямок;
4. Пряжки и обоймы ремней чаще лежали в ногах погребенного или слева от него.
5. Детали конской упряжи фиксировались как в мужских, так и в женских захоронениях.

Обычай раздельной укладки в могилу деталей оголовья и мягкого седла фиксировался и в других могильниках Приаралья, например, в Сакарчаге 6 (Yablonsky, 1991, Fig. 2) и в некоторых захоронениях Уйгарака (Вишневская, 1973, с.100), хотя чаще в Уйгараке удила и псалии встречались вместе с остальными элементами упряжи. Насколько можно судить, наиболее предпочтительными для расположе-

ния уздечки были места слева от погребенного или в ногах.

Все удила Южного Тагискена бронзовые, литые, двухсоставные. В средней части они соединялись посредством круглых петель, расположенных на звеньях в перпендикулярных лоскостях (Рис. 71). Все они, без исключения, представляют собой различные варианты удил со стремевидными окончаниями внешних колец. В материалах Уйгарака О.А.Вишневская (1973, с.100) выделила, в соответствии с классификацией М.К.Кадырбаева (1966, с.386), четыре типа удил:

1. Со стремевидным окончанием и дополнительным отверстием;
2. Со стремевидным окончанием;
3. С прямоугольно-стремевидным окончанием и упором в верхней части "стремечка";
4. Кольчатые. Все эти типы, за исключением типа 4 были встречены и в Южном Тагискене. М.К.Кадырбаев в основу своей классификации заложил особенности формы внешних колец удил. Не отрицая, что такой подход является принципиально верным, мы должны заметить все же, что форма внешних окончаний далеко не исчерпывает всего морфологического разнообразия удил этого типа и не дает общего представления о конструкции удил в целом. Поэтому здесь мы предлагаем более подробную классификацию этого элемента упряжи.

По заключению А.А.Иессена (1953, с.85), удила с дополнительным отверстием (Группа 1, Отдел 1, тип 1 нашей классификации) являются формой, переходной от стремевидных к кольчатым. Единственный (и к тому же — беспаспортный) экземпляр таких удил, который происходит как-будто, из западного (европейского) ареала степи хранился в фондах Днепропетровского музея. Все остальные находки были сделаны на территории Южной Сибири, на Памире и в Центральном Казахстане, т.е. в районах распространения культур сакского типа. Известен этот тип удил и в конских захоронениях кургана Аржан в Туве (Грязнов, 1980, рис. 12,1). Обычно их датируют в пределах VII—VI вв. до н.э., хотя некоторые исследователи не исключают VIII—VII и даже IX—VII вв. как время появления этих удил (См., например, Акишев, Акишев, 1978, с.54; Боковенко,

КЛАССИФИКАЦИЯ УДИЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН

(в скобках — численность):

КАТЕГОРИЯ 1 — Бронзовые (8)

ГРУППА 1 — Разъемные (7)

Отдел 1 — со стремевидным окончанием (5)

Тип 1 — с дополнительным отверстием выше "стремечка" (1) — Курган 40 (Рис. 22, 8).

Подтип 1 — с приподнятой нижней планкой "стремечка"

Вариант 1 — с тремя рядами шипов на стержне (строгие)

Отдел 2 — с подпрямоугольным окончанием (2)

Тип 1 — без дополнительного отверстия (2) — Курган 36 (Рис. 17, 9), курган 44 (Рис. 27, 2).

Подтип 1 — с упором в верхней части "стремечка"

Вариант 1 — с гладким стержнем

Вариант 2 — с тремя рядами шипов на стержне (строгие)

ГРУППА 2 — Цельнометаллические (1)

Отдел 1 — с подпрямоугольным окончанием (1) — Курган 55 (Рис. 47,9)

Тип 1 — без дополнительного отверстия (1)

Подтип 1 — с приподнятой нижней планкой "стремечка"

Вариант 1 — с одним рядом шипов на стержне (строгие)

1986, с.18). Еще большее распространение в памятниках сакского культурного круга получили удила со стремевидными окончаниями, без дополнительных отверстий (Иессен, 1953, с.79 и сл.) — Группа 1, Отдел 1, тип 2. Они были встречены, в том числе, во всех сакских памятниках Приаралья. Кроме Уйгарака, где они представлены самыми разнообразными формами, они известны по материалам из могильника Сакарчага 6 (Yablonsky, 1990, fig. 5). Правда, в последнем случае внешнее кольцо удила имеет скорее подквадратную форму, а нижняя планка не приподнята. Наконечниками стрел находка была датирована в пределах конца VIII—VII в. до н.э. Обломок бракованного при отливке звена стремевидных удила с приподнятой нижней планкой был найден на поселении Куюсай 2 в Присарыкамышье и датирован в пределах VII—VI вв. до н.э. (Вайнберг, 1979, табл. XI6, с.22). А.А.Иессен включил данный тип удила в тип III своей классификации и писал о синхронности восточноевропейской и сибирской групп находок. По мнению М.К.Кадырбаева (1966, с.401—402), стремевидные удила на территории Казахстана чаще всего встречаются в памятниках VII—VI вв. до н.э., хотя в Аржане (Грязнов, 1980), Биже (Акишев, Акишев, 1978) и в Измайловском могильнике в Верхнем Прииртышье (Ахинжанов и др., 1987) их датировали и более ранним временем. Восточный ареал удила этого типа не распространяется на территорию Монголии (Киселев, 1947, с.364), но в памятниках раннесакского типа Тувы (Грач, 1971, с.97; 1980, с.25; Мандельштам, 1992), Южной Сибири (Грязнов, 1956а, Рис. 3, 13), Семиречья (Бернштам, 1950, табл. ХСV, 37) и Южного Алтая (Сорокин, 1969, с.252, Рис. 2) они были зафиксированы. На Алтае такие удила были особенно характерны для могильников майэмирской культуры (Андрианов, 1916, с.18—29; Грязнов, 1947, рис. 3, 7; 1950, рис.10; Марсадолов, 1985, рис. 1). С.С.Черников (1972, с.34) прямо указывал на то, что именно Алтай является родиной этого типа удила и, что они появляются там в VIII в. до н.э., а позже распространяются в западном направлении. Н.А.Боковенко (1986, с.18) писал о сибирской прародине стремевидных удила и датировал время их появления периодом не позднее, чем VIII—VII в. до н.э. Аналогичную дату, с использованием независимых

материалов, получил Л.С.Марсадолов (1985, с.11). Рассмотрев находки удила из алтайских курганов, он пришел к выводу о том, что стремевидные удила в сочетании с трехдырчатыми псалями с грибовидными окончаниями следует датировать VIII—VII вв. до н.э. В частности, для удила из майэмирского клада, у которых нижняя планка, как и у тагискенских, слегка приподнята, он предложил в качестве нижней даты 750—700 гг. Несколькими более поздним, но всегда предскифским или раннескифским временем датируются удила со стремевидными окончаниями на Кавказе (Тереножкин, 1971б, с.71—84; Техов, 1972, с.31). В.А.Ильинская (1961, с.42), рассмотрев находки этого типа в Посулье, на Кавказе, в Поволжье, Северном Казахстане, Южной Сибири и на Памиро-Алтае, пришла к выводу о том, что древнейшие из находок можно датировать IX—VIII вв. до н.э. По ее мнению, уже в VIII в. до н.э. стремевидные удила появились в Причерноморье (ср.: Вязьмитина, 1963, с.159, рис. 1, 2; Тереножкин, 1961, с.187; 1976, с.149, 160), но наибольшее распространение здесь они получают только в VI в. до н.э. (Ильинская, 1975, с.109). Стремевидные удила с приподнятой нижней планкой из курганов на р. Тясмин она датировала ранним VI в. до н.э. (Ильинская, 1951, табл. III, с.210; Ильинская, Тереножкин, 1983, с.233, 319).

Л.К.Галанина (1983, с.35—37) рассмотрела уздечные наборы из Келермесских курганов. Среди них преобладают трехплетельчатые кованые железные псалии. Иногда они встречаются здесь в сочетании со стремевидными удилами, которые, по ее мнению, надо датировать серединой — концом VII в. до н.э.

По данным О.А.Вишневецкой (1973, с.103), первым техническим усовершенствованием стремевидных удила было смещение внутрь нижней планки "стремечка". По ее мнению, удила с несмещенной планкой, типа тех, что были найдены в Малой Цымбалке, Черногоровке и некоторых других памятниках Поднепровья, надо датировать временем не позднее 2-ой половины VII в. до н.э. К этой же хронологической группе следует отнести тогда и удила из Сакарчага.

Если принять эту точку зрения, тагискенский комплекс удила, в котором у всех "стремечек" планка приподнята, является не самым ранним, и его ниж-

няя дата вполне может лежать в пределах 2-ой половины VII в. до н.э. Тагискенские удила с подпрямоугольными окончаниями и упором (Группа 1, Отдел 2 нашей классификации) имеют прямые аналогии в Уйгараке (Вишневская, 1973, с.100), в памятниках раннего этапа тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1966, рис. 15 б, рис. 24, 9) и в Киргизии (Бернштам, 1949; 1950, табл. ХСV, 37). В кургане 3 могильника Тасмола V комплексом вещей они были датированы в пределах VII—VI вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966, с.386). Этим же временем датировала аналогичные находки в Уйгараке О.А.Вишневская (1973, с.120).

Нам осталось рассмотреть цельнометаллические удила и псалии, включенные в Группу 2 нашей классификации. Они отличаются от предыдущих только неподвижными соединениями. Аналогичные экземпляры известны в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, с.102). После давних публикаций Б.А.Куфтина (1941, с.59—63) и А.А.Иессена (1953, с.92) утвердилось мнение о закавказском или переднеазиатском их происхождении. Цельнометаллические удила были обнаружены, в частности при раскопках в Персеполе слов ахеменидского времени (Schmidt, 1957, fig.79,8). Среди персепольских рельефов (Girshman, 1963, p.184) имеется изображение саков, ведущих лошадей. О.А.Вишневская (1973, с.102) уже указывала на сходство уйгаракских и тагискенского удил с теми, что изображены на этом рельефе. По совместной находке железного кинжала с бабочковидным перекрестием уйгаракский экземпляр был датирован VI в. до н.э. Тагискенская находка комплексом сопутствующих предметов, безусловно, может быть датирована более ранним временем. Удила с рядами выступов на грызлах (строгие), зафиксированные с раннесакских комплексах Приаралья и Семиречья,

имеют прототипы в памятниках карасукского времени (Акишев, Акишев, 1978, с.49, 52—53). Строгие удила, найденные на Дону, были датированы VIII — началом VII в. до н.э. (Мелентьев, 1967, с.40).

Интересна находка строгих стремеvidных удил вместе с посудой карасукского типа в Верхнем Приобье (Еромоласева, 1983, с. 438; 1987). Однако, уздечные наборы (их два) были найдены здесь не в могильных ямах, а рядом с каменным ящиком, так что закрытого комплекса с посудой карасукского (дандыбай-бегазинского?) типа они, видимо, не составляют.

Псалии из Южного Тагискена можно разделить на две категории — бронзовые и роговые (Рис. 72). Их можно классифицировать следующим образом:

Почти все бронзовые псалии из Южного Тагискена — трехдырчатые. Прототипами их считают изделия из кости, хорошо известные как на западе степи, так и на востоке — до Алтая. Древнейшие экземпляры относятся к карасукскому времени и датируются XIII — VIII вв. до н.э. При использовании трехдырчатых псалиев ремень уздечки раздваивали, концы привязывали к крайним отверстиям, а центральное служило для прикрепления удил и повода.

Тагискенские бронзовые псалии имеют более или менее близкие аналогии в других раннесакских памятниках Приаралья. Сакарчагинский экземпляр (Yablonsky, 1990, Fig. 5, 1, 2) отличается S - видностью стержня и отверстиями ромбической формы, грибовидностью окончаний. Все это признаки, подчеркивающие его архаичность. По аналогиям из Дальверзина (Заднепровский, 1962, табл. XX, 3), Мингечаура (Асланов, Ваидов, Ионе, 1959, табл. XXIX, 1, 3) Сялка В (Ghirshman, 1939), Мильской степи (Иессен, 1965, с.30), Казахстана (Акишев, Акишев, 1978, с.53) он может быть датирован временем от VIII в. до н.э.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСАЛИЕВ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН (в скобках — численность)

КАТЕГОРИЯ 1 — Бронзовые (5)

ГРУППА 1 — Разъемные (4)

Отдел 1 — трехдырчатые, С-видные (2)

Тип 1 — с утолщениями вокруг отверстий (2) — Рис. 22, 10

Подтип 1 — один конец приострен, другой — сплюснен в виде копытца

Вариант 1 — отверстия расположены в одной плоскости

Отдел 2 — трехдырчатые, роговидные, с центральной скобой (1)

Тип 1 — с утолщениями вокруг отверстий (1) — Рис. 27, 2

Подтип 1 — один конец цилиндрический, другой — приострен

Вариант 1 — со скобой, расположенной в плоскости, перпендикулярной отверстиям

Отдел 3 — трехдырчатые, стержневидные, с центральной скобой (1)

Тип 1 — с утолщением вокруг отверстий — Рис. 17, 9

Подтип 1 — с концами, оформленными в виде эпифизов кости

Вариант 1 — со скобой, расположенной в плоскости, перпендикулярной отверстиям

Тип 1 — с утолщением вокруг отверстий — Рис. 22, 10

Подтип 1 — один конец приострен, другой сплюснен в виде копытца

Вариант 1 — отверстия расположены в одной плоскости

ГРУППА 2 — Цельнометаллические (1)

Отдел 1 — двудырчатые, С—видные (1)

Тип 1 — с отверстиями в виде цилиндров (1) — Рис. 47, 9

Подтип 1 — один конец сплюснен, другой оформлен в виде копытца

Вариант 1 — со скобой, расположенной в плоскости, перпендикулярной отверстиям

КАТЕГОРИЯ 2 — Роговые (4)

Отдел 1 — трехдырчатые (3)

Тип 1 — со средним отверстием большего диаметра (2) — Рис. 30, 1, 5

Подтип 1 — все отверстия расположены в одной плоскости

Тип 2 — с отверстиями одного диаметра (1) — Рис. 33, 8

Подтип 1 — с отверстиями, расположенными в одной плоскости

Отдел 2 — однодырчатые (1)

Тип 1 — с отверстием у нижнего края (1) — Рис. 47, 11

Тагискенские псалии выглядят более модернизированными и морфологически, в принципе, близки уйгарским, которые были датированы в пределах VII—VI вв. до н.э. (Вишневская, 1973, табл. XXVI).

Двудырчатый бронзовый псалий из Южного Тагискена имеет определенные аналогии в могильнике Айды-Бель I в Туве (Степи Азиатской части..., табл. 7, 58). Этот памятник типологически отнесен к раннему этапу уюкской культуры и датирован в пределах VII—VI в. до н.э. (Мандельштам, 1992, с.179).

Роговые псалии из Южного Тагискена ближайшие аналогии находят в Уйгарке, где известны как трехдырчатые, так и однодырчатые формы (Вишневская, 1973, табл. XXVI, 4, 5) и в материалах могильников тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1966, рис. 19).

В кургане 45 могильника Южный Тагискен трехдырчатые роговые псалии были найдены в комплекте с бронзовыми строгими удилами со стремеvidным окончанием, а в кургане 44 — с бронзовыми удилами с подпрямоугольным окончанием и упором. В кургане 36 трехдырчатые бронзовые псалии были найдены

вместе со стремеvidными удилами, схожими с теми, что были обнаружены в кургане 44, но строгие. По встречаемости удил и псалиев синхронизируются курганы 36, 40, 42, 44, 45, 47, 55 и 65. Подробный анализ близких по сути материалов, выполненный О.А.Вишневской (1973, с.101—103) извбавляет нас от необходимости новой подробной разработке этого вида сопровождающего инвентаря. Датировка уйгарских и тагискенских удил и псалиев в пределах VII—VI вв. до н.э., предложенная ранее (Толстов, Итина, 1966, с.161), и сегодня представляется наиболее вероятной.

В состав тагискенской уздечки входили также бронзовые *обоймы*, которые помещались в местах перекрещивания ремней оголовья (рис. 74). Их форма весьма разнообразна и требует классификации.

Подавляющее большинство обойм (16 из 21) имеют форму цилиндрического столбика. Такие обоймы различаются, прежде всего, по соотношению диаметра и высоты и делятся, соответственно, на высокие и низкие. Низкоцилиндрические обоймы бывают двух разновидностей — с выпуклой и плоской поверхностью верхнего щитка. Обоймы с выпуклым

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБОЙМ ДЛЯ ПЕРЕКРЕСТИЯ РЕМНЕЙ УЗДЕЧКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН (в скобках — численность):

КАТЕГОРИЯ 1 — Бронзовые (21)

ГРУППА 1 — Цилиндрические (17)

Отдел 1 — низкоцилиндрические (5)

Тип 1 — с выпуклым щитком (3) — Рис. 6, 3

Тип 2 — с плоским щитком (2) — Рис. 3, 3

Вариант 1 — с изображением солярного знака на щитке (1) — Рис. 62, 6

Отдел 1 — низкоцилиндрические (5)

Тип 1 — с выпуклым щитком (3) — Рис. 6, 3

Тип 2 — с плоским щитком (2) — Рис. 3, 3

Вариант 1 — с изображением солярного знака на щитке (1) — Рис. 62, 6

Отдел 2 — высокоцилиндрические (11)

Тип 1 — с выпуклым щитком (8) — Рис. 36, 4, 5

Тип 2 — с выпуклым щитком и "kozyрьком" (3) — Рис. 30, 6

ГРУППА 2 — Клювовидные (3)

Тип 1 — с выпуклым щитком (3) — Рис. 17, 4

Вариант 1 — с орнаментом на щитке (3) — Рис. 17, 1, 3 — 5

ГРУППА 3 — Крестовидные (1)

Тип 1 — в виде скрещивающихся трубочек (1)

Вариант 1 — с изображением солярного знака в центре — Рис. 47, 14

щитком имеют одно нижнее и четыре боковых отверстия подпрямоугольной с закругленными углами формы (1,1,1,1). Их боковые стенки прямые или слегка скошены книзу. Такие обоймы имеют широкий круг аналогий и, прежде всего, в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. V, 1,14; VII,4; XX,3 и др.). Курганы Уйгарака, из которых они происходят датированы VII—VI, VI или концом VI — началом V в. до н.э.

Низкоцилиндрические обоймы типа 2 (1,1,1,2) — их всего две — различаются по форме профиля — стенки прямые или слегка скошены книзу. В последнем случае на верхнем щитке выгравирован солярный знак в виде двух концентрических окружностей, вписанных в квадрат с дуговидно вогнутыми внутрь сторонами. Такие обоймы, в том числе и украшенные аналогичными солярными знаками, также имеются в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. VIII,4; IX,2). Курган 26 Уйгарака, в котором была найдена обойма с солярным знаком датируется VI в., а курган 27 — в пределах VII—VI вв. до н.э. Отличаются от тагискенских относительно большей высотой корпуса обоймы из присарыкмышского могильника Сакарчага 6 (Yablonsky, 1990, Fig. 5,3-6).

Отдел 2 нашей классификации составили высокоцилиндрические обоймы с четырьмя боковыми отверстиями подквадратной с закругленными углами формы. Они также имеют широкий круг аналогий в памятниках раннесакского времени Казахстана и, прежде всего, в Уйгареке (Вишневская, 1973, табл. II,IV) и в тех курганах тасмолинской культуры, которые М.К.Кадырбаев (1966, рис. 8, 7, 8, 9) и А.Г.Максимова (1960, рис. 11,12, с.61) датировали в пределах VII—VI вв. до н.э.

Обоймы типа 2 Отдела 2 отличаются от предыдущих тем, что их верхний щиток имеет закраину в виде короткого выступающего козырька. Боковые отверстия (их также четыре) имеют форму прямоугольника с закругленными углами. Обоймы этого типа не имеют близких аналогий в раннесакских памятниках. Похожие есть в материалах савроматско-

го времени из Южного Приуралья (Смирнов, 1964, рис. 27,11), где они датированы концом VI — началом V в. до н.э.

Группу II тагискенских обойм представляют три экземпляра, которые по аналогии с некоторыми формами сакских жертвенников, можно назвать клювовидными. Поверхность их украшена орнаментом, каждый элемент которого напоминает оперение крыла птицы. Они имеют пять боковых отверстий подпрямоугольной формы и выпуклый верхний щиток. Похожие предметы, но с плоским щитком и без орнамента были найдены в кургане 30 Уйгарака, который датирован О.А.Вишневской (1973, табл. XII,10—15, с.122) VII — началом VI в. до н.э. Примерно этим же временем датируются близкие по форме обоймы тасмолинских (Кадырбаев, 1966, с.334, рис. 28, 2) и восточно-казахстанских (Арсланова, 1972, рис. 1,10, с.255) памятников.

В группу III классификации включена единственная обойма, выполненная в виде перекрещивающихся под прямым углом трубочек. В центре перекрестия изображен солярный знак, аналогичный описанному выше. Ближайшие аналогии этим предметам имеются в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XVIII,33; XIX,7), где они были датированы VI и VII—VI вв. до н.э. О.А.Вишневская (1973, с.105) отметила, что обоймы этого типа чрезвычайно редко встречаются в памятниках скифосакского времени Евразии и указала на аналогии им в Причерноморье (Бобринский, 1887, табл. VIII,4) и в материалах тагарской культуры Минусинской котловины (Членова, 1967, рис. 17, 22, 23).

Солярные знаки, изображенные на тагискенских обоймах хорошо известны по находкам, относящимся к самым различным эпохам. Похожие изображения были зафиксированы на каменных стелах окуневской (Максименков, 1965, рис. 2, 8) и карасукской (Киселев, 1949, табл. XIV,7) культур. Довольно много предметов, украшенных такими знаками было найдено в Причерноморье, в памятниках предскифского и раннескифского времени (Ильинская, 1965,

рис. 1,5; Тереножкин, 1965, Рис. 1,2; Лесков, 1961, рис. 4в; Мелентьев, 1967, рис. 7, 2, 5, 7, 11). Может быть, благодаря этому обстоятельству, такие знаки называют иногда киммерийскими. Помимо Северного Причерноморья эти изображения встречаются также на находках предскифского и раннескифского времени Предкавказья (Степи Европейской части...1989, табл. 86,21,25; табл. 87,68, 81, 86) и Закавказья (Пиотровский, 1939, табл. VI,2; Иессен, 1954, рис. 11,1), у протогеотов (Степи Европейской части..., табл. 90, 46,47), поздних кобанцев (Степи Европейской части, табл. 100,21; табл. 103, 18), у тугарцев (Членова, 1967, табл. 17, 39), на Памире (Бернштам, 1952, рис. 129). Е.Е.Кузьмина (1975, с.288) отметила, что такие же солярные знаки зафиксированы на вещах, проис-ходящих из причерноморских памятников предскифского времени — курганы у с. Енджи, у хут. Кубанского, где они удилами и псалями датируются концом VIII—VII вв. до н.э. По ее мнению, уйгаракские комплексы, которые помимо солярных знаков включают строгие стремевидные удила и ромбические наконечники стрел, не могут быть моложе VI в. до н.э., и с этим утверждением трудно не согласиться, хотя нижняя дата

обойм с солярными изображениями из Тагискена еще остается открытой для обсуждения. С нашей точки зрения, верхняя дата существования подобных предметов не выходит за пределы рубежа VII—VI вв. до н.э.

Помимо обойм для скрепления отдельных ремней оголовья и, отчасти, для их украшения были предназначены различные *бляшки* (рис.75) и *проници* (рис. 73), выполненные из бронзы или железа.

По способу закрепления на ремнях уздечки бляшки делятся на две группы. Первая — с изнаночной петлей, сквозь которую продевался ремешок, вторая — с изнаночной грибовидной заклепкой. Рассмотрим обе группы бляшек подробнее.

Бляшки группы 1 ближайшие аналогии имеют в материалах из могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. V, 15; VII; VIII, 3; IX, 4; XVII, 2). Большая часть из них относится к комплексам VI, а некоторые — VII—VI вв. до н.э. Этим же временем аналогичные детали узды датируются в памятниках тасмолинской культуры (Кадырбаев, 1966, рис. 8, 10; рис. 66), Восточного Казахстана (Степи Азиатской части..., табл. 56,25), Тувы (Степи Азиатской части...1992, табл. 72, 54,55), Алтая (Степи Азиатской

КЛАССИФИКАЦИЯ БЛЯШЕК РЕМНЕЙ УЗДЕЧКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН (в скобках — численность)

КАТЕГОРИЯ 1 — Бронзовые (28)

ГРУППА 1 — С изнаночной петлей (15)

Тип 1 — полусферические (8)

Вариант 1 — мелкие, диаметром до 15 мм (6) — Рис. 22, 4, 17

Вариант 2 — крупные, диаметром свыше 30 мм (2) — Рис. 27

Тип 2 — цилиндрические (2) — Рис. 52, 8

Тип 3 — дисковидные (4)

Подтип 1 — с изображением солярного знака на лицевой поверхности (2) — Рис. 47, 10

Подтип 2 — без солярного знака (2) — Рис. 3, 4

Тип 4 — клювовидные, с орнаментом на лицевой поверхности (1) — Рис. 17, 2

ГРУППА 2 — С грибовидной заклепкой (13)

Тип 1 — полусферические (11)

Подтип 1 — мелкие, диаметром до 20 мм (3)

Подтип 2 — крупные, диаметром свыше 30 мм (8)

Вариант 1 — орнаментированные (1) — Рис. 36, 16

Вариант 2 — неорнаментированные (7) — Рис. 6, 4

Тип 2 — подпрямоугольные (1) — Рис. 22, 9

Тип 3 — дисковидные (1) — Рис. 22, 2

КАТЕГОРИЯ 2 — Биметаллические (1)

Тип 1 — полусферические (1) — Рис.36, 1

части...1992, табл. 61, 15) и Предкавказья (Степи Европейской части..., табл. 87,59).

В Уйгараке, могильниках Восточного Казахстана и Тувы на дисковидных бляшках встречаются иногда солярные символы, аналогичные тагискенским. Клювовидные орнаментированные и гладкие бляшки имеются в материалах раннесакского времени с территории Алтая и Центрального Казахстана.

То же можно сказать и относительно большинства бляшек с грибовидными заклепками (См., например: Вишневская, 1973, табл. V,18; XX,4 — VI в. до н.э.; Кадырбаев, 1966, рис. 8, 20 — VII—VI вв. до н.э.). Не имеют прямых аналогий биметаллические бляшки из кургана 48 Южного Тагискена и цилиндрические бляшки из курганов 40 и 57, которые, тем не менее, датируются стрелевидными удилами и трехдырчатыми псалиями, обнаруженными в комплексе с одной из последних.

К конской упряжи имеют отношение *пронизи*, которые в силу многообразия форм также подлежат классификации (в скобках — численность).

Надо полагать, что все эти типы пронизей использовались для украшения ремней уздечки и оголовья лошади. Наиболее распространенным в Южном Тагискене типом являются литые бронзовые кольцевидные пронизи (Группа I, тип 1), выполненные в виде колечек диаметром 10—14 мм, с высотой корпуса от 5 до 9 мм. Пронизи с более высоким корпусом имеют в профиль биконическую форму, остальные — с прямыми или дугообразными в профиль стенками. Наибольшее их количество — 140 шт. было найдено в кургане 40. В кургане 45 их было 45 шт., в кургане 46 — 20 шт. Аналогии этому типу пронизей имеются в ранних комплексах тасмолинских курганов (Кадырбаев, 1966, рис. 7, 5), в Уйгараке (Вишневская, 1973, с.105, табл. III, 15; XVI, 3), в могильнике Сакарчага 6, в материалах VIII—VI вв. до н.э. с территории Алтая (Степи Азиатской части..., табл. 61, 17). В Уйгараке эти пронизи были найдены в

комплексе с вещами, датирующимися в пределах VII—VI вв. до н.э.

Пронизи типа 2 также имеют аналогии в Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. I,2; XI,18). Их своеобразная форма может свидетельствовать о том, что их надевали на сдвоенные ремни. Дата обоих курганов Уйгарака, в которых они были найдены — VI в. до н.э.

Пронизи типов 3 и 4 не имеют прямых аналогий, а пронизи, сходные с нашим типом 5 находили в раннесакских курганах Восточного Казахстана (Степи Азиатской части..., табл. 57,21,22).

Тагискенский комплекс отличается от уйгаракского наличием разнообразных пронизей уздечки, выполненных из железа. В принципе, форма железных экземпляров повторяет бронзовые. С-видные пронизи (тип 2) напоминают бронзовые типа 1, но, поскольку они выкованы из железа, имеют незамкнутые концы. В-образные полностью повторяют форму бронзовых типа 2. Железная массивная пронизь из кургана 36 не имеет аналогий.

Весьма вероятно, что к категории "бляхи" можно отнести два бронзовых предмета из курганов 40 (Рис. 22, 14) и 57 (Рис. 52, 8). Они имеют полый цилиндрический корпус с поперечно расположенной петлей. Однако в силу сомнительной функциональной атрибуции, мы не стали включать их в классификацию. Аналогии этим предметам нам не известны.

В качестве подвесок для украшения сбруи использовали также клыки и резцы животных. Таковы подвески из кургана 49 (Рис. 36, 8, 10) и кургана 28 (Рис. 9, 6). Подвески, найденные в кургане 47 были сделаны из рога (Рис. 33, 6, 7). Подобные подвески имеют широкий круг аналогий в памятниках раннесакской эпохи Средней Азии и Казахстана. В том числе, они были найдены и в Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. I,18; XI,20; XIV,14; XVII,12). Все они датируются в пределах VII—VI вв. до н.э.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОНИЗЕЙ* КОНСКОЙ УПРЯЖИ ИЗ ЮЖНОГО ТАГИСКЕНА

ГРУППА I — Бронзовые

Тип 1 — кольцевидные Рис. 45, 8

Тип 2 — В-образные Рис. 55, 18

Тип 3 — биконические Рис. 12, 3; 22, 7; 30, 8; 31, 14

ГРУППА II — Железные

Тип 1 — кольцевидные Рис. 17, 6)

Тип 2 — С-видные, незамкнутые Рис. 55, 18

Тип 3 — В-образные Рис. 60, 14

* Эти детали функционально напоминают ожерелья. Поэтому для их обозначения мы используем термин "пронизи".

К уздечке имеет, очевидно, отношение согнутый вдвое бронзовый листок прямоугольной формы, снабженный заклепками, из кургана 28 (Рис. 9,2). Внутри листочка сохранились остатки дерева. Полная аналогия этому предмету есть в кургане 23 могильника Сакарчага 6 в Присарыкамышье (кон. VIII — VII в. до н.э.).

Для крепления узла на конце подбородочного или затылочного ремня уздечки служили ворворки. Ворворки из курганов 57 (Рис. 52, 10, 11) и 62 (Рис. 55, 8) ближайшие аналогии имеют в Уйгараке и в соответствии с классификацией О.А.Вишневской (1973, с.105—106; табл. III, 7; V, 6, 16; XII, 4, 5) также подразделяются на две формы — вогнуто-коническую (курган 62) и пирамидальную (курган 57). Вишневская (1973, с.106) привела широкий круг аналогий этим предметам в памятниках скифо-сарматского мира и раннесакских могильниках Алтая, в материалах тагарской культуры Южной Сибири, отметив специально, что оба типа ворворок были найдены в кургане 3 могильника Тасмола V, который относится к 1-ому этапу развития тасмолинской культуры.

В Южном Тагискене (курганы 40 и 60) были найдены бронзовые ворворки третьего типа. Они колоколовидной формы (Рис. 22, 3; 55, 6).

Неотъемлемую часть конской упряжи составляли всевозможные пряжки. По своему функциональному назначению их можно разделить на следующие группы:

1. Небольшие пряжки без язычка, по мнению К.Ф.Смирнова (1961, с.96; рис. 55, 4), служившие для продевания чембура. Фигурные бронзовые пряжки с двумя прорезями были найдены в курганах 31 и 54 Южного Тагискена (Рис. 12, 1; 45, 7). Аналогии нам не известны.

2. Подпружные пряжки, связанные с конструкцией мягкого седла, которые обычно находят парами (Рис. 76). Пряжки из кургана 40 (Рис. 22, 18, 19) — округлорамчатые, большие, со щитком, имеющим сегментовидную прорезь. На лицевой и оборотной стороне одной из них имеется два кнопочных выступа для закрепления подпружного ремня. Абсолютно аналогичные экземпляры происходят из кургана 51 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XVI, 1, 2), который Вишневская датировала VII—VI вв. до н.э.

Остальные пряжки, меньших размеров, в общем то однотипны — они имеют кольцевидную форму и прямоугольную или трапециевидную рамку с прорезью для продевания ремня. Таковы пряжки из курганов 23, 36, 44 и 65 (Рис. 4, 1, 2; 17, 11, 12; 27, 1, 3; 62, 7, 8). Одна пряжка из каждой пары имеет на лицевой стороне кнопочный выступ для крепления ремня. Этот тип пряжек хорошо представлен в материалах Уйгарака (Вишневская, 1973, с.106) и в архаическое время имеет широкий круг аналогий от Скифии до Восточного Казахстана и Алтая. Большинство из них комплексами вещей датируют в пределах VII—VI вв. до н.э.

Парные пряжки из кургана 37 Южного Тагискена (Рис. 24, 1, 3) также имеют прямые аналогии в

Уйгараке (Вишневская, 1973, табл. III, 1, 2; с.122) и происходят там из кургана 14, который автор публикации датировала VI в. до н.э.

В отличие от остальных, пряжки из кургана 49 Южного Тагискена (Рис. 36, 15, 17) выполнены в виде щитков клювовидной формы. Поверхность обоих пряжек украшена шахматным орнаментом, а одна из них имеет кнопочный выступ с лицевой стороны.

Бронзовый предмет из кургана 57 (Рис. 52, 10), представляющий собой втулку с расширением у одного из концов, мы определили как ворворку, а О.А.Вишневская (1973, табл. VII, 20; с.21), как набалдашник плети. Курган 25 могильника Уйгарак, в котором был найден однотипный предмет был датирован VI в. до н.э. (Вишневская, 1973, с.122).

Подводя итоги обзору находок, имеющих отношение к конской упряжи, можно сделать два предварительных заключения. Одно из них состоит в том, что тагискенский набор, при некотором своеобразии отдельных предметов, в целом повторяет уйгаракский и имеет самый широкий круг аналогий в памятниках восточного ареала степей. Другой вывод касается хронологии этого набора. Большинство авторов датируют подобные вещи в пределах VII—VI вв. до н.э.

Предметы декоративно-прикладного искусства (Рис. 77, 78). В захоронениях Южного Тагискена представлены разнообразные сюжетно и стилистически предметы декоративно-прикладного искусства, которые типологически можно разделить на две группы.

Первую представляют вещи, украшенные геометрическим орнаментом или выполненные в виде сильно стилизованной композиции с элементами растительного орнамента. Вторую группу составляют разнообразные предметы, которые являются образцами классических традиций скифо-сибирского звериного стиля на различных стадиях его развития.

В составе первой группы — золотая ворворка, возможно, от перевязи портупей меча, из кургана 53 (Рис. 44, 3), которая по общей форме приближается к усеченному конусу. В корпусе ворворки имеется отверстие диаметром 10 мм. Поверхность ворворки покрыта орнаментом в виде геометрической композиции, основу которой составляют рельефные спирали с вписанными в них рядами квадратных выступов. Наконечниками стрел и мечом из этого погребения ворворка может датироваться в пределах VI—V вв. до н.э.

Геометрическим орнаментом в виде расположенных в шахматном порядке квадратных углублений украшена пара подпружных пряжек из кургана 49 (Рис. 36, 15, 17). Сами пряжки имеют листовидную (клювовидную -?) форму. Аналогичная орнаментальная композиция имеется на грибовидной бляшке, украшавшей упряжь, из того же кургана (Рис. 36, 16). Морфологией деталей конской упряжи этот курган может быть предварительно датирован в пределах VII—VI вв. до н.э.

Из кургана 49 происходит биметаллическая бляшка (Рис. 36, 1), корпус которой выполнен из бронзы, а верхнюю плоскость щитка украшал прямой крест, сделанный из полосок железа. Поскольку крест не функционален, можно предположить его декоративное назначение.

Общую серию составляют однотипные обоймы для перекрещивания ремней уздечки, корпус которых имеет в плане клювовидную форму. Все они были найдены в кургане 36 (Рис. 17, 1-5). Поверхность их корпусов была украшена орнаментальной композицией, состоящей из отдельных элементов. Каждый из этих элементов является изображением сильно стилизованного крыла птицы. Характерными удилами и псалиями, найденными в погребении, обоймы могут быть предварительно датированы в пределах VII—VI вв. до н.э.

В числе предметов, украшенных геометрическим орнаментом, нужно упомянуть детали конской упряжи, украшенные солярными знаками. Знаки однотипны: в гравированный квадрат с вогнутыми сторонами вписано рельефное изображение круга с кольцом или точкой в центре. Четыре таких предмета — пара крестовидных пронизей и пара дисковидных бляшек от уздечки были найдены в кургане 55 (Рис. 47, 10, 14), который характерными наконечниками стрел, а также удилами и псалиями может быть датирован в пределах VII вв. до н.э.

Из кургана 65 происходит цилиндрическая обойма для перекрещивания ремней уздечки, поверхность корпуса которой украшает аналогичный символ (Рис. 62, 5, 6). Другими деталями конской упряжи курган предварительно датируется VII вв. до н.э.

Вторая группа более многочисленна и разнообразна по составу. В нее, в частности, входят бронзовые псалии из кургана 44 (Рис. 27, 2), выполненные в виде рогов антилопы. Стремевидными удилами эти псалии датируются VII—VI вв. до н.э.

Парные бронзовые подпружные пряжки из кургана 55 выполнены в виде геральдических изображений конских голов (Рис. 47, 13, 15). На одной из пряжек имеется кнопка для пристегивания подпружного ремня, оформленная в виде лошадиного копыта. Совокупность предметов сопровождающего инвентаря погребения кургана датируется VII—VI вв. до н.э.

Еще две парные бронзовые подпружные пряжки с элементами изображений в зверином стиле происходят из кургана 45. Они выполнены в виде колец, корпус которых в четырех местах украшен рельефными переплетающимися витыми линиями. В верхней части пряжек угадываются барельефные изображения фигурки лежащего животного с длинным хвостом, конец которого имеет кольцевидное завершение. Хвост изображен в выпрямленном положении. Он стелется по воображаемой поверхности земли, и конец его расположен у морды животного (Рис. 30, 3, 4). Скорее всего, это изображения фигур львов с головами, повернутыми en face.

Из этого же погребения происходят четыре штампованные из золотой фольги изображения хищ-

ников кошачьей породы, скорее всего — львов. Три фигурки однотипны — это профильные барельефы лежащих львов, морды которых обращены влево от смотрящего. Отдельные части фигур — голова, торс, передняя и задняя части тела переданы широкими, общими, рельефными плоскостями. Морды зверей выполнены в реалистической манере — подчеркнуты широко открытая пасть, ноздри, овальной формы уши. Глаза переданы рельефными окружностями с центрально расположенным выступом внутри. На концах лап имеется стилизованное изображение когтей. Конец хвоста загнут в спираль (Рис. 29, 1-3).

Четвертая, стилистически близкая фигурка отличается от предыдущих, главным образом, тем, что она повернута мордой вправо от смотрящего (Рис. 29, 4).

Из этого же кургана происходит фрагмент штампованной из золотой фольги фигурки более крупных размеров. Сохранилась лишь задняя часть торса, по которой можно реконструировать силуэтно-барельефное изображение лежащего льва со спиралевидно загнутым концом хвоста, мордой обращенного вправо от смотрящего. Особенность этой фигурки в том, что в контуры торса льва вписаны еще два рельефных изображения (Рис. 29, 10) — оленя с длинными ветвистыми рогами и более мелкой фигурки оленихи, рога у которой отсутствуют. Животные обращены крупными друг к другу и составляют цельную композицию. Оба животных находятся в так называемой жертвенной позе — с подогнутыми передними конечностями и прямыми задними.

Стилистически фигурки из кургана 45 относятся к раннему этапу развития звериного стиля. Об этом могут свидетельствовать такие элементы, как общая реалистичность изображений, подчеркивание мускулатуры животных широкими плоскостями, округло-овальные контуры ушей, рисунок глаз в виде концентрических окружностей. Вместе с тем, композиционная синкретичность фигурки льва, в которую вписаны изображения оленей, может говорить о том, что в данном случае мы сталкиваемся не с самыми ранними образцами сакского искусства. Однако, в составе сопровождающего инвентаря в данном погребении имеются роговые псалии и стремевидные бронзовые строгие удила, наиболее вероятная дата которых лежит в пределах VII — рубежа VII—VI в. до н.э.

Стилистически близкие, на первый взгляд фигурки львов были найдены в курганах 31 (Рис. 12, 2) и 53 (Рис. 44, 2). Можно заметить, однако, что лапы животных в данном случае изображены иначе, чем у львов из кургана 45. Прочим сопровождающим инвентарем курганы 31 и 53 вполне могут датироваться в пределах VI и даже до рубежа VI—V вв. до н.э. Две из них являются барельефно-профильными изображениями стоящих львов с подчеркнуто когтистыми лапами и спиралевидно загнутыми концами хвостов. Третья фигурка — из кургана 53 (Рис. 44, 1) передает изобра-

жение лежащего льва, голова которого опущена на сложенные перед грудью концы лап, а морда повернута в фас.

Группа предметов, выполненных в зверином стиле столь многообразна и выразительна, что нуждается в специальном анализе.

Звериный стиль.

Итак, на предметах конского убора, бронзовых, а также золотых нашивных бляшках и золотых обкладках в погребениях ранних саков Южного Тагискена изображены лошадь, лев, барс или пантера, горный козел, сайга, кабан, хищная птица, волк (?), олениха и олененок. Эти мотивы для "скифского мира" достаточно традиционны, однако их следует рассматривать по крайней мере в двух аспектах.

Все эти предметы были изготовлены местными мастерами, причем большинство из упомянутых животных действительно обитало в низовьях Сырдарьи раннесакского времени и могли служить объектами охоты. Кабан, сайга, джейран, горный козел, хищные птицы, волк — их кости встречены при раскопках древних поселений на всей территории Казахстана уже в эпохи неолита и бронзы (Макарова, 1978, с.130 и сл.). На восточном берегу Арала, с его песками, камышовыми зарослями и обилием воды (устье Сырдарьи, разливы Кувандарьи, устье Жанадарьи, когда и ее воды доходили до Аральского моря) водились кабаны и тигры и в средние века (См., например, записки Ибн-Руста) и в XIX веке (Берг, 1908, с.8; Борцов, 1865, с.18; Макшеев, 1851, с.50). В целом же для Сырдарьинской дельты — в бассейнах упомянутых рек, в XIX веке упоминаются, кроме тигров и кабанов, олени, волки, сайгаки, дикие кошки и др. животные (Левшин, 1832, с.131—134, 136; Ивашинцов, 1854, с.252; Таранов, 1885, с.134). Степень обводненности древней Сырдарьинской дельты в сакское время была не меньшей, чем в XIX веке (Кесь, Андрианов, Итина, 1980, с.189 и сл.), что делает реальным предположение о том, что вся эта фауна существовала и в сакское время.

Что же касается домашних животных, изображенных на предметах из Южного Тагискена, то речь может идти лишь о лошади. Ее роль в хозяйстве населения сакского типа трудно переоценить.

До сих пор речь шла о чисто утилитарном аспекте образцов звериного стиля. Другой его аспект — мифологический, выводит нас в мир духовной культуры ранних саков низовий Сырдарьи, чья принадлежность к индоиранским по языку группам населения наиболее вероятна (Кузьмина, 1983; 1994).

В материалах погребального обряда сакских погребений Тагискена можно увидеть комплексы признаков, которые могут быть соотнесены с традиционными верованиями индоиранцев. Это, прежде всего, те элементы обряда, которые отражают роль огня в погребальном культе. Культ огня проявился в обычае сожжения деревянных перекрытий могил и деревянных построек, в наличии захоронений, совершенных по способу кремации, в сожжении хвороста, уложенного

вокруг места погребения, в заполнении ровиков кусками гончарного шлака, угольях или красной краске на поверхности каменных алтариков, имитирующих огонь.

Судя по данным письменных источников, элементом древнеиранской погребальной обрядности следует считать также обычай устилать поверхность вокруг могильной ямы камышом (ведические арии расстилали траву или солому).

Поэтому мы можем рассматривать семантику изображений, выполненных в зверином стиле, в преломлении мифологических представлений индоиранцев. Предполагаемая лингвистами ираноязычность собственно скифов, саков и кочевого населения степной Евразии в целом, несомненно, была той основой, на которой формировалась общность степных скотоводов, их идеология, что находит подтверждение и при сравнительном анализе письменных и археологических источников (Раевский, 1977). Общество подвижных скотоводов, коневодов, освоивших и колесный транспорт, мифологические представления которого были теснейшим образом связаны с культом солнца, огня и коня — такими представляются нам индоиранцы по данным письменных источников и их лингвистическому анализу.

С накоплениями новых материалов и, особенно, в связи с новыми и относительно многочисленными находками предметов звериного стиля, датирующихся не позднее VII в. до н.э. в восточных областях "скифского мира", центральноазиатская концепция происхождения скифо-сакского искусства, казалось бы, могла восторжествовать (Тереножкин, 1976, с.184—185, 209—212). Развитие идей А.И.Тереножкина о центральноазиатском происхождении скифов, базирующаяся на сообщении Геродота, принята в последнее время В.Ю.Мурзиным (1990).

Однако, сосредоточившись на проблеме происхождения звериного стиля, нам представляется, что переднеазиатская концепция его происхождения, которую в свое время отстаивал М.И.Артамонов, равно, как и центральноазиатская, не полностью отражают существо дела. Зная сейчас, сколь велик и неоднозначен регион распространения памятников звериного стиля, вряд ли можно говорить о распространении этого стиля искусства из единого центра. Вероятно, речь может идти не о происхождении, а о формировании звериного стиля. При этом искать его истоки в зооморфных изображениях культуры эпохи поздней бронзы, видимо, неправильно, и об этом справедливо писал Б.Н.Граков (1971, с.102). Скорее можно предположить, что на определенном этапе исторического развития у населения со сходным хозяйственно-культурным типом (полукочевое или кочевое скотоводство), сходными формами общественной организации и уровнем производительных сил, на базе их общей ираноязычной основы, существовали сходные идеологические представления, одним из

выражений которых и стал звериный стиль в искусстве.

Такая постановка вопроса совершенно не исключает наличия культурных связей и взаимовлияний внутри этого обширного региона, равно как и влияния мира передовых цивилизаций на эту его степную варварскую периферию. Так что, если не вести речь о переднеазиатском происхождении, о переднеазиатском влиянии на формирование особенностей звериного стиля, говорить все же следует. Более того, переднеазиатское влияние надо рассматривать не только и не столько как явление синхронное времени распространения звериного стиля, но как процесс, уходящий своими корнями в глубокую древность, в эпоху бронзы, чему за последнее время получены и археологические свидетельства (См., например, Кузьмина, 1977). Высказывая аналогичную точку зрения, Е.Е.Кузьмина полагает, что искусство звериного стиля саков уходит своими корнями в древнебактрийское искусство эпохи бронзы. Как и мы, она подчеркивает, постоянные контакты южных земледельческих областей Средней Азии с северными и влияние высокой культуры земледельцев на "варварскую" степь. Именно в этих долговременных и постоянно действующих процессах Е.Е.Кузьмина видит возможность раннего проникновения элементов бактрийского искусства на север и соответственно — более раннего, чем на западе "скифского мира" возникновения искусства звериного стиля в восточных его районах и, в частности, у саков (Кузьмина, 1977, с.117—119). Так что наличие ряда явно заимствованных переднеазиатских мотивов своеобразно переработанных местными мастерами на востоке "скифского мира", может быть объяснено именно южными влияниями.

Как и в скифском искусстве, в основе сакского лежали, видимо, магические представления, выражавшиеся в форме парциальной магии. Образы хищной птицы и коня, связанные с солнечным культом (Кузьмина, 1977, с.96 и сл.), встречены, что тоже примечательно, преимущественно на предметах конской сбруи. На этих же предметах мы можем видеть характерный солярный знак в виде квадрата со вписанным в него кругом. Они же включают изображения четырех птичьих голов в виде сегнерова колеса (могильник Уйгарак). Символично, видимо, изображение копыта лошади на подпружных пряжках и на пластинах, не только имеющих иное назначение, но и содержащих изображение, отнюдь, не парнокопытных.

К категории каких-то общих для всего ираноязычного мира магических представлений относится и распространение изображений оленя, который, возможно был семантически связан с образами птицы и коня (Кузьмина, 1977, с.105).

Несомненно, что манера, в которой выполнены изображения, вводят саков Приаралья в мир скифо-сибирского звериного стиля. Однако здесь выявляются

черты единства, с одной стороны, и местного своеобразия, с другой. Широко распространенный во всем огромном ареале образ кошачьего хищника (Ильинская, 1971, с.64 и сл.), встречен и на Сырдарье. Прежде всего, мы имеем в виду бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо барса или пантеры. Они найдены на Уйгараке, в 30 км от Южного Тагискена и были выполнены в традиционной и модифицированной манере (Вишневецкая, 1973, табл. IX, 9-20). Эти сюжеты дают широкий круг аналогий, как на востоке, так и на западе "скифского мира" (Яблонский, 1991б, с.82; 1996; Итина, 1992, с.43) и датируются, в целом, VII—VI вв. до н.э. Во всем ареале "скифского мира" такие изображения выполнены по определенному канону, что может и не обязательно предполагать знакомство мастера с живым оригиналом. Впрочем, мы встречаем упоминания о барсах, обитавших в низовьях Сырдарьи (Левшин, 1832, с.105; Эверсман, 1949; с.256).

Тигры, очевидно, не водились в районе Нижней Сырдарьи, и, хотя образ этого животного, в принципе, был широко распространен в иконографии звериного стиля, в тагискенских материалах изображения тигра не встречены.

Одним из наиболее устойчивых в искусстве саков Приаралья был образ льва, что, по-видимому, демонстрирует связи сакского мира с южносреднеазиатскими и переднеазиатскими регионами. Эти контакты своими корнями уходят, по крайней мере, в эпоху бронзы, и мы уже писали о южном компоненте в культуре мавзолеев Северного Тагискена, предположительно бактрийского происхождения (Итина, 1992, с.36). Отмечавшиеся уже ранее сходные элементы в конструкции погребальных сооружений и предметов погребального инвентаря Северного (эпоха поздней бронзы) и Южного Тагискена позволяют еще раз поддержать идею Е.Е.Кузьминой (1983, с.97) о возможности древнебактрийского влияния на искусство саков.

Все фигурки львов из Южного Тагискена были вытеснены из золотой фольги, лишь одна фигурка — литая. Литыми были также изображения львов на парных подпружных пряжках. Наиболее ранние из них, включая фигурки сидящих львов, должны датироваться VII—VI вв. до н.э. Все эти изображения происходят из кургана 45. Аналогичная подпружная пряжка была найдена на Уйгараке (Вишневецкая, 1973, табл. XXVIII, 5). Возможно, что до ограбления кургана их там было тоже две. В кургане 45 Тагискена была также найдена тисненая пластина из золотой фольги, служившая накладкой на какой-то несохранившийся предмет. Она, по-видимому содержала более крупное по размерам изображение сидящего хищника кошачьей породы, возможно, льва (голова не сохранилась), в корпус которого были вписаны две фигурки оленей (о них — ниже). Все изображения львов из курганов Южного Тагискена были выполнены в традиционной манере: с загнутыми вверх кончиками хвоста, круглыми глазами и ушами, расположенными на одной линии с приоткрытой пас-

тью. Фигурки лежащих львов отличает одна интересная деталь: концы их лап оформлены в виде конского копыта.

Мотив лежащего кошачьего хищника с поджатыми ногами был широко распространен в собственно скифских древностях, однако, при всей каноничности формы, в целом, в отдельных регионах "скифского мира" наблюдаются различия в изображении деталей этого образа. Пожалуй, наиболее близки пластинам из кургана 45 изображение льва с поджатыми ногами из курганов у Ульского аула (Артамонов, 1966, с.16, рис. 17).

Другая группа изображений кошачьего хищника из Южного Тагискена — идущий или стоящий лев. В ней выделяется фигурка идущего льва из кургана 31, выполненная в удивительно реалистической манере, отличающей данное изображение от всех остальных, которые характеризуются некоторой условностью стиля. Можно предположить, что авторы истинных моделей не знали и подражали готовым образцам лишь в меру собственного понимания объекта. Так воспринимаются фигурки стоящих львов, обрамлявшие нижнюю часть колчана из кургана 53. Это был курган, содержащий могильную яму с дромосом, в котором также был найден длинный железный меч с бабочковидным перекрестием, которым это погребение может датироваться VI — началом V вв. до н.э.

Мотив сидящего хищника хорошо известен в памятниках раннескифского типа (Ильинская, 1971, с.70—72). Бронзовые бляшки из Привольненских савроматских курганов были датированы VI — 1-ой половиной V в. до н.э. (Максимов, 1976, с.215; рис. 3, 1-3). Хвосты животных (по предположению автора публикации — медведей) были загнуты.

Мотив стоящего хищника был достаточно широко распространен в памятниках восточной части степей (Черников, 1965, с.60; рис. 9, 3; Грач, 1980, с.88-89; рис. 88; Грязнов, 1980, рис. 25).

Еще один вариант изображения — золотая фигурка лежащего льва, положившего голову, изображенную в анфас на лапы. По-видимому она служила застежкой колчана. Стиль изображения по времени вполне согласуется с остальными предметами из этого кургана. Золотые бляшки из сакских погребений Тасмолы в Центральном Казахстане, удивительно напоминающие тагискенскую (Кадырбаев, 1966, с.398, рис. 63), были датированы рубежом VI—V вв. до н.э.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что предметы с изображениями львов были обнаружены в наиболее социально значимых погребениях. Курган 45 содержал, в том числе, жертвенник на ножках. Аналогичные жертвенники были найдены в жреческих захоронениях Уйгарака. В кургане 53, помимо колчана, был обнаружен меч в деревянных ножках с золотой обкладкой и прочие предметы, которые своим богатством выделяют это погребение из группы прочих.

Стиль популярный в "скифском мире" образ коня, вариации воплощения которого в искусстве звериного

стиля необычайно многообразны (Кузьмина, 1977, с.96 и сл.), встречены на отдельных предметах из коллекции Южного Тагискена. Уникальны две бронзовые бляхи из кургана 55 в виде геральдически противопоставленных лошадиных голов и с кнопкой в виде лошадиного копыта на одной из них. Эта деталь изображения, встречающаяся ранее в Уйгараке и в "савроматских" древностях Южного Приуралья (Смирнов, 1964, с.235—236) также передает образ коня. Существует точка зрения, что геральдические композиции впервые появляются в искусстве Древнего Востока, а в модифицированном виде они характерны для искусства звериного стиля (Баркова, 1977, с.10). Семантически образ двух противостоящих коней имеет явные индоевропейские корни и является отражением близнячного культа (Кузьмина, 1977, с.102—104; Иванов, Топоров, 1980, с.529). Как уже говорилось, исследователи полагают, что у скифов и саков, конь являлся солярным символом.

К этой же категории образов относятся изображения птицы-коня, которые, в памятниках низовьев Сырдарьи не встречены. Однако, по канонам парциальной магии изображалась лишь головка хищной птицы, причем в большинстве случаев бляшки этого типа были встречены среди элементов конского убора (Вишневская, 1973, с.112—114). При этом птичья головка изображалась с большей или меньшей степенью стилизации. Своего апогея она достигает в форме бронзовых бляшек из кургана 36 Южного Тагискена и в клювовидной форме каменных алтариков из погребений приаральских саков. Солярное осмысление образа коня подчеркивают бляшки конского убора из кургана 55, украшенные солярным знаком в виде квадрата с вогнутыми внутрь сторонами и кружком в центре.

К категории общих для индоиранского мира мифологических представлений относится и повсеместно распространенный в скифское время образ оленя. Он нашел воплощение в уникальной по художественному мастерству золотой пластине (фрагмент) из кургана 45. На этой пластине были изображены два оленя с подогнутыми ногами на фоне более крупной фигуры кошачьего хищника. Один из оленей с рогами, у другого рога отсутствуют. Стилистика изображения морды оленей и их глаз напоминает изображения на ранних переднеазиатских печатях (Herzfeld, 1941, p.162—164, fig. 277-279), но трактовка рогов сближает тагискенский образец с искусством саков казахстанско-сибирского культурного круга. То же можно сказать и относительно фигурки оленя, стоящего "на цыпочках" из кургана 41 Уйгарака и датирующегося VI в. до н.э. (Вишневская, 1973, табл. XIV,7; Членова, 1962, с.197; табл. I,1-6; табл. IV,10; 1967; табл. 32; Черников, 1965, с.29; табл. XI). Заслуживает внимания, что и в последнем случае на скобе, соединяющей ноги оленя, изображено конское копыто.

Широко распространенный в скифо-сибирском зверином стиле образ оленя с подогнутыми ногами

представлен на Южном Тагискене золотыми штампованными бляшками из фольги в виде фигурок сайги (курган 66). Лишь техника изготовления (штамповка по золотой фольге) сходна с той, в которой изготовлены бляшки в виде фигурок стоящих львов из кургана 53. Оба кургана содержали могилы с дромосами, но состав сопровождающего инвентаря, включая стилистические особенности изображений в зверином стиле, свидетельствует об ощутимом хронологическом разрыве между обоими сооружениями.

Можно, однако, с достаточной долей уверенности считать, что в обоих случаях, бляшки служили украшением колчанов. Косвенно подтверждают такое предположение сходные, в целом, бляшки из Чиликтинского кургана, найденные с колчаном (Черников, 1965, табл. XI).

В искусстве звериного стиля мы нередко встречаем и образы фантастических животных, изображения которых сочетают в себе детали, характерные для различных представителей животного мира. Образец такого искусства дает фрагмент золотой обкладки из кургана 53. На нем изображены два лежащих друг за другом зверя, крупы которых и головы напоминают лошадиные, но у них когтистые лапы и хвост с завитком на конце, как у кошачьих. Пасть животных раскрыта и в ней виден характерный оскал зубов, похожий на волчий. Кончик носа и губа одного из зверей имеет завиток. На плечевые области нанесен орнамент в виде треугольников — вероятно, условное изображение мускулатуры. По ряду деталей эти звери похожи на хищника, образ которого мы видим в золотой бляшке из кургана 5 Суловского могильника, датирующегося VI в. до н.э. (Смирнов, 1964, с.370; рис. 78, 1). Закрученные спиралью нос и губы животного, подчеркивание с помощью изображения спирали отдельных сочленений тела, зубастая пасть — стилистические приемы, которые широко известны в савроматских и ананьинских древностях. Одно такое изображение, найденное в Ананьинском могильнике, датируется VI—V вв. до н.э. (Збруева, 1952, с.78, табл. XVII, 4). К этому же кругу памятников относится бронзовая бляха в виде свернувшегося зверя, найденная на горе Азов, на Урале (закрученные нос и губы животного) (Бортовин, 1949, с.119; рис. 48, 4). Те же стилистические особенности (зубастая пасть) просматриваются и на амулетах из Блюменфельдского кургана А-12 (Смирнов, 1961, рис. 8, 1; рис. 52, 10а, 10б). Напомним, что в соответствии с типологией наконечников стрел, курган 53 должен датироваться в пределах VI — начала V вв. до н.э.

На золотой пластине из кургана 59 Тагискена в той же манере изображен зверь с закрученным в спираль кончиком хвоста, когтистыми лапами и зубастой пастью. Фрагмент пластины не полный, но очевидно, что там была изображена сцена терзания, хотя вторую фигуру идентифицировать не удалось. Не

исключено, что направленность стиля на предметах из курганов 53 и 59, связанных с оформлением ножен длинных мечей и самими мечами, указывает на проявление западных, связанных со скифо-савроматским миром, культурных контактов.

С другой стороны, влияние искусства восточной части "скифского мира" проявляется в стиле изображения головки горного козла с закругленными рогами — на перекрестии меча из кургана 53.

Наконец, следует упомянуть бронзовую подвеску в виде сильно стилизованной головки кабана. Этот мотив был широко распространен среди древностей "скифского мира" в самых разных вариациях. Встречен он и на бляшках из курганов Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXVIII, 13). Изображение фигур кабанов на костяном навершии из могильника Сакарчага 3 (Яблонский, 1991б, с.86) ближе всего по стилю к фигурам с оленного камня кургана Аржан, датировка которого, как известно не бесспорна. Однако, именно это сходство позволяет синхронизировать сакарчагинскую и аржанскую находки и датировать их соответственно концом VIII—VII вв. до н.э. (Яблонский, 1991, с.86, 88). Стилизация головки кабана из Южного Тагискена заставляет думать об относительно более поздней ее дате, включающей VI в. до н.э.

Изображения кабанов Е.Е.Кузьмина (1977, с.105—106), связывает с культом одного из богов Авесты и усматривает в осетинском эпосе отражение этого образа, обладающего способностью перевоплощаться в животных и в ветер.

Признанная многими исследователями мифологическая основа памятников звериного стиля и заметное сходство их в ряде случаев на значительной территории, тем не менее, выявляет отдельные культурные провинции распространения этого стиля как на ранних, так и на более поздних материалах. Так, Тува, Алтай, Южная Сибирь и большая часть территории Казахстана образуют особую провинцию, отличную от скифо-савроматской. В этом отношении предметы в зверином стиле из Южного Тагискена, в целом, занимают как бы промежуточное положение между этими двумя регионами.

Все же, хронологический анализ погребений, из которых они происходят, с достаточной убедительностью показывает, что более ранняя группа курганов содержит вещи, стилистически тяготеющие к азиатскому миру степей, а более поздняя — к европейскому. Кроме того, саки Приаралья могли выступать культурными посредниками в распространении звериного стиля по территории обеих культурно-исторических областей.

Южные среднеазиатские связи дают основания видеть в населении "варварской" сакской периферии земледельческих оазисов низовий Сырдарьи не только реципиентов, но и передатчиков элементов культуры южных земледельцев в степные объединения кочевников.

ГЛАВА 4

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Систематизация признаков погребального обряда и классификация сопровождающего инвентаря могильника Южный Тагискен, которые были приведены выше, позволяют сформулировать два генеральных вывода. Первый состоит в том, что определенная часть тагискенских захоронений по комплексу признаков погребального обряда может быть уверенно включена в круг памятников раннесакского типа.

Вместе с тем, в могильнике были раскопаны и такие погребения, которые составляют особую, как будто, культурно-типологическую группу. Речь идет о погребениях, в составе сопровождающего инвентаря которых были найдены вещи, датирующиеся, в соответствии с европейскими хронологическими шкалами, временем не ранее 2-ой половины VI в. до н.э. Специфичен, по отношению к классическому для саков, типологический состав инвентаря таких погребений. В комплекс входят, в частности, длинные железные мечи, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, характерные для европейских памятников скифо-савроматской эпохи, вещи, выполненные в зверином стиле и отличающиеся от классических раннесакских. Сосуществование двух отчетливо различающихся вариантов материальной культуры в могильнике Южный Тагискен ставит вопрос о культурно-типологическом и хронологическом соотношении указанных комплексов.

Некоторые аспекты абсолютной хронологии отдельных категорий вещевого инвентаря были кратко освещены в предыдущих главах. Этот обзор, однако не проясняет проблемы относительной хронологии тагискенских погребений. Между тем, решение этой проблемы позволит ответить на принципиальный вопрос о реальности сосуществования не только в пределах могильника, но и во времени обеих типологических групп захоронений.

В основу сопоставления могут быть положены наконечники стрел, которые были найдены почти во всех могилах Южного Тагискена. Сведения о типологическом распределении их по погребениям представлены в таблице 1.

По этому принципу выделяется две группы относительно асинхронных захоронений, которые мы, на основании типологического состава наконечников

стрел датировали концом VIII — VI (вероятно, первой его половиной) и VI (вероятно, второй его половиной) — началом V вв. до н.э.

Попытаемся теперь, с учетом проделанного анализа всей совокупности погребального инвентаря, определить хронологическую принадлежность каждого кургана.

В относительно ранней группе выявляются комплексы, верхняя дата которых не выходит за рубеж VII в. до н.э. Среди них:

Курган 30 (Рис. 11) — датируется костяным и бронзовыми наконечниками стрел, среди которых бронзовый двухлопастной втульчатый лавролистный.

Курган 55 (Рис. 46) — бронзовыми наконечниками стрел, среди которых преобладают втульчатые двухлопастные и ромбические, с цельнометаллическими удилами и псалиями, деталями упряжи с изображением характерного солярного знака, который в литературе фигурирует иногда под названием "киммерийский", что подчеркивает его хронологическую атрибуцию. Предложенной датировке не противоречит и остальной набор инвентаря: бронзовые жертвенные ножи встречаются в Приаралье в наиболее ранних комплексах сакского типа — в Сакарчаге (Яблонский, 1991) и Уйгараке (Вишневская, 1973). Только в сакарчагинских могильниках имеются железные дуговидные предметы, аналогичные найденному в этом кургане Тагискена (Ср. Рис. 27, 12 и: Яблонский, 1991б, рис. 8, 1).

Бронзовые детали конской упряжи, украшенные солярным знаком, имеют широкий круг аналогий в степных памятниках, так называемого, переходного типа, которые датируются обычно не позднее 1-ой половины VII в. до н.э. (Белинский, 1990, с.190—191; Эрлих, 1994, табл. 5; с.90). Металлические цельнолитые удила и псалии также датируются этим временем, пряжки с парными конскими головами, несомненно, представляют наиболее ранние этапы развития скифосибирского звериного стиля.

Курган 60 (Рис. 54, 55) — датируется бронзовыми деталями конской упряжи с изображением солярного знака, аналогичного зафиксированному в кургане 55.

Курган 23 (Рис. 4) — датируется деталями конской упряжи. Бронзовая подпружная пряжка, анало-

к 7-мат 6 в. н.э.

гична той, что была обнаружена в кургане 60, что позволяет датировать курган 23 ранним временем.

Курган 65 (Рис. 61, 62) — бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел — втульчатым и черешковым, стремевидными строгими удилами. Основанием для такой датировки являются двухлопастной черешковой наконечник стрелы, встреченный в сочетании с ромбическим втульчатым и строгие удила со стремечковидными окончаниями и свисающими концами дужек. Последний признак исследователи рассматривают в качестве характерного для раннесакского времени (Обзор мнений см.: Эрлих, 1994, с.55—56).

Комплекс, верхняя дата которых не выходит за пределы середины VI в. до н.э.:

Курган 32 (Рис. 13) — датируется разнотипными бронзовыми наконечниками стрел, среди которых отсутствуют втульчатые трехлопастные, но имеются черешковые трехгранные. В наборе наконечников стрел преобладают бронзовые трехлопастные черешковые, имеется пара массивных двухлопастных с выступающей втулкой и четыре втульчатых, базисных, ромбических в сечении.

Курган 36 (Рис. 16, 17) — бронзовыми трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, бронзовым зеркалом с бортиком по краю и центральной ручкой-петелькой, бронзовыми трехдырчатыми псалями, бронзовыми строгими стремевидными удилами. Такие же пряжки встречены в материалах кургана 36 (Рис. 17, 18). Остальные находки из погребения типологически вполне могут быть датированы этим временем: бронзовые трехлопастные черешковые наконечники стрел, дисковидные бляшки с грибообразной заклепкой, обоймы клювовидной формы, керамические сосуды с характерной именно для раннесакского времени грушевидной формой тулова.

Курган 37 (Рис. 19, 20) — датируется набором бронзовых трехлопастных черешковых наконечников стрел.

Курган 40 (Рис. 21, 22) — бронзовыми S-видными трехдырчатыми псалями, бронзовыми стремевидными удилами с дополнительным отверстием, бронзовыми подпружными пряжками с изображениями в раннем зверином стиле. Пара подпружных пряжек, аналогичных найденным в кургане 44, сосуд с грушевидным туловом — все это признаки, позволяющие датировать данный комплекс в пределах VII—VI вв. до н.э.

Курган 42 (Рис. 23, 25) — датируется бронзовыми трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, бронзовыми строгими стремевидными удилами.

Курган 44 (Рис. 26, 27) — бронзовыми псалями, оформленными в виде роговых, бронзовыми стремевидными удилами. В кургане были найдены бронзовые трехдырчатые псалии и удила со стремечковидными окончаниями, а также бронзовые подпружные пряжки, аналогичные тем, что были обнаружены в курганах 23, 36 и 60. Эти находки и датируют курган 44 VII — серединой VI вв. до н.э.

Курган 46 (Рис. 31) — датируется этим же временем комплексом бронзовых трехлопастных черешковых наконечников стрел (при полном отсутствии втульчатых трехлопастных).

Курган 47 (Рис. 32, 33) — роговым псалием.

Курган 51 (Рис. 38) — золотой серьгой с бирюзовой вставкой, которая имеет близкую аналогию в кургане 23 могильника Сакарчага 6 (не позднее VII в. до н.э.).

Курган 58 (Рис. 55) — бронзовыми трехгранными черешковыми наконечниками стрел.

Курган 61 (Рис. 56, 57) — бронзовыми втульчатыми ромбическими наконечниками стрел.

Курган 66 (Рис. 64, 65) — каменным жертвенником клювовидной формы, бронзовым зеркалом с центральной ручкой-петелькой, золотой фигуркой арха, выполненной в ранних традициях звериного стиля.

Инвентарь некоторых курганов нельзя датировать с достаточной долей уверенности, но принадлежность их к данной хронологической группе вероятна:

Курган 9 (Рис. 3) — датируется чайникообразными лепными сосудами, бусами. Курган 9 может быть причислен к ранней группе тагикских памятников и благодаря находке бронзовой дисковидной петельчатой бляшки (аналогия в кургане 60), но без солярного знака. Пара чайникообразных сосудов и бусы с содовым орнаментом, найденные здесь, не противоречат установленной дате.

Курган 26 (Рис. 6) — погребальной камерой на поверхности древнего горизонта.

Курган 28 (Рис. 7) — бронзовой накладкой, каменным алтарем, лопаткой животного со следами красной краски. В кургане были найдены бронзовые накладки с заклепками, имеющими близкие аналогии в могильнике Сакарчага 6, в погребении, которое наконечниками стрел и предметами конской упряжи было датировано не позднее VII в. до н.э.

Курганы второй культурно-хронологической группы, в основном, отличаются наличием в составе погребального инвентаря бронзовых трехлопастных наконечников стрел, полным отсутствием характерных для раннесакского времени наборов удилищ и псалий, предметов, выполненных в традициях раннесакского звериного стиля.

Так, богатый набор бронзовых втульчатых массивных наконечников стрел и длинный железный меч, перекрестие и ножны которого были украшены золотыми накладками, происходят из кургана 53 (Рис. 42—44). Здесь же были найдены золотые накладки, представляющие собой штампованные изображения львов — профильные (идуший хищник) и полуанфасное (лежащий хищник с фронтально расположенной мордой).

По классификации К.Ф.Смирнова, нижняя дата набора наконечников стрел из кургана 53 лежит в пределах VI в. до н.э. Этим же временем предлагалось датировать и длинные железные мечи с почковидным перекрестием и брусковидным навершием

(См., например, Смирнов, 1961, с.10, рис. 1,2). Длинный железный меч инкрустированный золотом и аналогичный тагискенскому из кургана 59, найденный на Алтае, комплексом предметов был датирован концом VI — началом V в. до н.э. (Могильников, Медникова, 1985, с.183). Авторы публикации этой находки заметили, в частности, что манера украшения железных предметов золотой инкрустацией, имеет аналогии в погребальных комплексах тасмолинской культуры VII—VI вв. до н.э.

Таким образом, нижняя дата этой группы — вторая половина VI в. до н.э., а верхняя (в соответствии с господствующими традиционными представлениями) лежит в пределах V в. до н.э. Однако, после недавних археологических открытий на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья эта дата может быть сужена. На территории Оренбургской области был открыт комплекс, который содержал, в частности, золотые бляшки, стилистически близкие относительно позднему тагискенскому (Яблонский и др., 1994, рис. 76). Наконечником стрелы и характерными золотыми подвесками в виде усеченных конусов с петлей захоронение может быть датировано в пределах второй половины VI — начала V в. до н.э. Аналогичные бляшки вместе с зеркалом ольвийского типа были найдены в Нижнем Поволжье, у пос. Комсомольский. Эта находка также позволяет сузить верхнюю дату относительно поздних тагискенских курганов до начала V в. до н.э.*

К этой группе относятся следующие комплексы:

Курган 13 (Рис. 3) — датируется бронзовыми трехлопастными втульчатыми наконечниками стрел.

Курган 53 (Рис. 42-44) — набором разнотипных бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел, железным мечом, украшенным золотыми деталями, выполненными в зверином стиле, золотыми бляшками в виде изображения фигурок льва в профиль и анфас.

Курган 31 (Рис. 10, 12) — золотой фигуркой льва, аналогичной найденной в кургане 53.

Курган 57 (Рис. 51, 52) — бронзовыми черешковыми трехлопастными наконечниками стрел и золотой накладкой в сильно стилизованном зверином стиле.

Курган 59 (Рис. 53, 55) — бронзовыми трехлопастными втульчатыми наконечниками стрел, железным мечом с почковидным перекрестием, золотой пластиной с сильно стилизованным изображением в зверином стиле.

Курган 62 (Рис. 58, 59) — набором бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел.

Курган 49 (Рис. 35, 36) — биметаллической бляшкой, аналогичной найденной в кургане 62.

Курган 48 (Рис. 34) — биметаллической бляшкой, авналогичной найденной в кургане 49.

Курган 34 (Рис. 15) — биметаллическим предметом плохой сохранности, напоминающим бляшки из курганов 48, 49 и 62.

Курган 63 (Рис. 60) — набором бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел.

Курган 54 (Рис. 45) — железным мечом, 8-образной пряжкой, аналогичной найденной в кургане 31.

Курган 52 (Рис. 39, 40) — набором пастовых бус и по аналогии найденного здесь сосуда с тем, что был обнаружен в кургане 49.

Курган 50 (Рис. 37), вероятно, должен войти в данную группу благодаря жертвеннику с профилированными стенками, который имеет аналогии в памятниках савроматского времени Южного Приуралья.

Курган 56 (Рис. 48, 49) датировать весьма затруднительно из-за слабой выразительности найденного в нем инвентаря.

Особое положение в хроноряду занимает комплекс из кургана 45, поскольку он включает вещи, типологически относящиеся к обеим (абсолютно ранней и абсолютно поздней) хронологическим группам.

Действительно, с одной стороны, здесь присутствуют роговые трехдырчатые удила с бронзовыми стремевидными псалиями, зеркало с центральной ручкой-петелькой, характерные бронзовые пронизи, каменные алтарики со следами реальгара (один из них со слабо выступающими ножками) — все это признаки раннесакского времени. Пряслице усеченно-конической формы, бронзовый однолезвийный нож также имеют аналогии именно в раннесакских комплексах. С другой стороны — золотые фигурки, выполненные в относительно поздней традиции звериного стиля — лежащий лев, профильные стилизованные изображения оленей, вписанные в фигуру льва, кольцевидные подпружные пряжки, украшенные фигуркой хищника, голова которого повернута en face.

Набор характерных элементов сопроводительного комплекса, даже если использовать классическую шкалу датировки, не позволяет датировать данное погребение временем более поздним, чем VI в. до н.э., скорее всего, не позднее середины этого столетия. Культурно-типологически данный набор инвентаря можно рассматривать как переходный между классическим сакским и характерным для восточной части евразийской степи савроматского времени.

Состав погребального инвентаря из кургана 45 дает основания предполагать, что основные типологические элементы "савроматского" набора зародились в азиатской части степи еще в VI в. до н.э., и наиболее ранние образцы вещей, составляющих этот набор на протяжении этого столетия могли сосущество-

* В настоящее время В.В.Двориниченко, В.В.Плахов и М.А.Очир-Горяева подготовили для публикации в журнале "Российская археология" специальную статью, посвященную исследованию поволжского комплекса. Авторы приносят им глубокую благодарность за любезно предоставленное нам сообщение о находках и комментарий.

воваться с традиционными для ранних саков Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, в курганах Южного Тагискена выделяются, как будто, три относительно разновременные группы погребений, вещевой инвентарь которых отражает типологическое развитие комплекса погребального инвентаря от раннесакского времени до скифо-савроматского. При этом культурно-типологически два относительно ранних комплекса можно смело объединить в единый "раннесакский".

Группа 1. — в пределах VII (быть может, конца VIII — VII вв. до н.э.):

Курганы № 23, 30, 55, 60, 65.

Группа 2. — в пределах VII — середины VI в. до н.э.:

Курганы № 9, 26, 28, 32, 36, 37, 40, 42, 44, 46, 47, 51, 58, 61, 66.

Группа 3. — от середины VI до начала V вв. до н.э.:

Курганы № 13, 31, 34, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 59, 62, 63.

Курган 45 с его смешанным инвентарем логично было бы датировать временем в пределах от VII до середины VI в. до н.э.

Мы отдаем себе отчет в том, что эта разбивка является в достаточной степени условной. Она отражает лишь наши представления о хронологической атрибуции отдельных предметов и вещевых комплексов, принадлежавших ранним скотоводам евразийских степей но, возможно, не соответствует исторической реальности — вряд ли могильник, состоявший из полусотни курганов действительно функционировал на протяжении более чем двух сотен лет. Скорее всего, время существования комплекса укладывалось в более короткий отрезок времени.

Последнее предположение представляется достаточно реальным, если проанализировать, например, систему распределения видов конструкций погребальных камер внутри выделенных нами хронологических групп (Таблица 2)

Естественно, что в силу относительной малочисленности выборки, представленные в таблице цифры могут отражать не твердые закономерности, а лишь определенные тенденции. Впрочем, некоторые из этих тенденций выглядят все же достаточно выразительными.

Так, ямы с дромосами представлены во всех хронологических группах, причем одна из них — в наиболее ранней.

Столбовые конструкции на горизонте также имеются во всех трех.

Ямы, имитирующие столбовые конструкции по углам камер составляют абсолютное большинство как во второй, так и в третьей группе, хотя однажды фиксируется для наиболее ранней.

Таким образом, ни "наиболее ранняя" группа тагискенских захоронений, ни "наиболее поздняя" не различаются между собой по такому важному в по-

гребальном обряде признаку, как устройство погребальной камеры.

Табличные материалы дают представление, во-первых, о том, что идеи, связанные со всеми конструкциями погребальных камер, зародились на самых ранних стадиях существования могильника, а, во-вторых, о том, что эти идеи не претерпели сколь-нибудь существенных изменений на финальных стадиях его функционирования. Казалось бы, этот факт может свидетельствовать о близком хронологическом положении всех погребений могильника или даже о возможности сосуществования во времени основной массы его захоронений. В этом случае логично было бы предположить, что наиболее вероятный период для такого сосуществования — VI в. до н.э.

Однако, такому предположению противоречат все имеющиеся в науке представления о хронологии двух вещевых комплексов — "раннесакского", включающего элементы наиболее ранних форм "скифской триады" и другого, состав которого, согласно современным хронологическим шкалам не может быть датирован временем более ранним, чем вторая половина, а то и конец VI в. или даже V в. до н.э. Оказывается, таким образом, что данные погребального обряда вступают в явное противоречие с хронологической шкалой отдельных составляющих погребального инвентаря.

Единственный способ попытаться как-то разрешить это противоречие состоит в предположении, что в материалах Южного Тагискена мы сталкиваемся не с двумя отдельными, но хронологически последовательными и культурно гетерогенными группами скотоводов, а с одной, культурно однородной, но на каком-то этапе претерпевшей достаточно определенные изменения в составе материальной культуры. Ниже мы убедимся, что данные палеоантропологии также свидетельствуют об отсутствии реальных физических различий между людьми, захороненными в относительно разновременных, с точки зрения археологии, курганах.

Когда же могла произойти такая культурная трансформация?

Нам уже приходилось говорить о том, что наиболее ранние погребальные вещевые комплексы приаральских скотоводов (независимо от их дискусионной абсолютной даты), демонстрируют совершенно очевидное культурное тяготение именно к восточному ареалу степей. Этот факт достаточно определенно замечен в материалах Уйгарака. Но особенно выразительно это явление проявляется в раннесакских могильниках Присарыкамышья, которые маркируют исходную для этого региона и данного времени точку этно- и культурогенеза.

Попытаемся вкратце охарактеризовать этно-историческую ситуацию, сложившуюся в Южном и Юго-Восточном Приаралье в эпоху начальной стадии формирования сообществ сакского типа, и про-

следить основные хронологические вехи в процессе культурной трансформации этих сообществ.

На территории Нижней Сырдарьи раннесакская культура сменяет весьма своеобразную культуру эпохи поздней бронзы, которая нашла материальное воплощение в погребальных комплексах Северного Тагискена. Верхняя дата мавзолеев Северного Тагискена — VIII в. до н.э. никогда не оспаривалась. Вместе с тем, нижняя дата погребений раннесакского типа могильников Уйгарак и Южный Тагискен остается предметом дискуссии. Начало ей было положено рецензией Е.Е.Кузьминой (1975) на монографию О.А.Вишневской (1973). Определенным образом эта дискуссия обострилась после предположения М.П.Грязнова (1980, с.61) о том, что ранние погребения нижнесырдарьинских могильников типологически относятся к памятникам "аржано-черногорского" типа, которые он предложил датировать VIII—VII, или даже IX—VII вв. до н.э. В пользу столь ранней даты Аржана высказывался А.И.Тереножкин (1976, с. 310; 1982, с. 270). Однако, ныне даже сторонники удревнения начального этапа формирования культуры скифо-сакского типа не рассматривают всерьез IX в. как время возможного формирования культур сакского типа. Вместе с тем, VIII в., особенно после раскопок кургана Аржан, стал все чаще и чаще фигурировать в специальной литературе (См., например: Кузьмина, 1975, с. 287—288; Акишев К., Акишев А., 1978, с.62—63; Шер, 1980, с.343; Мандельштам, 1982 с.141; Окладников, Худяков, 1982 с.267; Грач, 1983, с.34; Боковенко, 1986, с. 16; Полін, 1987, с.32; Ключко, Мурзин, 1987, с.171; Марсадалов, 1985, с.7; Маннай-оол, 1988, с.178; Мошкова, 1990, с.71; Яблонский, 1991б, с.88). К слову сказать, мнение о том, что VIII в. (вероятно, его вторая половина) вполне может быть временем сложения раннесакской культуры высказывалось еще задолго до открытия Аржана (Кадырбаев, Черников, 1966, с. 81).

Другая группа специалистов, как известно, синхронизирует Аржан с комплексами раннего этапа скифской культуры Причерноморья (См., например: Кызласов, 1977, с.78; 1978, с.26; 1979, с.35; Лесков, 1979, с.47—49; Раевский, 1981, с.205).

Материалы Северного Тагискена не позволяют, на наш взгляд, опускать дату сложения культуры сакского типа Нижней Сырдарьи, во всяком случае, вглубь VIII в. до н.э.

Сравнительно недавние открытия, сделанные в низовьях древней Присарыкамышской дельты Амурдарьи, лишний раз подтверждают это положение. После длительного периода осушения (протяженность этого периода включает весь бронзовый век), когда район Присарыкамышья не был заселен, она начинает обводняться лишь в начале I тыс. до н.э. и заселяется вновь не ранее конца VIII в. до н.э. Типологически материальная культура этого времени представлена комплексами позднего бронзового века, которые по типу можно отнести к амирабадским,

По-видимому, лишь к началу VII в. до н.э. протоки Присарыкамышской дельты вновь начинают функционировать постоянно (Обзор материалов: Вайнберг, 1991а, с.126). Именно в этот период на территории Присарыкамышья появляются могильники сакского типа. Погребальный обряд и материальная культура этих могильников имеет прямые аналогии в наиболее ранних захоронениях Уйгарака и Южного Тагискена. Таким образом, присарыкамышские материалы, в целом, лишний раз, и при том с использованием хронологических шкал, независимых от степных, дают возможность утверждать, что самый конец VIII или рубеж VIII—VII в. до н.э. — самая нижняя дата возникновения могильников сакского типа в Приаралье.

Присарыкамышские материалы, включающие не только данные погребального обряда, но и стратифицированные находки с поселений полуоседлых скотоводов, позволяют установить и верхнюю дату раннего этапа существования культуры сакского типа в данном регионе — не позже середины VI в. до н.э. (Вайнберг, 1991б, с.10, 17, 82; Яблонский, 1996, с.81), то есть в доахеменидское время.

Шестой век до н.э. оказался кризисным для развития сакской культуры Присарыкамышья. Именно в этом столетии здесь формируется архаическое государство Хорезма, археологически представленное комплексами материальной культуры кюзелигырского типа (Толстов, 1962; обзор материалов и гипотез: Вайнберг, 1991б, с.17). Именно в это время здесь появляются первые ирригационные системы (Андрянов, 1969, с.155), начинается строительство крепостей, достаточно широко распространяется комплекс керамики, которую кюзелигырцы изготавливали на гончарном круге. Сакарчагинские могильники, которые содержат круговую керамику не только древнемаргианского и древнедахистанского, но и кюзелигырского типа, дают представление о сосуществовании на определенном этапе классической раннесакской и кюзелигырской культур. Материалы с поселений, в которых сосуществует керамика кюзелигырского и куюсайского типов, также поддерживают эту идею (Вайнберг, 1991б, с.18).

К этому же времени относится распространение на территории левобережного Хорезма бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, которые, судя по имеющимся данным всегда заменяют сакские наборы, включающие двухлопастные и трехлопастные черешковые наконечники.

В сакарчагинских могильниках из полутора сотен наконечников лишь один был трехлопастным втульчатым. На поселении Куюсай-2 они составляли явное меньшинство (Вайнберг, 1979а). На городище Кюзелигыр сакские типы наконечников уже не представлены вовсе. Б.И.Вайнберг (1991б, с.15) приводит данные о том, что смена форм наконечников стрел произошла в VI в. до н.э. не только в степной части Средней Азии. В это время граница рас-

пространения трехлопастных втульчатых наконечников стрел, происхождение которых легче всего связывать со степными и лесостепными популяциями скифо-савроматского времени, достигает левобережной Бактрии и юго-восточного Прикаспия.

Независимо от результатов дискуссии о времени сложения кюзелигырской культуры Хорезма (Обзор: Вайнберг, 1991б, с.94—95), нужно признать, что развитие культуры сакского типа в Южном Приаралье прерывается в доахемендский период — то есть не позже середины VI в. до н.э. Несомненно, что во всяком случае к этому времени происходит резкая культурная переориентация присарыкамышских скотоводов, которая сопровождалась, в том числе, трансформацией погребального обряда и его отдельных составляющих, изменениями в составе предметов вооружения, смене стиля прикладного искусства или переориентации на другие центры изготовления предметов, выполненных в традициях звериного стиля.

Исследователи приаральских древностей не раз отмечали специфичность этноисторического процесса в Южном Приаралье, с одной стороны, и в Юго-Восточном, с другой (См., например, Андрианов, 1968, с.226—227; Неразик, 1990; Яблонский, 1991в, с.8—11; 1992в). Основу этой специфики составили как экологические особенности, присущие каждому из регионов, так и разная степень вовлеченности в бурные политические события, потрясавшие население Средней Азии, что стало особенно характерным с ахемендского времени.

Надо признать все же, что на ранних стадиях возникновения и развития культур сакского типа, скотоводческое население было гораздо более однородным в культурном отношении. Сходство в проявлениях материальной культуры и идеологических представлениях ранних скотоводов Приаралья базировалось на общей для них культурно-генетической основе, сходном хозяйственно-культурном типе, общих верованиях, воплотившихся, в том числе в

оформлении отдельных элементов погребальной обрядности. Судя по материалам раннесакских могильников, в доахемендское время у приаральских скотоводов существовала близкая, в генеральном отношении, линия исторического развития, наблюдался определенный параллелизм в развитии традиций материальной и духовной культуры. Логично предположить поэтому, что глобальные изменения, затронувшие культуру населения севера среднеазиатской степи, определенным образом затронули и нижнесырдарьинское население и, что время этих изменений здесь тоже приходится на VI в. до н.э.

Материальная культура могильников Уйгарак и Южный Тагискен показывает, что именно в это время на Сырдарье происходит смена типологического состава сопровождающего погребенных инвентаря, а проведенный нами хронологический анализ дает основания предполагать, что здесь переход к новому комплексу материальной культуры завершается по крайней мере ко второй половине VI в. до н.э., то есть примерно в то же время, что и в левобережном Хорезме. Начиная с этого исторического момента, судьбы скотоводов обоих историко-этнографических районов расходятся окончательно, что лишний раз было убедительно продемонстрировано на широких в хронологическом отношении материалах Е.Е.Неразика (1990). Номады Присарыкамышья составили скотоводческую периферию Хорезма и прочно вошли в состав этого политического образования и его хозяйственно-экономической структуры.

Напротив, на Нижней Сырдарье черты классической сакской культуры продолжают, хоть и в трансформированном виде, развиваться по меньшей мере до рубежа VI—V или начала V в. до н.э.

Однако и здесь, пусть несколько позже, эта линия развития была в определенной мере деформирована в эпоху становления в дельте Сырдарьи чиркратской и джетыасарской археологических культур.

ГЛАВА 5

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЮЖНЫЙ ТАГИСКЕН

Краниологические данные из могильника Южный Тагискен были впервые обработаны и опубликованы Т.А.Трофимовой (1963, 1967). Однако в публикации были включены лишь средние величины краниометрических признаков, объединенные к тому же с измерениями черепов из Уйгарака. Именно в таком виде эти данные пришлось использовать авторам, которые в последствие обращались к вопросам антропологии саков Средней Азии и Казахстана (См., например: Кияткина, 1983; Алексеев, Гохман, 1984).

Между тем, при осмотре обеих серий черепов у нас сложилось впечатление об определенной разнице в физическом типе людей, оставивших могильники сакского типа на Нижней Сырдарье. Это обстоятельство делает сомнительной возможность такого искусственного объединения и заставляет анализировать обе выборки по-отдельности. К сожалению, данные индивидуальных измерений тагискенских и уйгаракских черепов никогда ранее не публиковались, а сами бланки измерений были утрачены. Это заставило нас вновь измерять эти черепа, которые в настоящее время хранятся в кабинете-музее им. В.П.Алексеева Института этнологии и антропологии РАН. Заодно мы провели ревизию всех палеоантропологических материалов из обоих могильников. Данные, касающиеся степени сохранности черепов из Южного Тагискена, а также определения пола и возраста по ним приведены в таблице 3.

Признаки искусственной деформации на черепах из Южного Тагискена

Прежде, чем перейти к краниологическому анализу серии, рассмотрим случаи искусственной деформации черепов и следы боевых повреждений на них.

Искусственно деформированные черепа происходят из курганов 31, 52, 54, 55, 56, 58, 62, 63, и 66. Бессмысленно вычислять процент деформированных черепов в серии из-за фрагментарности дошедшего до нас краниологического материала. Выделяются различные типы деформации. У подавляющего большинства искусственно уплощена область затылка и задней части теменных костей. Такой тип деформации хорошо известен на территории Средней Азии особенно от эпохи раннего средневековья и доживает

здесь до современности. Судя по этнологическим данным, уплощенность затылочной кости возникала в раннем детстве вследствие обычая жестко фиксировать ребенка в колыбели (Гершенович, 1929; Вифлеемская, 1939; Рычков, 1957). Отсюда и традиционное название этого вида деформации — "бешиковая" (от тюркского "бешик" — подвесная колыбель). Следы этого вида деформации носят семь тагискенских черепов — из курганов 52, 55, 56, 58, 62, 63 и 66.

В этой группе выделяется череп из кургана 58, у которого деформация выражена наиболее отчетливо. В области брегмы и венечного шва отмечается прогиб поверхности черепной коробки, который является по природе своей компенсаторным и отражает реакцию костной ткани черепа на сильное давление со стороны затылка. На этом же черепе отмечается преждевременная (по сравнению с состоянием зубной системы) облитерация сагиттального и затылочного швов черепа, что также может являться результатом аномальных процессов в период его роста.

Череп из кургана 54 отличается тем, что у него искусственно уплощена не только затылочная, но и лобная кость. Такой тип деформации называют лобно-затылочной. Она возникла в результате встречного направленного давления со стороны лба и затылка одновременно. Лобно-затылочная деформация получила довольно широкое распространение на территории Средней Азии, но, опять же в более позднее, по сравнению с тагискенским, время — ближе к рубежу н.э. Она фиксируется, например, в материалах из Позднего Тулхарского могильника II—I вв. до н.э. (Кияткина, 1964) и в могильниках античного времени Западной Туркмении (Гинзбург, 1968). Сохраняется этот обычай и в эпоху средневековья, о чем свидетельствуют материалы из Токкалы (Рысиназаров, 1965) и Миздахкана (Ходжайов, 1966). Т.К.Ходжайов (1986, с.97) предполагал, что этот вид деформации головы бытовал у кочевников Средней Азии, начиная с середины I тыс. до н.э., а ближе к рубежу н.э. он распространялся с севера в юго-западном направлении.

И, наконец, один тагискенский череп (из кургана 31) носит следы затылочно-теменной искусственной деформации. При таком способе деформировать

голову основное давление приходилось на теменные и затылочную кости, однако, претерпевала компенсаторные изменения и лобная кость — лоб становился более прямым. До сих пор наиболее ранним и к тому же серийным случаем бытования этой деформации были черепа из коллективных погребений могильника Сакарчага I в Присарыкамышье (Яблонский, 1986), которые датировались в пределах V—III вв. до н.э. В IV—II вв. до н.э. черепа с искусственной деформацией затылочно-теменного типа фиксируются в материалах чирикратской культуры Нижней Сырдарьи (Трофимова, 1963), а в последние века до н.э. и в первые века н.э. этот обычай получил самое широкое распространение среди скотоводческого населения левобережного Хорезма (Трофимова, 1959). В том числе довольно много таких черепов было получено при раскопках оссуарных захоронений Присарыкамышья (Яблонский, Коляков, 1992).

Таким образом, можно констатировать, что в материалах из Южного Тагискена мы сталкиваемся с наиболее ранним на территории Средней Азии и Казахстана проявлением обычая искусственно деформировать голову, причем с использованием различных приемов деформации.

Материалы таблицы позволяют прийти к следующим выводам:

1. Головы деформировали как мужчинам, так и женщинам;
2. Головы были деформированы как у молодых людей, так и у людей зрелого возраста;
3. При том, что подавляющее большинство деформированных черепов археологически (по традиционной системе хронологии признаков материальной культуры) датируются в пределах VI — начала V в. до н.э., три черепа (из курганов 55, 58 и 66) происходят из захоронений, которые по составу сопровождающего инвентаря, могут быть датированы временем не позднее VII — первой половины VI в. до н.э.;
4. Деформированные черепа были обнаружены в самых разнообразных по типу погребальных камерах (от узкопрямоугольных до могил с дромосами);
5. Единичные черепа с лобно-затылочной и затылочно-теменной деформацией не дают специфических связей ни с хронологией, ни с типом погребений, из которых они происходят;
6. Искусственно деформированные черепа в могильнике Южный Тагискен не образуют ни особой типологической, ни хронологической группы.

Бешиковая деформация, в отличие от других видов, не должна рассматриваться, как признак, имеющий этническую нагрузку. Это признак культуры этноса, поскольку происхождение его связано, скорее всего, не с попыткой обособить свой физический облик, а лишь с традиционным способом укладывания в колыбель ребенка. Следовательно, можно предполагать, что люди, захороненные в могильнике Южный Тагискен, независимо от обряда, по которому они были похоронены, происходили из одной культурной группы. Можно предполагать также (и

это не противоречит выводам, полученным при анализе археологического материала), что период функционирования могильника не был чересчур растянут во времени. Надо специально отметить, что из сохранившихся черепов деформирована лишь меньшая часть. Это может свидетельствовать о том, что данный обычай, в эпоху функционирования могильника еще не стал широко распространенным и, возможно, являлся в то время культурной инновацией.

Наличие черепов с лобно-затылочной и затылочно-теменной деформацией может говорить о том, что еще к тагискенскому времени относятся и первые попытки деформировать голову с целью придания ей специфического внешнего облика и на этот раз — с целью выделиться физически. Не вызывает сомнений, что во 2-ой половине I тыс. до н.э., затылочно-теменная деформация являлась составным признаком хорезмийского этноса, во всяком случае, скотоводческой его части.

В развитии темы о хронологии тагискенских погребений заметим, что именно VI в. до н.э. является временем, наиболее вероятным для появления и постепенного распространения обычая искусственно деформировать голову.

О следах боевых повреждений на черепах

Следы боевых повреждений были замечены на трех черепах. Они диагностировались в соответствии с методикой, разработанной на криминалистическом материале (Скопин, 1961; Яблонский, 1974).

Фотография одного из таких черепов (молодой мужчина из кургана 63) была опубликована (Гинзбург, Трофимова, 1972; рис. 20а), но повреждение не было описано, и ни в одной предшествующей публикации тагискенских черепов не упоминается вообще.

По общей форме дефект костной ткани приближается к овалу с размерами 41x27 мм. От нижнего края дефекта отходит прямая трещина длиной 19 мм, возникшая как реакция костной ткани на погружение в нее объемного предмета. Правее трещины, вдоль нижнего края дефекта имеется скол наружной компакты. Скол внутренней компакты кости наиболее отчетливо фиксируется с противоположной, верхней стороны дефекта. При внимательном рассмотрении почти в середине отверстия фиксируются клинообразные выступы, которые придают дефекту восьмеркообразную форму. Это позволяет сделать заключение о том, что было нанесено не один, а два удара, которые пришлись почти в одно и то же место на лобной кости черепа. От первого удара (нижняя часть дефекта, дефект № 1) образовалась краевая трещина. При втором ударе (дефект 2) трещины не образовались, так как костная ткань уже имела достаточный люфт для расширения в момент проникновения в нее орудия поражения. Оба дефекта были причинены острым тяжелым орудием, округлым в сечении. Диаметр этого сечения в месте погружения орудия в кость составлял 24 мм.

Характер направления сколов компакты свидетельствует о том, что в момент нанесения обоих ударов голова пострадавшего лежала на правой височной кости.

Дефект № 3 расположен вблизи основания черепа (в правой части затылочной кости и представляет собой щелевидный надруб (без разрушения внутренней компакты). Длина этого надруба 20 мм, наибольшая ширина — 2 мм. От нижнего края надруба отходит дуговидная трещина, возникшая как реакция кости на проникновение приостренного предмета. Высота сегмента трещины — 10 мм. Дефект № 4 фиксируется на поверхности правого сосцевидного отростка и также представляет собой щелевидный надруб длиной 19 и наибольшей шириной 6 мм. Линия этого надруба продолжает направление дефекта № 3. Это позволяет сделать вывод о том, что оба дефекта были причинены одним и тем же орудием и при этом одномоментно. Удар был нанесен длинным приостренным орудием, край которого имел клиновидную форму. Скорее всего, таким орудием мог служить меч.

Судя по направлению плоскостей надруба, удар был нанесен справа-сбоку и вверх. При этом нападавший находился сзади и несколько в стороне от пострадавшего.

В целом, можно заключить, что дефекты 3 и 4 были нанесены стоящему человеку, а дефекты 1 и 2 — лежащему, следовательно, последние являются результатом добивания уже поверженного противника.

Череп из кургана 13 принадлежал мужчине зрелого возраста. На правой теменной кости этого черепа, в области ламбды замечены два дефекта костной ткани, края которых смыкаются.

Дефект № 1 имеет признаки рассечения внутренней компакты теменной кости и по форме приближается к правильному ромбу со стороной 8 мм. От нижнего угла дефекта отходит дуговидная трещина. Вдоль всех сторон наблюдается скол внутренней компакты.

Дефект № 2 примыкает к дефекту № 1 слева. По форме от также приближается к ромбу со сторонами 16 и 12 мм. От верхних углов дефекта и от середины правой стороны отходят прямые трещины. Имеется скол внутренней компакты вдоль всех сторон дефекта.

Можно предполагать, что оба повреждения были причинены острым тяжелым орудием с размерами ромбовидного сечения не менее, чем 16x12 мм. Сначала был нанесен менее сильный удар, от которого остался дефект № 1, а затем, почти в то же место — более сильный (дефект № 2).

В момент ударов нападавший находился сзади от пострадавшего.

Череп молодого мужчины из кургана 62 имеет аналогичные по форме дефекты костной ткани с признаками рассечения внутренней компакты. Их два, и оба расположены на затылочной кости, в непосредственной близости друг от друга. Дефект № 1 по форме при-

ближается к квадрату со стороной 12 мм, дефект № 2 имеет ромбовидную форму со сторонами 16x12 мм.

Таким образом, повреждения на черепах из курганов 13 и 62 были нанесены идентичными (если не одним и тем же) орудиями, заостренно-клиновидной формы с подквадратным в сечении бойком и ромбовидным в среднем сечении.

У черепа молодого мужчины из кургана 54 отсутствует нижняя часть правого сосцевидного отростка. Фиксируется гладкая плоскость разруба, имеющая наклон от височной кости к основанию черепа. Такое повреждение могло быть причинено острым тяжелым предметом — мечом или топором (клевцом с плоской и вертикально направленной ударной частью). Судя по направлению плоскости разруба можно предполагать, что, либо удар был нанесен сверху-слева, причем нападавший стоял лицом к лицу с пострадавшим, либо (что более вероятно) — сверху-справа, причем в этом случае нападавший должен был стоять сзади от пострадавшего.

Подведем некоторые итоги палеокриминалистического исследования тагискенских черепов.

1. Следы боевых повреждений отмечены только на мужских черепах;
2. Каждое повреждение являлось смертельным;
3. Во всех случаях можно предполагать, что нападавшие располагались позади пострадавших и, таким образом, эти смертельные раны не были получены в открытом бою; на одном из черепов явно фиксируются следы добивания уже поверженного на землю противника;
4. Типологическими особенностями идентичного орудия нападения синхронизируются курганы 13 и 62, что не противоречит археологически установленной дате этих курганов — в обоих были найдены бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел;
5. Этим же временем датируются и два других кургана, из которых происходят черепа с боевыми повреждениями. Таким образом, все четыре кургана составляют одну, и при том относительно позднюю хронологическую группу тагискенских захоронений;
6. Любопытно отметить, что все травмированные черепа имеют признаки бешиковой деформации. Исключение составляет череп из кургана 13, впрочем, дошедший до нас лишь во фрагментах.

Внутригрупповой краниометрический анализ. В результате ограбления могил пострадали не только предметы материальной культуры, но и скелеты погребенных. Поэтому из 27 зафиксированных в процессе раскопок черепов, относящихся к раннесакской эпохе, после реставрации удалось измерить лишь одиннадцать — 4 женских и 7 мужских (индивидуальные данные — таблица 5, 6).

Женский череп из кургана 28 долихокранный, с большим продольным и малым поперечным диаметром при очень большой высоте черепа от порионов. Он массивный (горизонтальная окружность — 511 мм), с очень широким лбом. Лицевой скелет, практически, не сохранился и удалось измерять лишь зи-

гомаксиллярный угол, значение которого составляет 136° . Визуальный осмотр свидетельствует об общей массивности лица и его уплощенности на уровне зигомаксиллярных точек. Форма черепной коробки приближается к эллипсоидной.

Женский череп из кургана 45 морфологически близок предыдущему. Он имеет еще более удлиненную форму черепной коробки при очень большом продольном и малом поперечном диаметре мозговой коробки. Размер ушной высоты также относится к категории очень больших по мировому масштабу величин. Череп исключительно массивный. Горизонтальная окружность его достигает 522 мм. Лоб, как и в предыдущем случае, широкий. Фиксируется уплощенность лицевого скелета на уровне назомаллярных точек. По форме сверху череп приближается к эллипсоиду.

Женский череп из кургана 56 имеет признаки искусственной деформации бешикового типа, которая, в принципе могла исказить размеры основных диаметров мозговой коробки. Действительно, продольный диаметр этого черепа попадает в категорию очень малых величин, а поперечный — больших. Поэтому черепной указатель свидетельствует о брахикрании. Форма черепа сверху — сфероидная. Однако, помимо этого, данный череп отличается от описанных выше относительной грацильностью (при малых размерах горизонтальной окружности), но черепная коробка также отличается большой высотой от порионов. Размеры ширины лба — на границе малых и средних величин. Лицо средней высоты, с очень широким, но не слишком высоким грушевидным отверстием. Указатель дает представление о его платиринии. Орбиты очень широкие и очень высокие. Скуловой диаметр не поддается измерению, но в целом, не создается ощущения особой массивности лица, исключительно уплощенного на верхнем уровне. Переносье уплощено, угол выступания носа небольшой.

Череп женщины из кургана 66 также несет на себе следы искусственной деформации бешикового типа (форма сверху — сфероид). Он напоминает предыдущий череп брахикранной формой мозговой коробки, однако, при малой ее высоте, и, к тому же, в целом, более массивен. Это касается как размеров черепной коробки (горизонтальная окружность — 499 мм) так и лицевого скелета (верхняя высота — 75 мм при визуально большой ширине). Нос также очень широкий, но более высокий, со средним выступанием носовых костей по отношению к линии профиля.

Таким образом, с учетом малой численности черепов, создается все же впечатление об антропологической неоднородности женской серии из Южного Тагискена, в которой присутствуют, с одной стороны, исключительно массивные и резко долихокранные черепа, а с другой — относительно грацильные и брахикранные. При этом все женские черепа, (опять же, с учетом известной фрагментарности находок),

несут на себе следы определенной уплощенности лицевого скелета, которая может объясняться наличием признаков, характерных для представителей большой монголоидной расы.

В этом отношении данным краниологического анализа не противоречат и, генетически независимые от краниометрических, одонтологические признаки. Так, лопатообразность резцов была отмечена на женских черепах из курганов 65, а на черепе из кургана 66 отмечается хорошо выраженный затек эмали в межкорневое пространство верхних моляров.

Другой предварительный вывод состоит в том, что оба искусственно деформированных женских черепа происходят из дромосных захоронений. Деформированных черепов, так же как и дромосных могил в некрополе немного, и вряд ли данное сочетание является случайным.

Оказывается при этом, что черепа различного морфологического строения происходят из относительно синхронных групп тагискенских погребений и, таким образом, связь между хронологией захоронений и физическим типом погребенный, во всяком случае, на женских черепах, как будто, не прослеживается. Это может лишней раз свидетельствовать о хронологической близости всех курганов Южного Тагискена.

Переходим к описанию мужских черепов.

Череп из кургана 31 представлен фрагментарно, но сохранившиеся части черепной коробки и лицевого скелета позволяют судить о его долихокрании при общей массивности, но сглаженном макрорельефе области надбровья, затылка и при относительно небольших сосцевидных отростках. Орбиты очень широкие и низкие. Грушевидное отверстие, при малой его высоте, очень широкое.

Череп из кургана 53 — субдолихокранный, со средними размерами тотальных размеров мозговой коробки, средней массивности, с нешироким лбом, но сильно развитой областью надбровья и надпереносья. При этом лицевая часть черепа отличается известной массивностью при большой его ширине и очень большой высоте. Грушевидное отверстие и орбиты очень большие, гипсиконхные. Наблюдается определенная уплощенность лицевого скелета в горизонтальной плоскости, особенно на среднем уровне. При относительно выраженном рельефе переносья значение угла выступания носа понижено и составляет всего 24° .

Из погребения в кургане 57 сохранилась только нижняя челюсть, но она поражает своей исключительной массивностью.

Череп из кургана 58 несет на себе признаки искусственной деформации бешикового типа, по форме — мезокранный. Отличается очень сильно развитой надглабеллярной областью, что сочетается с исключительно наклонным лбом. Его поперечный диаметр попадает в размах средних величин, лоб неширокий. Лицевой скелет производит впечатление высокого и широкого. Он несколько уплощен на вер-

хнем уровне, но хорошо профилирован на среднем. Орбиты очень широкие, средней высоты, хамэконхные. Нос очень большой, как по ширине, так и по высоте, мезоринный. Рельеф переносья выражен очень хорошо, особенно на уровне симотических точек. Угол выступания носа — большой. Клыковая ямка глубокая.

От черепа из кургана 60 сохранились, в основном, части лицевого скелета и лоб — неширокий и слабо наклонный, со слабо развитым рельефом надбровья и надпереносья. Лицо относительно высокое и широкое, с очень большими гипсиконхными орбитами. Нос высокий, но узкий, по указателю — лепторинный. Рельеф переносья выражен достаточно хорошо, но угол носа составляет всего 24° .

Череп из кургана 62 с искусственно уплощенным затылком, по указателю — брахикранный, сверху — сфеноидный и отличается очень большой высотой свода мозговой коробки от базиона, что определяет его массивность, которая нашла цифровое выражение в индексе величины мозговой коробки — более 160, при очень большой величине горизонтальной окружности. Лицевой скелет относительно небольших размеров, абсолютно низкий, средней ширины, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости на всех уровнях. Грушевидное отверстие небольшое, по указателю — мезоринное. Орбиты очень широкие и очень низкие, резко хамэконхные. Рельеф переносья выражен средне, угол носа — средней величины.

У черепа из кургана 63 также искусственно уплощена область затылка, что придает мозговой коробке сфеноидную форму. При малом продольном и большом поперечном диаметрах, череп по указателю — резко брахикранный, чем напоминает предыдущий, но со средней высотой не столь массивной черепной коробки со сглаженным макрорельефом. Лицевой скелет выглядит относительно и абсолютно массивным. Он хорошо профилирован на верхнем уровне, но несколько уплощен на уровне зигомаксиллярных точек. Орбиты очень широкие, но очень низкие, по указателю резко хамэконхные. Нос средней высоты, но широкий, платиринный, с несколько уплощенным рельефом надпереносья, особенно на уровне максиллофронтальных точек, средневыступающий.

Обобщая проведенный индивидуальный анализ мужских черепов из Южного Тагискена, приходим к следующим основным выводам:

При наличии долихокранного и субдолихокранного черепа мужская серия представлена, в основном, брахикранными и относительно менее массивными, по сравнению с женской серией, черепами. Мужские черепа, как и женские, отличаются массивным строением лицевого скелета, несколько уплощенного в горизонтальной плоскости на среднем уровне. На трех черепах из пяти угол носа понижен до 24° , что, наряду с другими признаками, может

свидетельствовать о наличии и в мужской серии монголоидной примеси. Заметим, однако, что при исследовании зубной системы мужских черепов не были обнаружены признаки, присущие представителям восточного одонтологического ствола.

Как и в случае с женской серией, не устанавливаются закономерности в распределении краниологических комплексов в зависимости от типа погребальной камеры и времени ее сооружения, определенных археологическими методиками.

Таким образом, отмечается антропологическая гетерогенность черепов раннесакского времени из Южного Тагискена, которая выражена в наличии, во-первых, долихокранных и брахикранных черепов, а во-вторых, черепов, у которых монголоидная примесь устанавливается с достаточной степенью надежности.

Межгрупповой краниологический анализ серий раннесакского времени из Приаралья.

Помимо Южного Тагискена, черепа раннесакского времени из приаральского региона были получены при раскопках могильников Уйгарак на Нижней Сырдарье, а также из серии могильников, расположенных на территории Присарыкамьской дельты Амударьи. Индивидуальные данные черепов из Уйгарака никогда ранее не публиковались, а бланки измерений не сохранились, что заставило нас вновь измерять черепа из этого могильника. Пользуясь случаем, приводим здесь результаты этих измерений (Таблица 7).

Межгрупповой статистический анализ был проведен с использованием метода вычисления главных компонент. Было выбрано 8 краниометрических признаков, которые в наилучшей степени представлены в приаральских сериях: продольный диаметр (Март. 1), поперечный диаметр (Март. 8), наименьшая ширина лба (Март. 9), ушная высота (Март. 20), верхняя высота лица (Март. 48), ширина носа (Март. 54), угол наклона лба (Март. 32) и угол выступания носовых костей (Март. 75) (1). Двадцать шесть черепов из Приаралья (как мужских, так и женских) составили выборку, которая легла в основу расчетов.

Первая главная компонента описывает 31% случаев, вторая — 22% и третья — 18%. По первой компоненте наибольшую вариабельность в выборке обеспечивают (по мере убывания значения величин) продольный диаметр, угол выступания носа, угол наклона лба, ушная высота и наименьшая ширина лба (абсолютные значения колеблются в пределах от 0,8 до 0,5). По второй компоненте: ширина носа и поперечный диаметр черепа. По третьей — верхняя высота лица, поперечный диаметр черепа, угол наклона лба. Результаты расчетов для первых двух главных компонент в графическом выражении представлены на рис. 79.

Можно отметить, что, в целом, на фоне общей гетерогенности выборки, внутри нее черепа из отдельных могильников не составляют достаточно удаленных друг от друга совокупностей. Выделенное на-

ми скопление 2 состоит из, в основном, мужских черепов, а скопление 3 — из женских. Достаточно удалены от остальных лишь два черепа из могильника Южный Тагискен (курганы 53 и 63), оба — мужские. Впрочем, тагискенские черепа представлены в расчетах всего четырьмя черепами (мужских — два), что не позволяет с достаточной уверенностью говорить о реальности этих различий.

Основной вывод состоит в том, что все региональные выборки сакских черепов из Приаралья в равной степени характеризуются значительной гетерогенностью, которая обусловлена, во-первых, наличием в каждой из них черепов с более или менее уплощенным лицевым скелетом, что свидетельствует о присутствии монголоидного компонента. Во-вторых, как было установлено внутрigrупповым анализом, европеоидный компонент так же не отличался гомогенностью, причем основу его составили массивные долихокраничные гиперморфные черепа с высоким сводом мозговой коробки. Это тот комплекс краниологических признаков, который для эпохи поздней бронзы ближайшие аналогии имеет в могильнике срубного типа Приуралья (Юсупов Р., 1991) и, который, как мы отмечали, составил антропологическую основу группы популяций населения раннесакского времени в Присарыкамышье (Яблонский, 1996, с.56—57).

Сложнее найти истоки монголоидного компонента сакских популяций. Т.А.Трофимова (1967, с.247) писала о центрально-азиатском происхождении монголоидного компонента у саков Нижней Сырдарьи, ссылаясь на их физическую близость с ранним кочевниками сако-усуньского времени Горного Алтая, ряда районов Казахстана, а также Тянь-Шаня и Алая. Нетрудно заметить, однако, что в этом случае речь идет не о предшествующем, а о синхронном (реже) или более позднем (чаще) населении. Палеоантропология располагает данными о том, что в эпоху бронзы ареал европеоидов располагался далеко на восток, по сравнению с современным, занимая, в том числе, территорию Западной

Монголии. Причем по некоторым данным, европеоиды проживали здесь еще и в середине I тыс. до н.э. (Мамонова, 1978, 1980).

Для ближайших к Приаралью географических регионов эпохи поздней бронзы монголоидная примесь фиксировалась у населения Минусинской котловины (Рыкушина, 1980), однако, у нас нет достаточно весомых, с точки зрения археологии, оснований говорить о непосредственной формообразующей роли карасукского компонента в сложении сакских культур Приаралья.

Не исключено, что решение проблемы происхождения монголоидного компонента в составе раннесакского населения среднеазиатско-казахстанских степей связано с изучением палеоантропологических материалов с территории Синьцзяна и южных районов Джунгарии. Но на сегодняшний день эти материалы по-прежнему остаются для нас либо недоступными, либо сомнительными с точки зрения их хронологической атрибуции.

Как бы то ни было, достаточно хорошо датированные палеоантропологические материалы из Южного и Восточного Приаралья позволяют утверждать, что ощутимая монголоидная примесь в составе населения, появилась здесь именно на начальном этапе развития культур сакского типа, в абсолютных датах — в VII—VI вв. до н.э. После V в. до н.э., вместе с трансформацией классической для саков материальной культуры, здесь исчезает и монголоидный комплекс краниологических признаков. Новый и при том достаточно массовый приток кочевников, физический облик которых имел выраженные монголоидные черты, фиксируется далее лишь в палеоантропологических материалах эпохи раннего и развитого средневековья и исторически был связан, в основном, с политикой тюркских каганатов и экспансией монголов эпохи Чингизхана. Детальное обоснование этого тезиса выходит за рамки настоящего исследования.

К ЭТНОГЕНЕЗУ САКОВ НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Вероятная языковая принадлежность. Специалисты по исторической лингвистике по-разному оценивают языковую принадлежность степных племен эпохи бронзы, но большинство из них все же согласны в том, что население Евразийских степей скифского времени использовало, в основном, восточноиранские диалекты (Абаев, 1949, с.147; 1972, с.35—37; 1977, с.4; Дьяконов, 1956, с.147; Толстов, 1947, с.310; Грантовский, 1977, с.13—16).

Е.Е.Кузьмина (1981, с.105—107) выделила в погребальном обряде древнего степного населения признаки, зафиксированные в ведических письменных источниках. К их числу относится, например, сочетание в погребальных комплексах кремации и ингумации с возведением над могилами насыпей, иногда — с сооружением ограды. А.М.Мандельштам (1968, с.102-103), комментируя Ригведу, писал о том, что кремация не воспринималась только как сожжение умершего, и на небо прибывали как сожженные, так и не сожженные. В эпоху Ригvedы индийцы знали оба способа погребального обряда, хотя кремация у них господствовала (Кузьмина, 1986, с.77). Реальгар, который часто находили в женских погребениях Южного Тагискена, можно рассматривать в качестве символа огня. В связи с этим нужно также заметить, что, согласно ведической традиции, красный цвет — это цвет траура (Клейн, 1987, с.79). Заметим в связи с этим, что у определенно ираноязычных сарматов Южного Приуралья, археологически зафиксирована традиция красить доски гробовищ и деревянные погребальные сосуды красной краской (Яблонский, 1995, с.7; Яблонский и др., 1995, с.43).

Говоря о космогонических представлениях индоиранцев, уместно рассмотреть также обычай имитации четырех угловых столбов в большинстве тагискенских могил. Высказывалось мнение о том, что в идеологических представлениях древних иранцев, угловые столбы ассоциировались с понятием мирового дерева (Бессонова, 1983, с.47; Клейн, 1987, с.75). Е.Е.Кузьмина (1986, с.50—53) приводит данные об упоминании в ведических текстах четырех столбов, поддерживающих раму перекрытия, причем один из них назывался царским и являлся символом мировой оси. Не связан ли с этими верованиями обычай саксов класть вещи в одну из столбовых ямок, что было зафиксировано как в Уйгараке, так и в Южном Тагискене?

Еще одно наблюдение Е.Е.Кузьминой (1986, с.43—44) касается планировки в виде квадрата или круга, вписанных друг в друга. У индоиранцев такая планировка семантически была связана с Землей. По мнению А.Акишева (1984, с.91), планировка погребений эпохи бронзы и раннего железа Средней Азии и Казахстана напоминает по смыслу архитектуру Вары.

Итак, погребальный обряд саксов Южного Тагискена косвенно, но достаточно отчетливо отражает специфические традиции индоиранцев. В нем ярко проявляется культ огня и солярный культ, столь характерные для индоиранских народов (Бессонова, 1983, с.31). С космогоническими представлениями древних иранцев связаны и некоторые сюжеты звериного стиля.

Система хозяйствования и социальная структура. Общеизвестно, что находки зернотерок иногда свидетельствуют о наличии земледелия в качестве одной из форм хозяйствования (Вайнштейн, 1966, с.171; Завитухина, 1966, с.75; Вайнберг, 1979, с.23). Система разветвленных поселений, сакского времени, зафиксированных в дельте Сырдарьи, может говорить о полуоседлом образе жизни местных скотоводов. Вместе с тем, отсутствие здесь синхронных систем ирригации говорит о том, что, если тагискенцы и занимались земледелием, оно носило у них лишь вспомогательный характер и было богарным или каирным. Основу же ведения хозяйства составляло скотоводство. Присарыкамышские поселения раннесакского времени с их домами, кости крупного рогатого скота, найденные в амударьинских могильниках, свидетельствуют о том, что традиции оседлости там были прочнее. Возможно, именно поэтому элементы погребального обряда, отражающие социальную дифференциацию присарыкамышских саксов, выражены отчетливее, чем у тагискенских, ведь именно с переходом к оседлости возникают реальные предпосылки для развития классовых отношений (Марков, 1981, с.87).

Реконструкция социальной структуры саксов, оставивших Южный Тагискен, крайне затруднена из-за сильной ограбленности могил. Мало что дает в этом плане и изучение топографии могильника, в отличие от Уйгарака и Сакарчаги 6, в которых наблюдалась определенная зависимость между социальным положением умершего и местом его захоронения в некрополе (Вишневская, 1973, с.128—129;

Яблонский, 1992б, с.79—81). Выделяются в этом отношении лишь погребения в ямах с дромосами, образующие компактную группу, но все они датируются разным временем и, судя по составу сопровождающего инвентаря, не образуют компактной хронологической группы. В могильнике были большие курганы (они, к сожалению, остались нераскопанными) но более мелкие насыпи вокруг больших — отсутствовали. Заметим, в связи с этим, что в присарыкамышском могильнике Сакарчага 6 наблюдалась концентрация мелких курганных насыпей поблизости от больших. Все это может свидетельствовать о том, что процесс социального расслоения в данной группе на зашел еще слишком далеко.

Погребения на поверхности древнего горизонта, в отличие от присарыкамышских могильников и восточной группы Уйгарака, единичны, и они также не имеют строгой топографической привязки. Возможно, что эти захоронения несут на себе следы реминисценции, восходящей к эпохе бронзы. Можно заметить также, что в могильниках Сакарчага 3 (Яблонский, 1986) и Тумеккичиджик (Вайнберг, 1979) в Присарыкамышье, кремация на поверхности древнего горизонта была характерна, в первую очередь, для женских захоронений.

Общая для саков Приаралья тенденция состоит в том, что в женских могилах находили иногда предметы вооружения и конской упряжи. Кроме того, именно для женских захоронений был характерен вещевой комплекс, включающий каменный алтарь или зернотерку с пестиком в сопровождении реального, а также бронзовые зеркала. Причем этот набор характерен в равной степени как для богатых, так и для бедных погребений. На этом основании О.А.Вишневская (1973, с.129) сделала правильный, на наш взгляд, вывод о том, что у саков именно женщины выполняли ритуально-жреческие функции.

Истоки культуры. Как на археологических, так и на палеоантропологических материалах из Южного Тагискена достаточно явно проявляются генетические корни, которые связывают сакское население региона с предшествующим по времени населением эпохи бронзы.

Устройство погребальных сооружений, равно как и другие составляющие погребального обряда саков, находят параллели в погребальном ритуале, который был археологически зафиксирован в мавзолеях Северного Тагискена (Итина, 1992, табл. 1,3,4). Это, в первую очередь, относится к погребениям на поверхности древнего горизонта. Одинарная и двойная система планировки столбовых ямок в виде кольца, четыре столбовых ямки внутри, как бы образующие прямоугольник погребальной камеры, живо напоминают планировку некоторых мавзолеев Северного Тагискена (4а, 5в, 15), но в несколько упрощенном виде. Хотя мавзолеи были сооружены из сырцового кирпича, все они имели вдоль внутреннего кольца стен систему столбовых ямок. Обращает на себя внимание еще одна особенность. В мавзолеях вход во

внешний кольцевой коридор был иногда заложен кирпичами справа или слева от входа в мавзолей (Итина, 1992, табл. 3,4). Курган 6б могильника Уйгарак имел двойное кольцо столбовых ямок, образующих погребальную камеру и внешний коридор, у которого слева от входа также располагалась система ямок (Вишневская, 1973, рис. 34). Параллели с сооружениями эпохи бронзы дают грунтовые ямы курганов 32 и 42 Южного Тагискена, где были зафиксированы столбовые ямки, располагавшиеся вдоль стен. В них были найдены остатки деревянных столбов, несущих перекрытие. Очевидно старую традицию демонстрируют и ямки по углам погребальных камер, которые не содержали остатков дерева и лишь имитировали перекрытие и не несли никакой функциональной нагрузки.

Канавки, проходившие по периметру стен грунтовых могил также находят определенные аналогии в ритуале эпохи бронзы. В наиболее раннем мавзолее Северного Тагискена такая канавка использовалась для закрепления нижней деревянной плахи (найдена *in situ*) в обшивке земляной стены погребальной камеры.

Увязывается с ранним тагискенским ритуалом и ориентировка головы погребенных: генерально головой на запад (погребения VII—VI вв. до н.э.).

Физический тип. Краниологические материалы из Южного Тагискена показывают, что население, оставившее могильник характеризовалось значительной гетерогенностью. Антропологическую основу его составляли массивные долихокраничные гиперморфные европеоиды с высоким сводом черепной коробки. Этот комплекс краниологических признаков, для эпохи поздней бронзы ближайшие аналогии находит в могильниках срубного типа.

Монголоидная примесь, с разной степенью выраженности фиксируется во всех раннесакских краниологических выборках Южного Приаралья (Гинзбург, Трофимова, 1972; Яблонский, 1986). Т.А.Трофимова на материалах из Уйгарака (1972, с.112) показала, что на женских черепах она выражена отчетливее, чем на мужских. Аналогичная тенденция имеет место и в серии из Присарыкамышья. Г.Ф.Дебеч (1971, с.7) объяснял происхождение монголоидности у некоторых степных популяций скифского времени цепью брачных контактов в направлении с востока на запад. В связи с этим нужно отметить более высокую степень выраженности монголоидных признаков на сырдарьинских черепах по сравнению с присарыкамышскими и, практически, полное ее отсутствие в европейских сериях I тыс. до н.э. Эта картина также вполне соответствует выводу В.П.Алексеева и И.И.Гохмана (1984, с.70—71) о восточном импульсе в процессе заселения степной полосы Средней Азии и Казахстана в сакское время. Вместе с тем, антропологическую основу раннесакских популяций Приаралья, безусловно, составляли европеоиды, а монголоидность здесь ощущается лишь в виде более или менее явно выраженной примеси. Характерно, что уже к середине I тыс. до н.э. монголоидная примесь в

составе скотоводческого населения Приаралья исчерпывается (Яблонский, 1991а).

Таким образом, и археологические, и краниологические материалы из Южного Тагискена еще раз свидетельствуют в пользу вывода о местной, степной культурно-генетической основе популяций сакского типа.

Могильник Южный Тагискен в системе раннесакских памятников Приаралья. Представление о полном культурном или даже этническом единстве популяций скифо-сибирского мира сложилось в археологической науке уже давно (Киселев, 1947, с.172; Бернштам, 1952, с.212; Артамонов, 1961, с.57; 1973, с.6). В последние десятилетия наиболее активно эту идею разрабатывал М.П.Грязнов (1978а, с.9; 1980, с. 59). Однако, по его мнению, сходство степных культур эпохи раннего железа, носило стадийный характер (Грязнов, 1983, с.3, 6), что не исключало формирования локальных традиций материальной и духовной культуры ранних скотоводов (Грязнов, 1978б, с.31). Поэтому задачу археологов он видел в изучении и определении роли в процессе формирования скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы (Грязнов, 1978а, с.18). Отдельные культуры, слагающие скифо-сибирский мир, писал М.П.Грязнов (1980, с.59—60), самобытны и оригинальны.

Это явление отчетливо проявляется не только на синхронных степных материалах, но даже при сравнении данных, происходящих из раннесакских могильников Приаралья. Так, исследователи неоднократно подчеркивали традиционность проявлений культурно-исторических различий в Южном (присарыкамьшском) Приаралье сакского времени, с одной стороны и юго-восточном (присырдарьинском) — с другой (Вайнберг, 1988; Неразик, 1988; Яблонский, 1988; 1992в).

Эти различия хорошо прослеживаются, в том числе, по ряду признаков погребального обряда. Так для Присарыкамьшских погребений характерно наличие мясной пищи в могилах, в то же время в Южном Тагискене костей животных, практически, нет. В сырдарьинских могильниках нет и скорченных захоронений, не прослеживается обычай сдвигания костей при совершении повторных погребений, расчленения трупов. Напротив, в Южном Приаралье полностью отсутствуют захоронения "на столиках", столь характерные для могильников Нижней Сырдарьи. Если в Уйгараке сосуды устанавливали всегда в ногах погребенного, то в Присарыкамьше — только в головах. Список таких примеров можно было бы продолжить.

Этнокультурная дифференциация между обоими регионами становится еще более заметной в VI в. до н.э., когда в левобережье Амударьи возникает и формируется древнехорезмийское государство, а в низовьях Сырдарьи сохраняется еще старая этнополитическая сис-

тема, базирующаяся на традициях, восходящих к эпохе бронзы (Андрианов, 1987, с.14; Вайнберг, Левина, 1990, с. 47—48).

Впрочем, сопоставление археологических материалов, происходящих из сырдарьинских могильников Южный Тагискен и Уйгарак, также, отнюдь, не свидетельствует о полном культурном единстве оставших их коллективов. Сходство в предметах сопровождающего инвентаря несомненно, но проявляется оно, прежде всего, в элементах, составляющих "скифскую триаду", которая как было показано ранее, является, по существу, комплексом надэтническим, характеризующим только лишь субкультуру этноса (Яблонский, 1990). Кроме того, эти различия были во многом обусловлены относительной асинхронностью погребений, составлявших основную часть приаральских погребальных комплексов.

По данным Б.И.Вайнберг (1991а) и Л.Т.Яблонского (1991б), верхняя дата раннесакских могильников Присарыкамьшья не выходит за рамки I-ой половины VI в. до н.э. В Уйгараке, по мнению О.А.Вишневской (1973) основная масса захоронений датируется VII—VI вв. до н.э. В Южном Тагискене значительное число погребений (около половины из раскопанных) датируется в пределах второй половины VI — начала V вв. до н.э. Хотя во всех случаях выделяется захоронения, стадийно относящиеся к наиболее ранним этапам формирования культуры сакского типа. Вопрос только в количественном соотношении этих погребений.

Представляется очевидным, что именно VI в. до н.э. стал переломным в культурно-историческом развитии скотоводческого населения Приаралья. Именно в этом столетии саки Присарыкамьшья оказались втянутыми в процессы формирования хорезмийской государственности, что привело к скачкообразной трансформации их материальной и духовной культуры.

На Нижней Сырдарье, как уже отмечалось, традиционные признаки культуры сохраняются вплоть до рубежа VI—V вв. до н.э., однако, судя по материалам Южного Тагискена, во 2-ой половине VI в. происходит культурная переориентация местного населения, которая археологически проявилась, прежде всего, в появлении новых видов вооружения — длинных железных мечей и бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел скифо-савроматского типа, а также некоторых деталей конской упряжи. В это же время меняется стилистика звериного стиля.

О кризисе традиционной для ранних саков Сырдарьи культуры свидетельствуют и инновации в погребальном обряде отдельных популяций. Не случайно, по-видимому, что в VI в. до н.э. здесь появляются, так называемые, "шлаковые" курганы и поселения со своеобразной материальной культурой (Левина, 1979).

Очевидно, именно в этом столетии возникают предпосылки для формирования новой этнической структуры населения юго-восточного Приаралья. Не

исключено, что обычай искусственно деформировать голову, зафиксированный на черепахах из относительно поздней культурно-хронологической группы погребений Южного Тагискаена также может служить признаком нового этнического самосознания.

Саки Нижней Сырдарьи в системе кочевых культур скифо-савроматского времени. Отчетливо выраженные черты сходства в признаках погребального обряда саков Нижней Сырдарьи и номадов Южного Приуралья стали основанием для гипотезы о сакских, приаральских истоках культуры кочевников Приуралья савроматского времени (Пшеничнюк, 1982, с.76; 1983, с. 128-129).

Вслед за А.Х.Пшеничнюком, не отрицая культурных связей "савроматов" Южного Приуралья и саков низовой Сырдарьи, но отрицая возможность автохтонного происхождения "савроматов" Южного Приуралья, Б.Ф.Железчиков (1988, с.59) выдвинул гипотезу о миграции ранних кочевников на территорию Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на рубеже VII—VI вв. до н.э. с территории Приаралья, то есть из низовой Сырдарьи. Эта идея основывается на экологических изысканиях ее автора (Железчиков, 1986, с. 59—60), в основе которых лежит и теория изменчивости общей увлажненности А.В.Шнитникова. Последняя не представляется бесспорной и была в свое время подвергнута критике (Итина, 1977, с.32—35). По мнению Б.Ф.Железчикова, в результате аридизации климата на рубеже II и I тыс. до н.э., а затем повышения его увлажненности в VI в. до н.э., и происходит миграция саков в Южное Приуралье, где и формируется "савроматская" культура (Железчиков, 1986, с.59—60). Даже, если иметь в виду явное усыхание Акчадарьинской дельты Амударьи к началу I тыс. до н.э., сток в Арал все еще продолжался, причем параллельно шло формирование современной Приаральской дельты. Протоки сырдарьинской дельты тоже функционировали, но, конечно, периодически и не все одновременно, что, впрочем, наблюдалось и позднее. Во всяком случае, в Инкардарье в I тыс. до н.э. вода была, что косвенно подтверждается наличием здесь некрополя Южный Тагискен. Кроме того, пастушеские сакские стоянки были во множестве обнаружены в западной части сырдарьинской дельты. К тому же существует гипотеза о подпитывании водами Жанадарьи (Инкардарьи) отмирающей Акчадарьинской дельты. А слияние в нижней части протоков Инкардарьи и Акчадарьи, сомнений не вызывает. Иными словами, как уже говорилось, сток по сырдарьинской дельте полностью никогда не прекращался, и область эта всегда была достаточно привлекательной для древних скотоводов.

В явлении, которое Б.Ф.Железчиков рассматривает как переселение, скорее всего, можно видеть один из вариантов меридиональных перекочевок, который традиционно удерживался в данном регионе на протяжении столетий (вспомним сезонные перекочевки Малой Орды казахов — киргиз-койсаков —

в XIX в., проходившие именно в этом направлении). Наверное, надо еще иметь в виду, что и один из древних караванных путей, связывавших Среднюю Азию с Оренбургскими степями, проходил как раз через западную часть сырдарьинской дельты и далее на север, также совпадая с направлением возможных сакских меридиональных перекочевок.

Однако, на какой же основе сложилась "савроматская" направленность культурных контактов сырдарьинских саков? Прежде всего, одним из основных компонентов в этногенезе саков низовой Сырдарьи являлись носители андроновской культуры исторической общности (в ее позднем, федоровском проявлении) эпохи бронзы. К.Ф.Смирнов (1964, с.182) пришел к выводу, что в основе культуры савроматов, лежит культура степной бронзы, в данном случае — андроновская и отчасти — срубная. Именно эта генетическая общность и роднит "савроматов" Южного Приуралья и саков Приаралья.

Этот тезис подкрепляется материалами раскопок Аландского могильника (VI—V вв. до н.э.), который расположен на крайнем северо-востоке "савроматского мира". Погребальный ритуал этого могильника действительно имеет немало общих черт с сакским. Автор раскопок, М.Г.Мошкова (1972) видит истоки этого сходства в единой культурной основе происхождения этого ритуала, корнями уходящего в андроновскую эпоху. При этом она не исключала возможности непосредственных связей между "савроматским" и сакским культурными мирами. Эти контакты были достаточно активными и имели длительную предысторию. В эпоху бронзы фиксируется прямой приток населения с северо-запада, из Оренбургских степей, в юго-восточном направлении — в Приаралье (Итина, 1977, с.232 и сл.). Наблюдается отличие западно-казахстанского варианта андроновской культуры от центрально-казахстанского или северо-казахстанского, участие срубного компонента в развитии культур эпохи бронзы Приуралья и Южного Приаралья — все это предопределило заметное сходство в культуре населения обоих регионов в эпоху раннего железа. Надо заметить все же, что сходство это проявляется, главным образом, в типологическом составе погребального инвентаря и в гораздо меньшей степени — в оформлении погребальных камер.

Таким образом, на нашем материале генетическая и культурная общность "савроматского" и сакского массагетского миров прослеживается достаточно отчетливо, причем открытия в низовьях Сырдарьи весьма сблизили возможные границы этих этнических массивов. К.Ф.Смирнов (1964, с.277—280) полагал, что могла иметь место возможная прямая инфильтрация населения, вхождение отдельных племен в состав племенных союзов той и другой стороны, что не могло не сказаться на облике их культур в целом.

И.В.Пьянков (1975) пошел дальше, высказав мысль о принадлежности саков Приаралья и ранних кочевников Южного Приуралья к единому племени

ному союзу массагетов, но эта гипотеза не представляется нам бесспорной.

Материалы с Нижней Сырдарьи свидетельствуют о прочных культурных связях между обоими массивами, что археологически проявляется в наличии в приуральских памятниках некоторых форм керамики, украшений, элементов звериного стиля, которые могли попасть туда только из Средней Азии или через Среднюю Азию (Чежина, 1983, с. 23). Недавние раскопки в Приуралье Л.Т.Яблонского (См.: Курганы..., Вып. 1—3) дали дополнительные аргументы в пользу этого тезиса. С другой стороны, появление в инвентаре сакских могил, длинных мечей и европейских типов втульчатых трехлопастных наконечников стрел, является доказательством культурного влияния, которые испытывали саки (и не только саки) со стороны своих европейских соседей. В конце VI—V вв. до н.э. такие наборы стрел появляются на поселениях древнего Хорезма. В частности, разнообразный набор втульчатых трехлопастных бронзовых наконечников стрел происходит из слоев Дингильдже (Воробьева, 1973) и куюсайских поселений (Вайнберг, 1991а; 1991б) в левобережном Хорезме. В это же время такие наконечники распространяются далеко на юг Средней Азии.

К.Ф.Смирнов и М.Г.Мошкова (1979) не исключали прямой инфильтрации приаральского и приуральского скотоводческого населения, но совершенно справедливо не рассматривали приаральских саков в качестве создателей раннекочевой культуры Южного Приуралья. Надо признать, что на фоне определенного сходства, степень культурных различий остается достаточно высокой.

Это стало еще заметнее после археологических открытий в Южном Зауралье, где были обнаружены памятники, сходные с сакскими и принадлежащие к одному с ними культурному кругу. Датируются они VII—VI вв. до н.э. Их исследователи (Таиров, 1986; Таиров, Боталов, 1988, с.109) прямо пишут о большом сходстве зауральских могильников с погребальными памятниками Приаралья, Северного и, особенно, Центрального Казахстана того же времени. На этом фоне сходство Приуральских и сырдарьинских памятников проявляется уже не столь ярко. М.Г.Мошкова (1989, с. 19) справедливо квалифицирует южнозауральские памятники VII—VI вв. до н.э., как культурно близкие к тасмолинским. Она подчеркивает, что корни культурных различий между двумя приуральскими регионами уходят еще в эпоху бронзы. По ее мнению, зауральские памятники VII—VI вв. до н.э. вообще не связаны с генезисом савроматской (в широком понимании этого термина) археологической культуры (Там же).

А.Д.Таиров и С.Г.Боталов (1988, с.109) вполне правомерно, с нашей точки зрения, полагают, что культура ранних скотоводов Зауралья сформировалась на генетически сходной с саками Приаралья основе, в частности на общей основе степных культур эпохи поздней бронзы, а контакты населения обоих регио-

нов, связаны, опять-таки, с системой меридиональных сезонных перекочевков, причем авторы намекают путь с севера, по Тургайской впадине к нижнему и среднему течению Сырдарьи, верховьям Сырдарьи и Чу.

Культурные связи между Зауральским и Южноприаральским районами археологически фиксируются во всяком случае с эпохи неолита, а в эпоху бронзы они документируются движением федоровских племен через обводненную сырдарьинскую дельту, Кызылкумские горы с их меднорудными запасами и колодцами и далее вдоль юго-восточного края также обводненной Акчадарьинской дельты Амударьи. В этой связи находит еще одно подтверждение и предполагаемый федоровский компонент в сложении сакской культуры (Итина, 1992).

Таким образом, еще один меридиональный путь сакских перекочевков, так же как и более западный, можно считать традиционным для древних скотоводов, и вплоть до XIX века он был одним из направлений связывающих Среднюю Азию с северными и северо-восточными степными регионами. Разумеется, внутри сырдарьинской дельты происходили и широтные перекочевки для достижения зимников в песках западной части дельты, ближе к восточному берегу Арала.

Черты культурного сходства между приуральскими и восточно-приаральскими скотоводами проявились на протяжении относительно узкого временного отрезка, в пределах 2-ой половины VI — начала V вв. до н.э. В дальнейшем скотоводы Южного Приуралья остаются на пути развития классической культуры номадов, в то время как на Нижней Сырдарье формируются весьма специфические чирикратская и джетысарская археологические культуры с их монументальными крепостными и культовыми сооружениями. При этом есть основания полагать, что складывалась она на сакской основе (Вайнберг, Левина, 1993, с.90). Легкость, с которой произошла эта дивергенция может служить еще одним свидетельством глубоких и традиционных этнокультурных и исторических различий между скотоводческим населением обоих регионов.

* * *

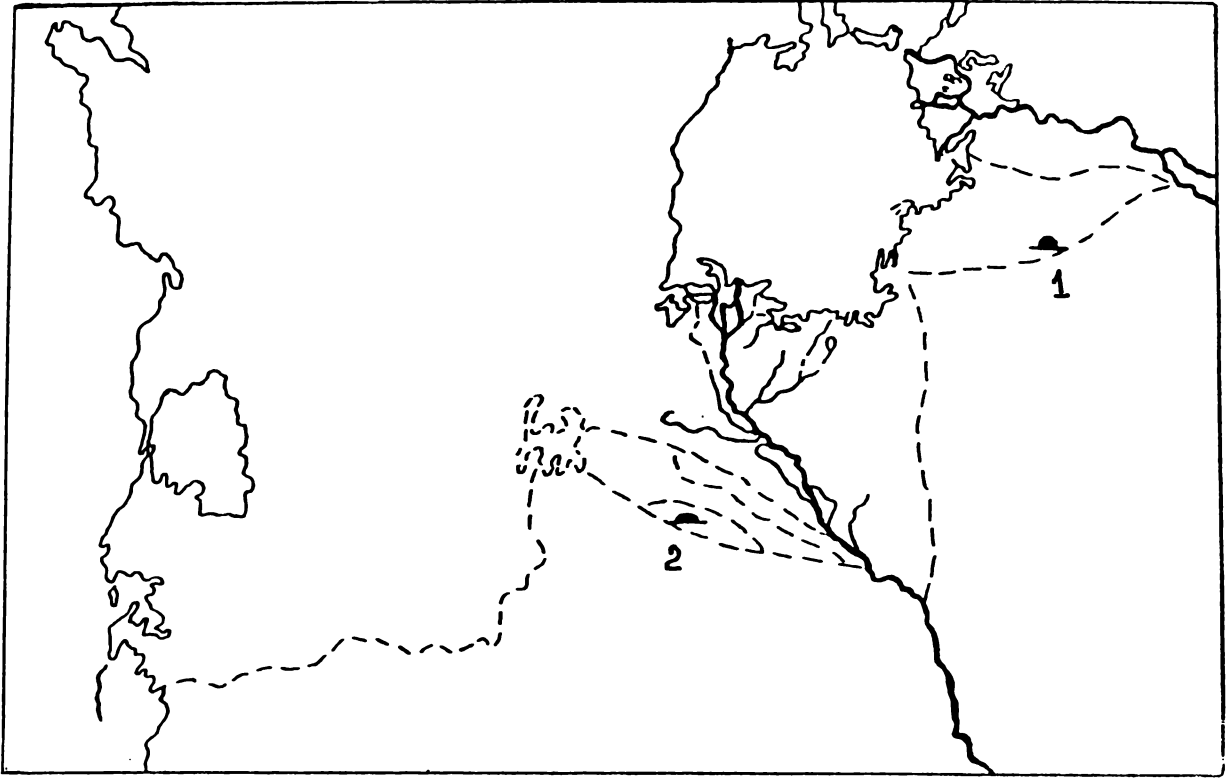
Итак, в этой книге мы попытались представить в полном объеме и проанализировать богатейшие археологические материалы, полученные при раскопках могильника Южный Тагискен. Авторы не ставили перед собой задачу окончательного анализа признаков погребального обряда и категорий сопоставлений. Эта работа потребует специальных усилий. Надеемся все же, что данная книга не только расширит горизонты археологического изучения ранних скотоводов евразийских степей, но станет основой для более глубокого изучения многочисленных проблем, связанных с историей древнего населения, которое внесло заметный и неоценимый вклад в развитие общевразийской культуры.

Таблица 1. Распределение типов наконечников стрел по курганным комплексам могильника Южный Тагискен.

№	К а т е г о р и я 1																		Кат. 2	
	Г р у п п а 1						Г р у п п а 2						Д						Гр.1	Гр.2
	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г	А	А		
1	1	2	3	1	1	2	3	1	2	3	1	1	2	3	4	1	1	1		
13																1				
30	1					1											1			
32	1	13	8	1	5	1	4			1								34		
37	1																	1		
42	4	1																5		
46	4	5		1	5													15		
53												4	1	15	23			43		
54							1											1		
55				1	3				3									7		
56																		2		
57		2		1														3		
58				2														2		
59												3						3		
61					5													5		
62												3		1	1			5		
63										1					5			7		
651																		2		
п	2	23	16	1	10	1	13	4	1	1	4	1	1	10	1	21	24	139		
п	2	40		10	1	18		6		1	11			47				139		
п		53									83							139		

Таблица 2. Распределение видов погребальных камер по хронологическим группам.

Дата	Кон. VIII-VII вв.		VII - сер. VI в.		Сер. VI - нач. V в.		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
На горизонте	2	40.0	1	5.9	1	7.6	4	11.4
Яма с дромосом	1	20.0	3	17.6	3	23.1	7	20.0
На "столике"	1	20.0	-	-	-	-	1	3.9
Столбовые ямки	1	20.0	11	64.7	6	46.2	18	51.4
Узкая яма	-	-	2	11.8	1	7.7	3	5.7
Широкая яма	-	-	-	-	2	15.4	2	5.7
Всего	5	100	17	100	13	100	35	100

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- - протакыревшая супесь
- - супесь с гравием
- - коричневая супесь
- - серая супесь
- - рыхлая светлая супесь
- - плотный суглинок
- - углисто-золистые слои
- - слой дерева и камыша

Рис. 1. Могильники раннесакского времени в Приаралье: карта-схема. 1 - Тагискен и Уйгарак; 2 - Сакар-чага и Тумек-Кичиджик.

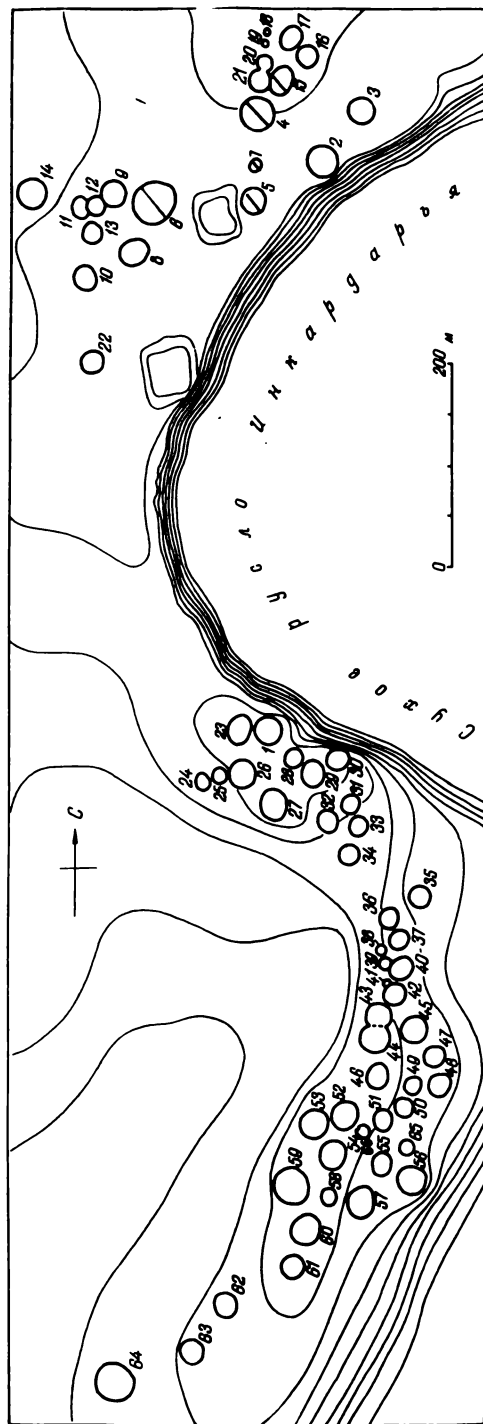

Рис. 2. Могильник Южный Тагискен:
Общий план. Заштрихованы раскопанные
сооружения эпохи поздней бронзы.

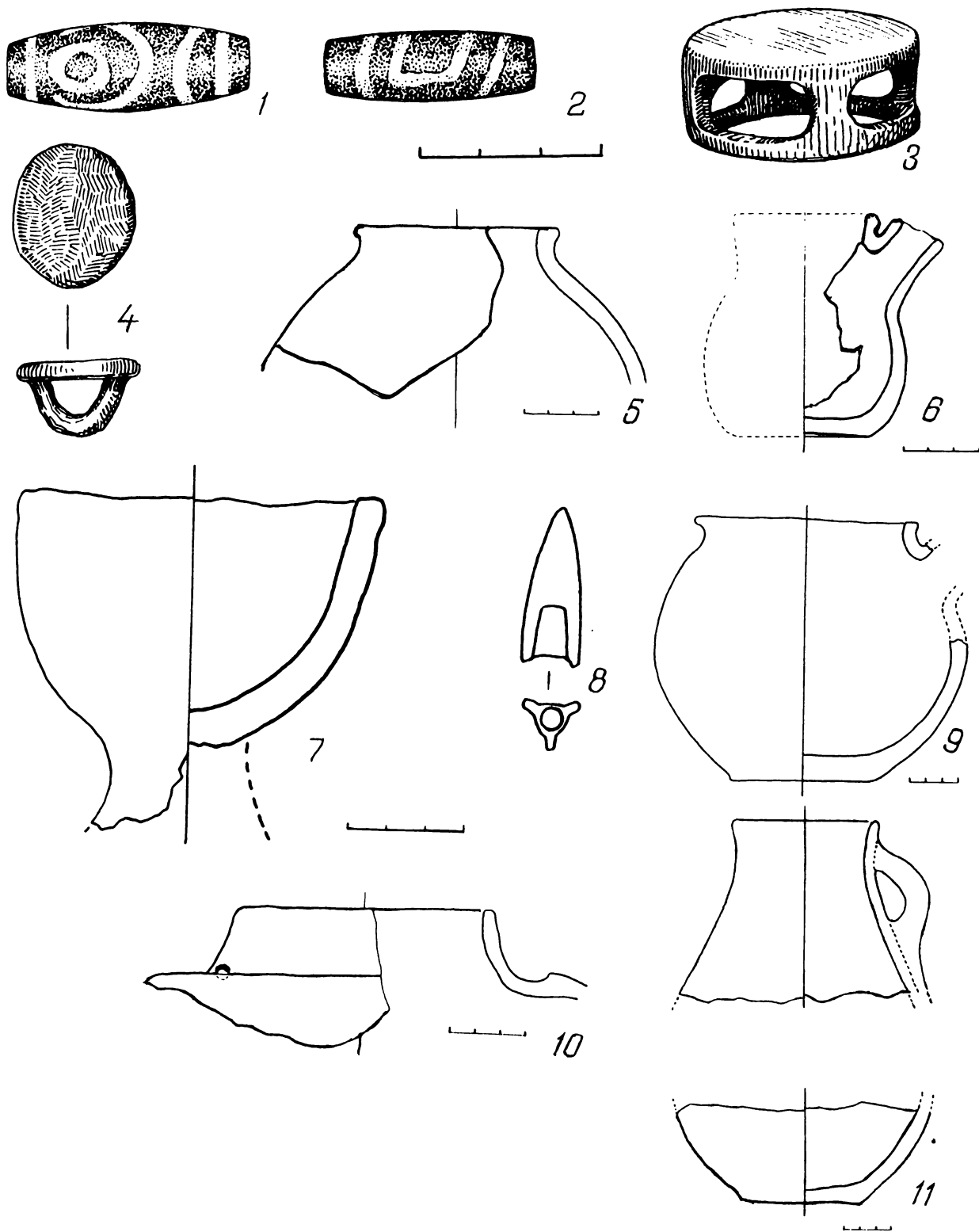

Рис. 3. Курганы 9 и 13. Инвентарь: 1, 2 - бусы; 3, 4 - детали уздечки; 8 - наконечник стрелы; остальное - керамика. 1, 2, 4, 6, 7, 8 - из кургана 9; остальное - из кургана 13. 1, 2 - камень; 3, 4, 8 - бронза; остальное - глина.

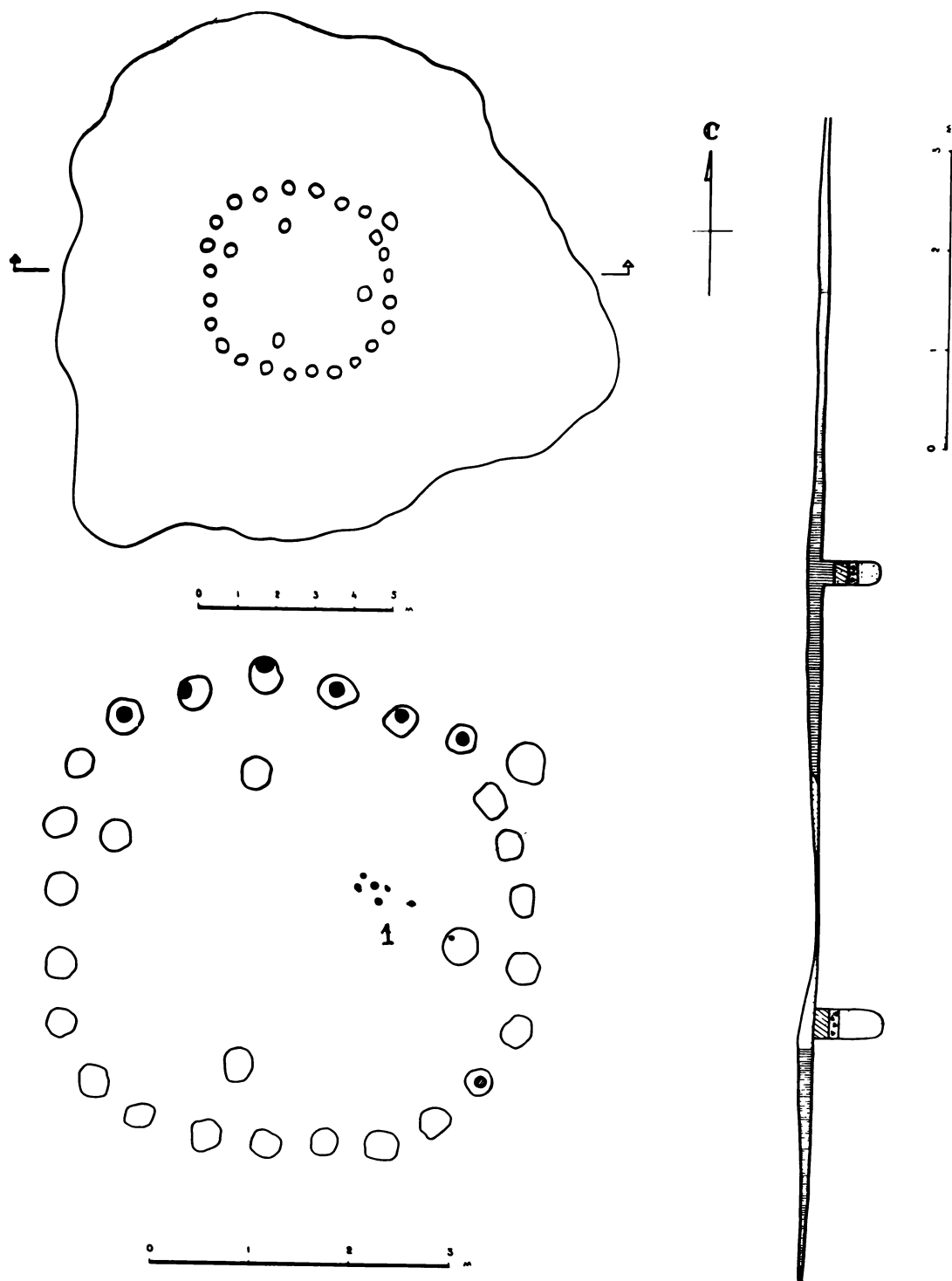

Рис. 4. Курган 23. Общий план, план и разрез погребальной камеры.
1 - предметы конской упряжи.

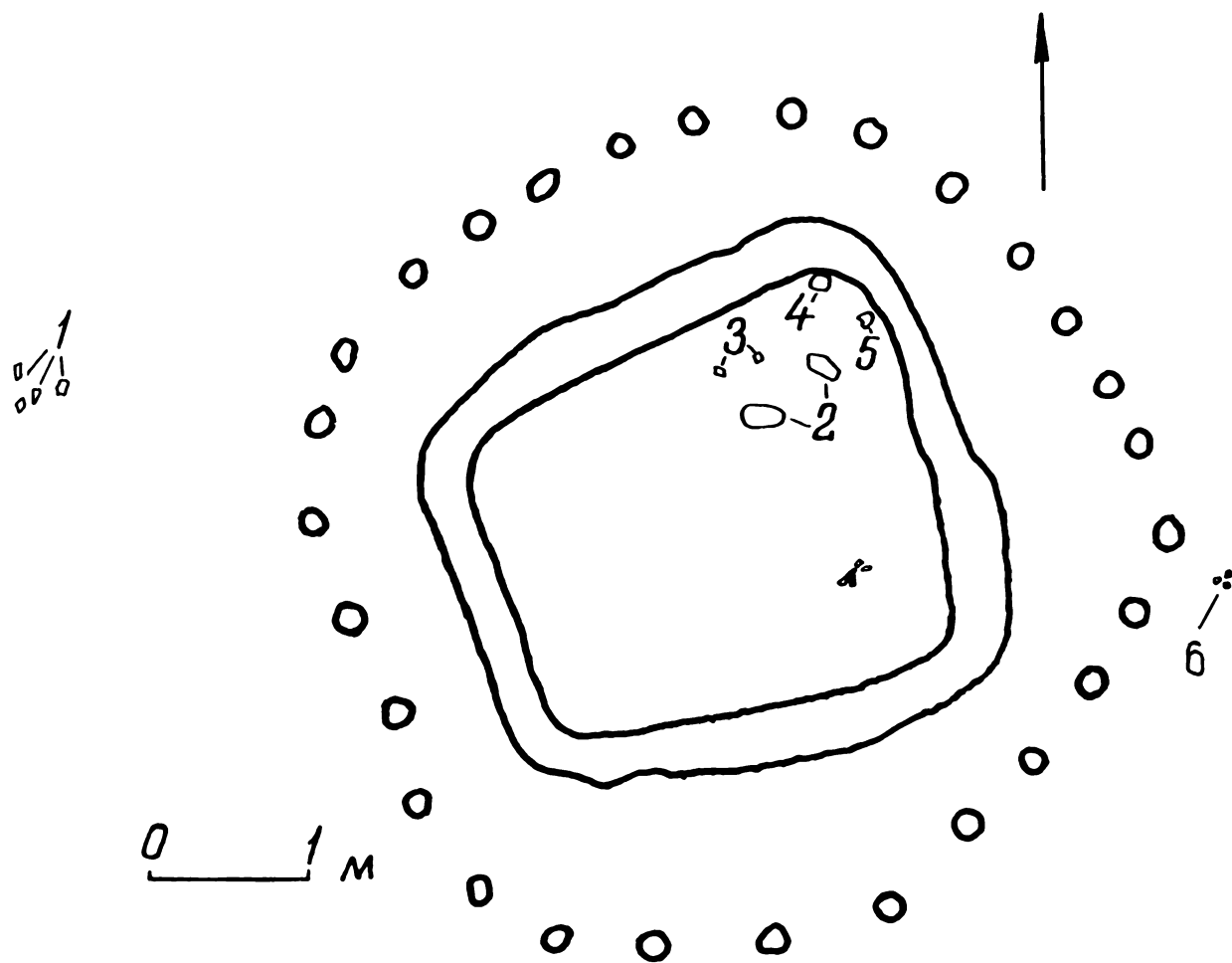

Рис. 5. Курган 26. План погребальной камеры: 1 - керамика; 2 - зернотерка; 3 - кости человека; 4 - галька; 5 - дерево; 6 - реальгар.

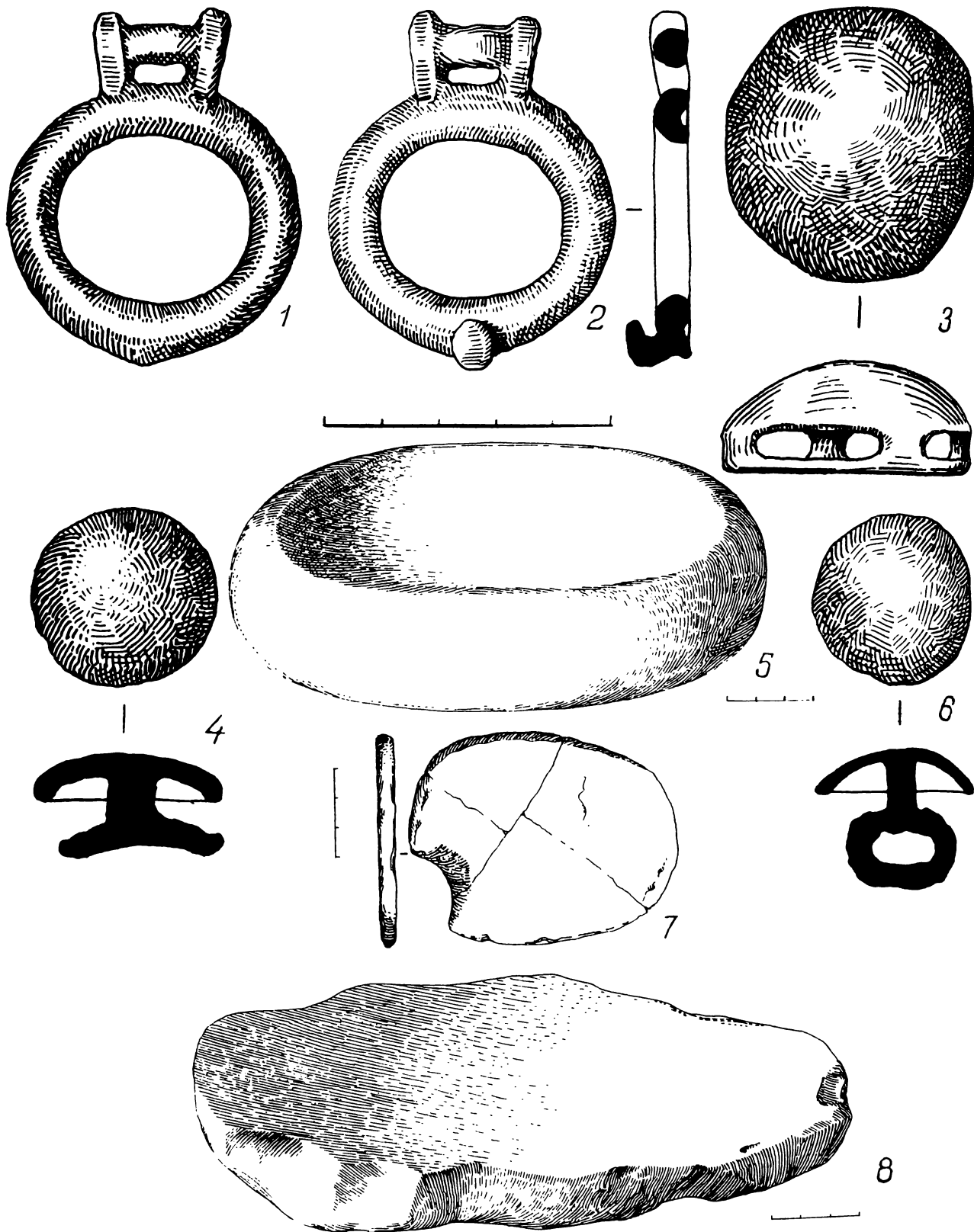

Рис. 6. Курганы 23 и 26. Инвентарь: 1 - 3, 4, 6 - предметы конской упряжи; 5, 7 - жертвенники; 8 - зернотерка. 5, 7, 8 - из кургана 26; остальное - из кургана 23. 1 - 4, 6 - бронза; остальное - камень.

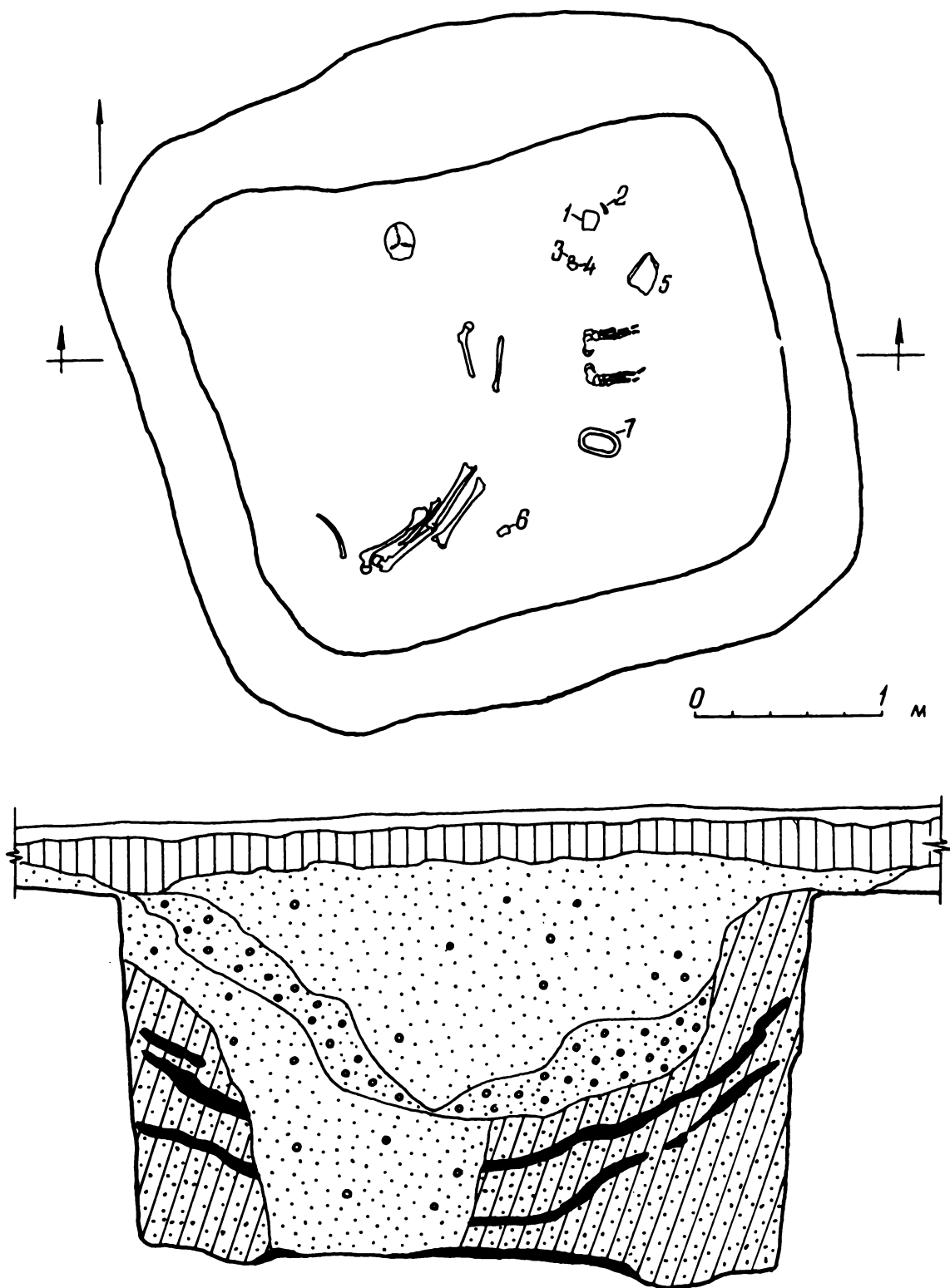

Рис. 7. Курган 28. План и разрез погребальной камеры: 1 - лопатка животного; 2 - клык; 3 - галька; 4 - реальный; 5 - зернотерка; 6 - бронзовая накладка; 7 - жертвенник.

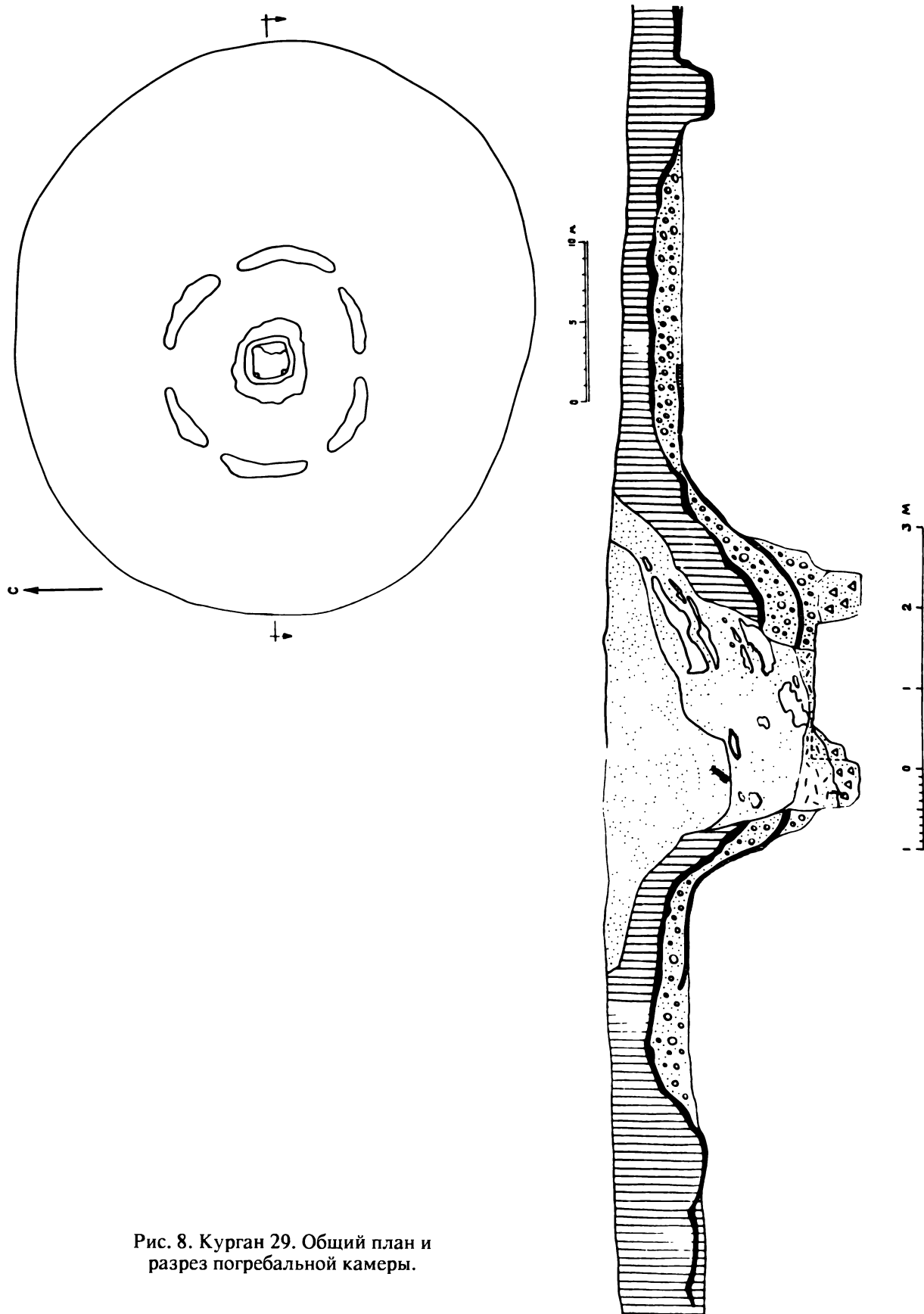

Рис. 8. Курган 29. Общий план и разрез погребальной камеры.

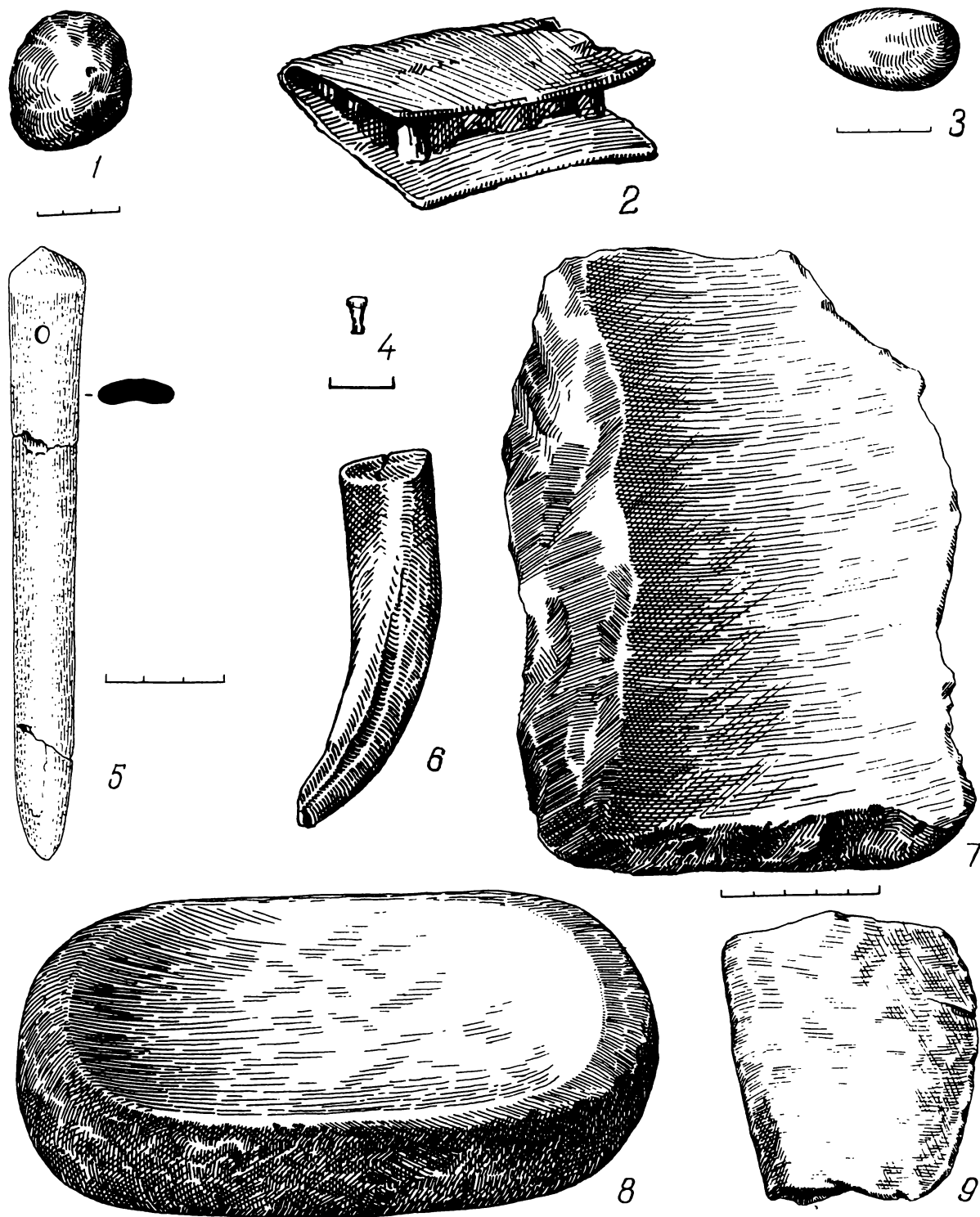

Рис. 9. Курганы 28 и 29. Инвентарь: 1 - бляшка от уздечки; 2 - накладка; 3 - галька; 4 - заклепка; 5 - нож; 6 - клык; 7, 9 - зернотерки; 8 - жертвенник. 1, 5 - из кургана 29; остальное - из кургана 28. 1, 2 - бронза; 5, 6 - кость; остальное - камень.

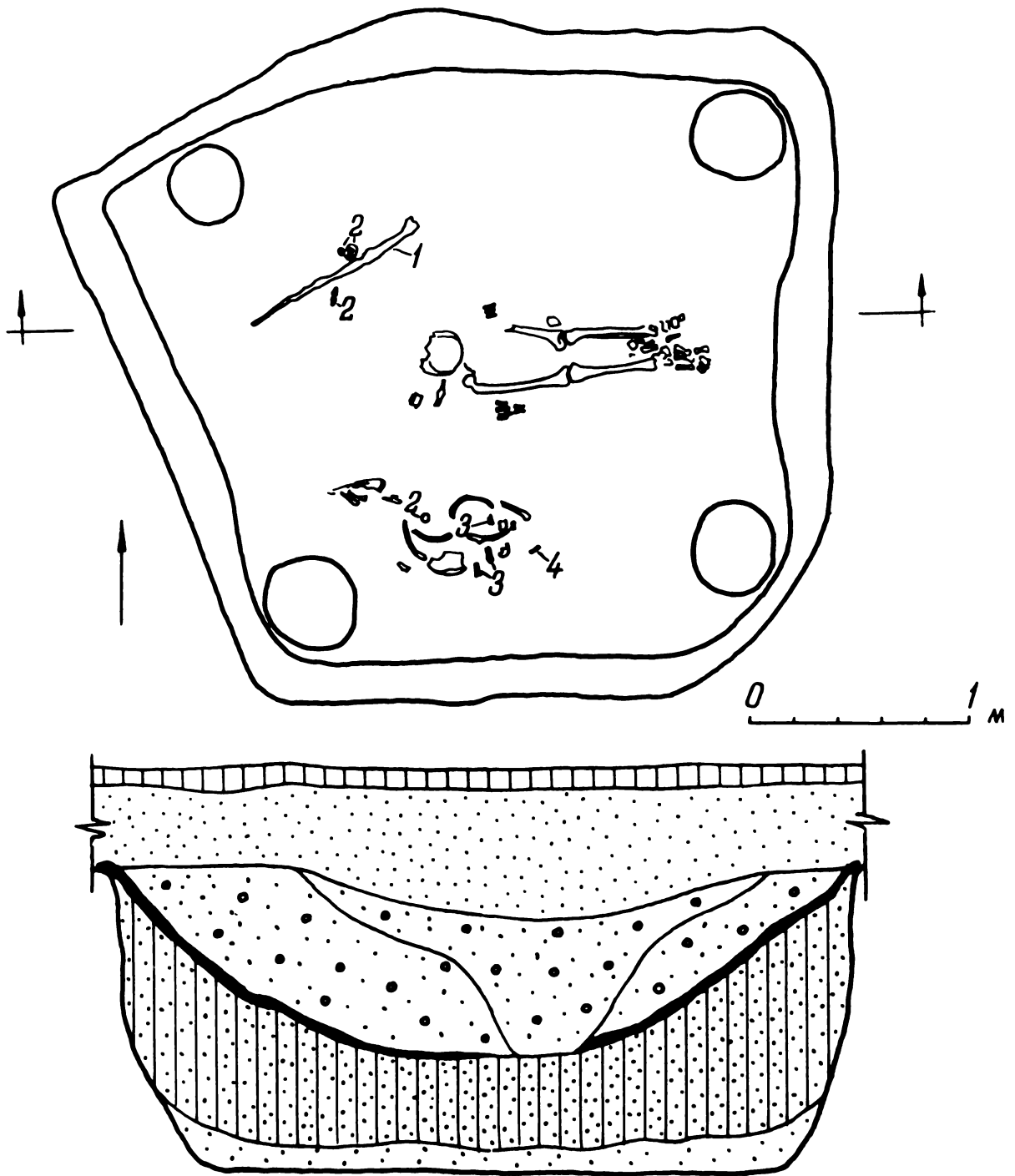

Рис. 10. Курган 31. План и разрез погребальной камеры.

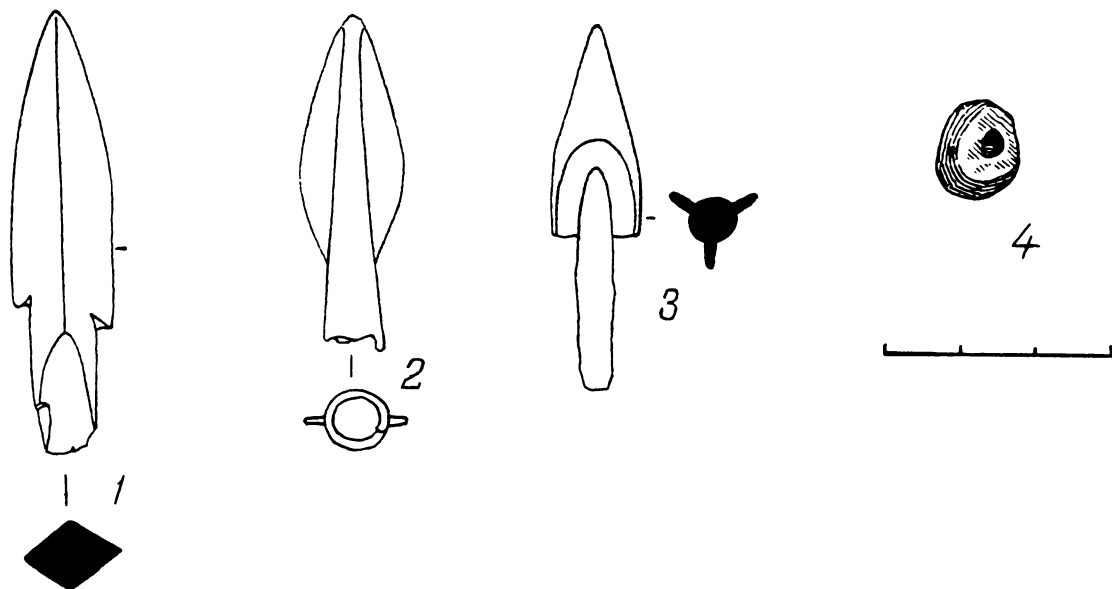

Рис.11. Курган 30. Инвентарь: 1 - 3 - наконечники стрел; 4 - бусина. 1 - кость; 2, 3 - бронза; 4 - бирюза

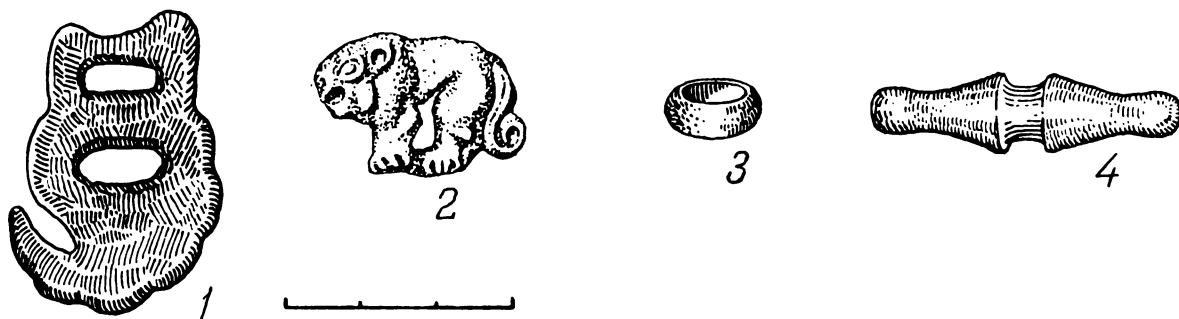

Рис. 12. Курган 31. Инвентарь: 1, 2 - накладки; 3 - колечко; 4 - застежка. 1, 3, 4 - бронза; 2 - золото.

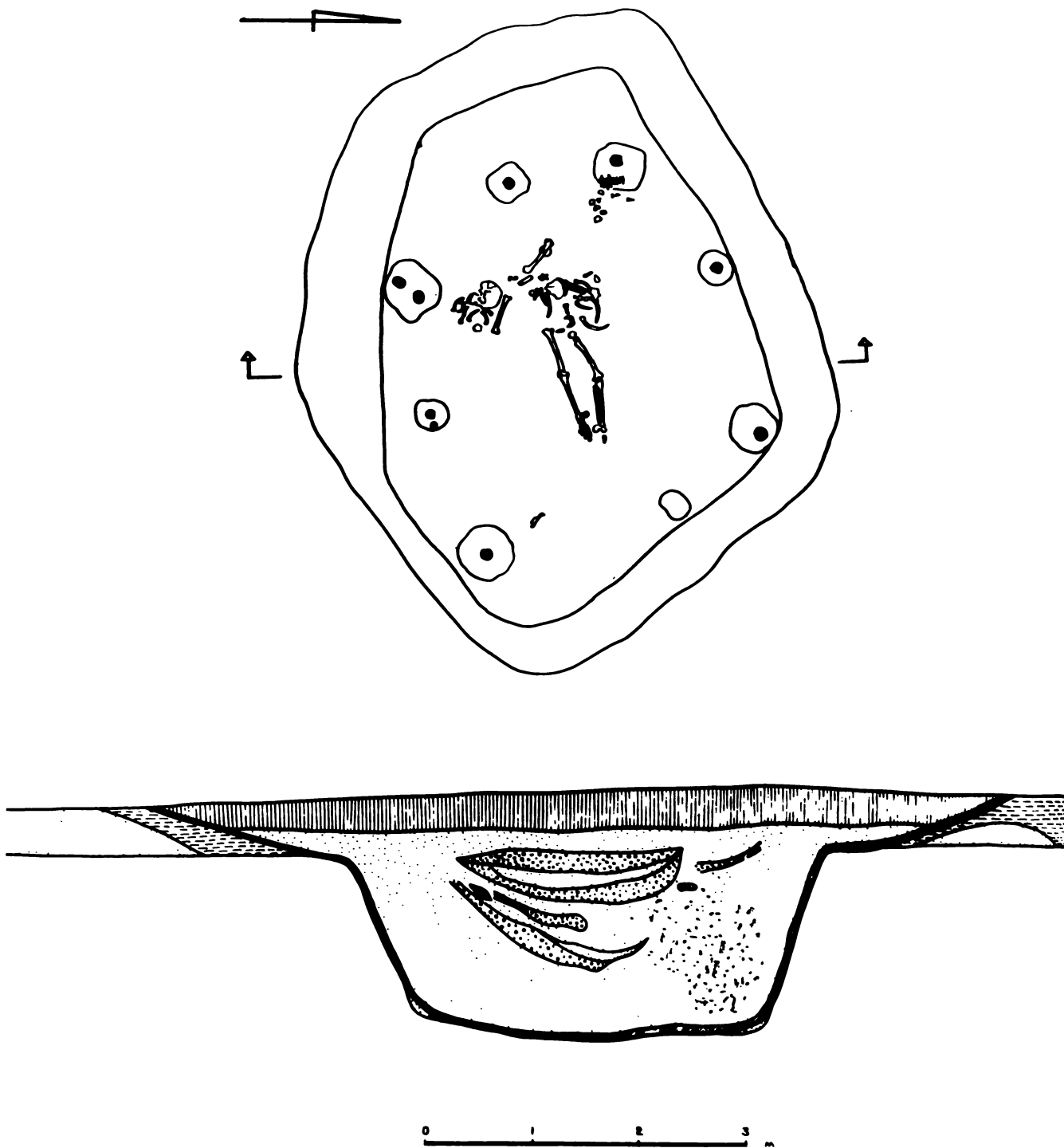

Рис. 13. Курган 32. План и разрез погребальной камеры: 1 - наконечники стрел; 2 - оселок.

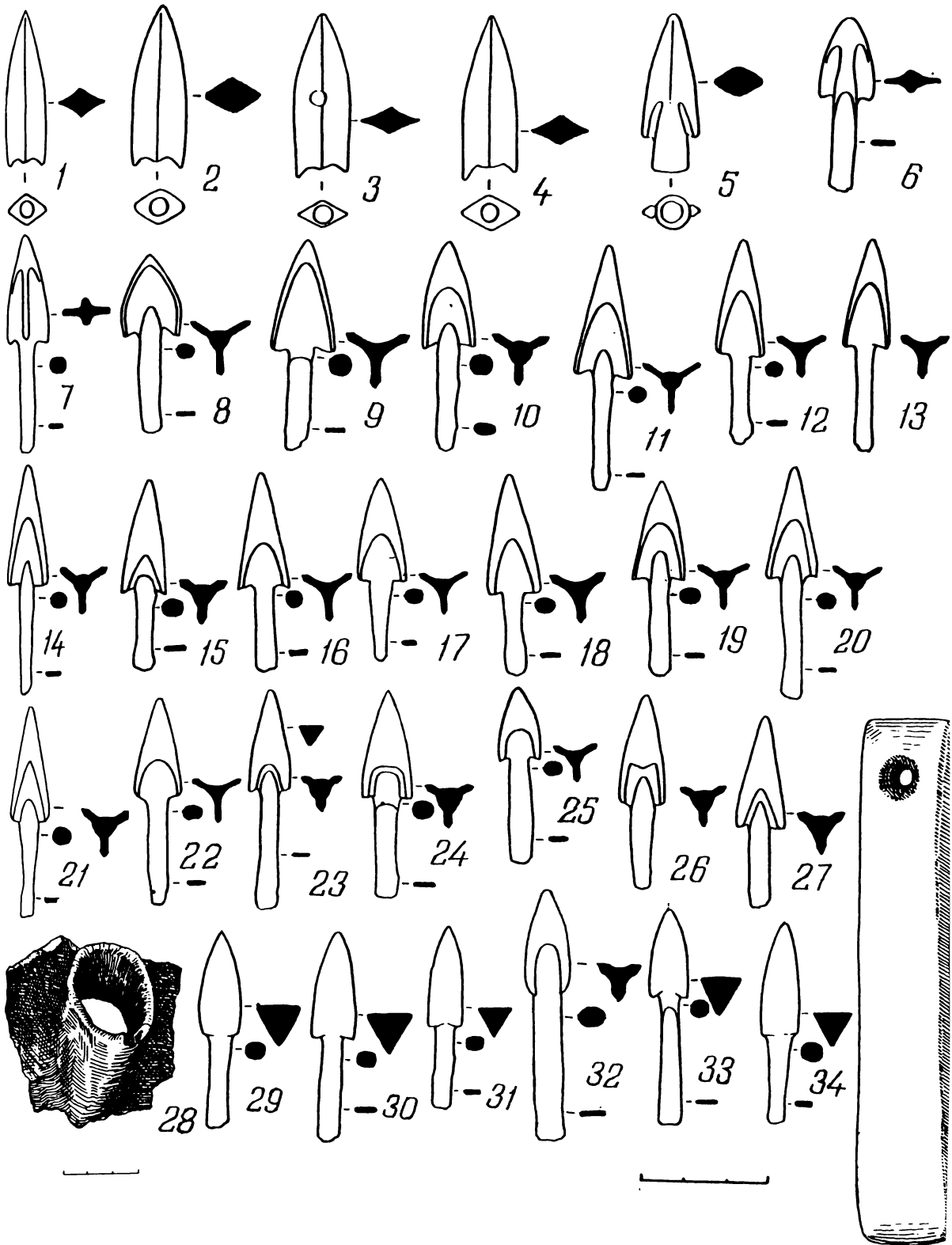

Рис. 14. Курган 32. Инвентарь: 1 - 27, 28 - 34 - наконечники стрел; 28 - фрагмент сосуда; 35 - оселок. 28 - глина; 35 - камень; остальное - бронза

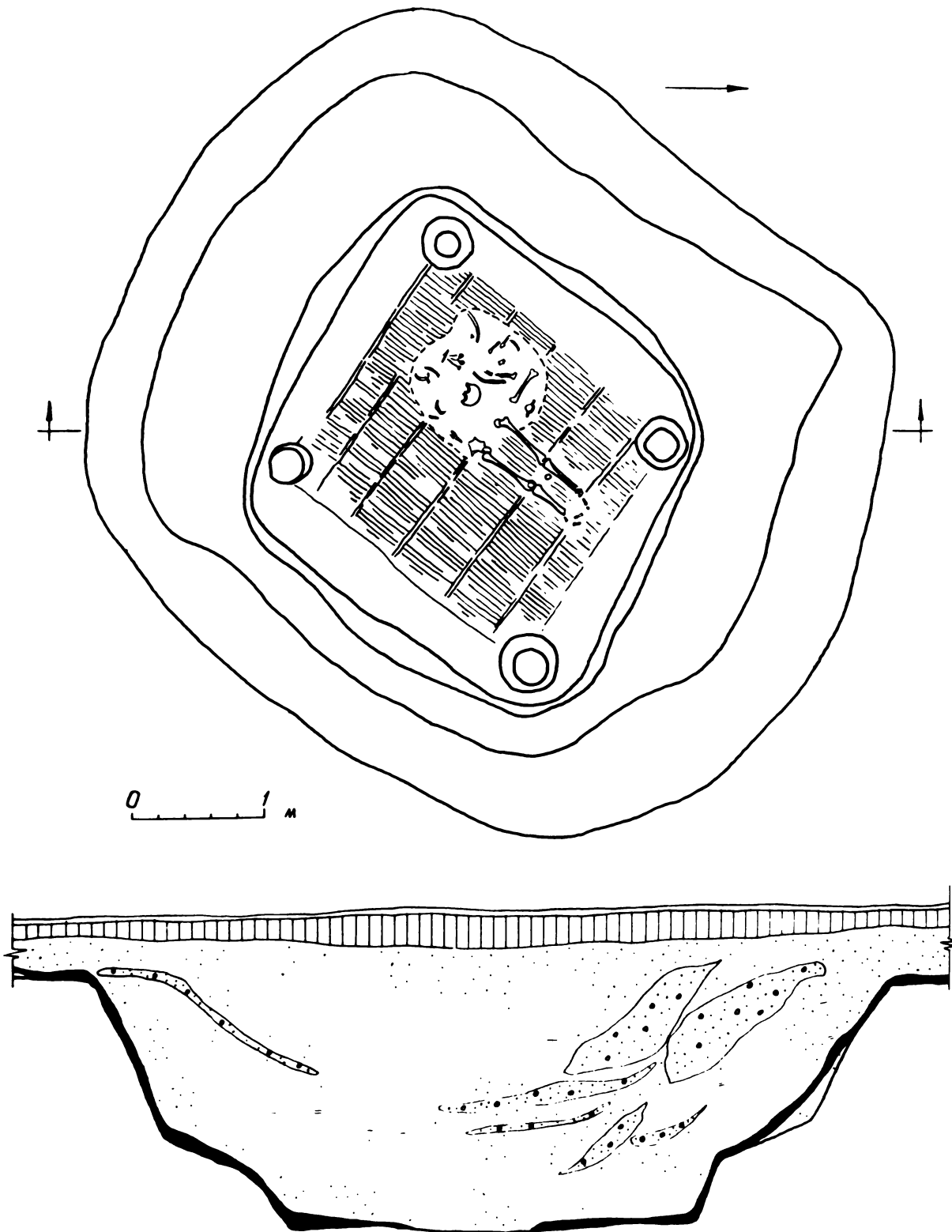

Рис. 15. Курган 34. План и разрез погребальной камеры.

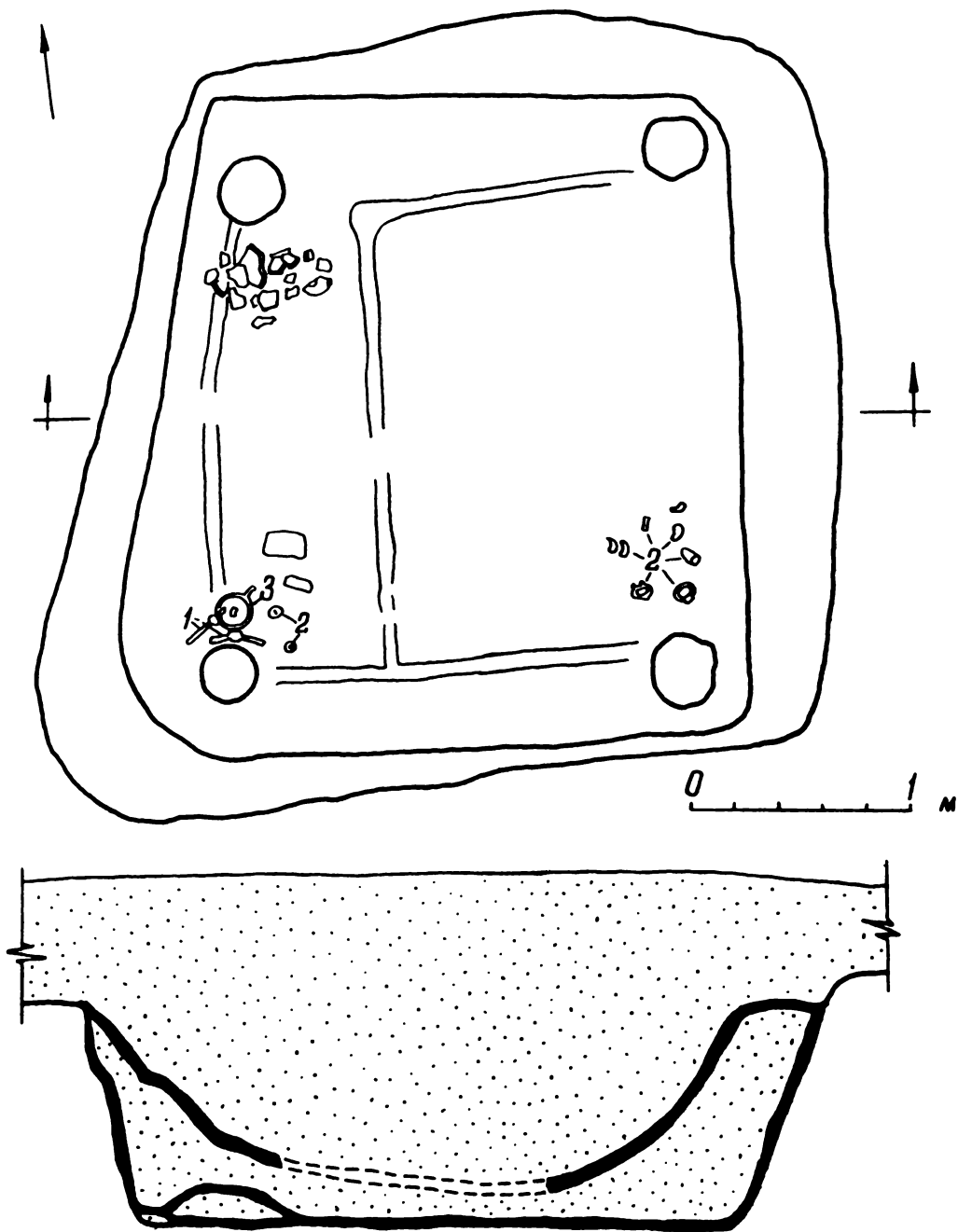

Рис. 16. Курган 36. План и разрез погребальной камеры: 1 - псалии; 2 - бляха; 3 - зеркало

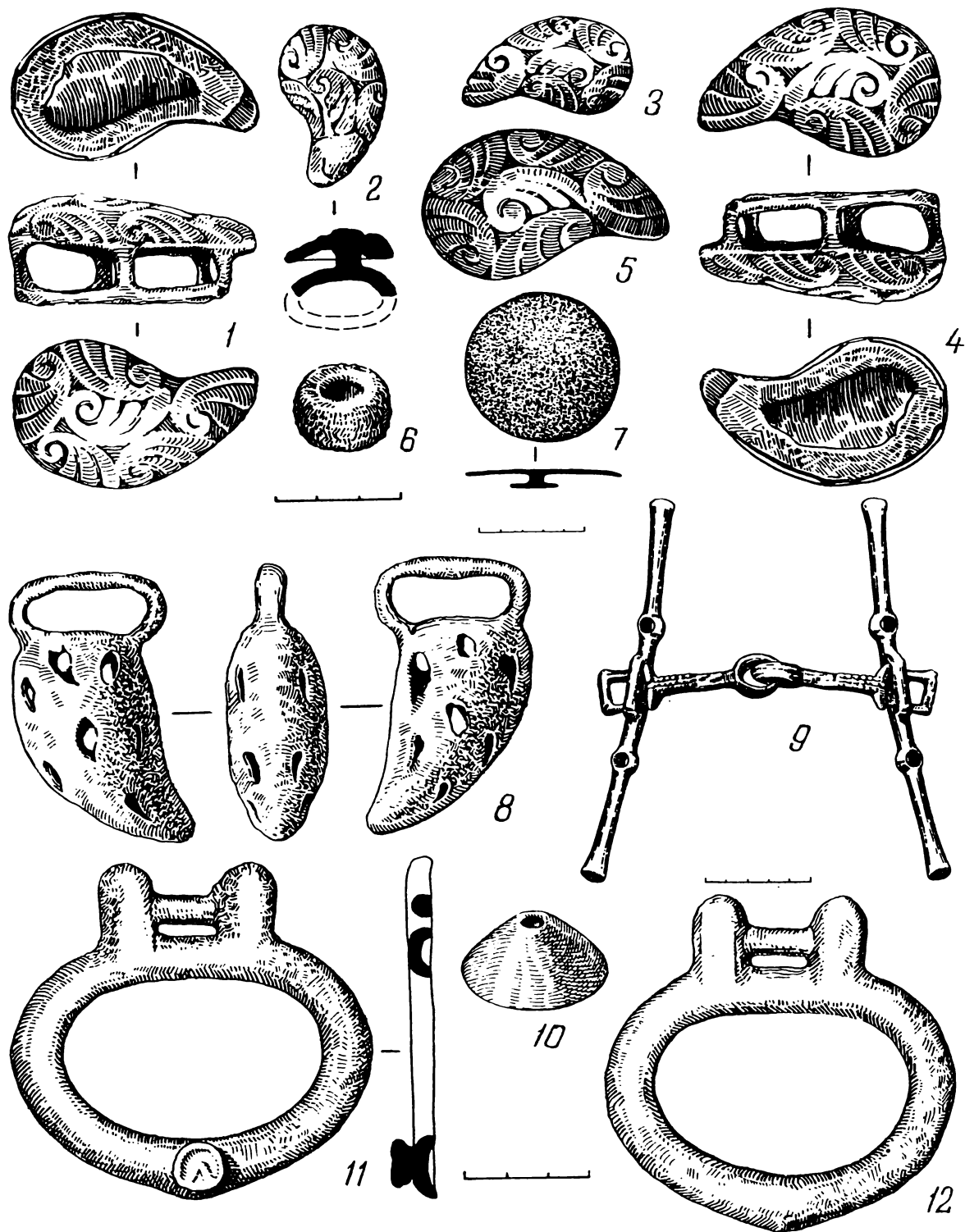

Рис.17. Курган 36. Инвентарь: 10 - пряслице; остальное - предметы конской упряжи.
6 - железо; 10 - глина; остальное - бронза.

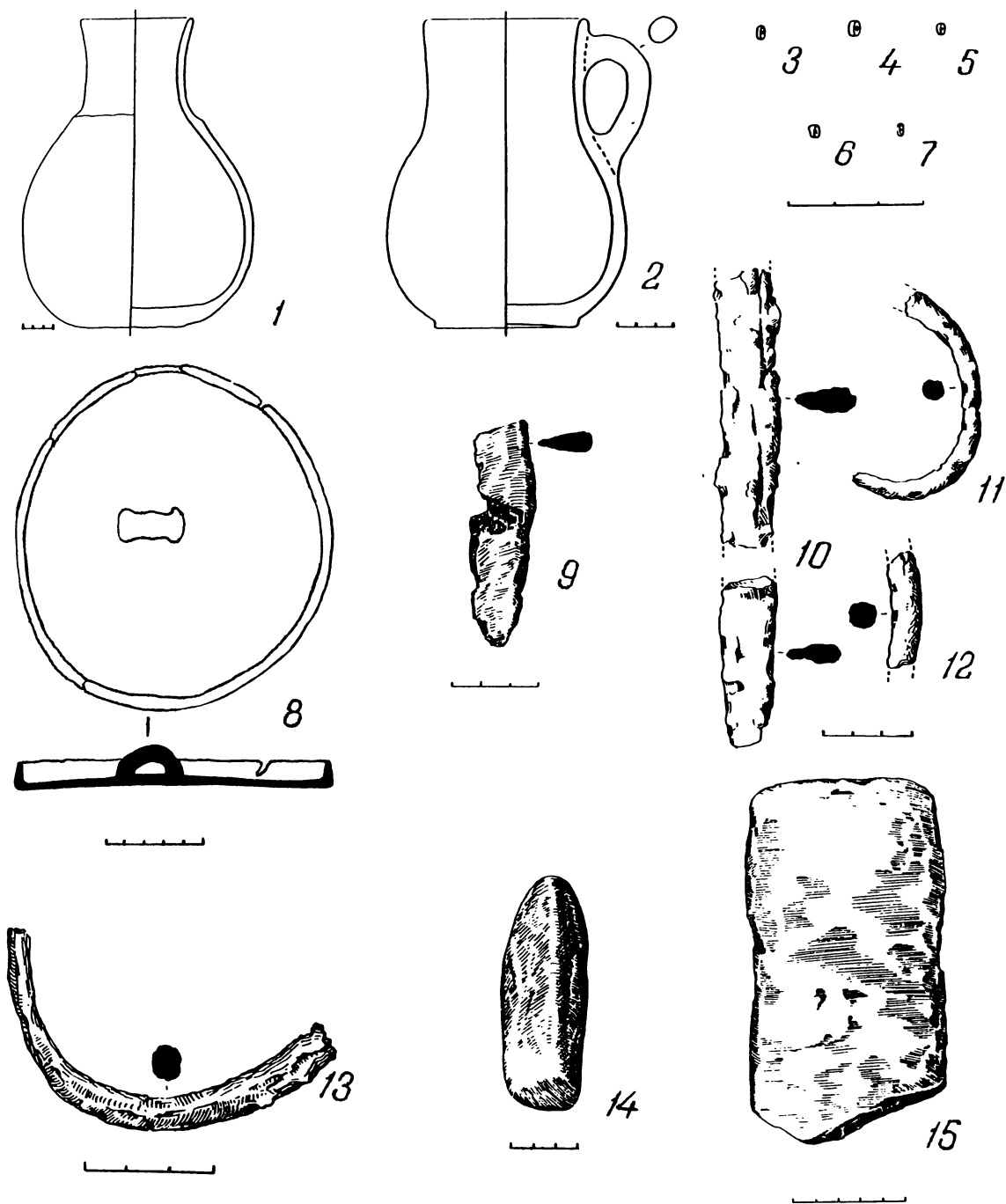

Рис. 18. Курган 36. Инвентарь: 1, 2 - лепные сосуды; 3 - 7 - бисер; 8 - зеркало; 9, 10 - фрагменты ножей; 11 - 13 - предметы из железа; 14 - пестик; 15 - зернотерка
1, 2 - глина; 3 - 7 - бирюза; 8 - бронза; 9 - 13 - железо; 14, 15 - камень.

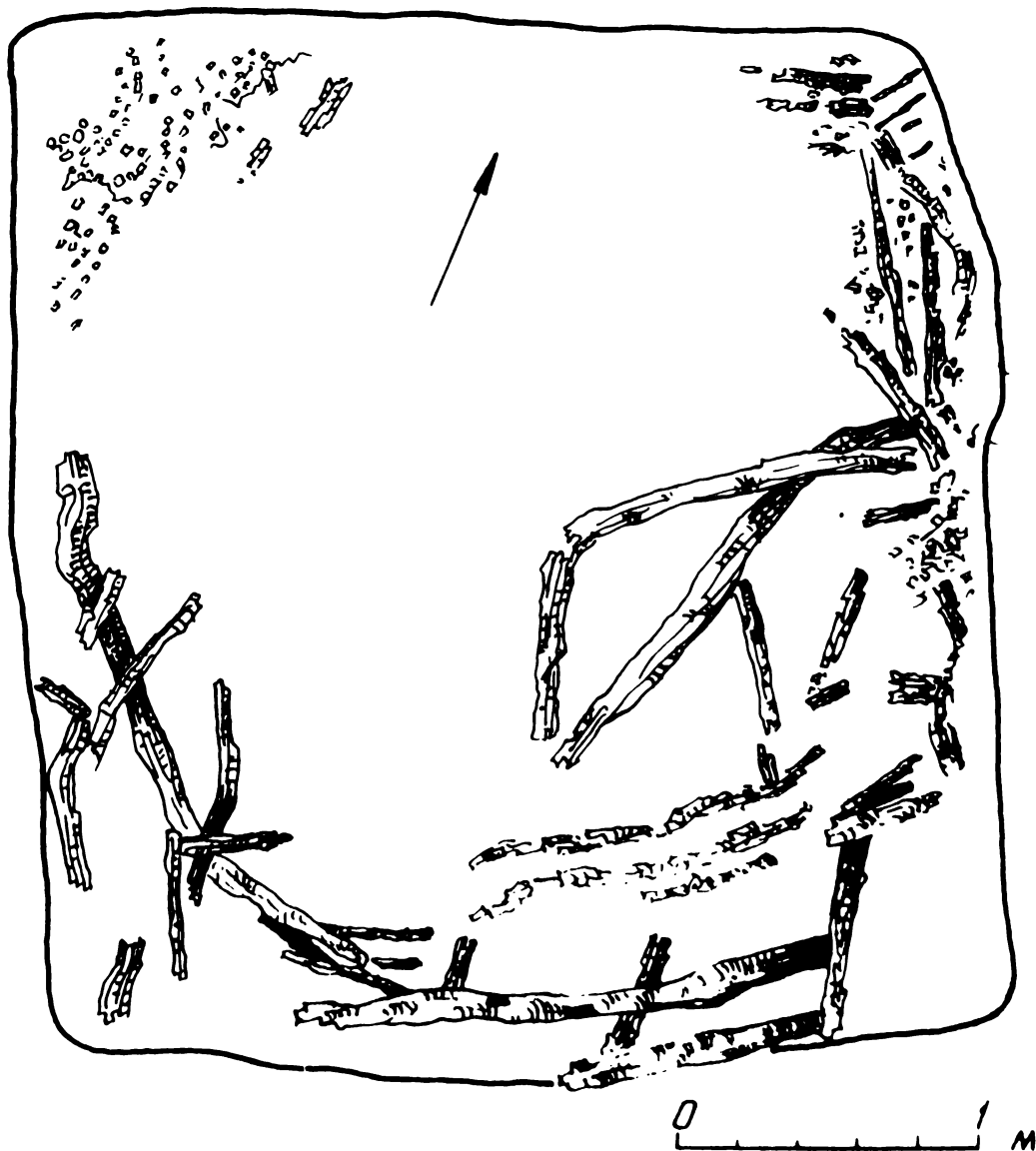

Рис. 19. Курган 37. План деревянного перекрытия погребальной камеры

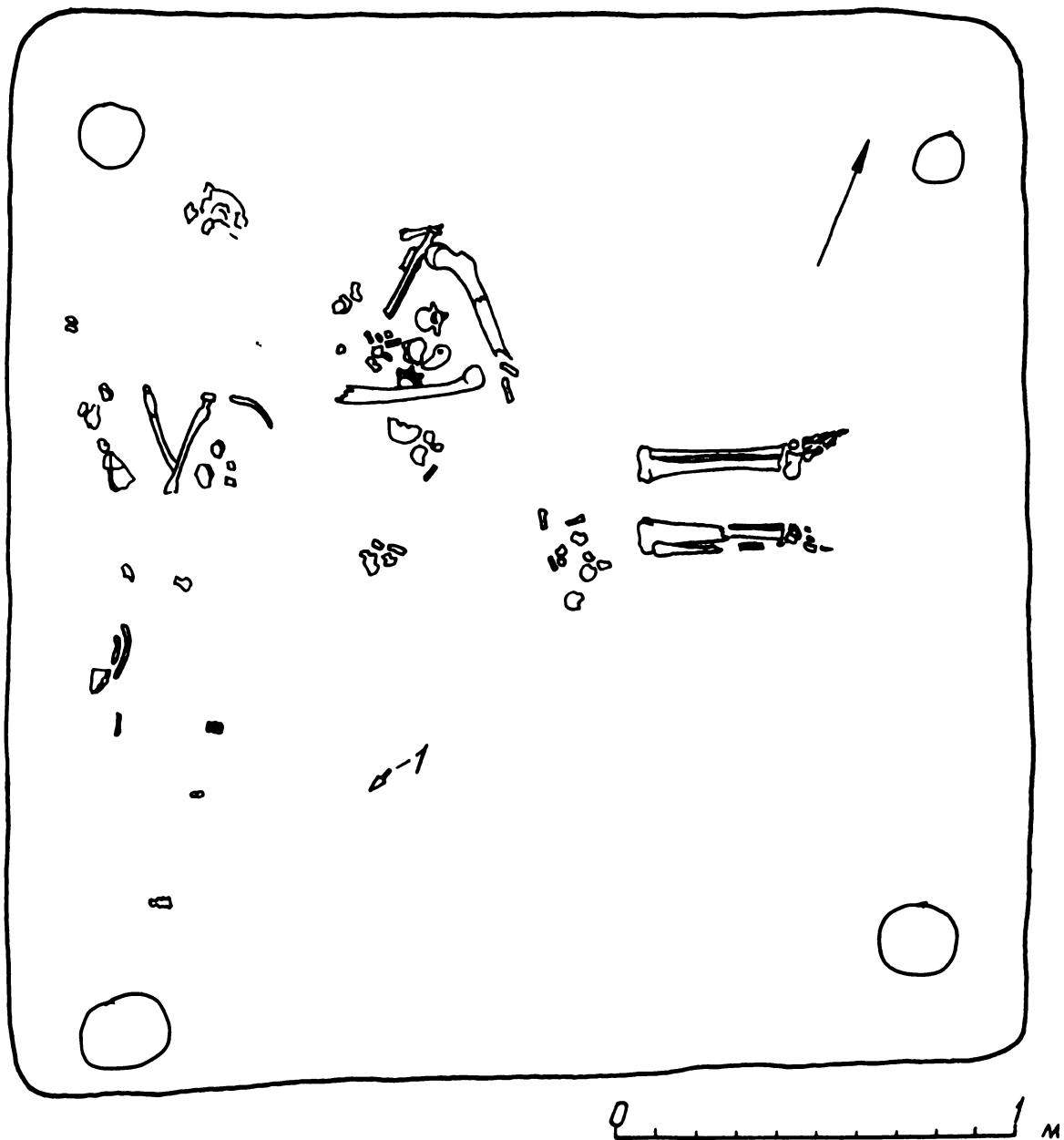

Рис. 20. Курган 37. План погребальной камеры: 1 - наконечники стрел.

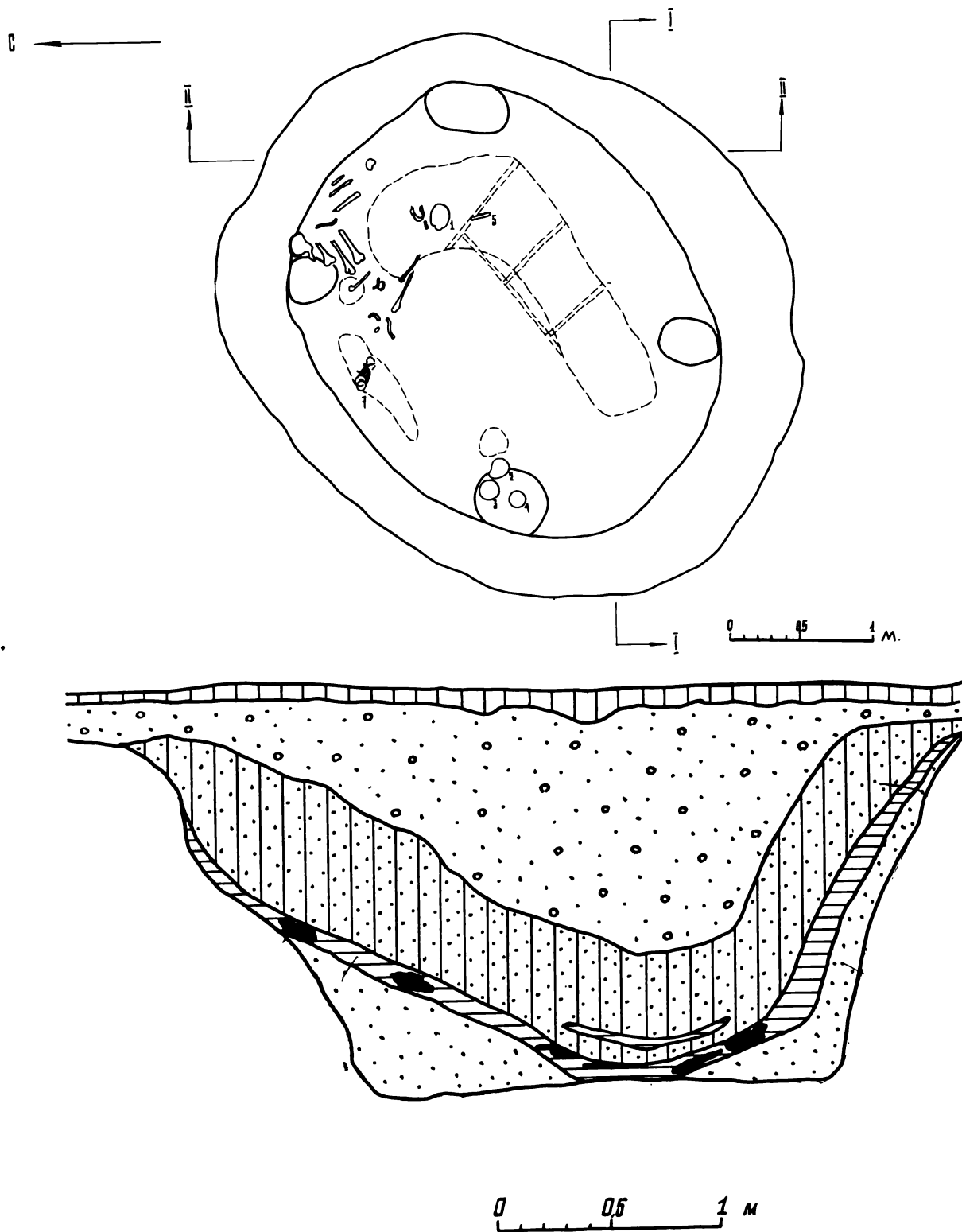

Рис. 21. Курган 40. План и разрез погребальной камеры: 1 - череп человека; 2 - жертвенник; 3 - зеркало; 4 - сосуд; 5 - нож; 6 - обломок браслета; 7 - предметы конской упряжи. Пунктиром обозначены границы камышовой подстилки.

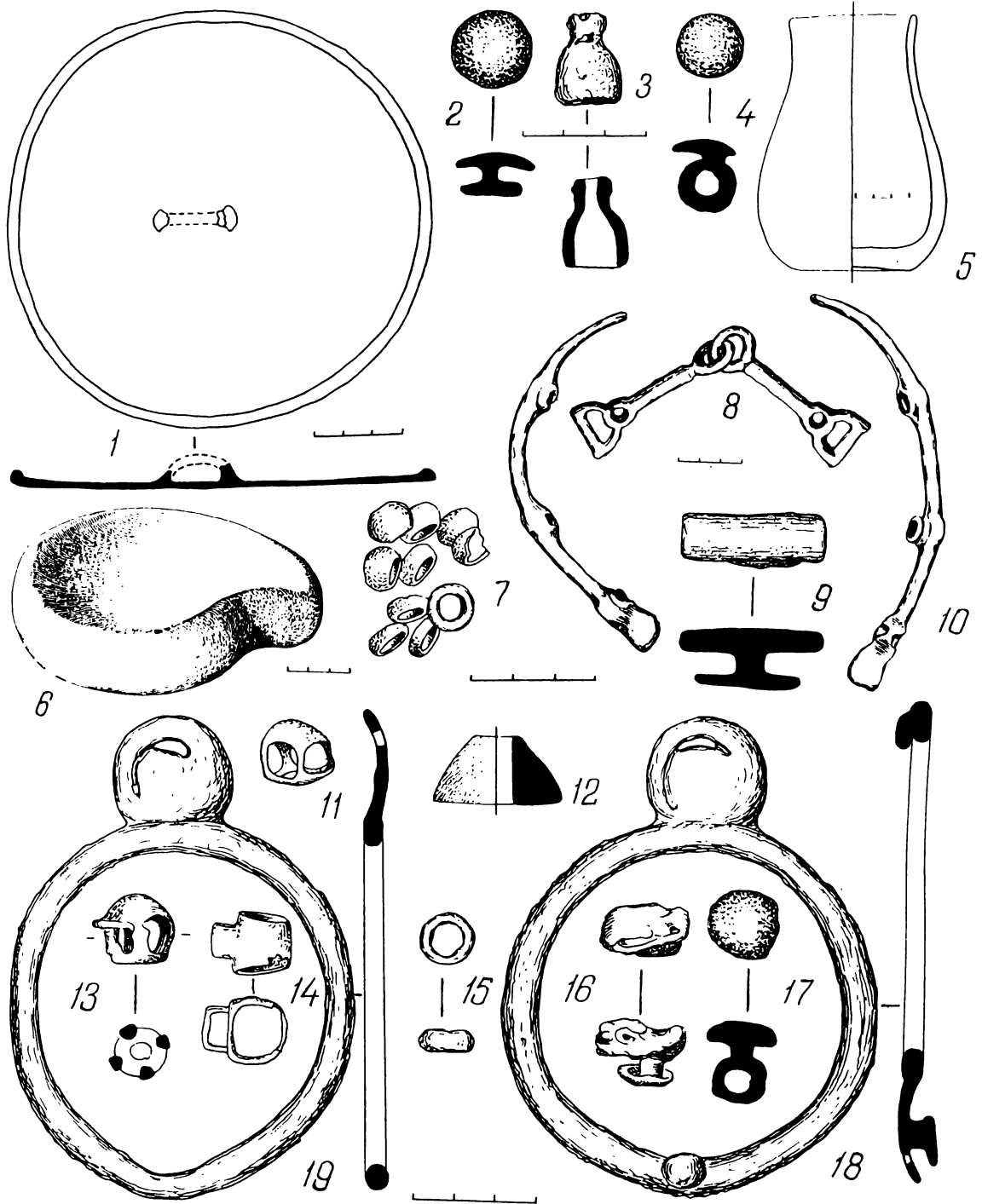

Рис. 22. Курган 40. Инвентарь: 1 - зеркало; 5 - лепной сосуд; 6 - жертвенник; 12 - пряслице; 15 - бусина; остальное - детали уздечки. 5, 12 - глина; 6 - камень; 15 - бирюза; остальное - бронза.

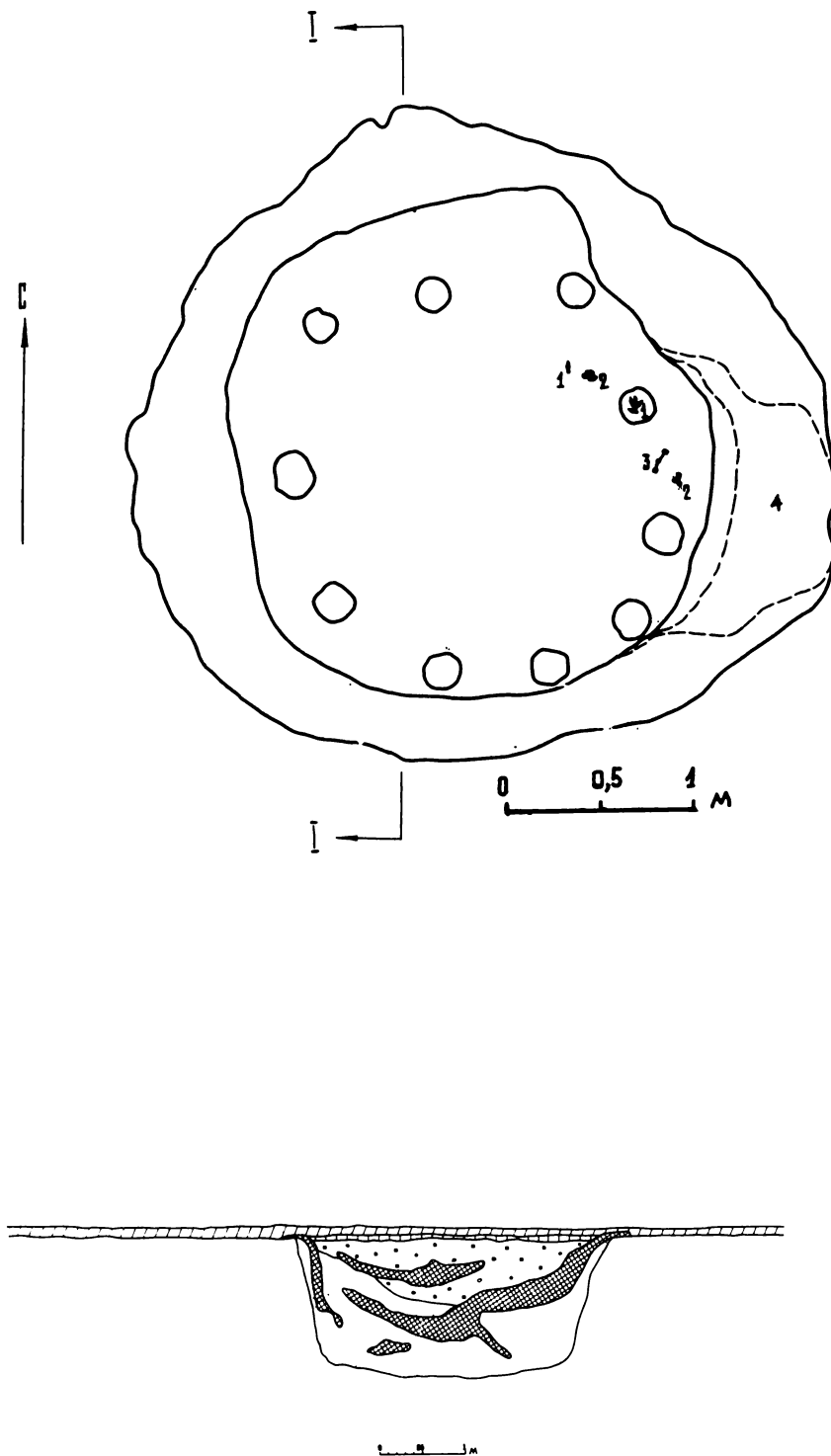

Рис. 23. Курган 42. План и разрез погребальной камеры: 1 - наконечники стрел; 2 - предметы конской упряжи; 3 - удила; 4 - грабительский лаз.

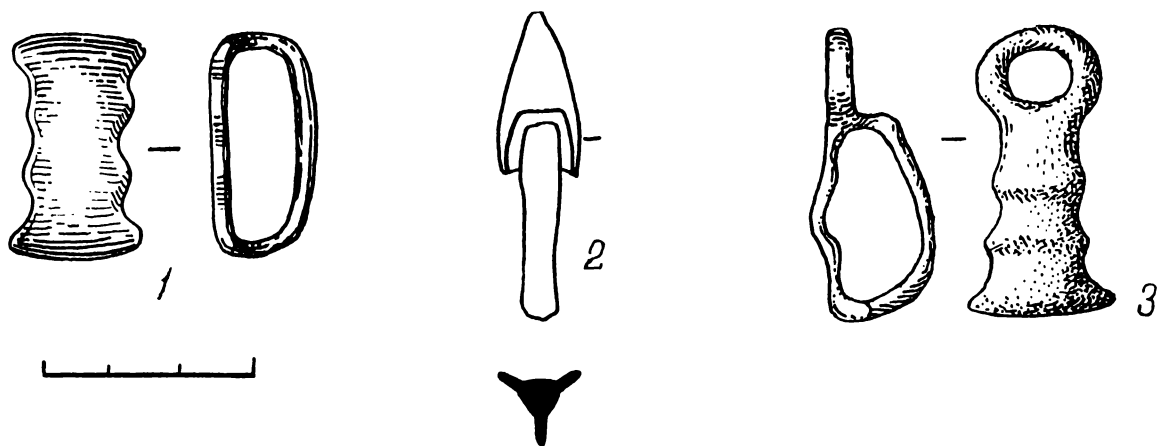

Рис. 24. Курган 37. Инвентарь: 1, 3 - детали конской упряжи; 2 - наконечник стрелы.
Все - бронза.

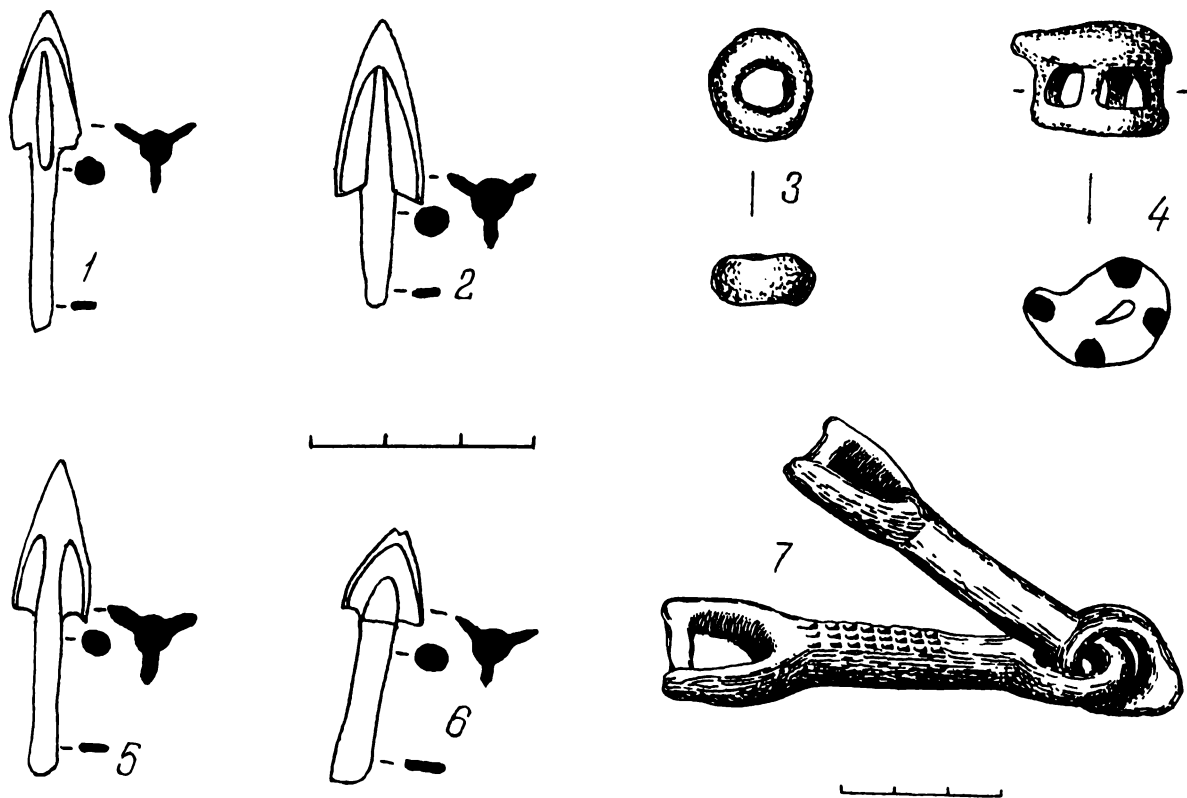

Рис. 25. Курган 42. Инвентарь: 1, 2, 5, 6 - наконечники стрел;
3, 4, 7 - детали конской упряжи. Все - бронза.

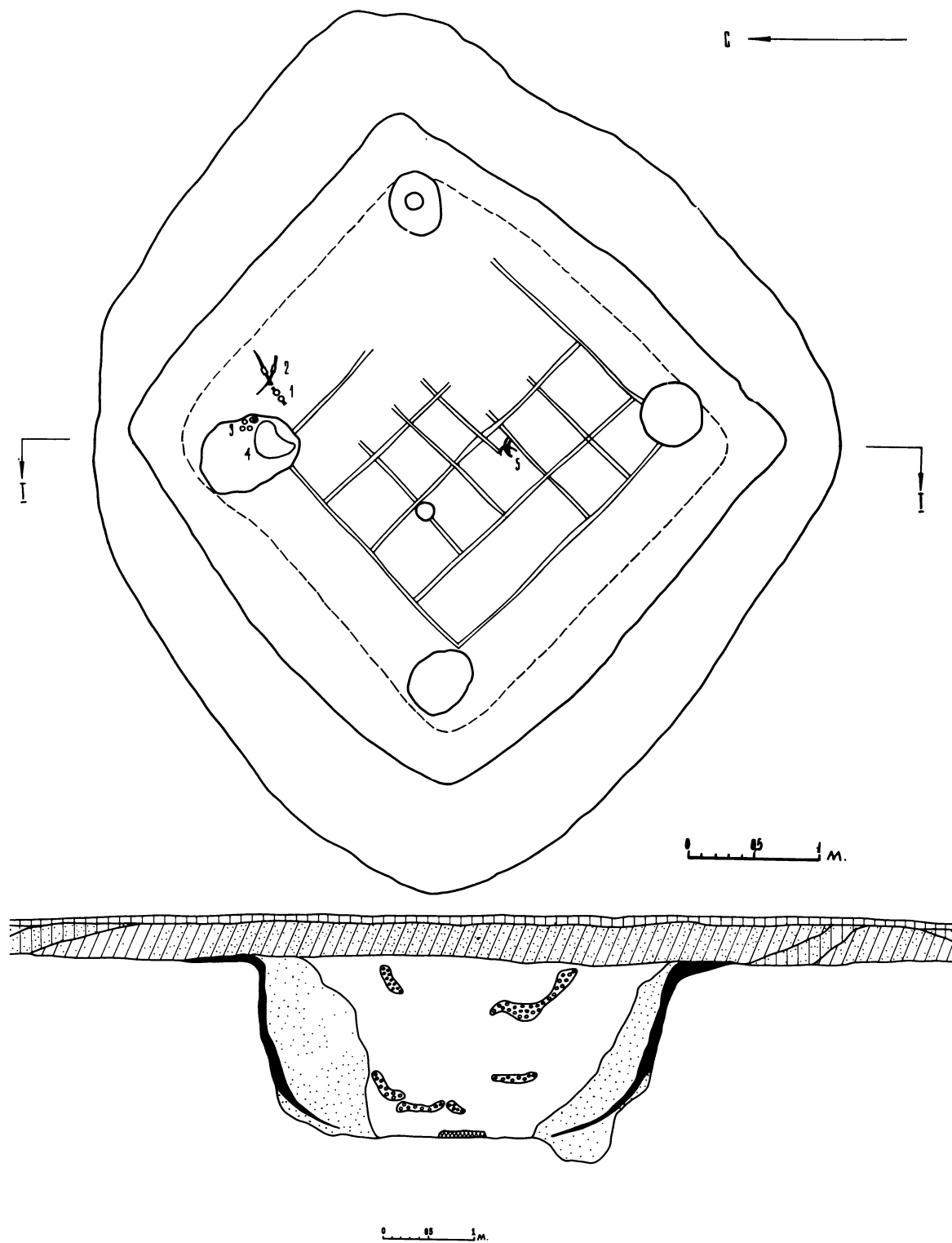

Рис. 26. Курган 44. План и разрез погребальной камеры: 1, 3 - предметы конской упряжи; 2 - псалии; 4 - жертвенник; 5 - кости человека.

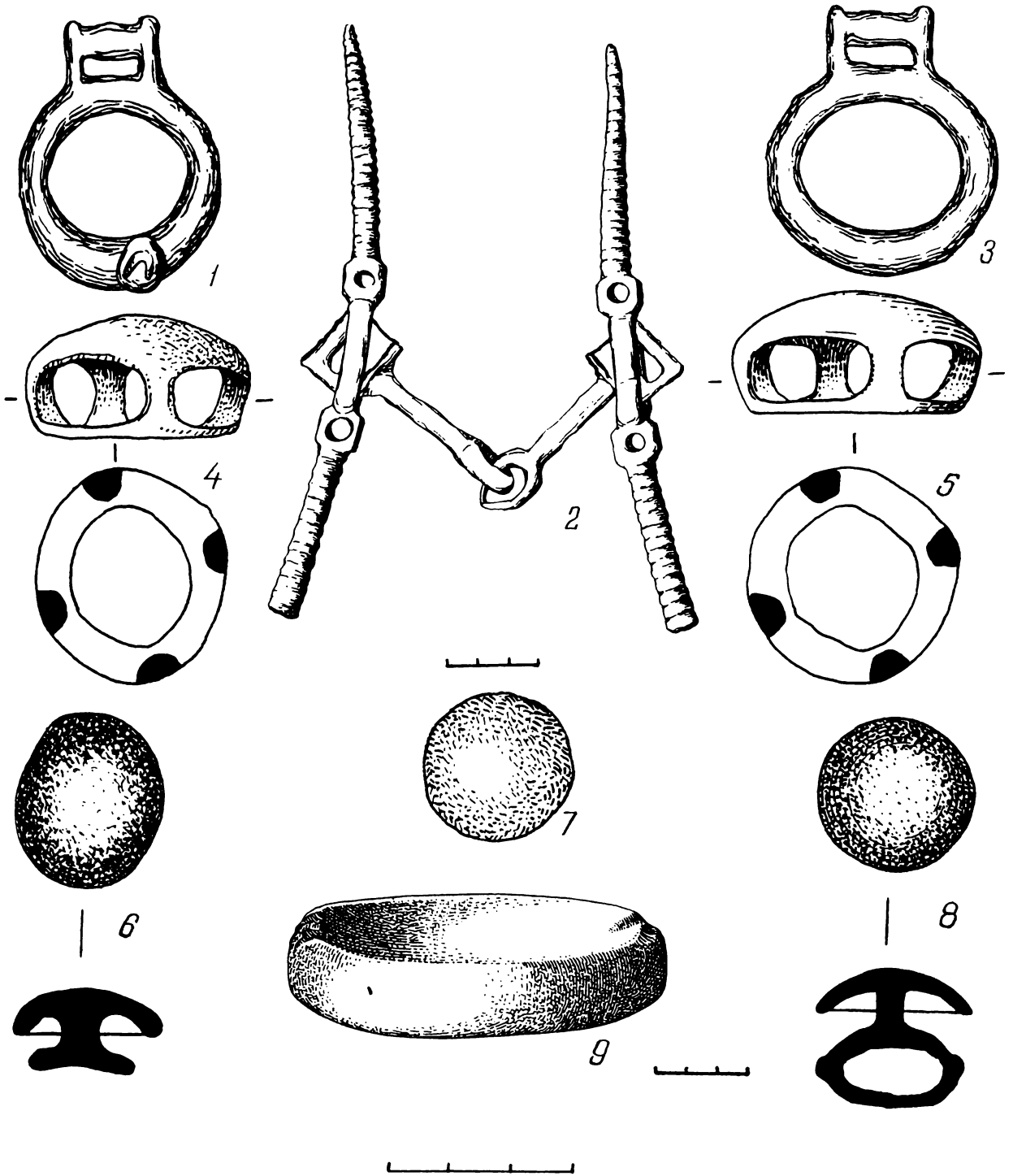

Рис. 27. Курган 44. Инвентарь: 1, 3 - подпружные пряжки; 9 - жертвенник; остальное - детали уздечки. 9 - камень; остальное - бронза.

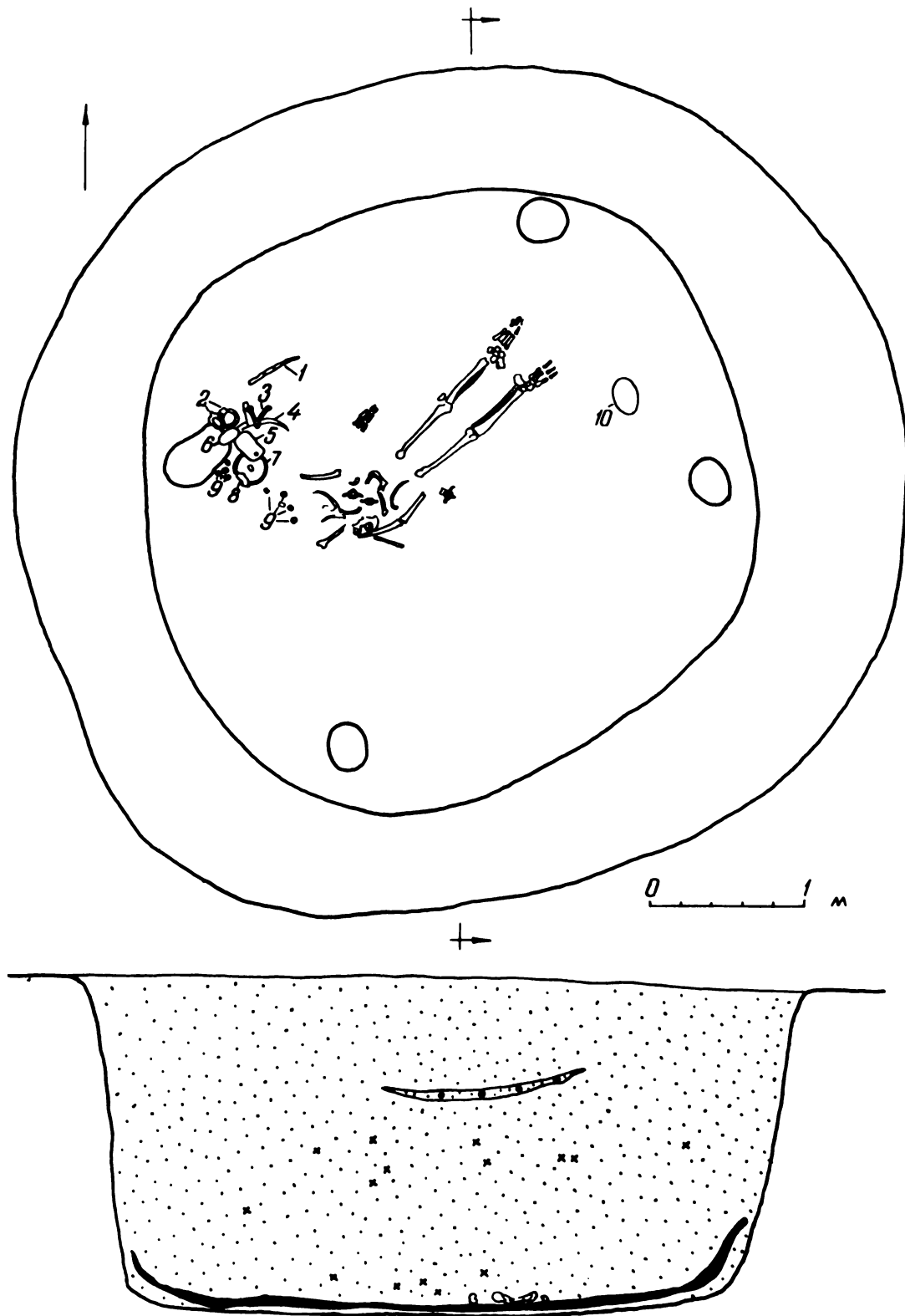

Рис. 28. Курган 45. План и разрез погребальной камеры: 1 - нож; 2 - пряжки; 3 - удила; 4 - клык; 5 - оселок; 6 - жертвенник; 7 - зеркало; 8 - обойма; 9 - колечки; 10 - зернотерка.

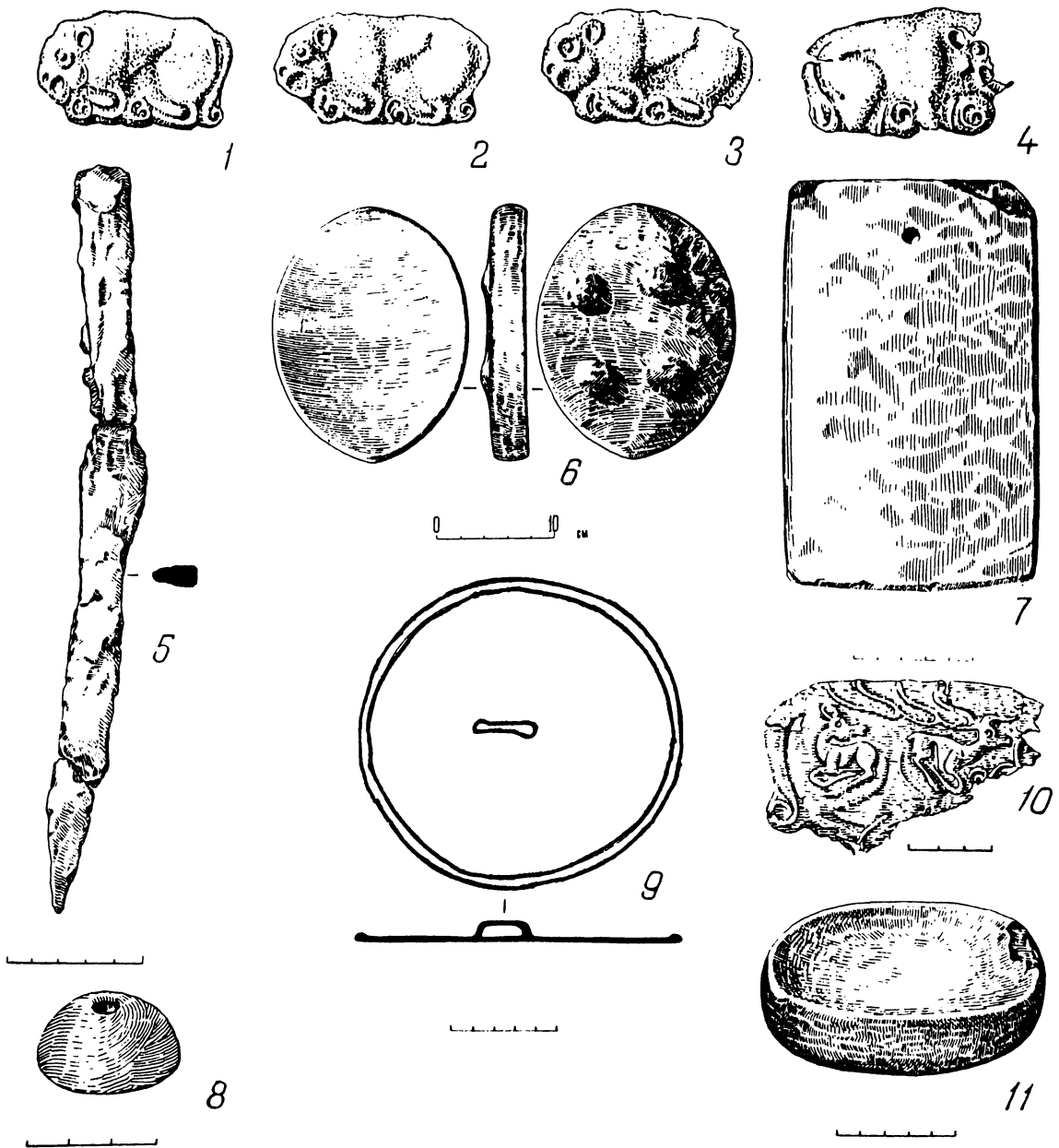

Рис. 29. Курган 45. Инвентарь: 1 - 4, 10 - накладки; 5 - нож; 6, 11 - жертвенники; 7 - оселок; 8 - пряслице; 9 - зеркало. 1 - 4, 10 - золото; 5 - железо; 6, 7, 11 - камень; 8 - глина; 9 - бронза.

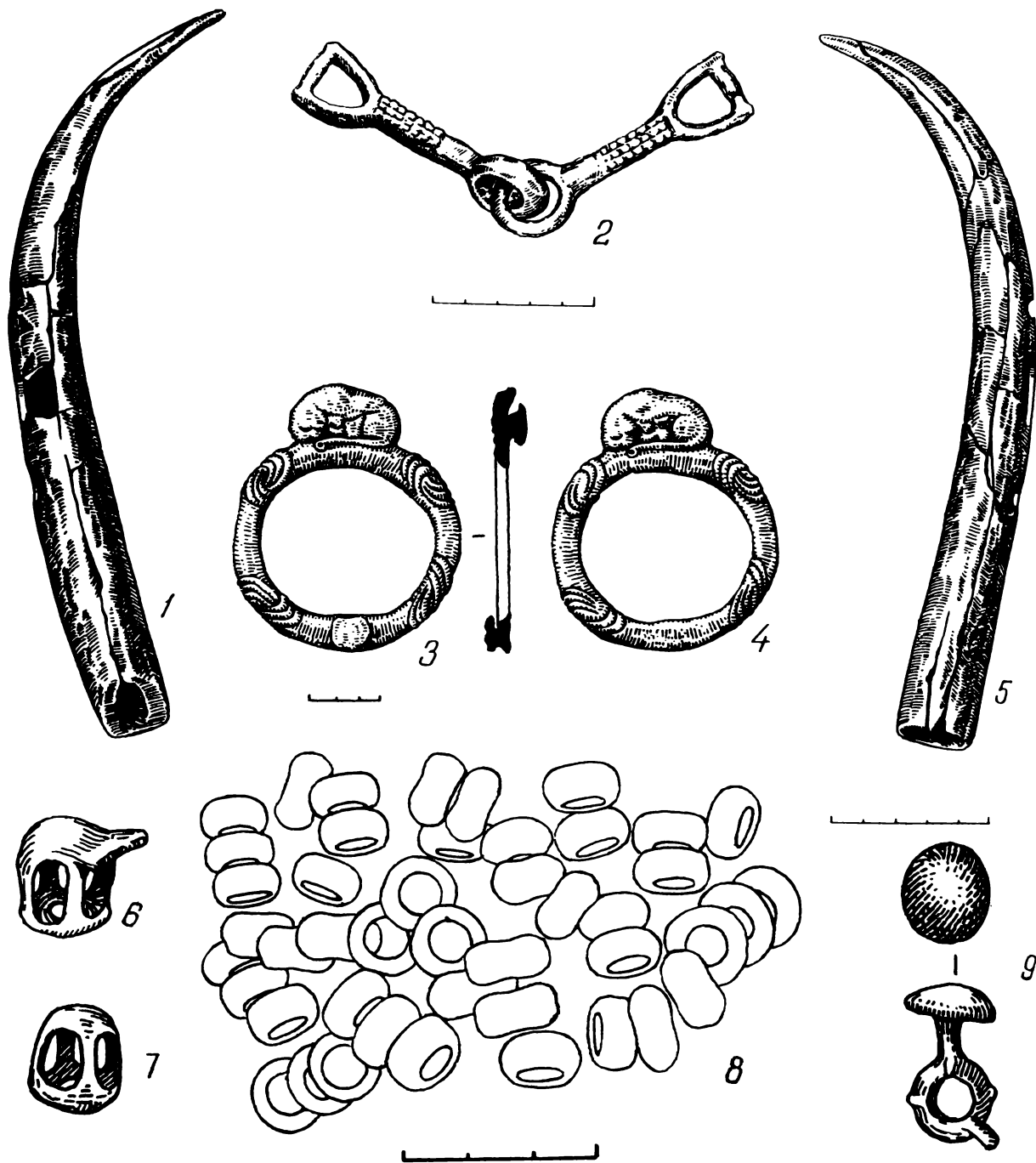

Рис. 30. Курган 45. Инвентарь: 1, 2, 5 - удила и псалии; 3, 4 - подпружные пряжки; 6 - 9 детали уздечки. 1, 5 - рог; остальное - бронза.

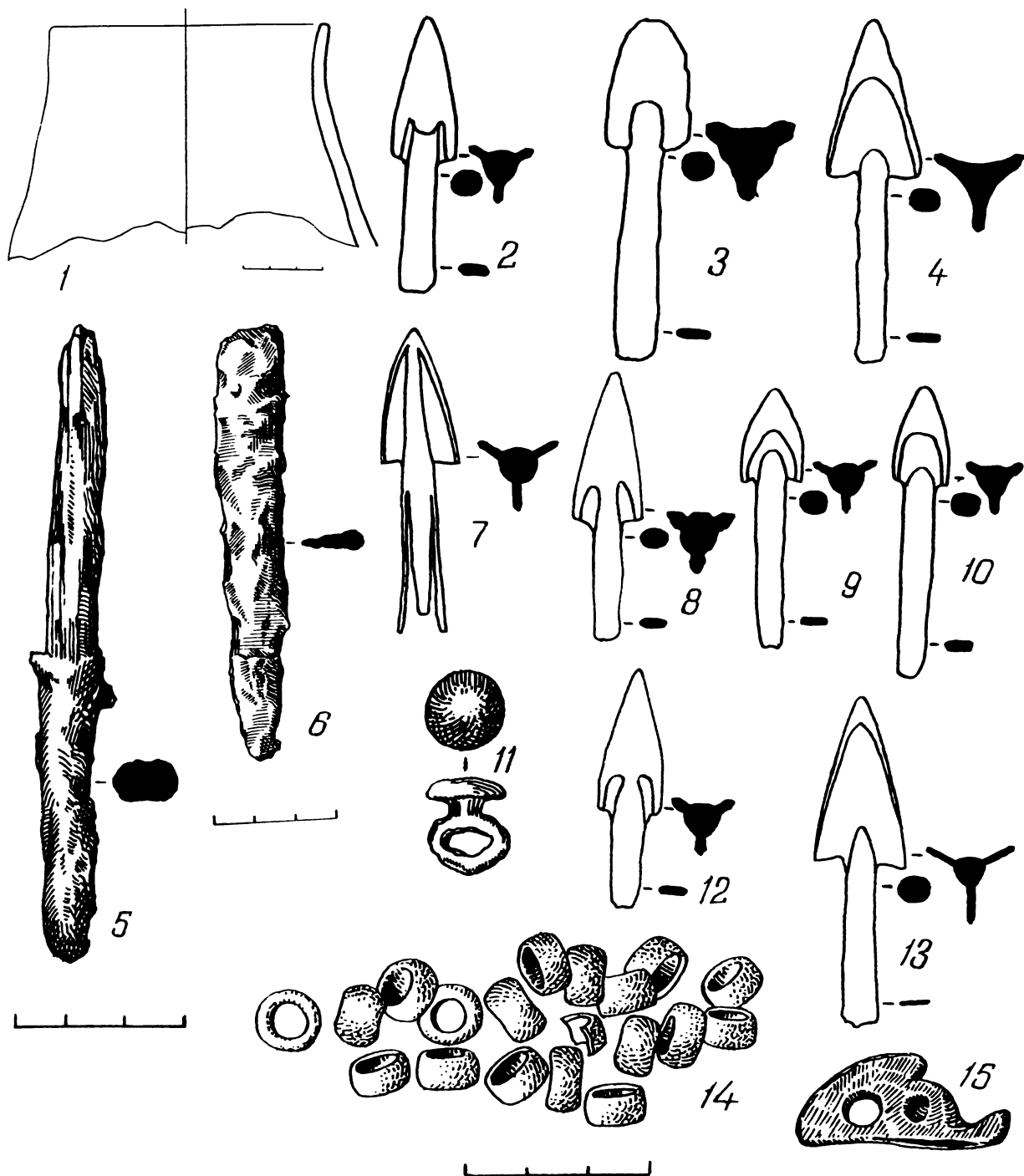

Рис. 31. Курган 46. Инвентарь: 1 - фрагмент лепного сосуда;
 2 - 4, 7 - 10, 12, 13 - наконечники стрел; 5, 6 - фрагменты ножей; 15 - подвеска;
 11, 14 - детали уздечки. 1 - глина; 5, 6 - железо; остальное - бронза.

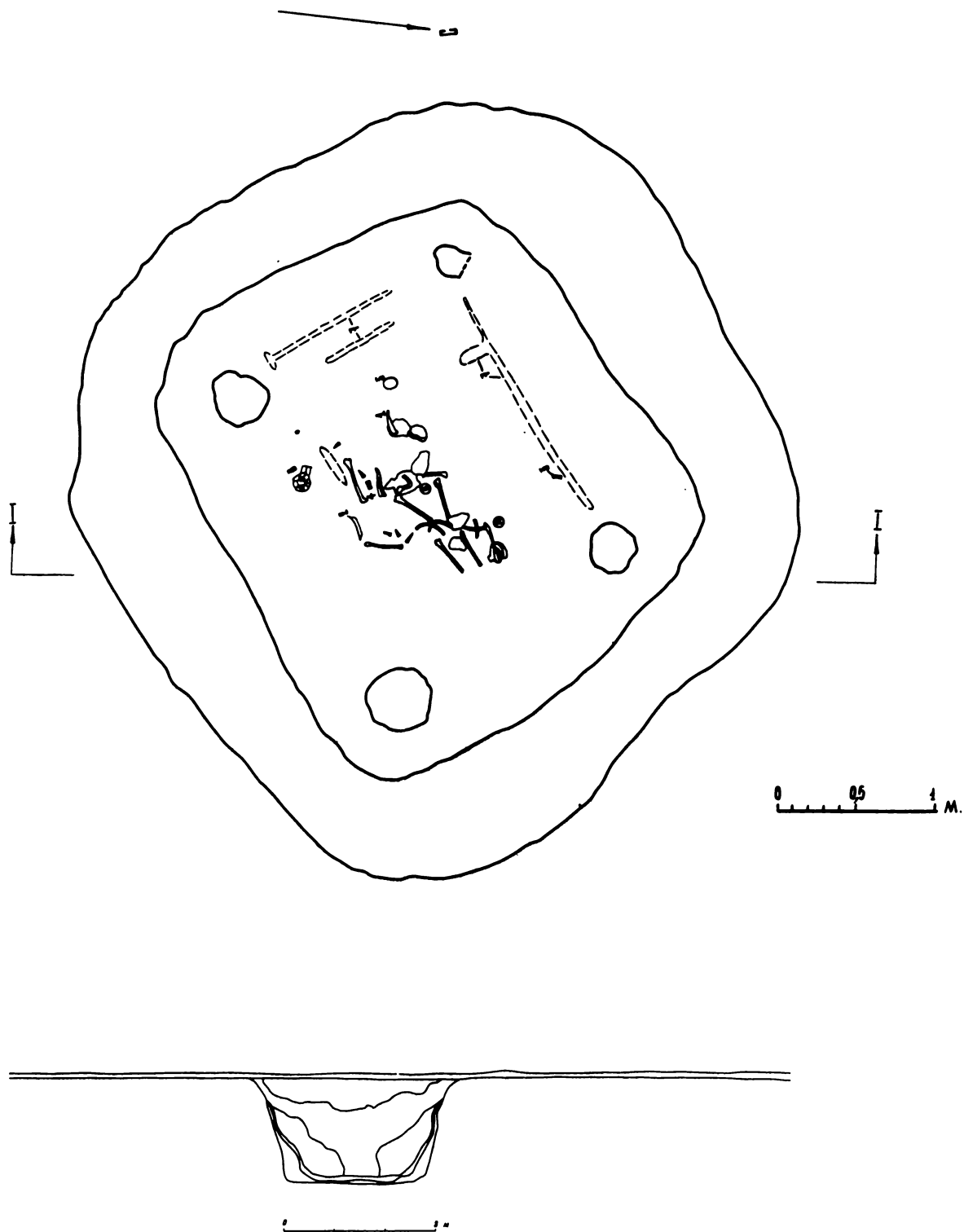

Рис. 32. Курган 47. План и разрез погребальной камеры: 1 - рог; 2, 3 - предметы из кости; 4 - предмет из камня; 5 - ложило; 6 - керамика; п - пряслице; б - бусина.

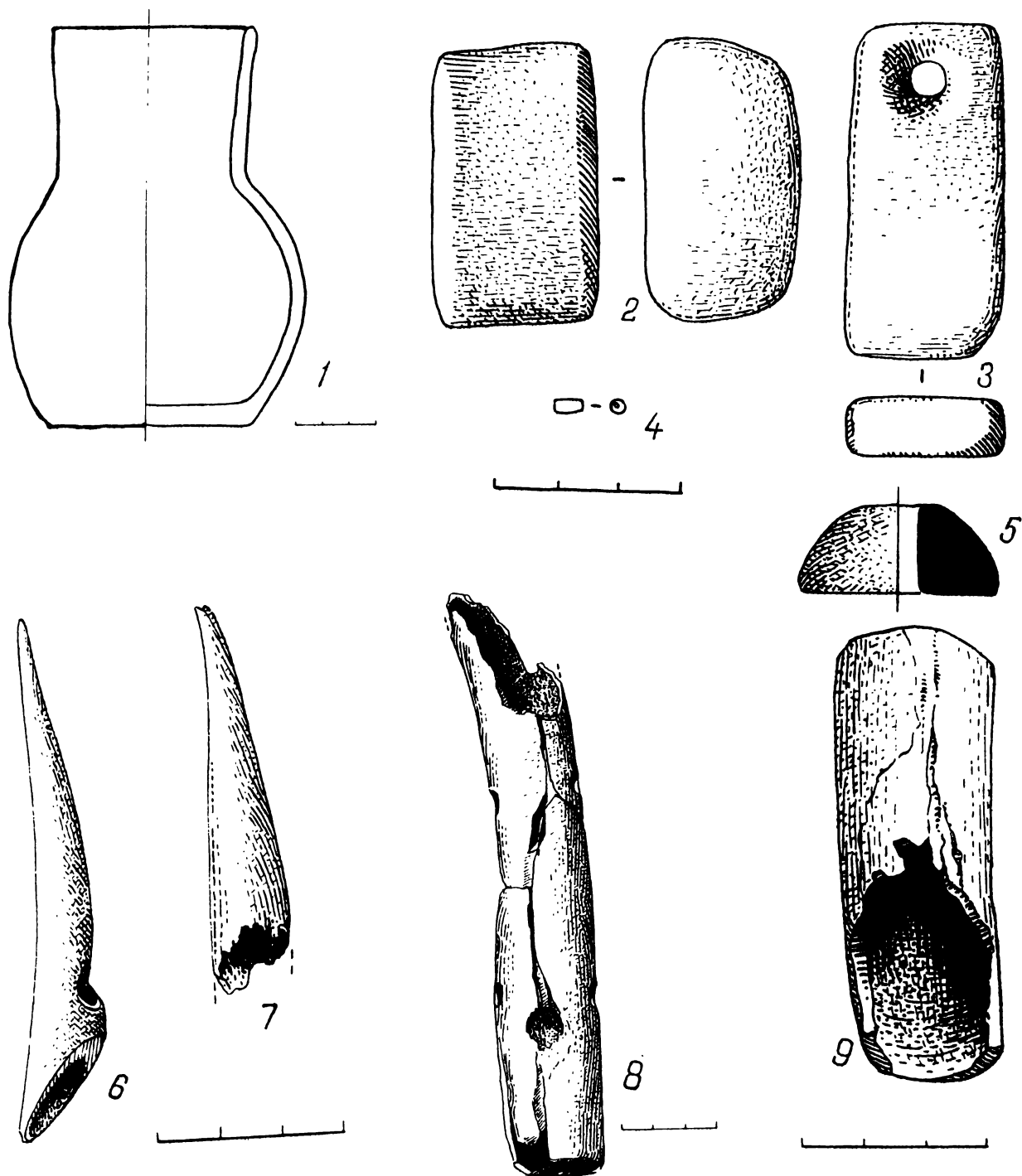

Рис. 33. Курган 47. Инвентарь: 1 - лепной сосуд; 2 - пестик; 3 - оселок; 4 - бусина; 5 - пряслице; 6 - 9 - предметы из кости. 1, 5 - глина; 2, 3 - камень; 4 - бирюза; 6 - 9 - кость.

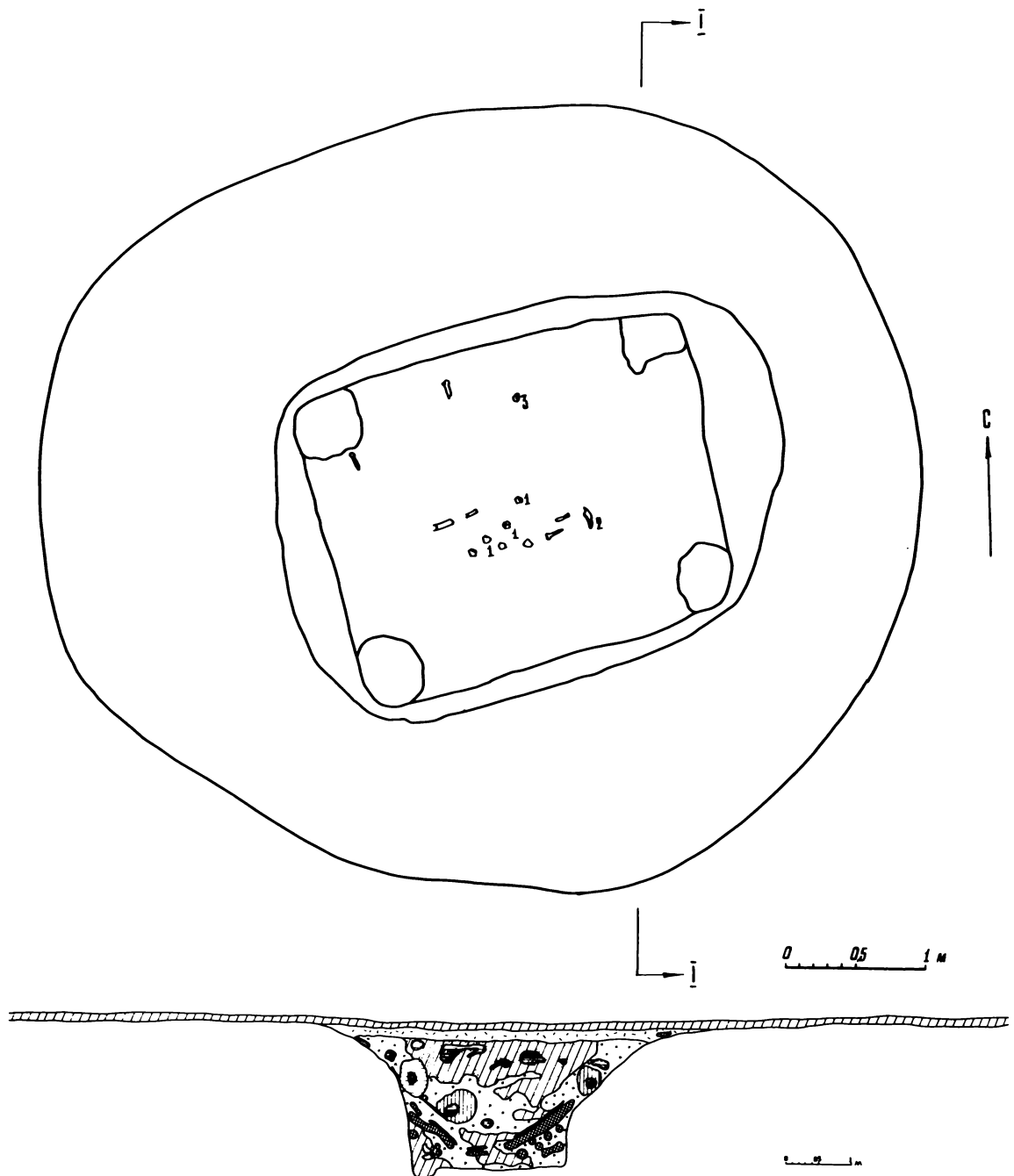

Рис. 34. Курган 48. План и разрез погребальной камеры: 1 - керамика; 2 - фрагмент черепа человека; 3 - предмет из железа.

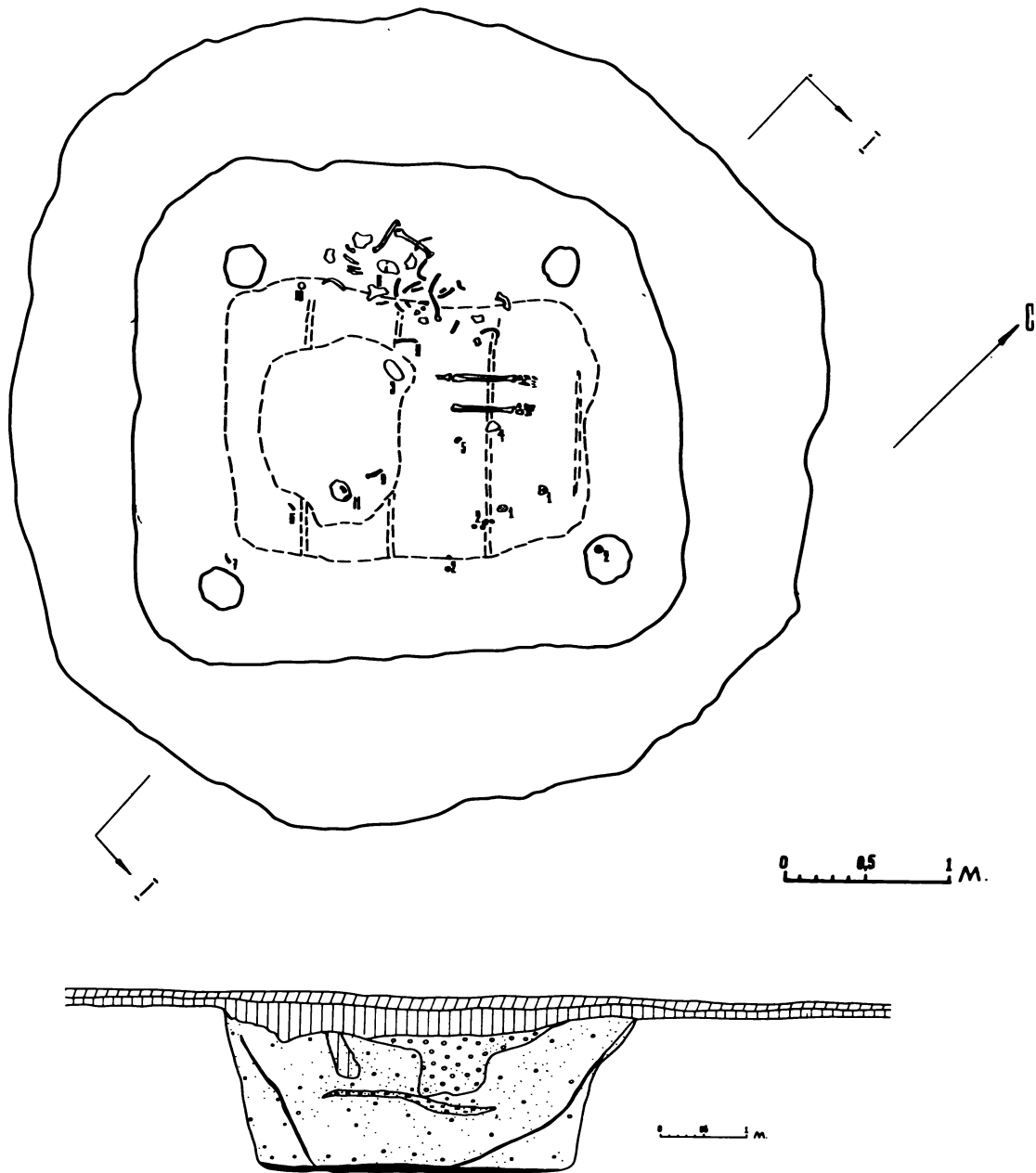

Рис. 35. Курган 49. План и разрез погребальной камеры: 1 - пряжка; 2 - предметы конской упряжи; 3 - жертвенник; 4, 10 - камни; 5 - пряслице; 6, 7 - клыки; 8 - кость с реальгаром; 9 - предмет из железа; 11 - сосуд.

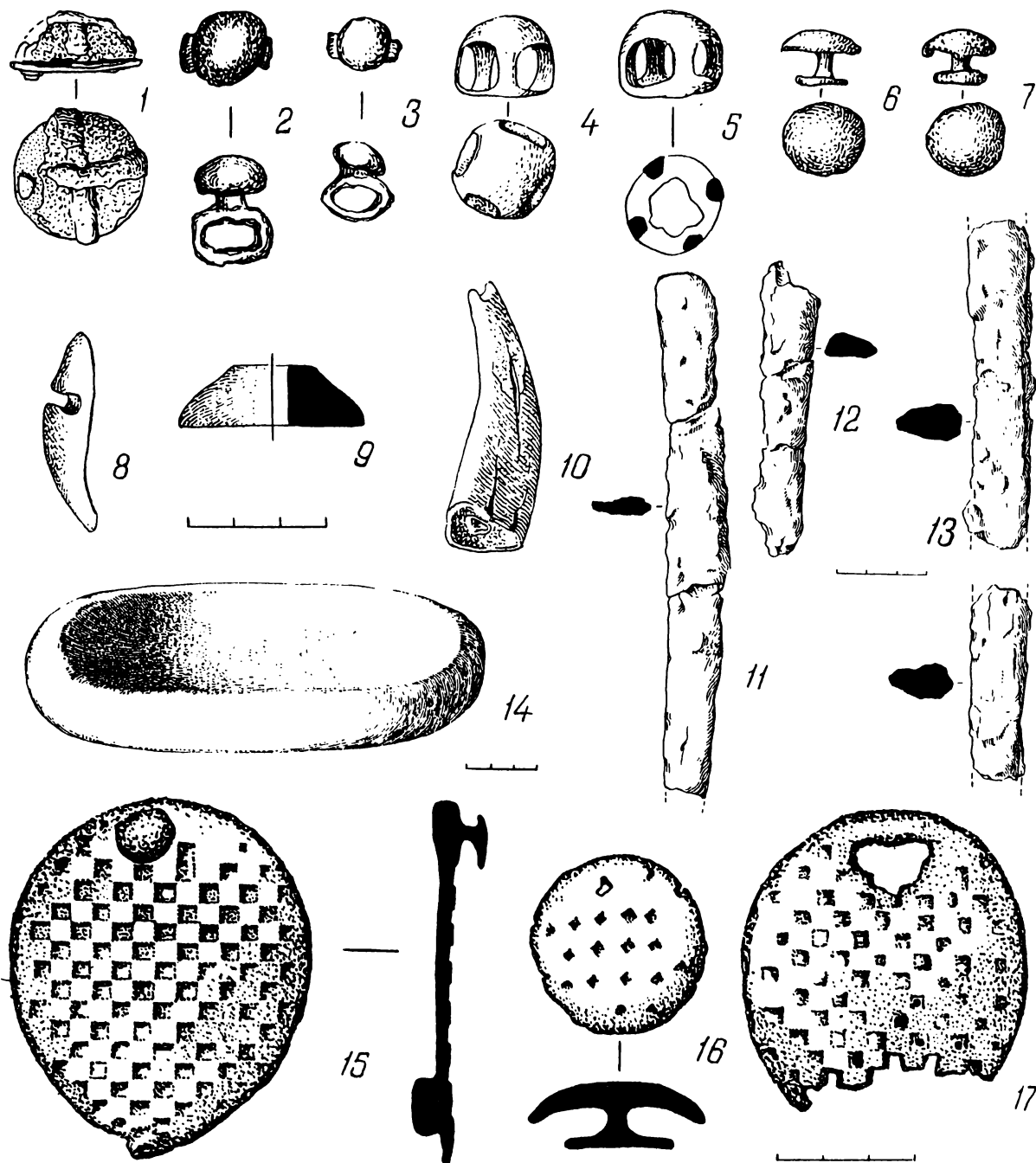

Рис. 36. Курган 49. Инвентарь: 1 - 7, 15 - 17 - предметы конской упряжи; 8, 10 - клыки-подвески; 9 - пряслице; 11 - 13 - обломки ножей; 14 - жертвенник. 1 - 7, 15 - 17 - бронза; 8, 10 - кость; 9 - глина; 11 - 13 - железо; 14 - камень.

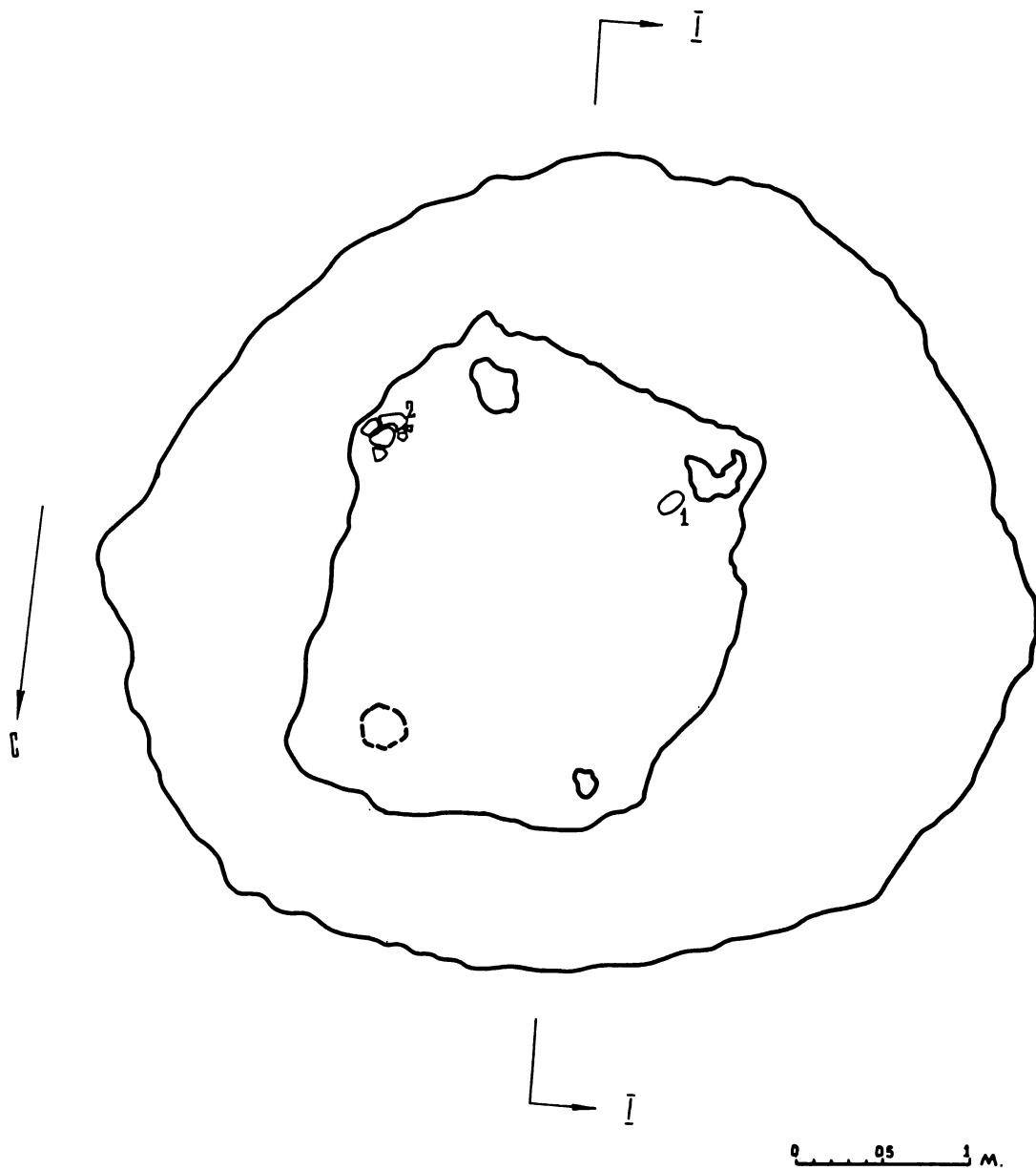

Рис. 37. Курган 50. План погребальной камеры: 1 - жертвенник; 2 - керамика.

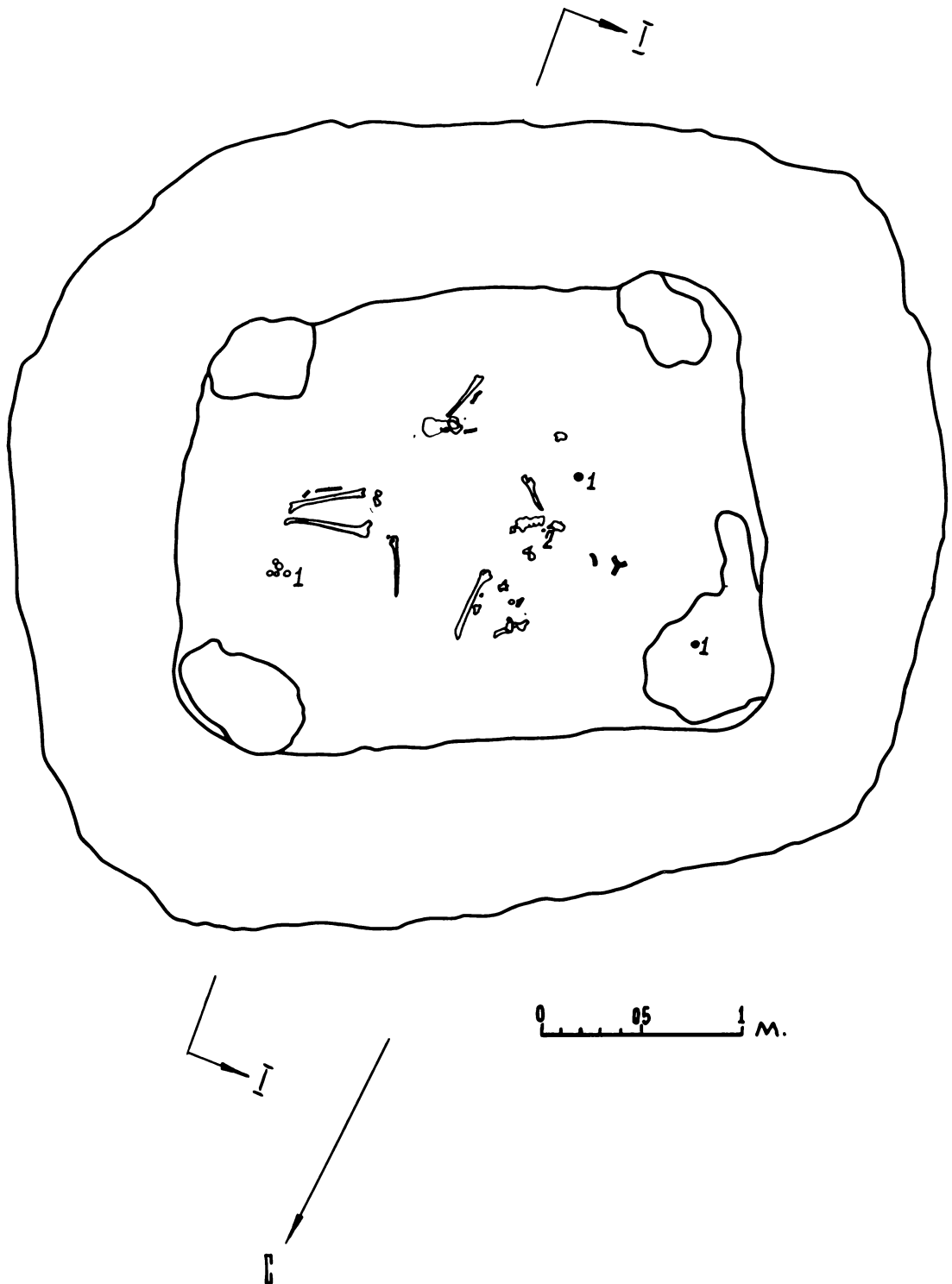

Рис. 38. Курган 51. План погребальной камеры: 1 - предметы конской упряжи; 2 - серьга.

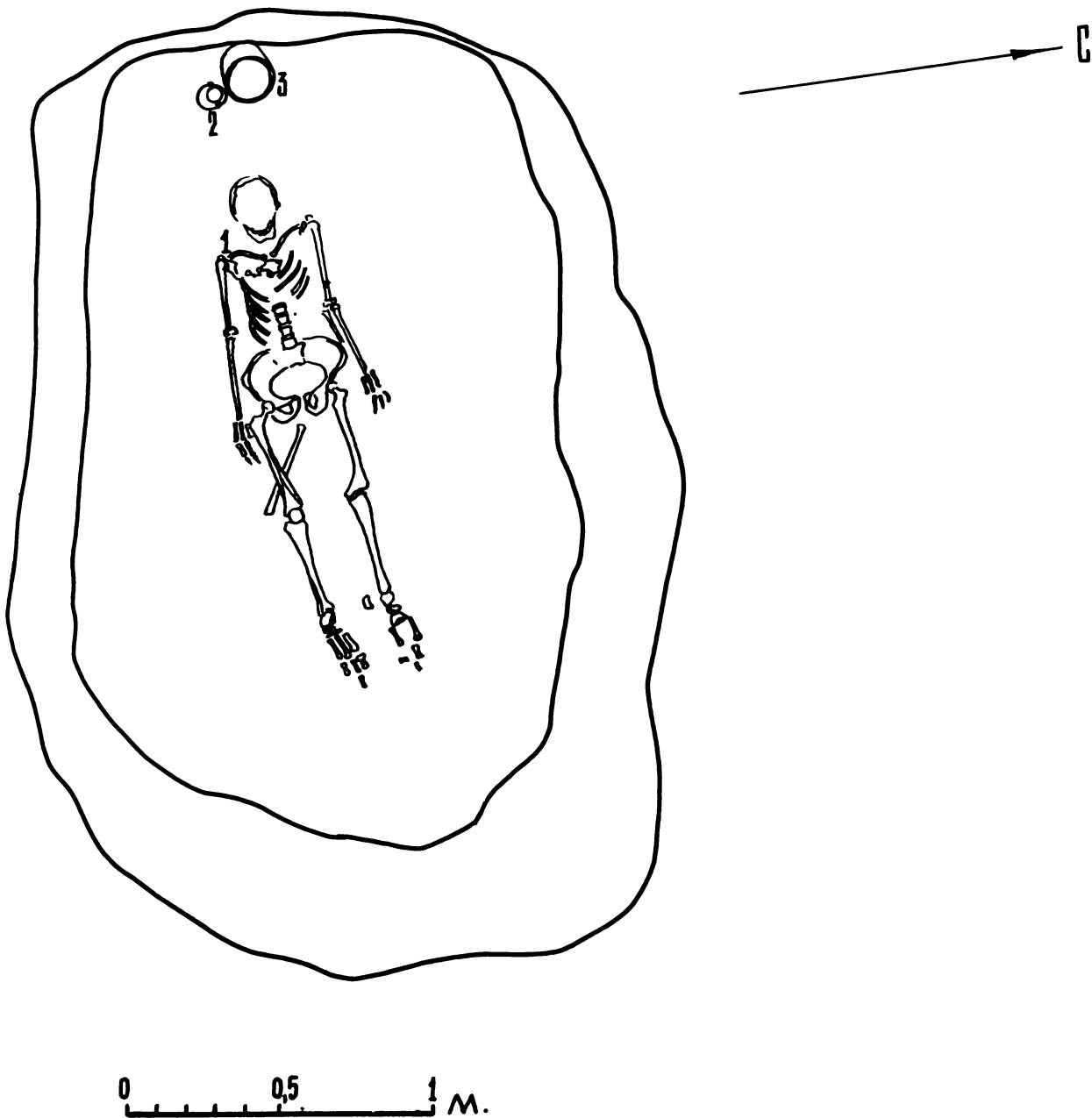

Рис. 39. Курган 52. План и разрез погребальной камеры: 1 - бусы; 2, 3 - сосуды.

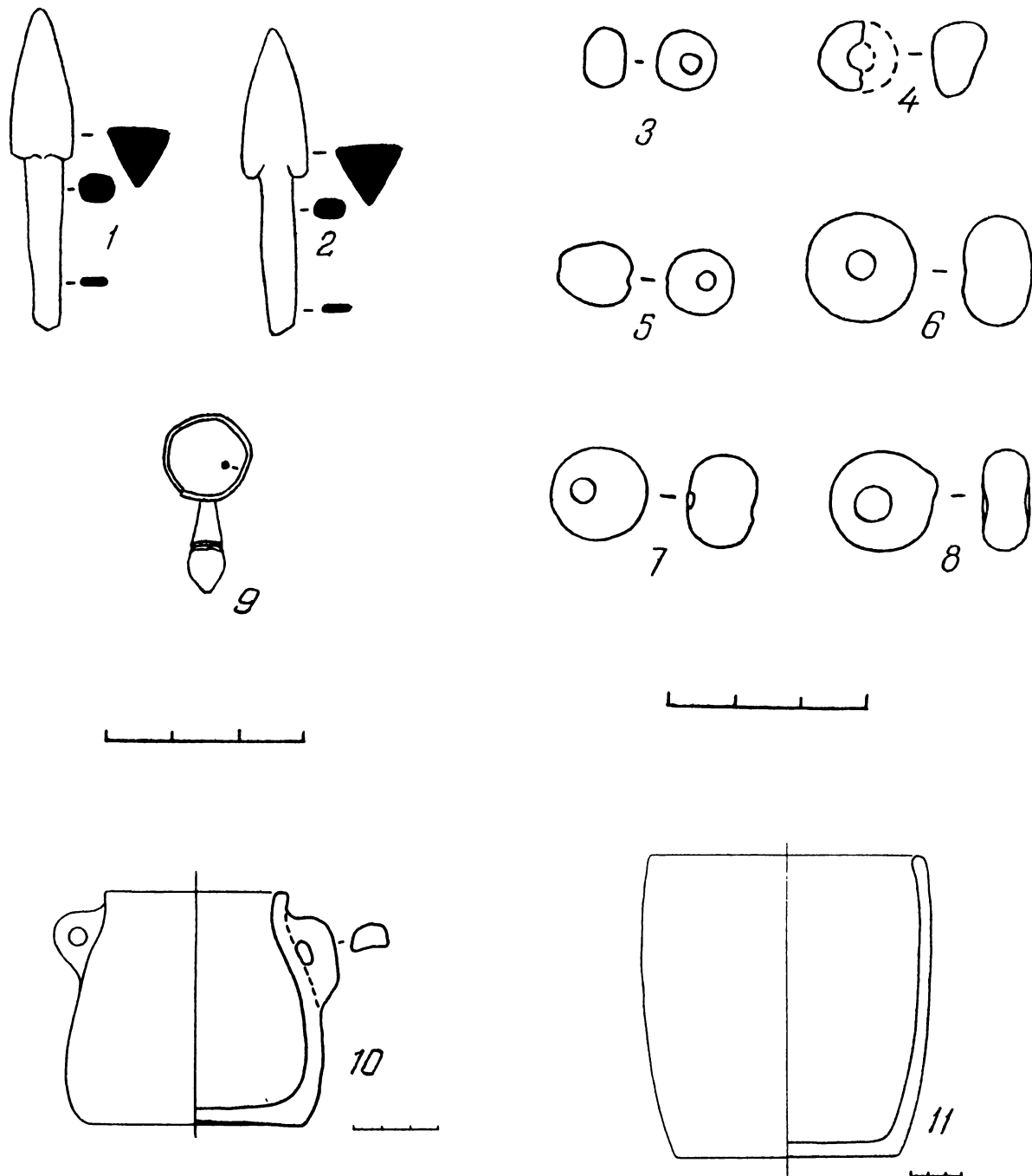

Рис. 40. Курганы 51 и 52. Инвентарь: 1, 2 - наконечники стрел; 3 - 8 - бусы; 9 - серьга; 10, 11 - лепные сосуды. 9 - из кургана 51; остальное - из кургана 52. 1, 2 - бронза; 3 - 8 - стеклянная паста; 9 - золото, бирюза; 10, 11 - глина.

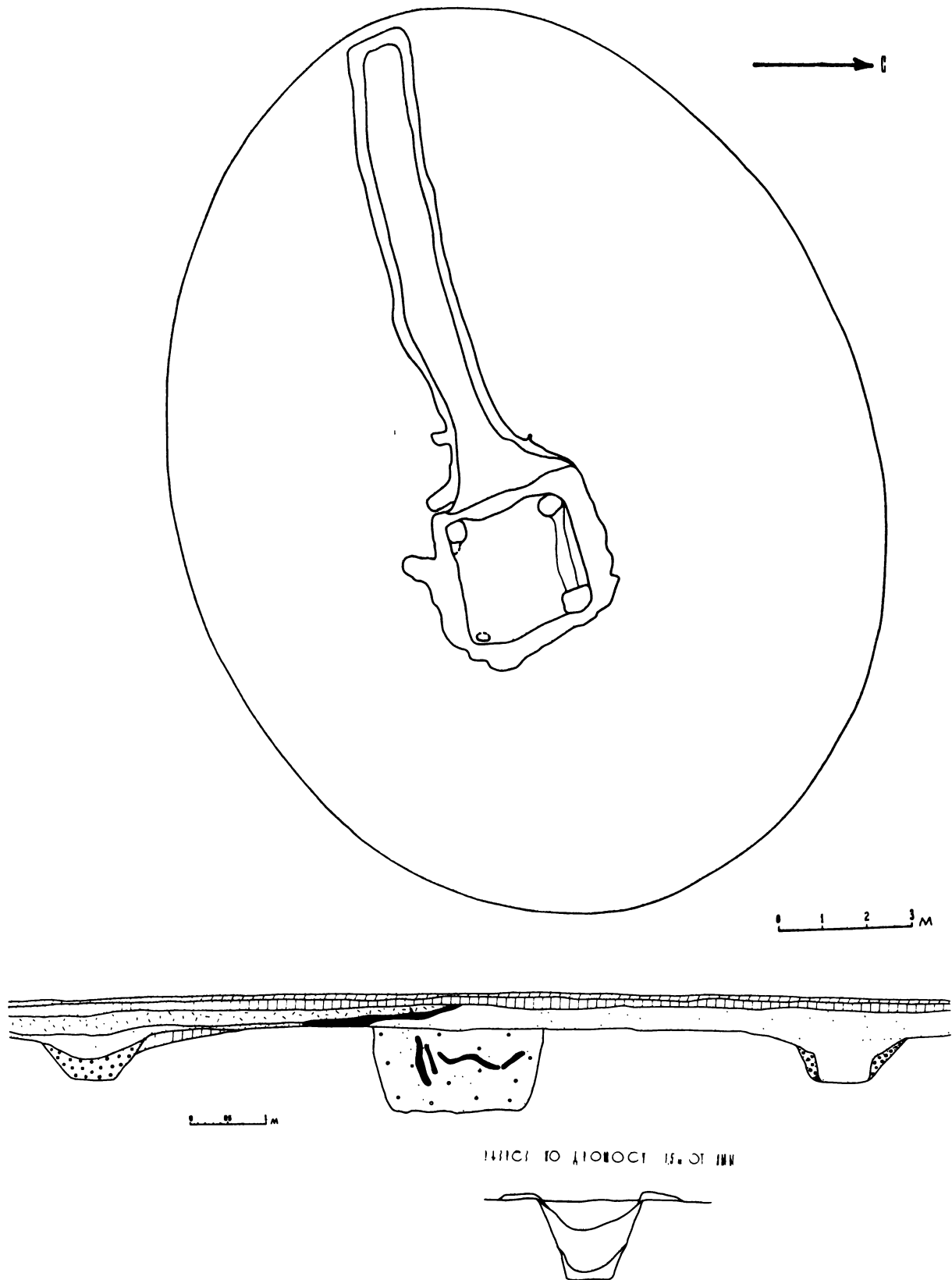

Рис. 41. Курган 53. Общий план.

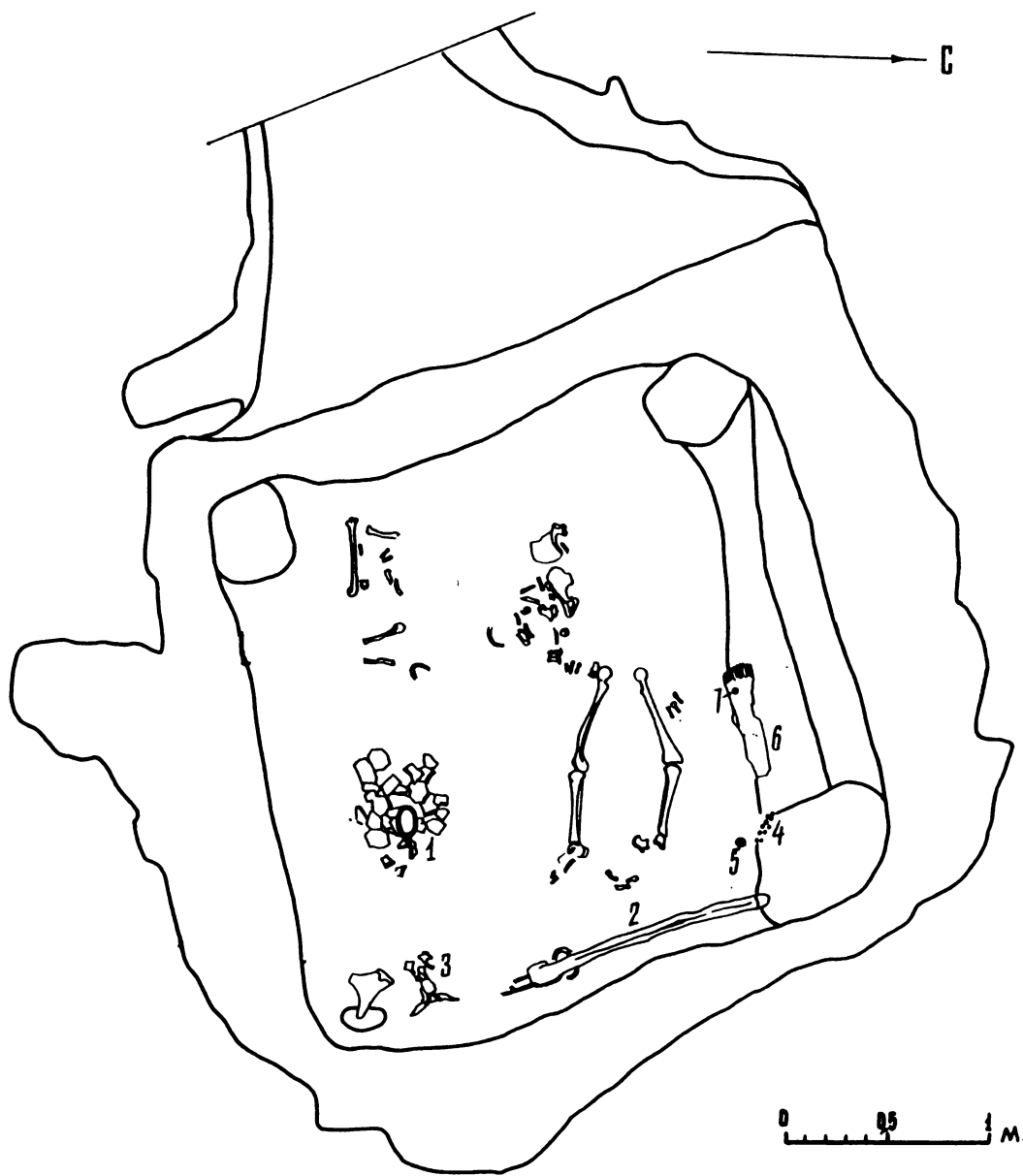

Рис. 42. Курган 53. План и разрез погребальной камеры: 1 - керамика; 2 - меч; 3 - предмет из железа; 4 - накладки; 5 - навершие меча; 6 - колчан; 7 - застежка.

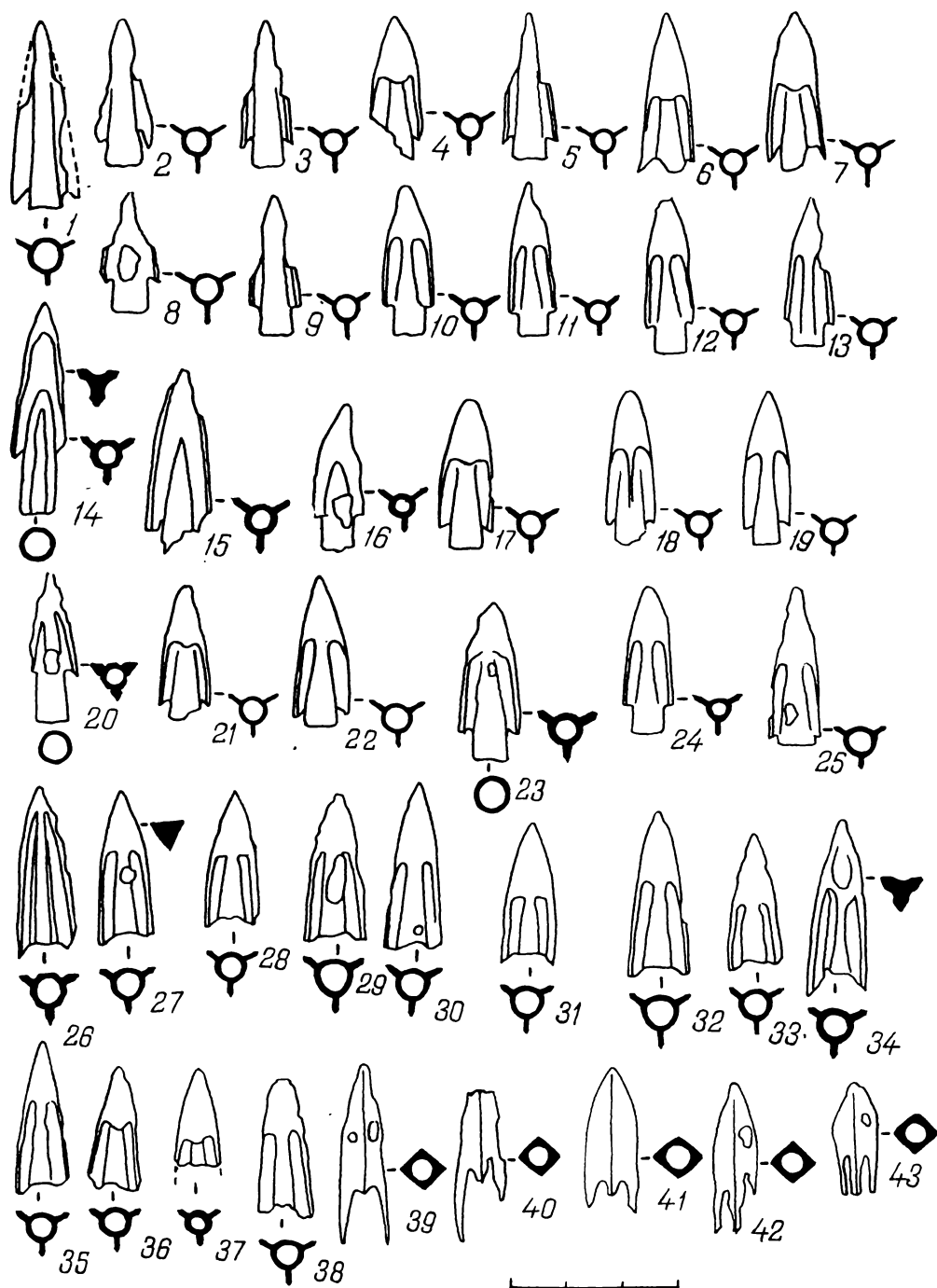

Рис. 43. Курган 53. Бронзовые наконечники стрел.

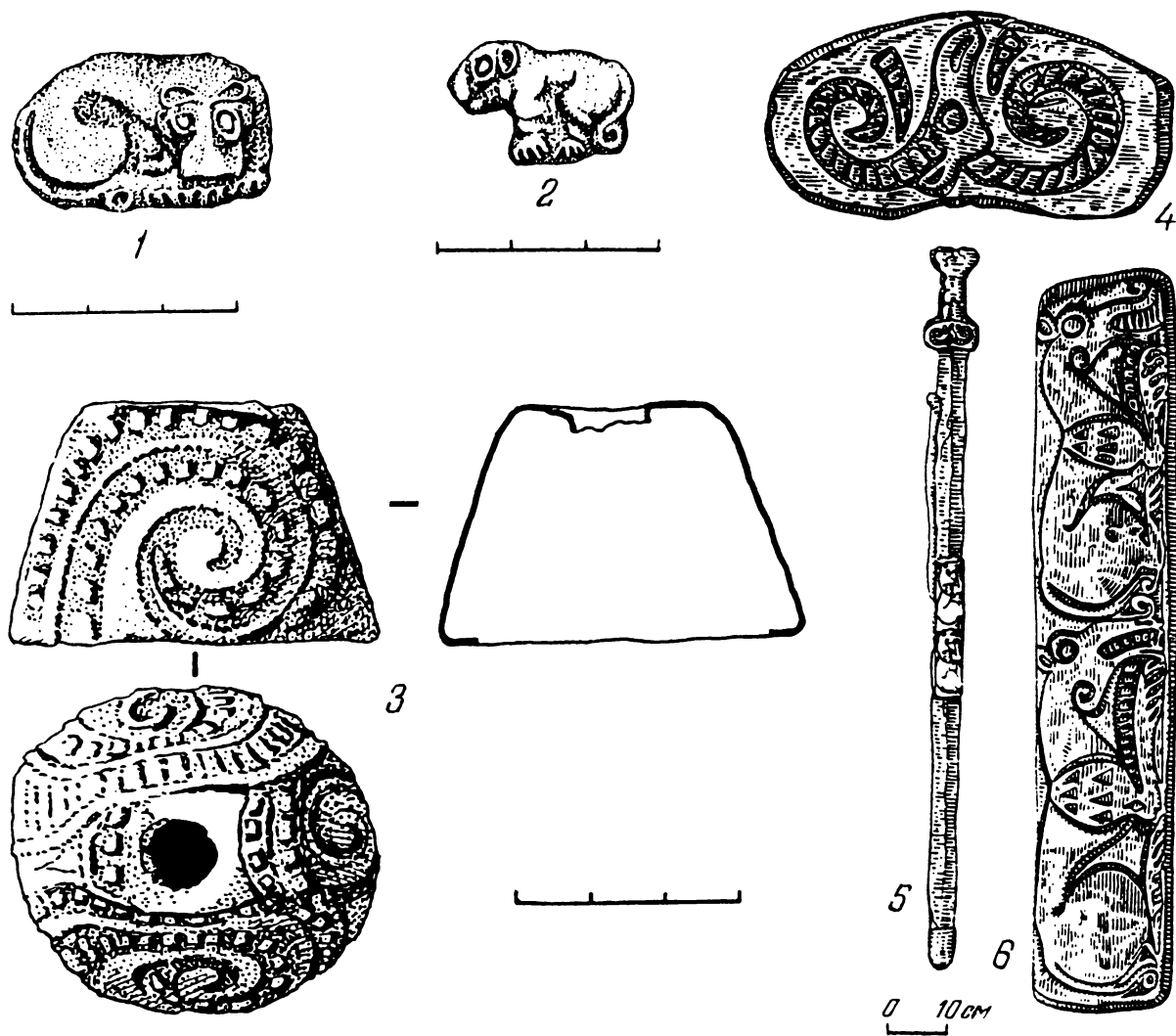

Рис. 44. Курган 53. Инвентарь: 1, 2, 4, 6 - накладки; 3 - вороворка; 5 - меч.
5 - железо, золото; остальное - золото.

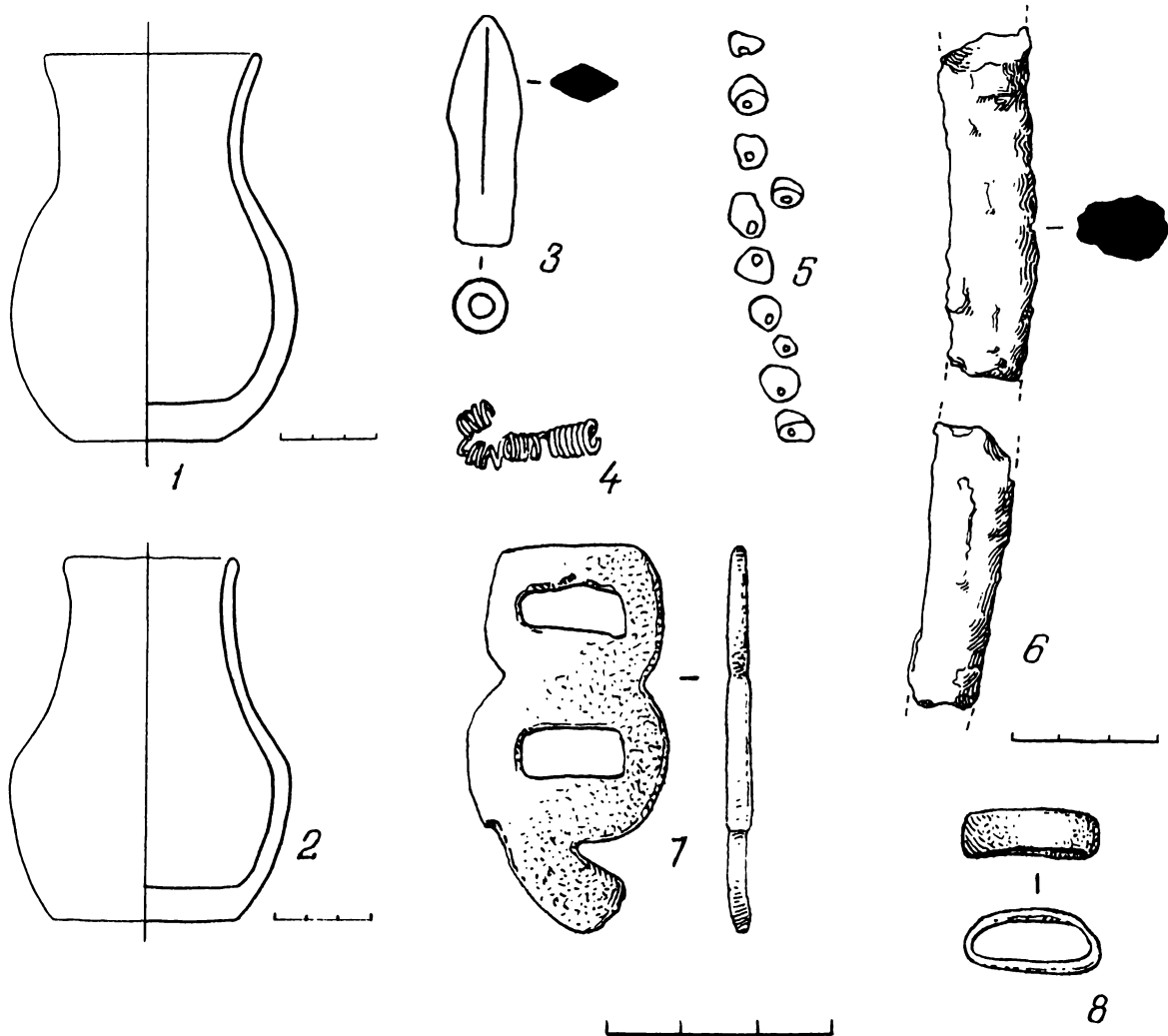

Рис. 45. Курган 54. Инвентарь: 1, 2 - лепные сосуды; 3 - наконечник стрелы; 4 - цепочка; 5 - бусы; 6 - нож; 7 - накладка; 8 - кольцо. 1, 2 - глина; 3, 8 - бронза; 4, 7 - золото; 6 - железо.

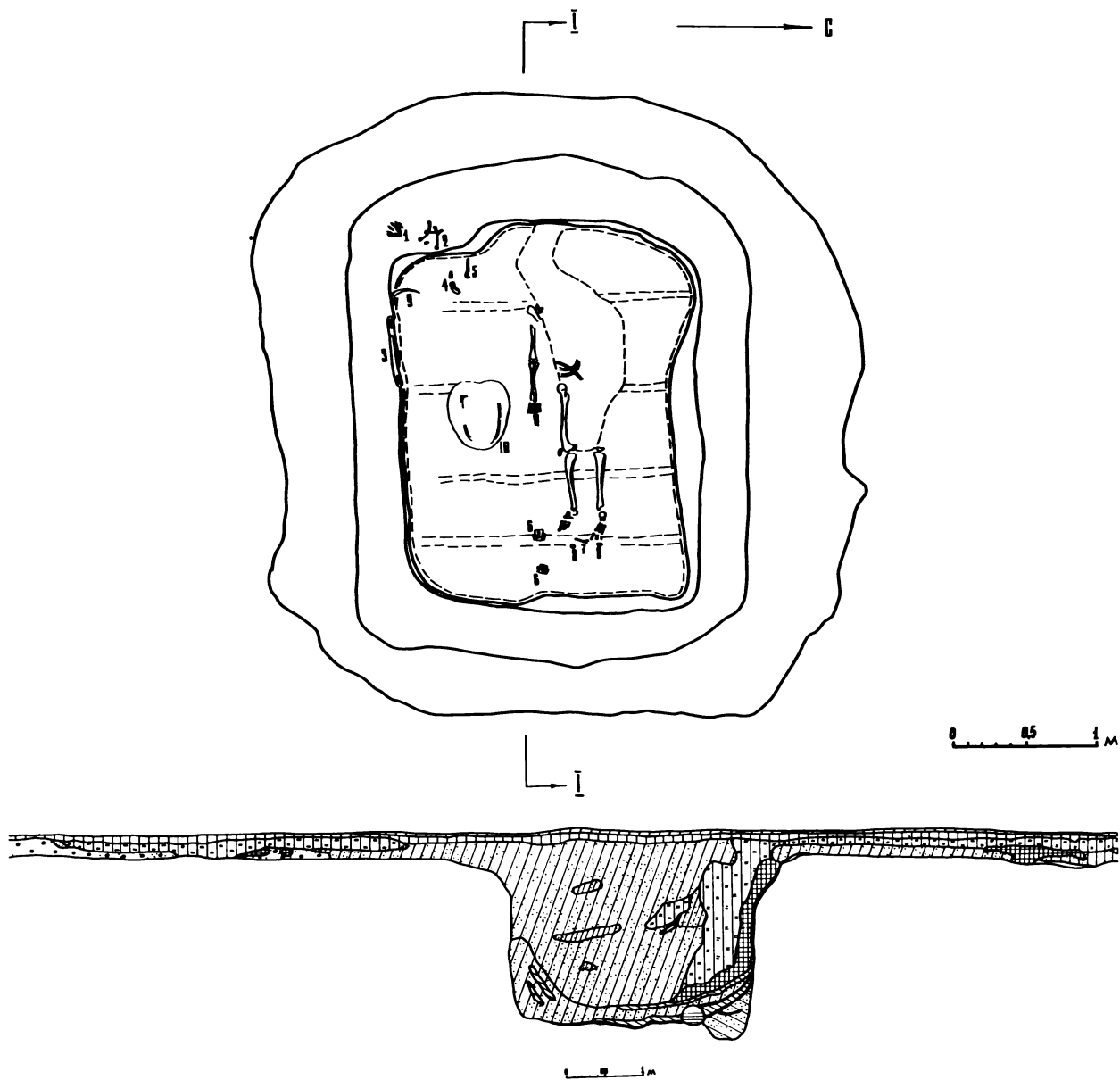

Рис. 46. Курган 55. План и разрез погребальной камеры: 1 - наконечники стрел; 2 - удила и псалии; 3 - ножи; 4 - предмет из железа; 5 - предмет из кости; 6 - пряжки; 7, 8 - предметы из бронзы; 9 - рог; 10 - след от щита (?).

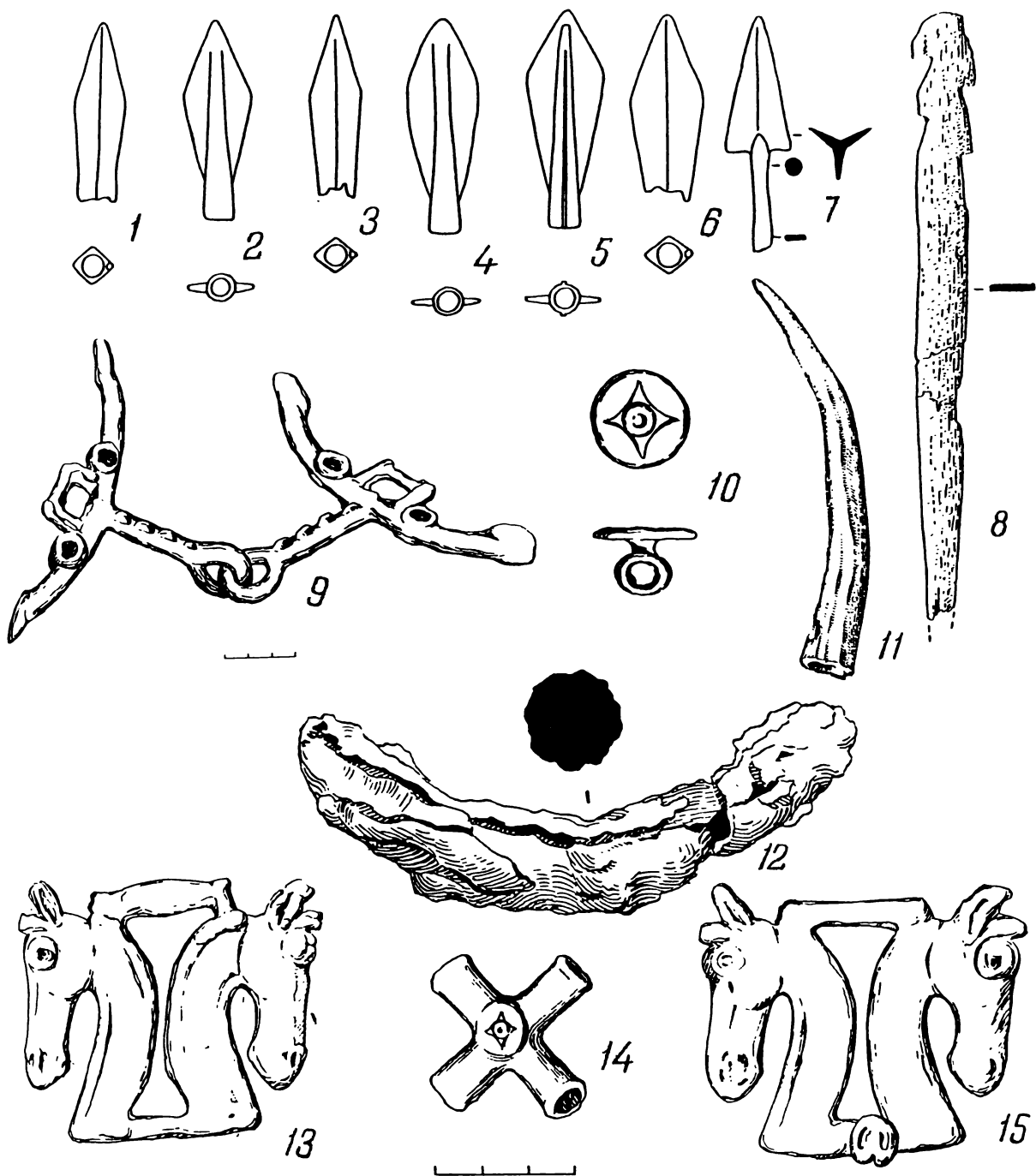

Рис. 47. Курган 55. Инвентарь: 1 - 7 - наконечники стрел; 8 - нож; 9, 11 - удила и псалий; 10, 13 - 15 - предметы конской упряжи; 12 - предмет из железа. 11 - рог; 8 - кость; 12 - железо; остальное - бронза.

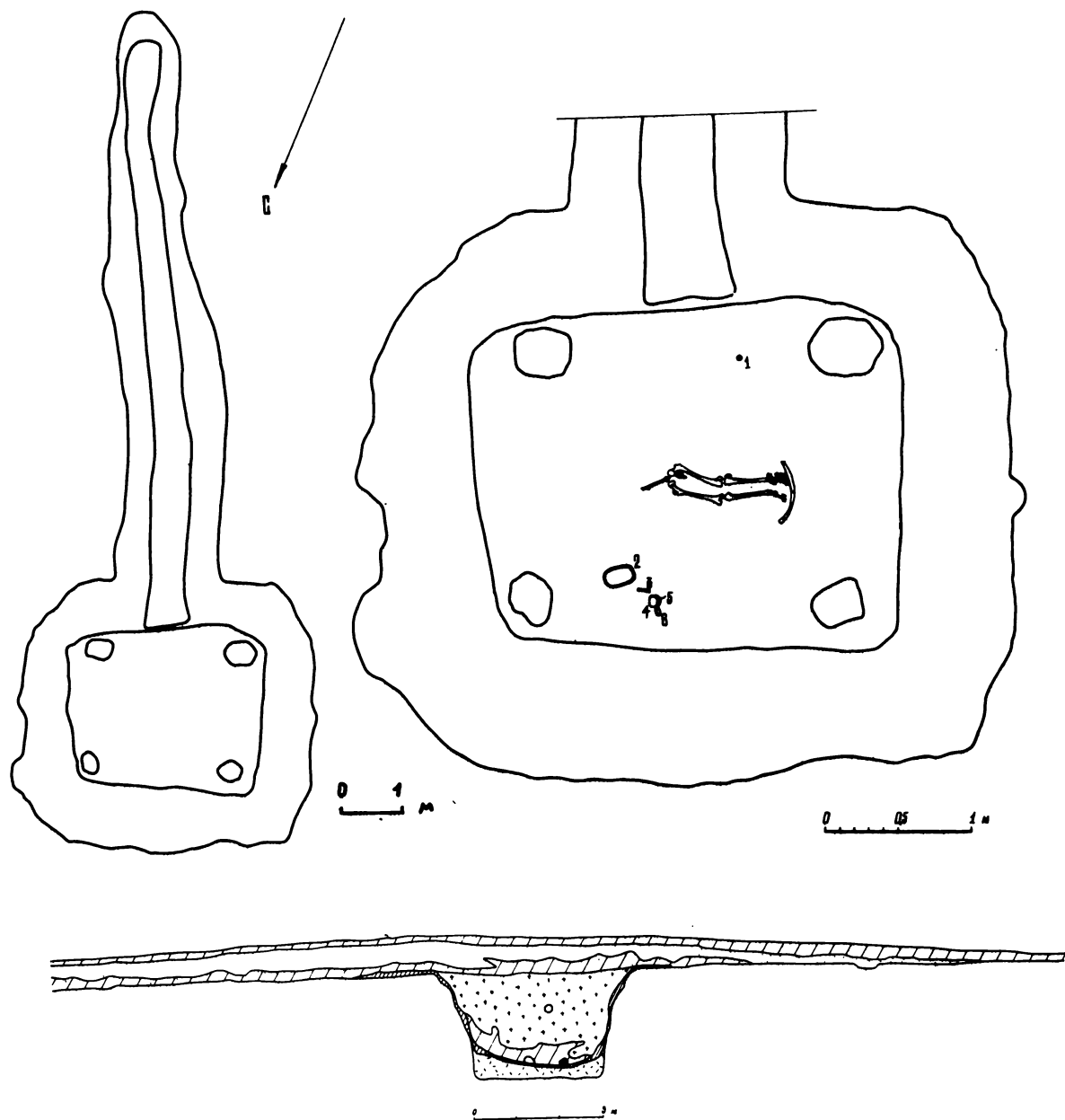

Рис. 48. Курган 56. Общий план, план и разрез погребальной камеры: 1 - пряслице; 2, 4 - жертвенники; 3 - костяная трубочка; 5 - каменная пластинка; 6 - пестик

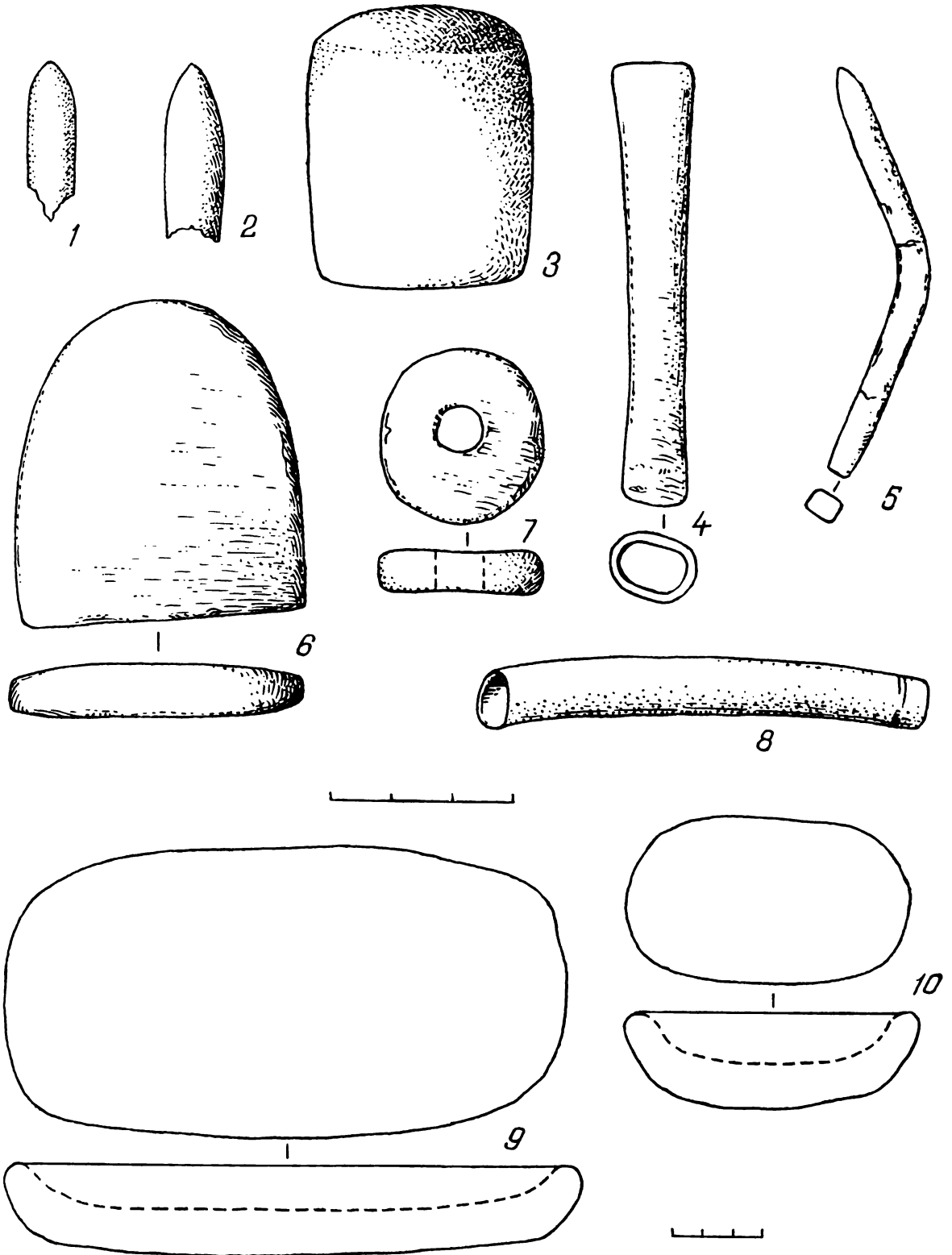

Рис. 49. Курган 56. Инвентарь: 1, 2 - наконечники стрел; 3 - пестик; 4, 8 - трубки; 5 - предмет; 6, 9, 10 - жертвенники; 7 - пряслице. 5 - бронза; 1, 2, 4, 8 - кость; остальное - камень.

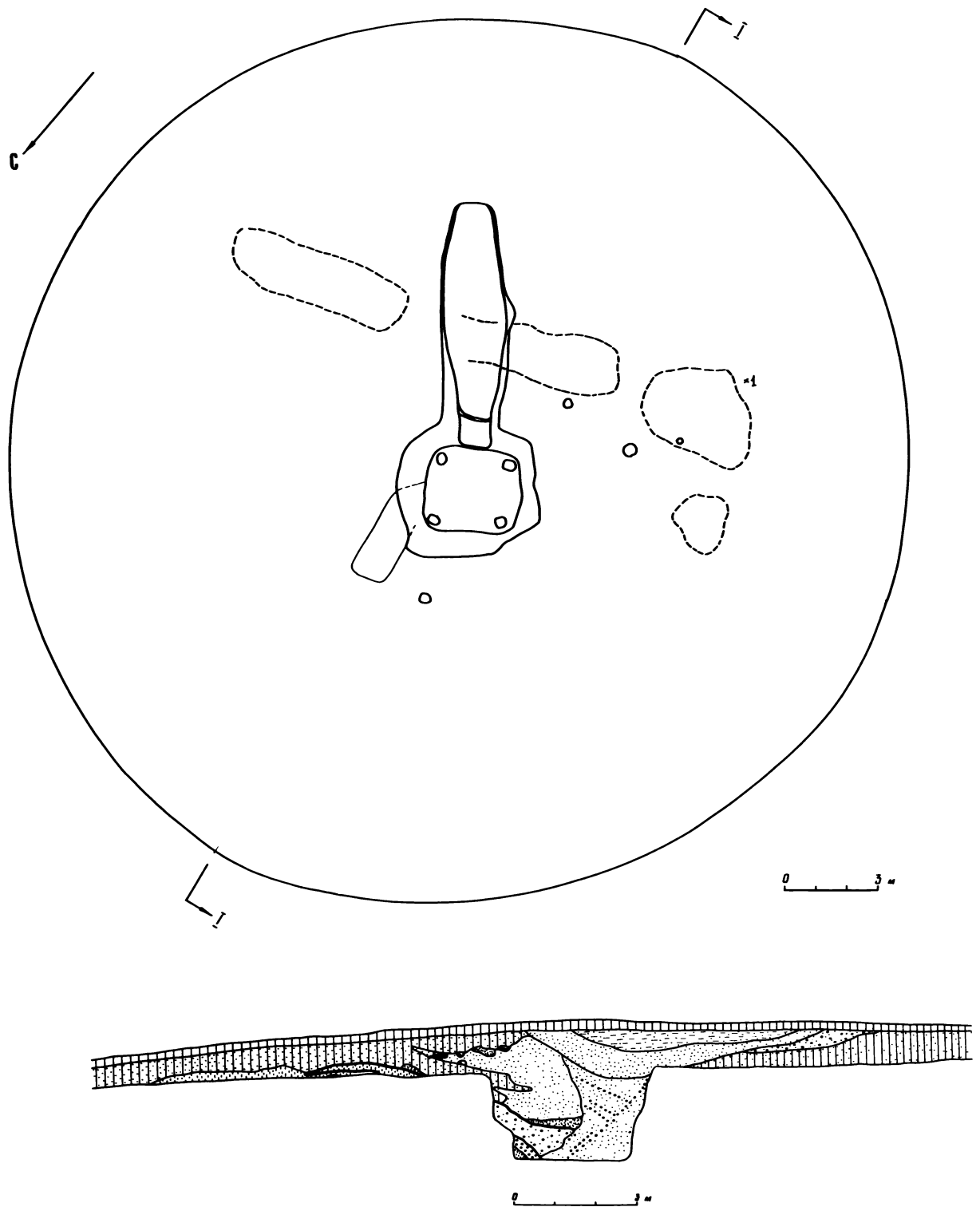

Рис. 50. Курган 57. Общий план. Пунктиром обозначены следы костров.
1 - бронзовый наконечник стрелы.

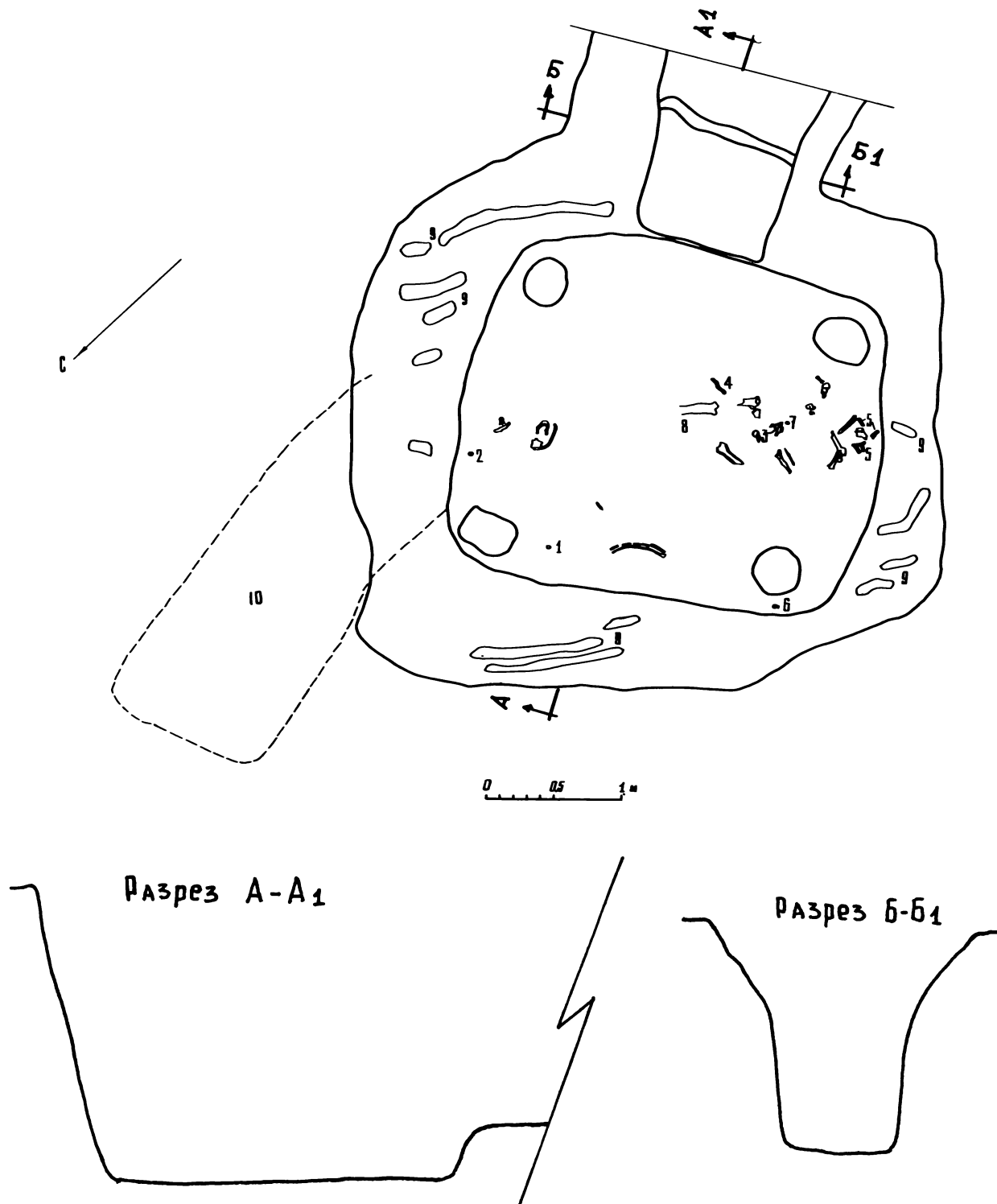

Рис. 51. Курган 57. План и разрез погребальной камеры и дромоса: 1 - нашивка; 2, 7 - предметы из бронзы; 3 - наконечники стрел; 4, 5 - ножи; 6 - бронзовое навершие; 8 - кости ног человека; 9 - дерево; 10 - грабительский лаз.

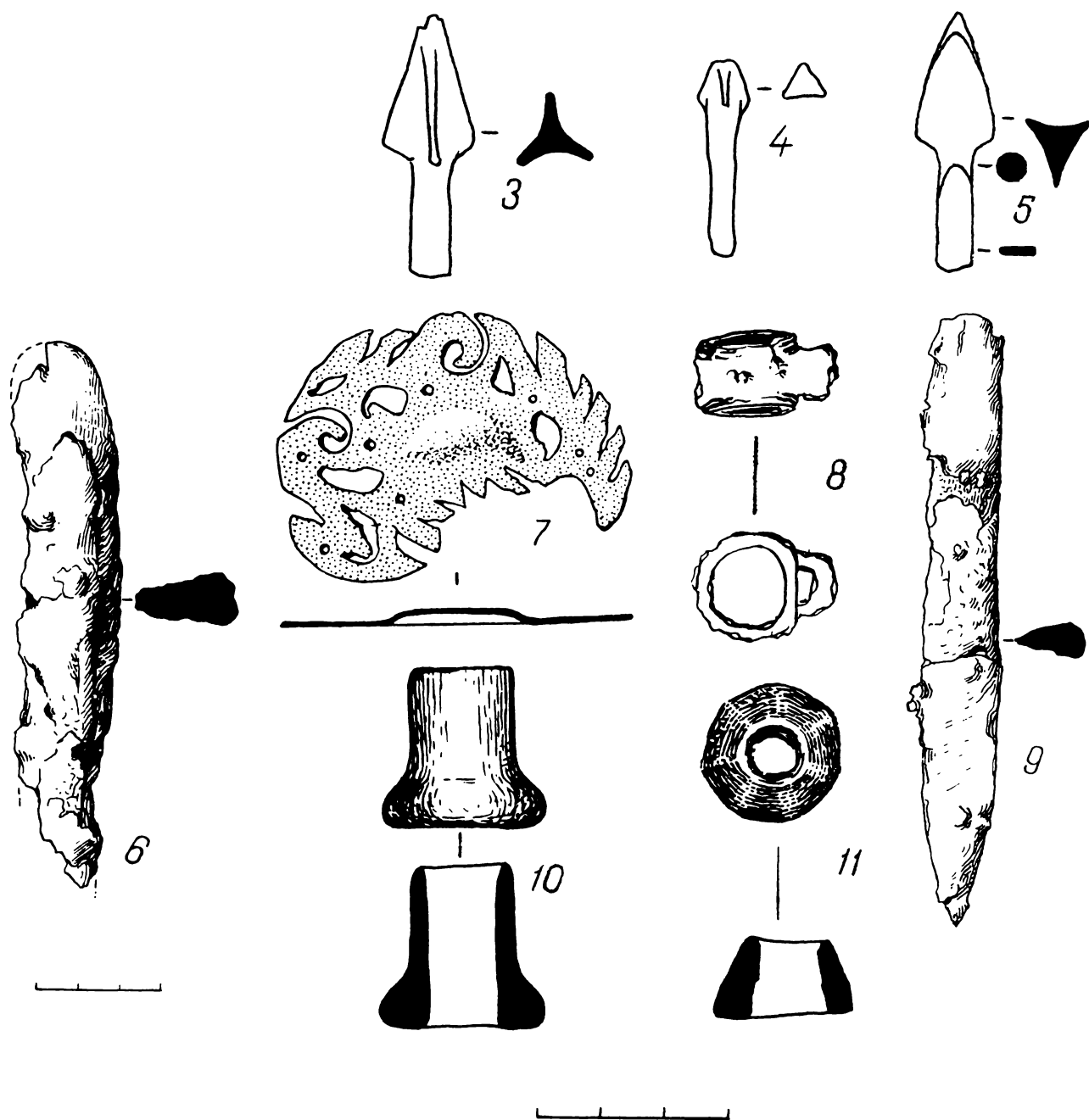

Рис. 52. Курган 57. Инвентарь: 3 - 5 - наконечники стрел; 6, 9 - ножи; 7 - накладка; 8, 10, 11 - детали уздечки. 7 - золото; 6, 9 - железо; остальное - бронза.

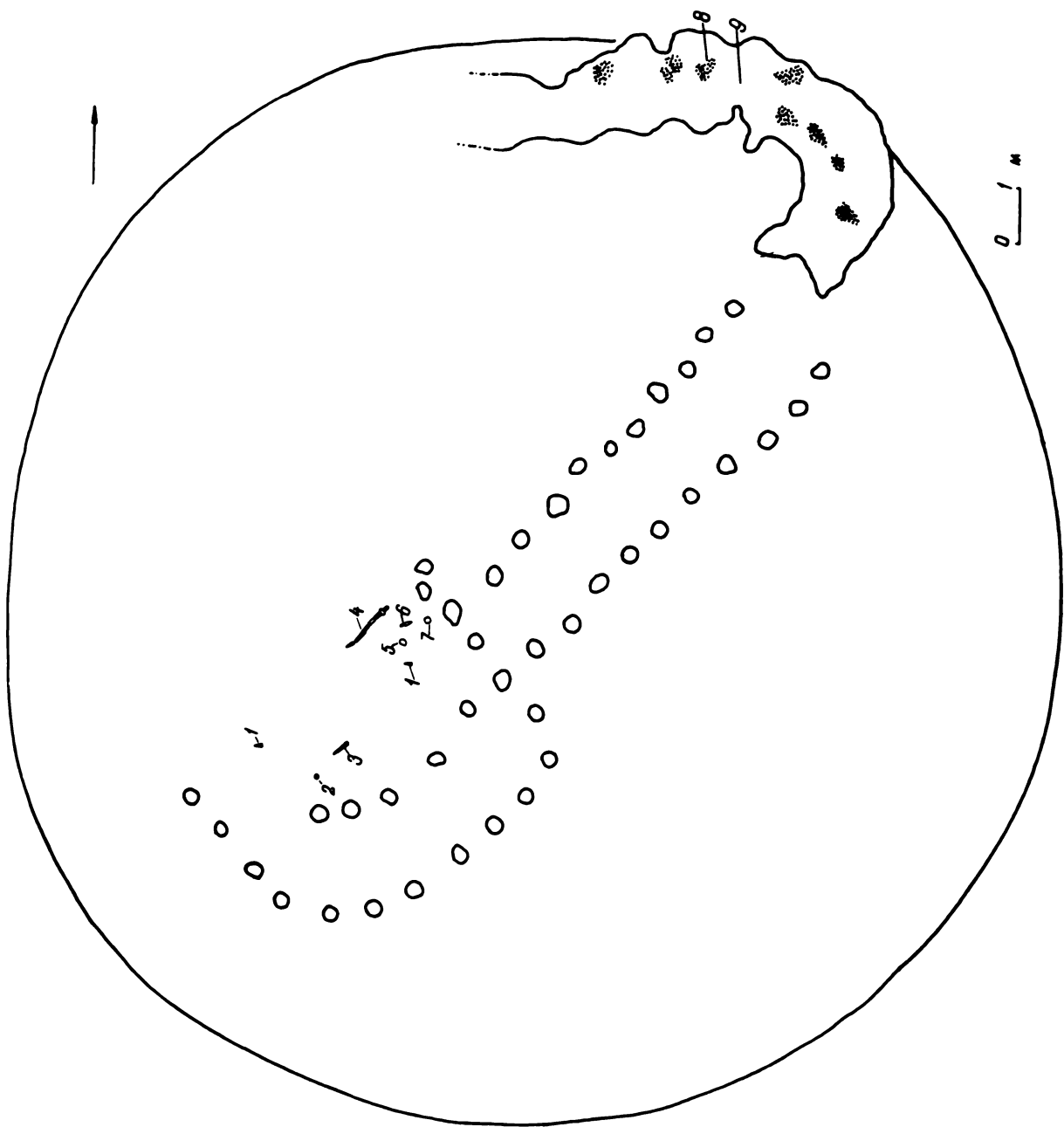

Рис. 53. Курган 59. Общий план: 1 - наконечники стрел; 2 - кольцо; 3 - кинжал; 4 - меч; 5 - предмет из бронзы; 6 - нож; 7 - бляшка; 8, 9 - участки со следами активного горения.

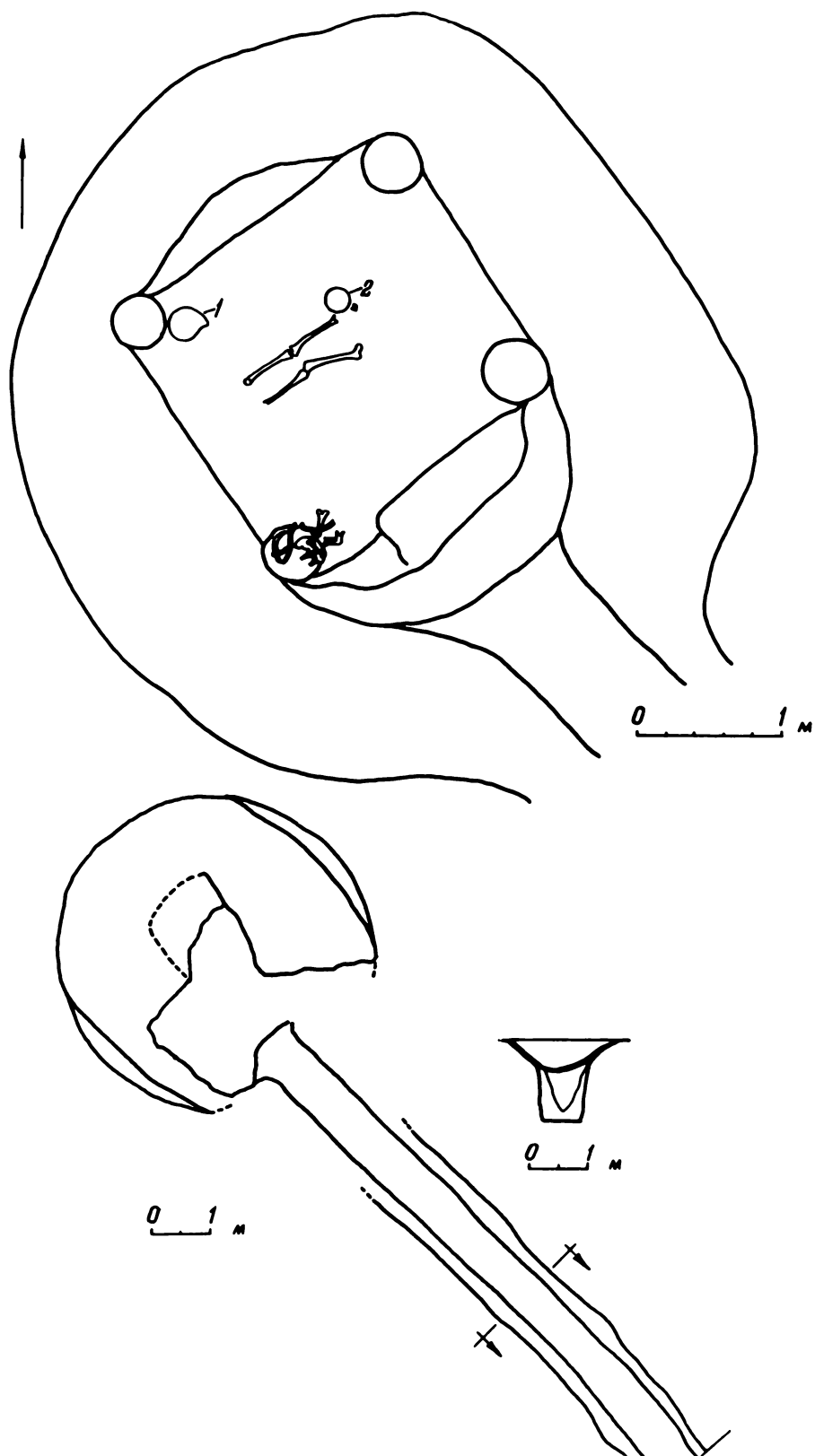

Рис. 54. Курган 60. Общий план и план погребальной камеры: 1 - жертвенник; 2 - зеркало.

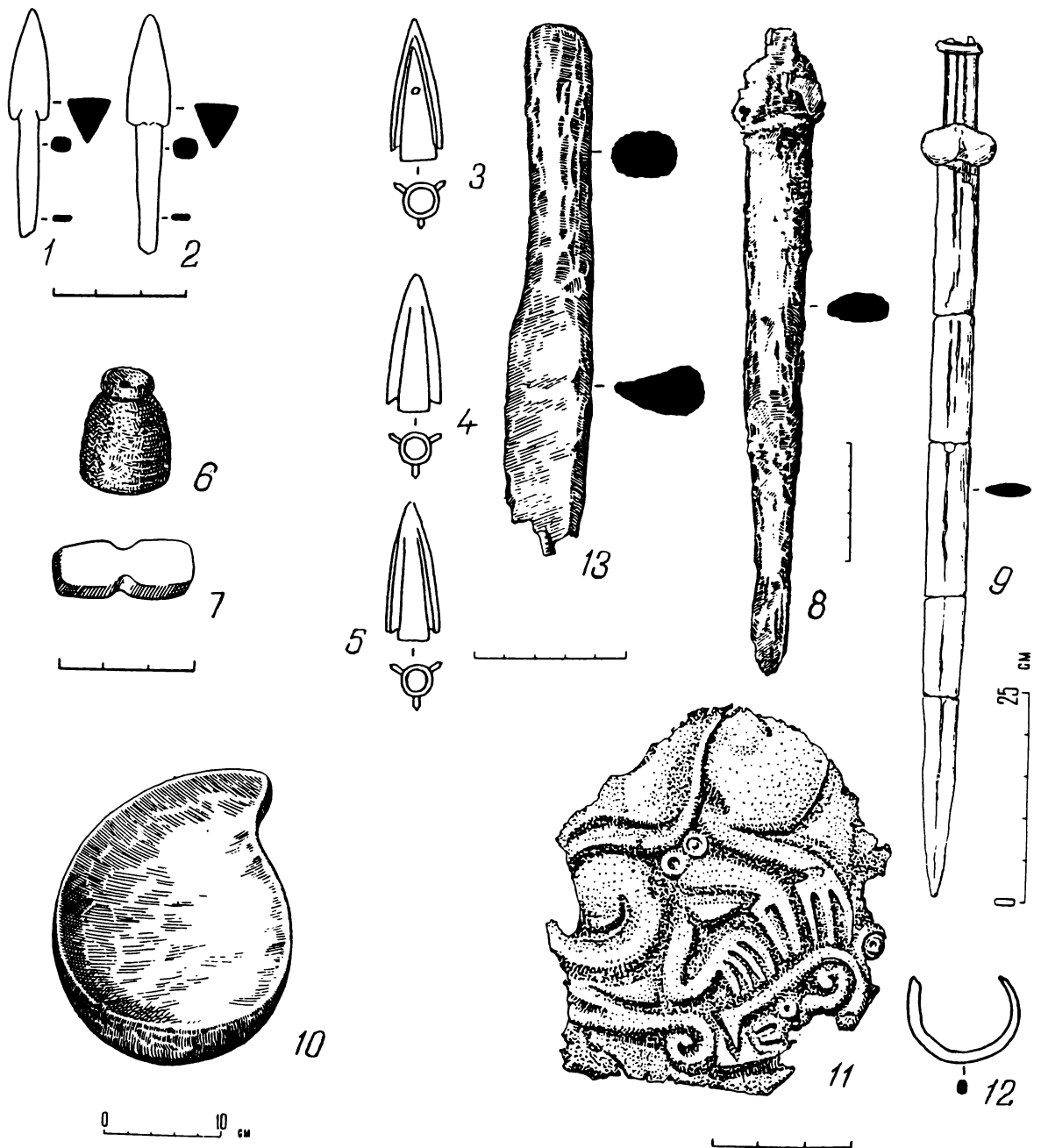

Рис. 55. Курганы 58, 59 и 60. Инвентарь: 1 - 5 наконечники стрел; 6 - ворворка; 7 - поделка; 8 - кинжал; 9 - меч; 10 - жертвенник; 11 - накладка; 12 - серьга; 13 - нож. 1, 2 - из кургана 58; 6, 7, 10 - из кургана 60; остальное - из кургана 59. 7, 10 - камень; 8, 9, 13 - железо; 11, 12 - золото; остальное - бронза.

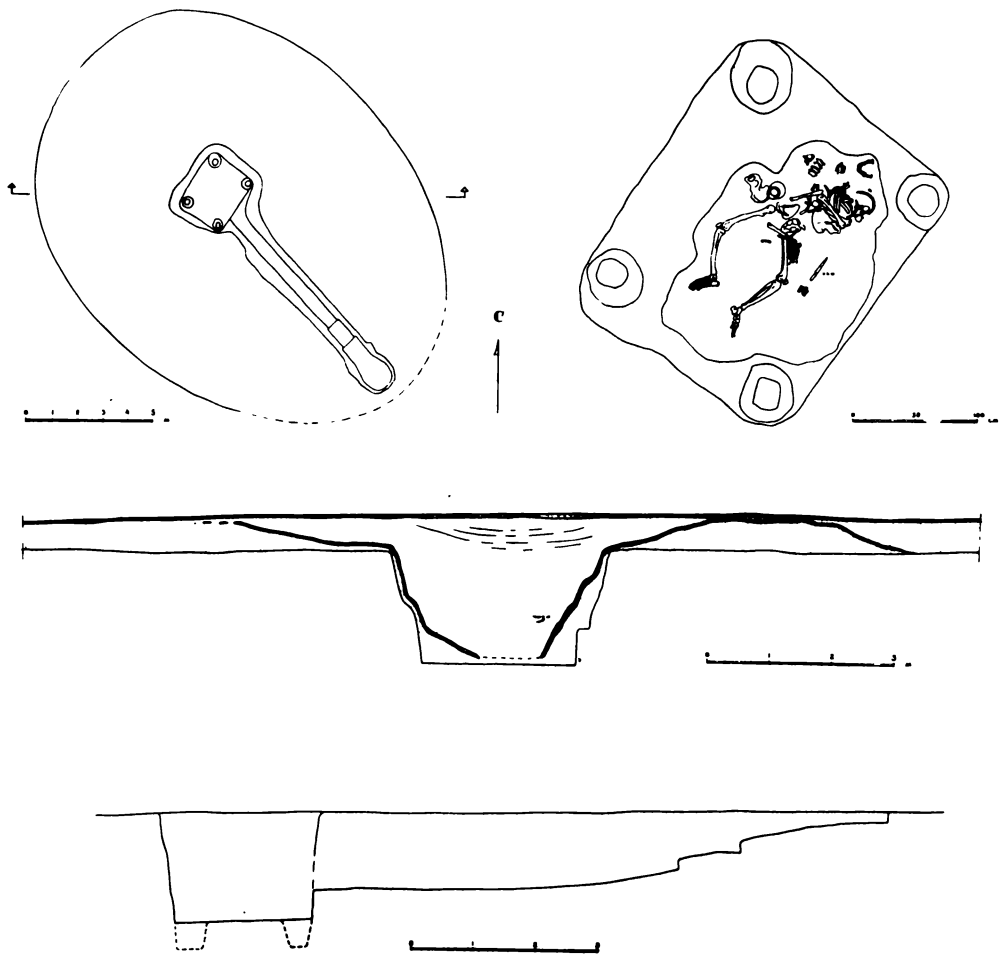

Рис. 56. Курган 61. Общий план и разрез через насыпь, план и разрез погребальной камеры.

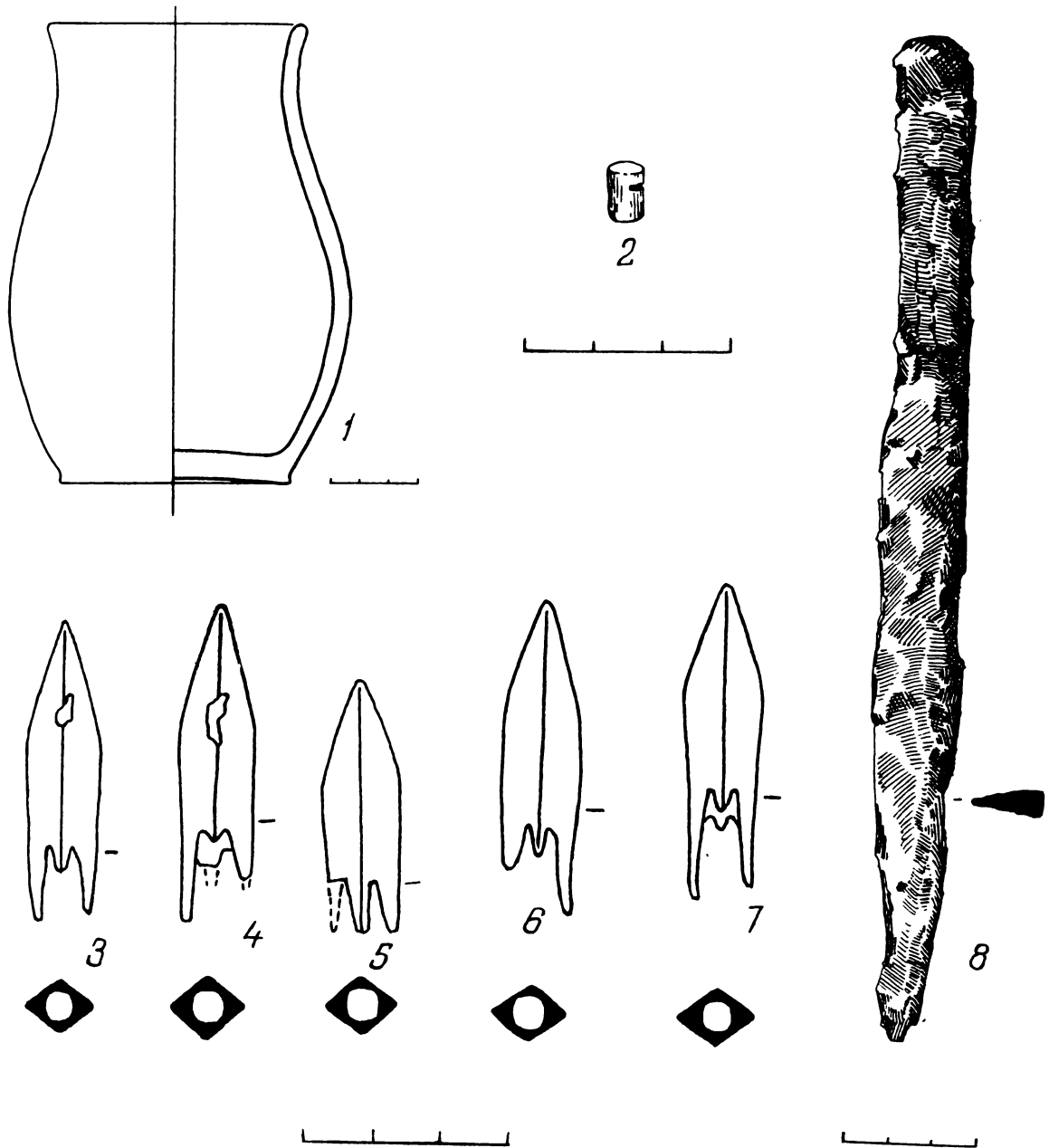

Рис. 57. Курган 61. Инвентарь: 1 - лепной сосуд; 2 - нашивка; 3 - 7 наконечники стрел; 8 - нож. 1 - глина; 2 - кость; 9 - железо; остальное - бронза

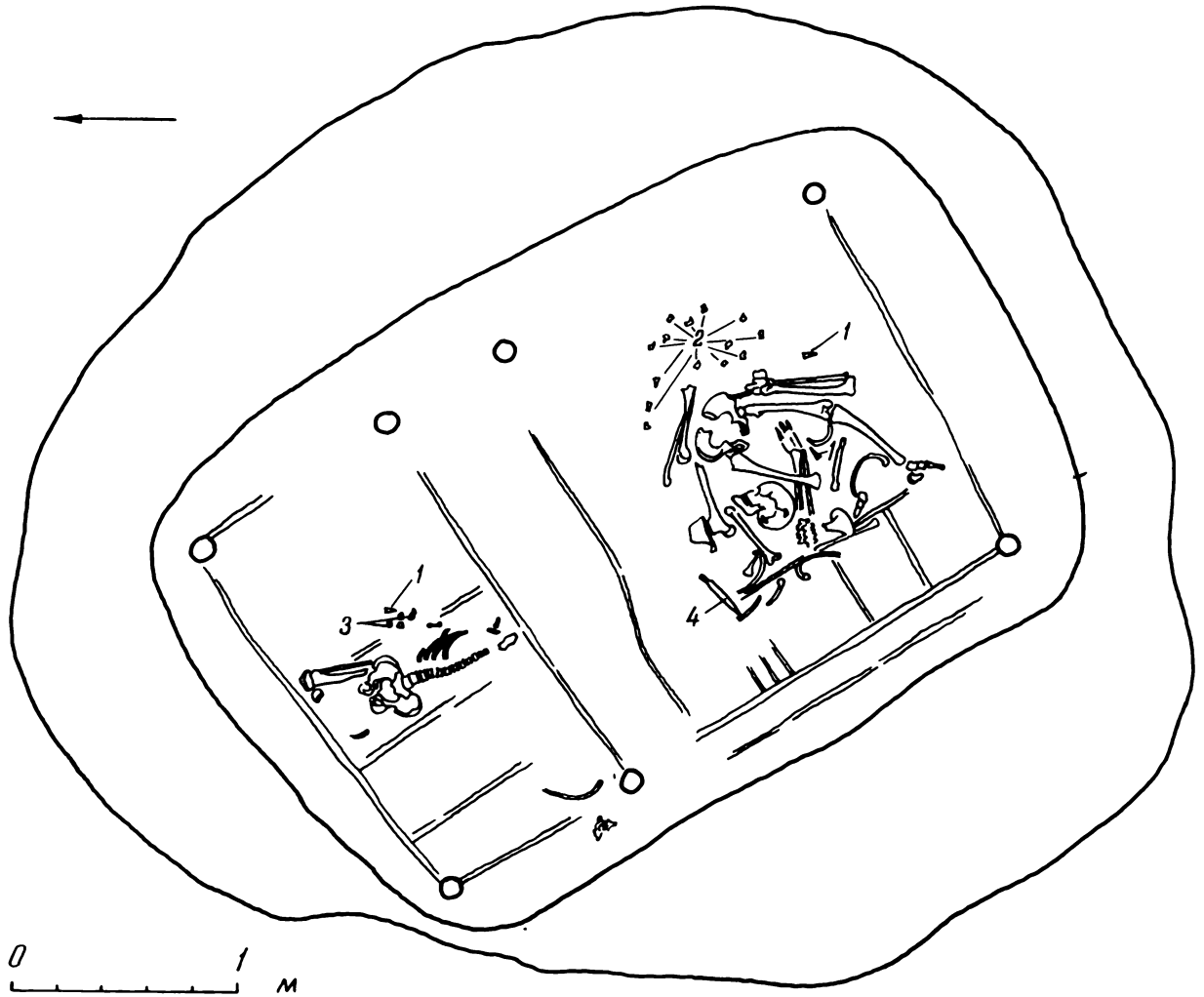

Рис. 58. Курган 62. План погребальной камеры: 1 - наконечники стрел; 2, 3 - предметы конской упряжи.

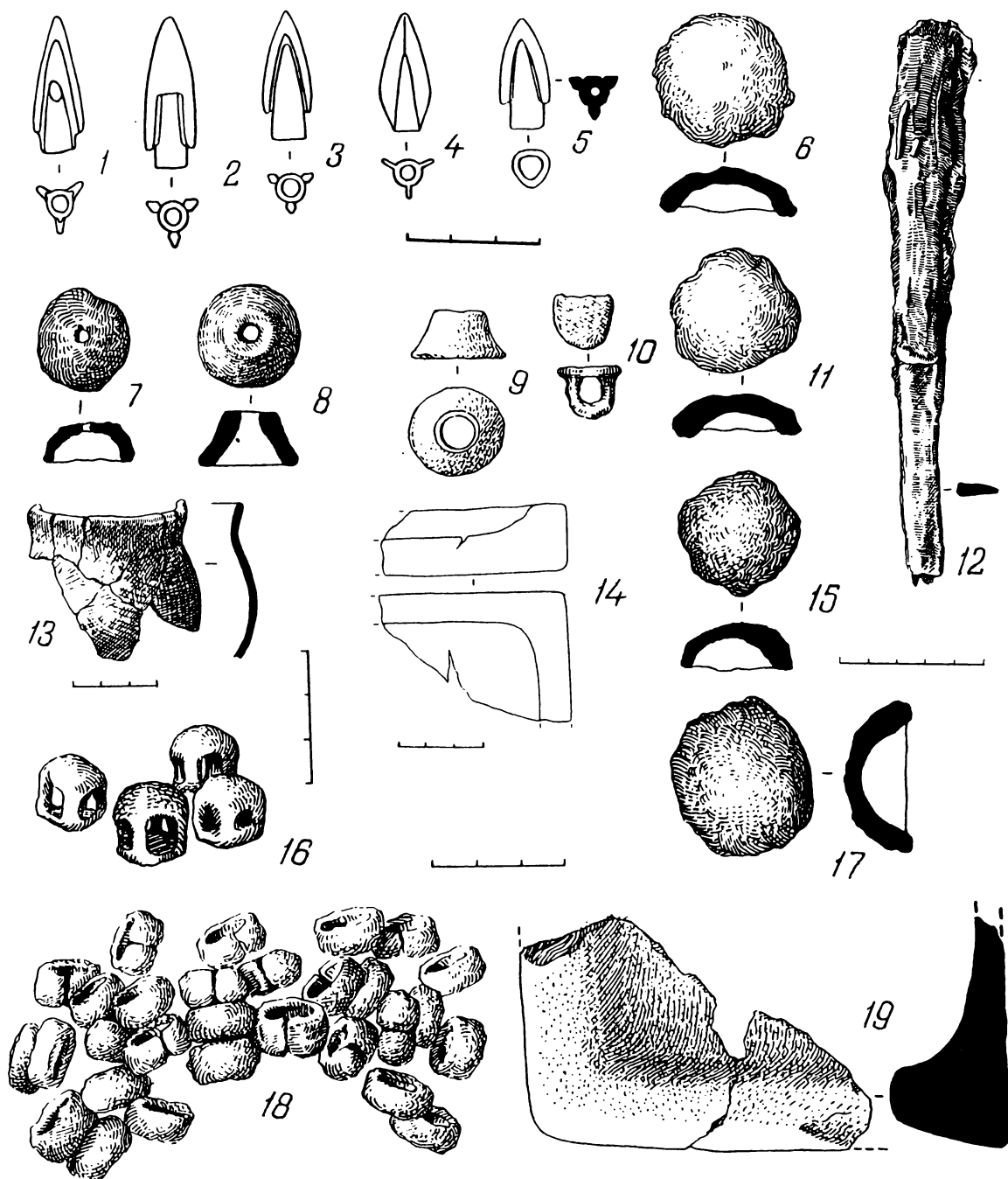

Рис. 59. Курган 62. Инвентарь: 1 - 5 - наконечники стрел; 12 - нож; 13 - фрагмент лепного сосуда; 14 - фрагмент блюда; 19 - фрагмент жертвенника; остальное - предметы конской упряжи. 1 - 5 - бронза; 13 - глина; 14 - дерево; 16 - бронза, железо; 19 - камень; остальное - железо.

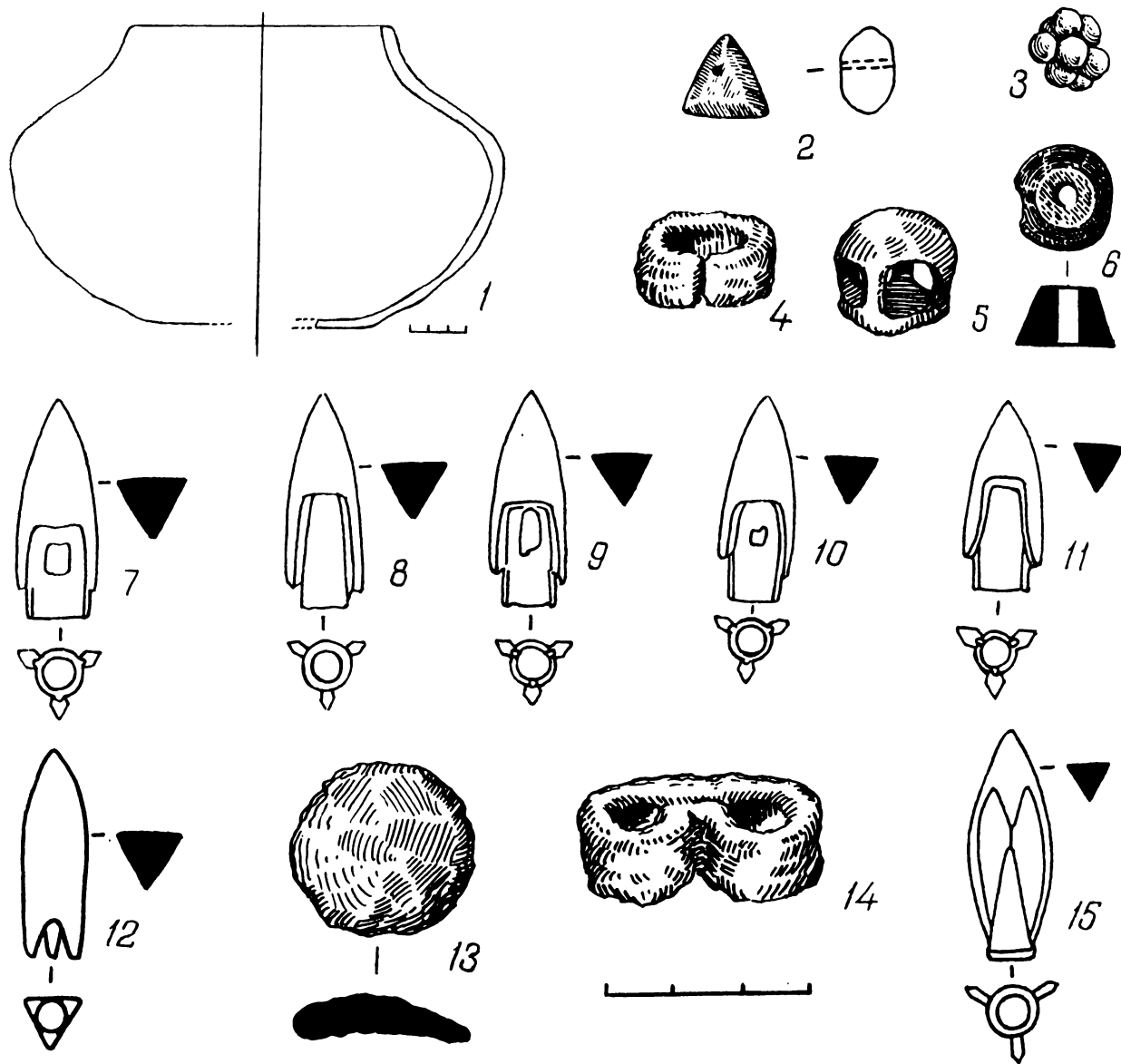

Рис. 60. Курган 63. Инвентарь: 1 - лепной сосуд; 2 - подвеска; 3 - украшение; 4 - 6, 13, 14 - детали уздечки; 7 - 11, 12, 15 - наконечники стрел. 1 - глина; 2 - сердолик; 3 - золото; 6 - камень; 13 - бронза, железо; 4, 14 - железо, остальное - бронза.

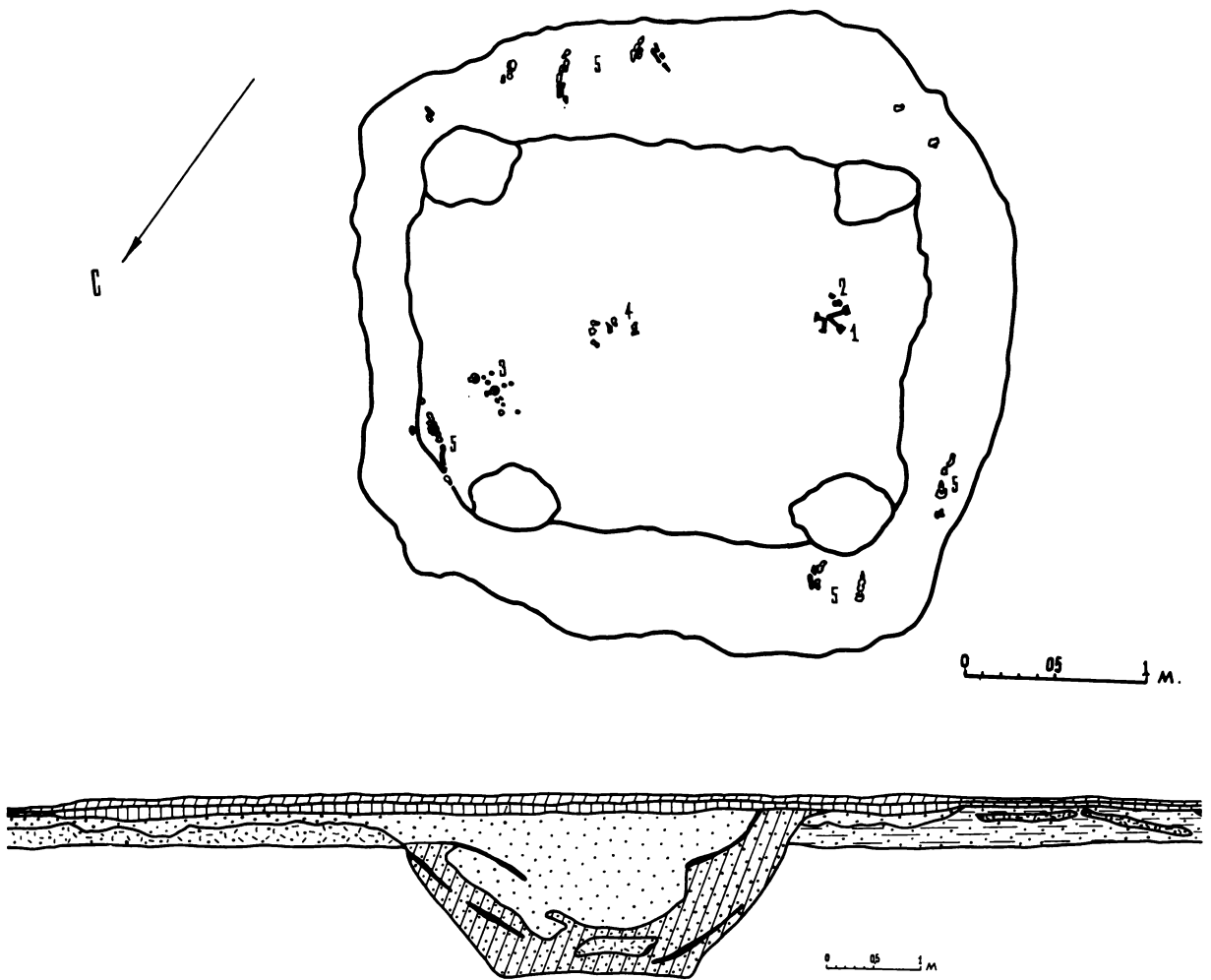

Рис. 61. Курган 65. План и разрез погребальной камеры: 1 - удила; 2 - астрагалы; 3 - предметы конской упряжи; 4 - кости человека; 5 - дерево.

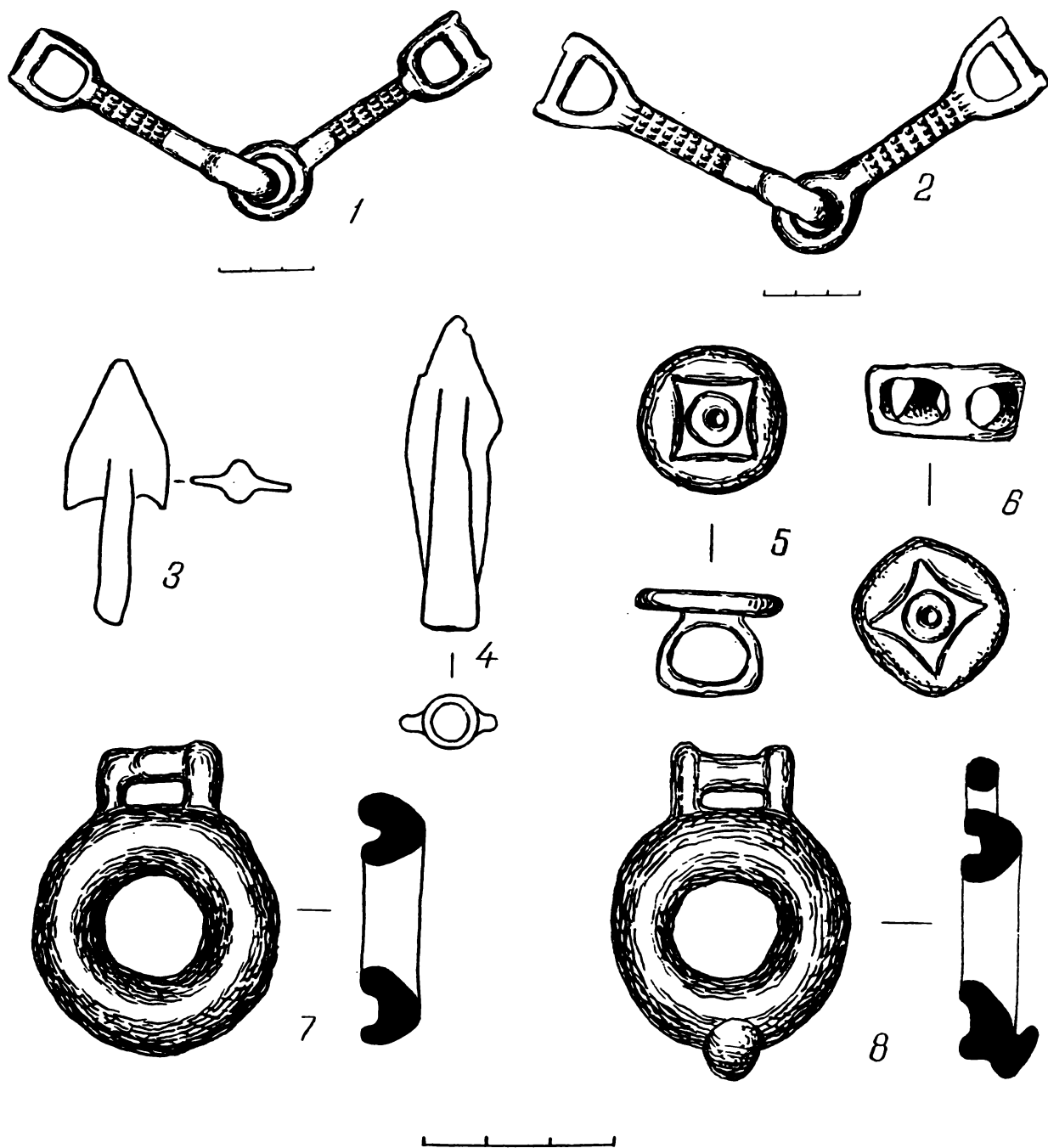

Рис. 62. Курган 65. Инвентарь: 1, 2 - удила; 3, 4 - наконечники стрел; 5 - 8 - предметы конской упряжи. Все - бронза

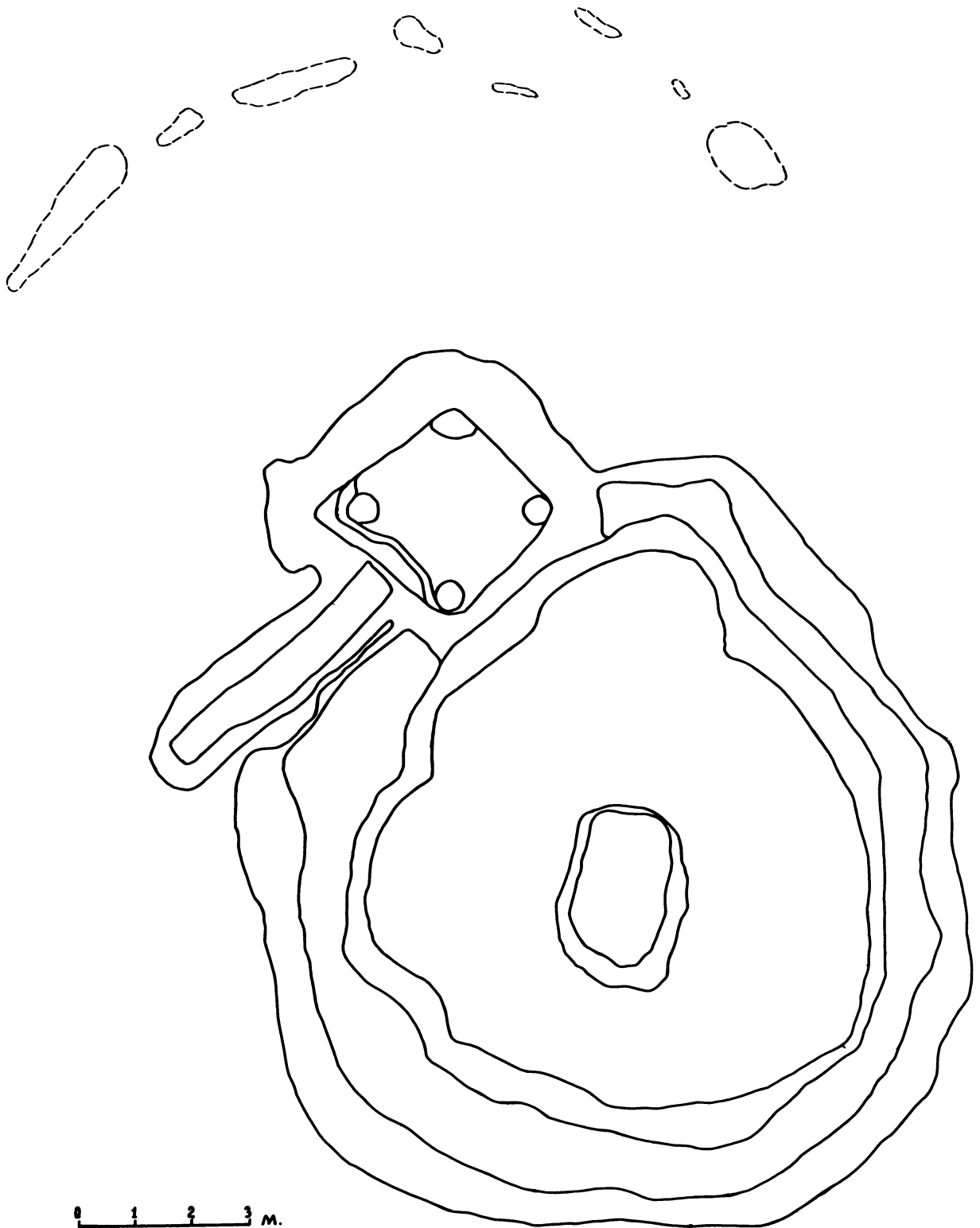

Рис. 63. Курганы 52 и 66. Общие планы.

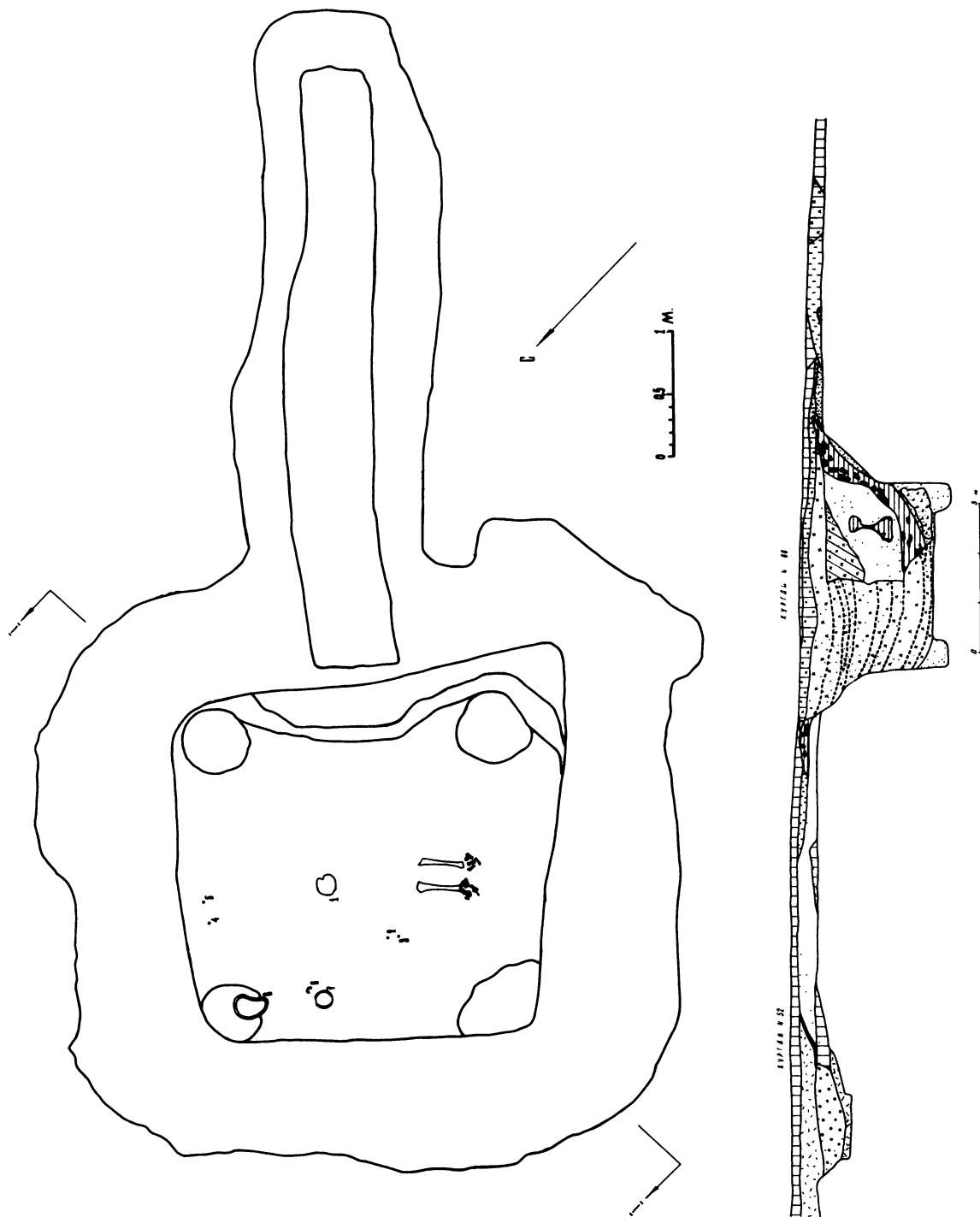

Рис. 64. Курган 66. Общий план и разрез через насыпь: 1 - череп человека; 2 - 5 - нашивки; 6 - предмет из бронзы; 7 - зеркало; 8 - жертвенник.

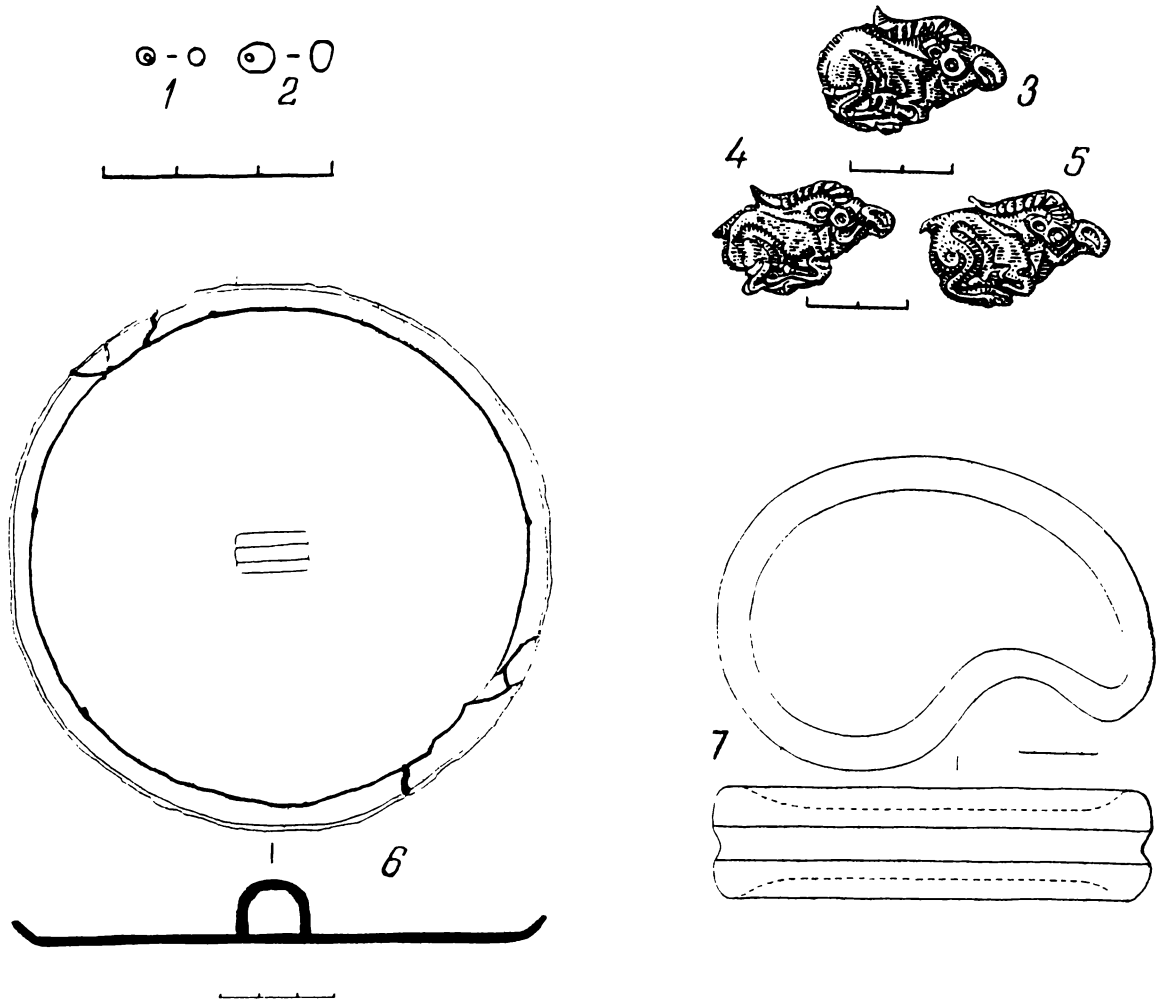

Рис. 65. Курган 66. Инвентарь: 1, 2 - бусы; 3 - 5 накладки; 6 - зеркало; 7 - жертвенник.
1, 2 - бирюза; 3 - 5 - золото; 6 - бронза; 7 - камень.

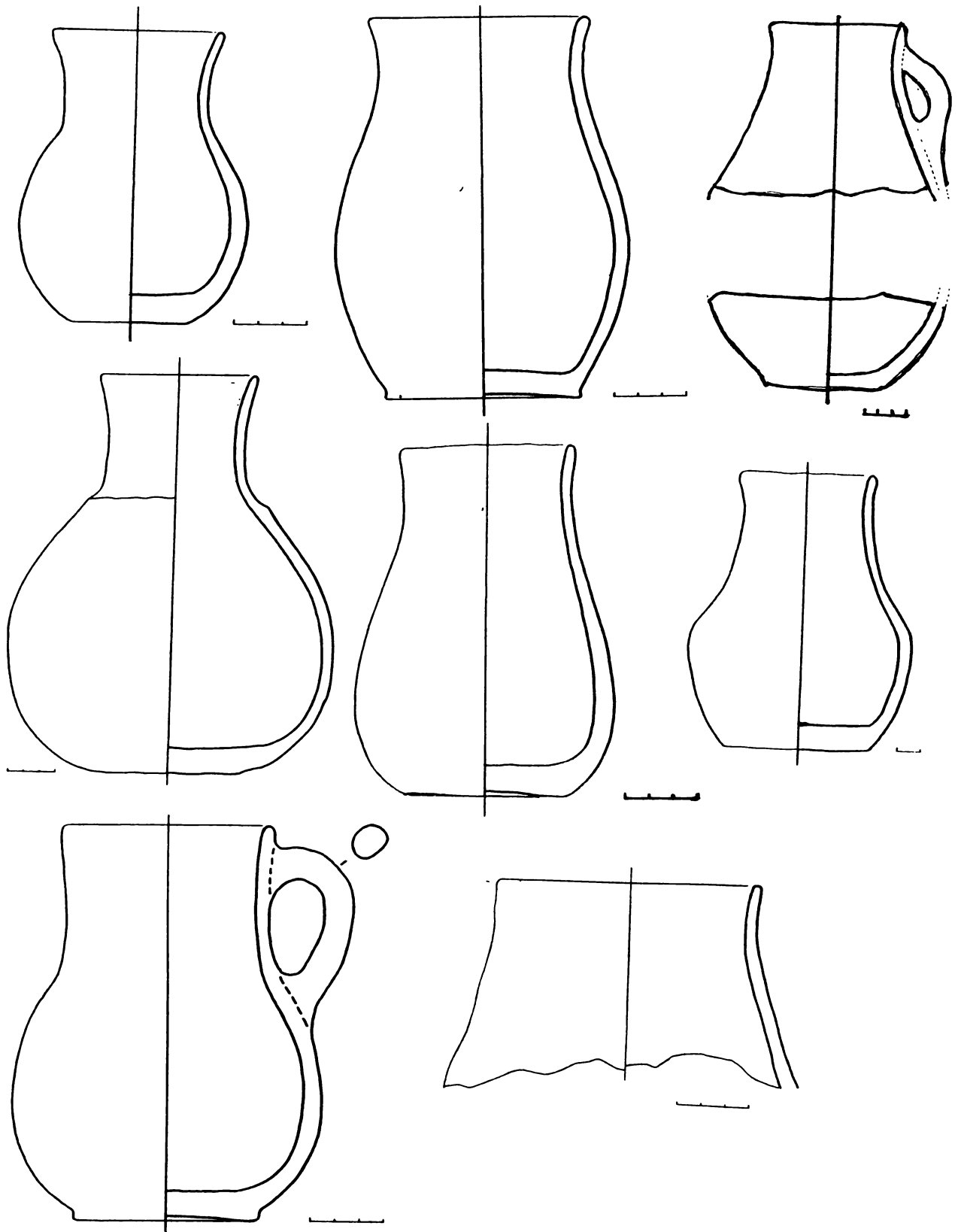

Рис. 66. Керамика из могильника Южный Тагискен.

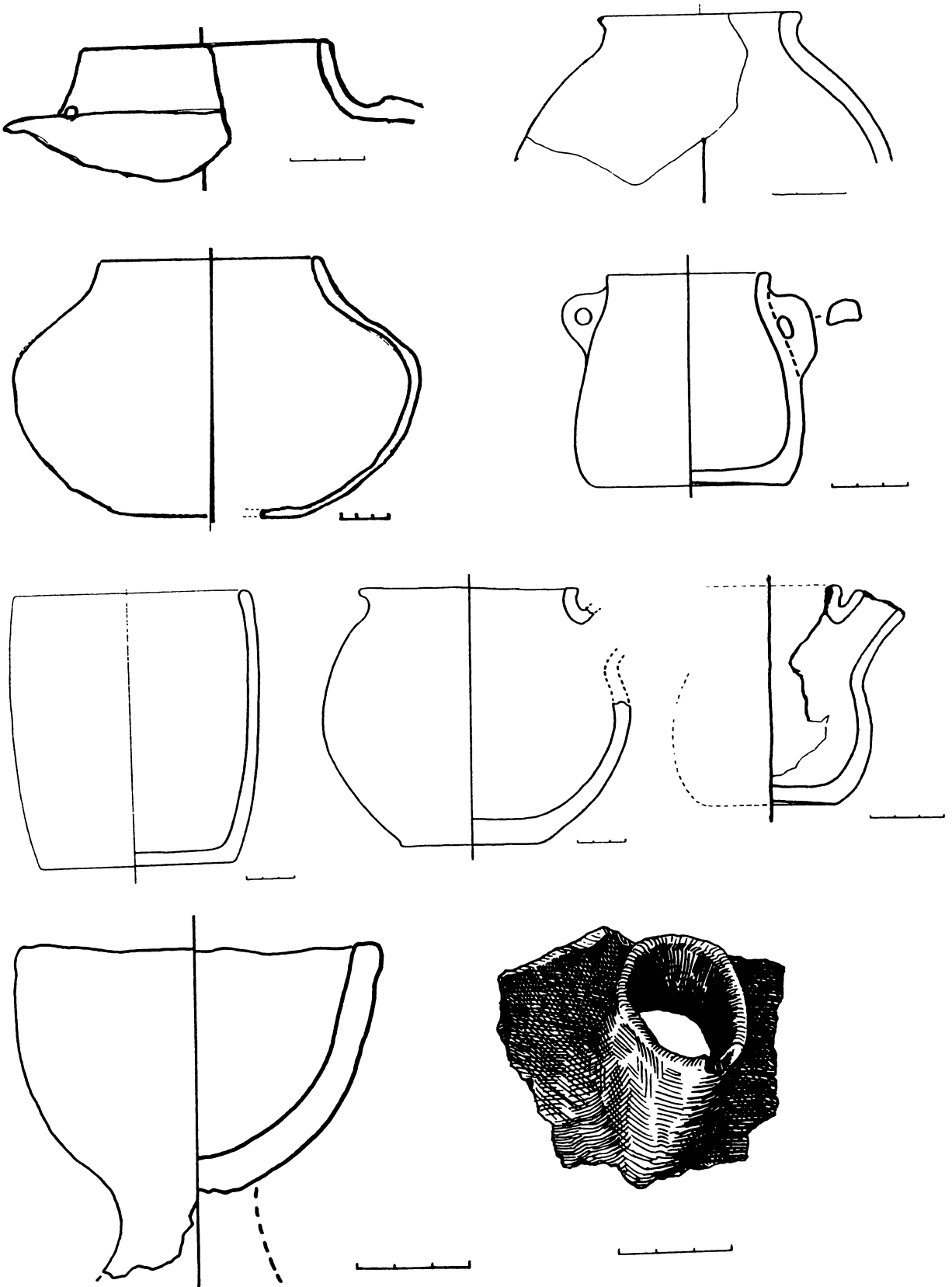

Рис. 67. Керамика из могильника Южный Тагискен.

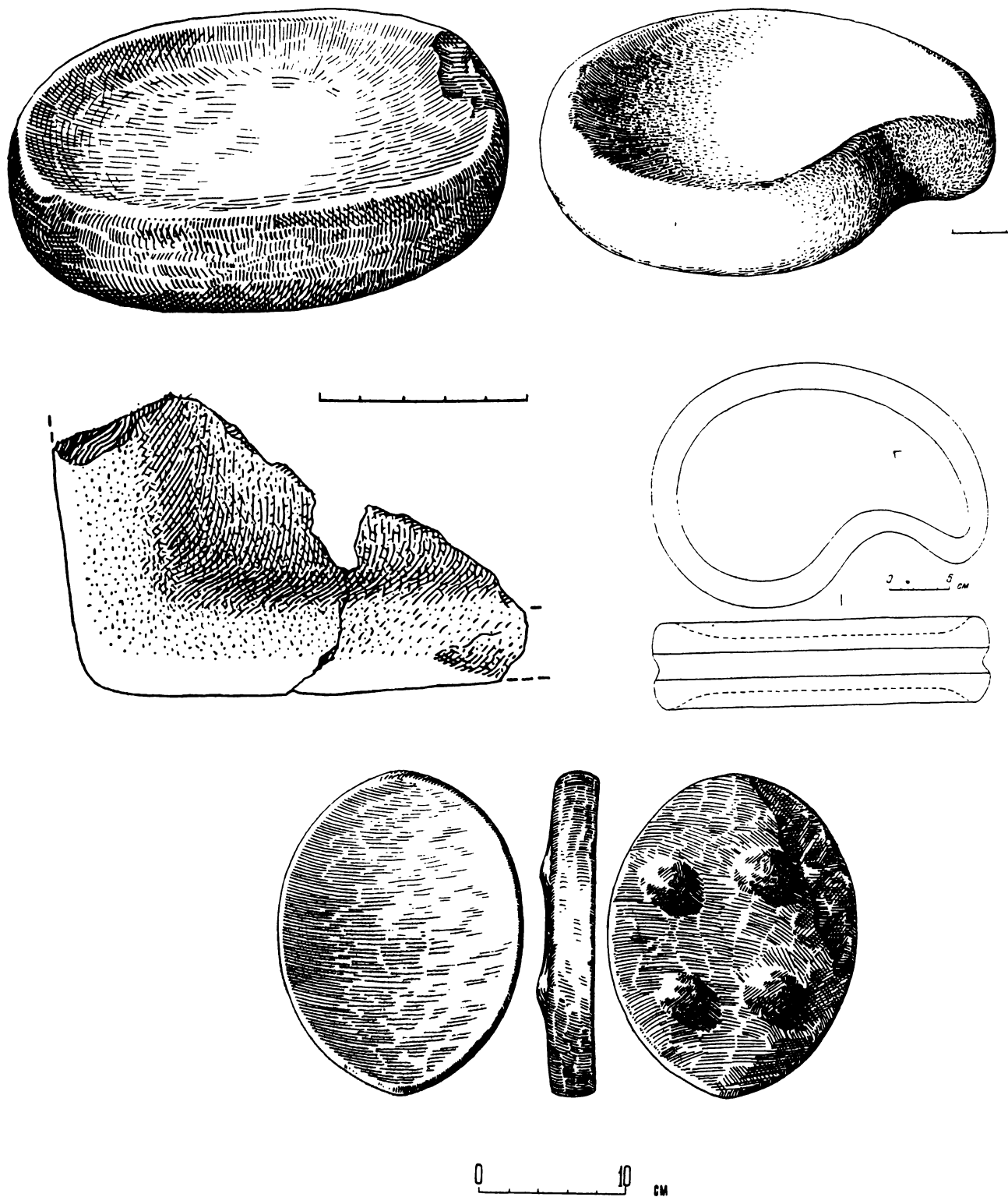

Рис. 68. Алтари-жертвенники из могильника Южный Тагискен.

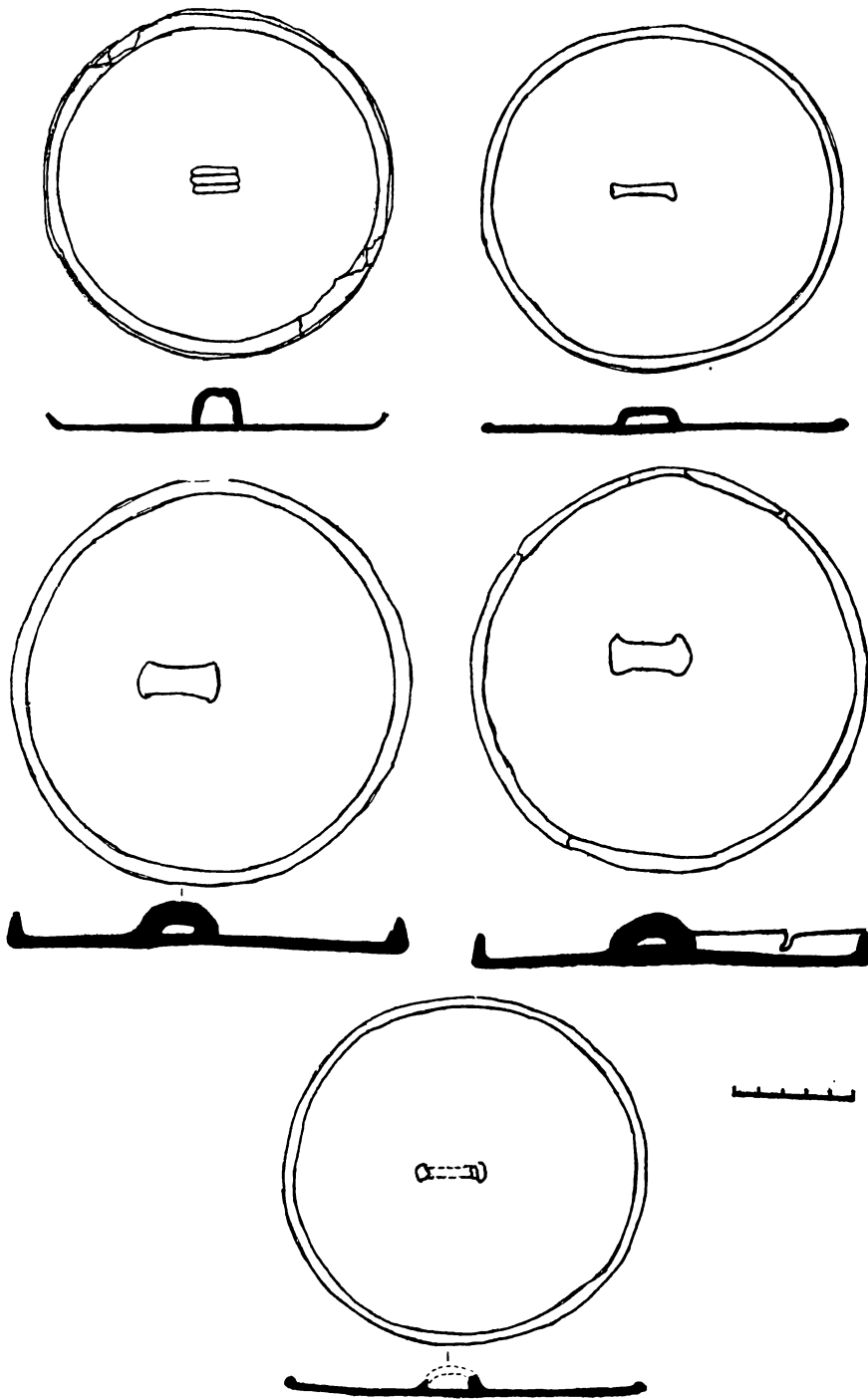

Рис. 69. Зеркала из могильника Южный Еагискен

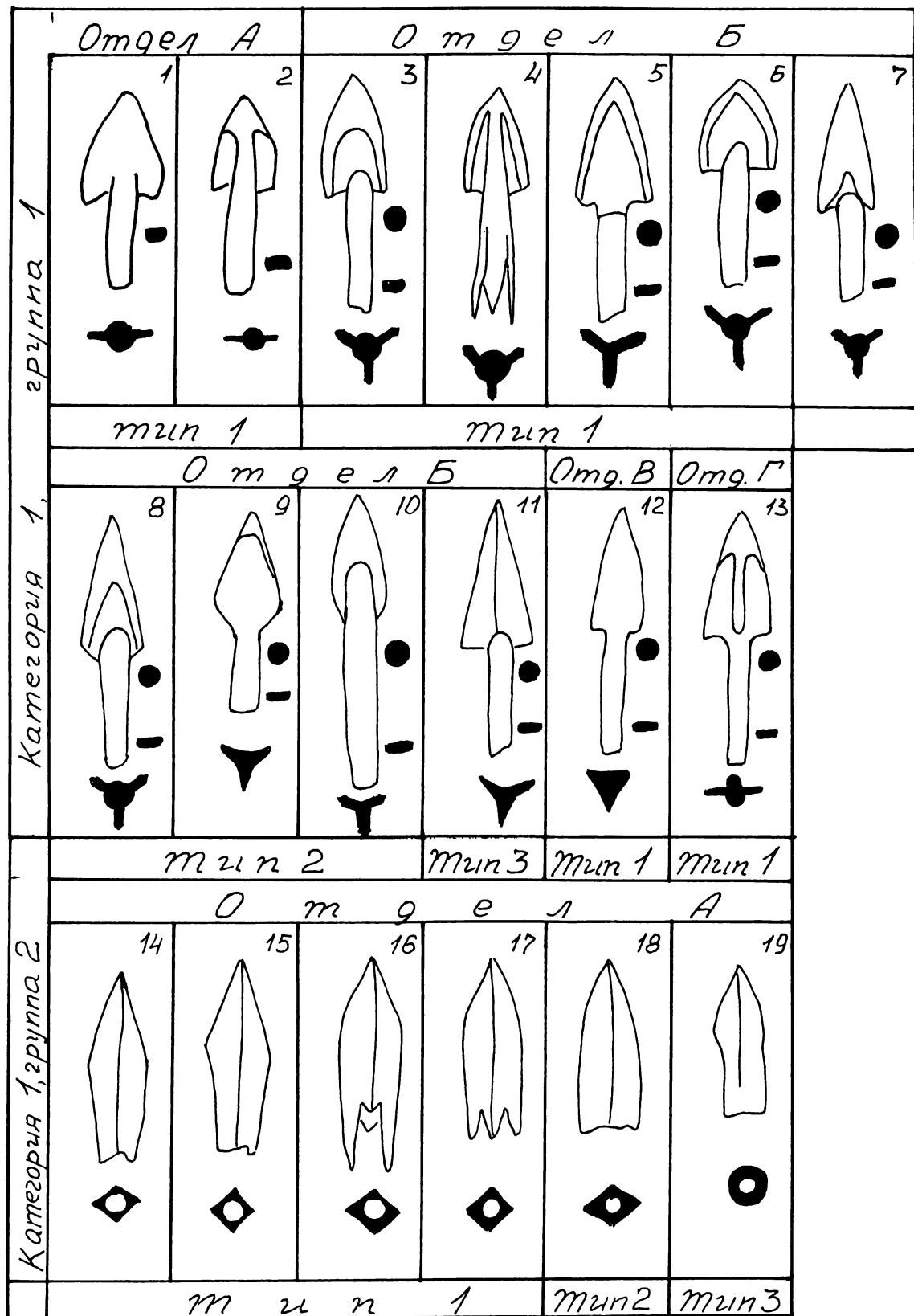

Рис. 70а. Классификация наконечников стрел из могильника Южный Тагискен.

Отдел Б				Отдел В	Отдел Г			
Категория 1, группа 1	20	21	22	23	24	25	26	
								
								
	тип 1	тип 2	тип 3	тип 1	тип 1			
Категория 1, группа 1	Отдел Д							
	27	28	29	30	31	32	33	34
								
								
	тип 2	тип 1	тип 2			тип 3	тип 4	
Категория 2, группа 1	Отдел А							
	35	Категория 2, группа 2	36					
								
								
	тип 1	тип 1						

Рис. 706. Классификация наконечников стрел из могильника Южный Тагискен (продолжение)

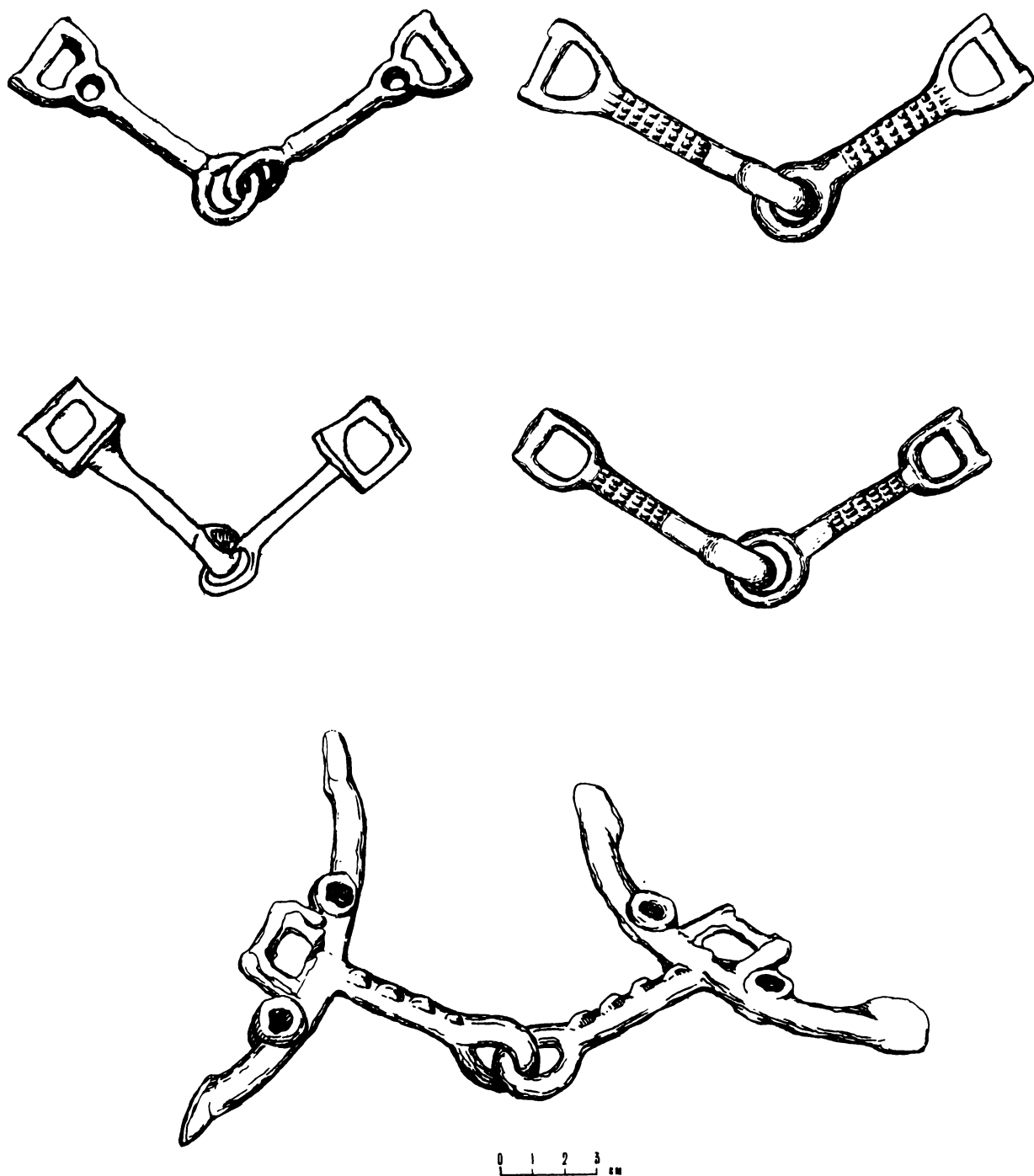

Рис. 71. Удила из могильника Южный Тагискен.

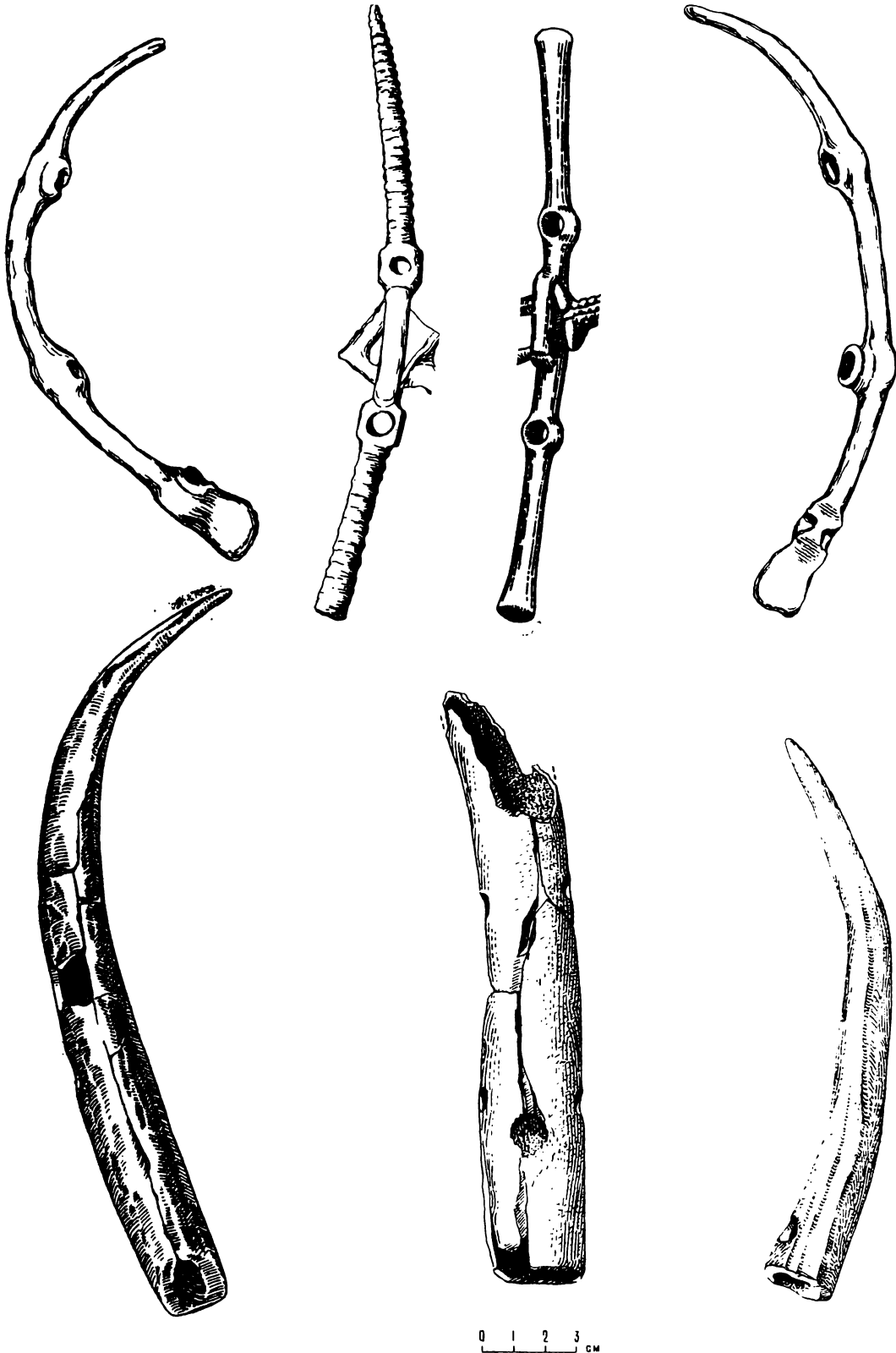

Рис. 72. Псалии из могильника Южный Тагискен.

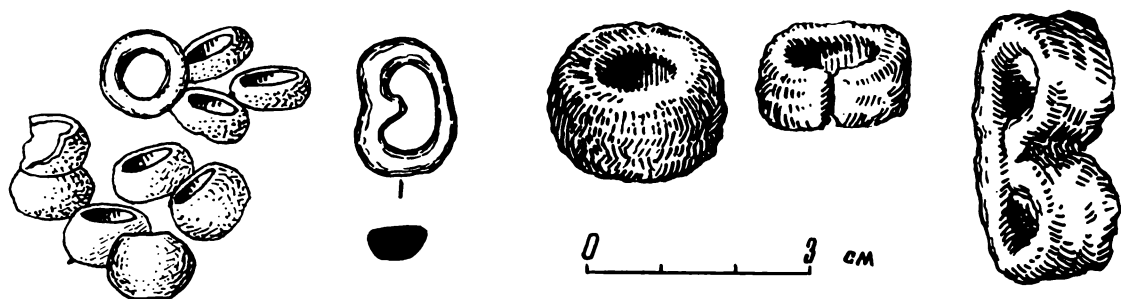

Рис. 73. Пронизи из могильника Южный Тагискен.

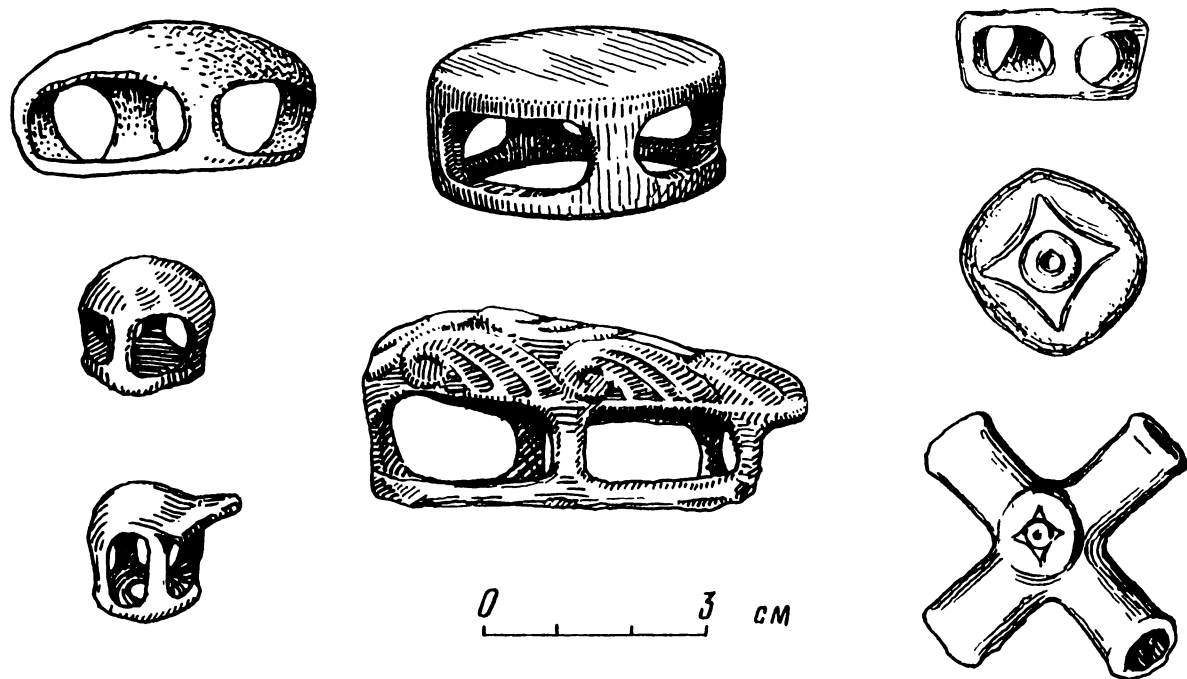

Рис. 74. Обоймы для перекрестия ремней из могильника Южный Тагискен.

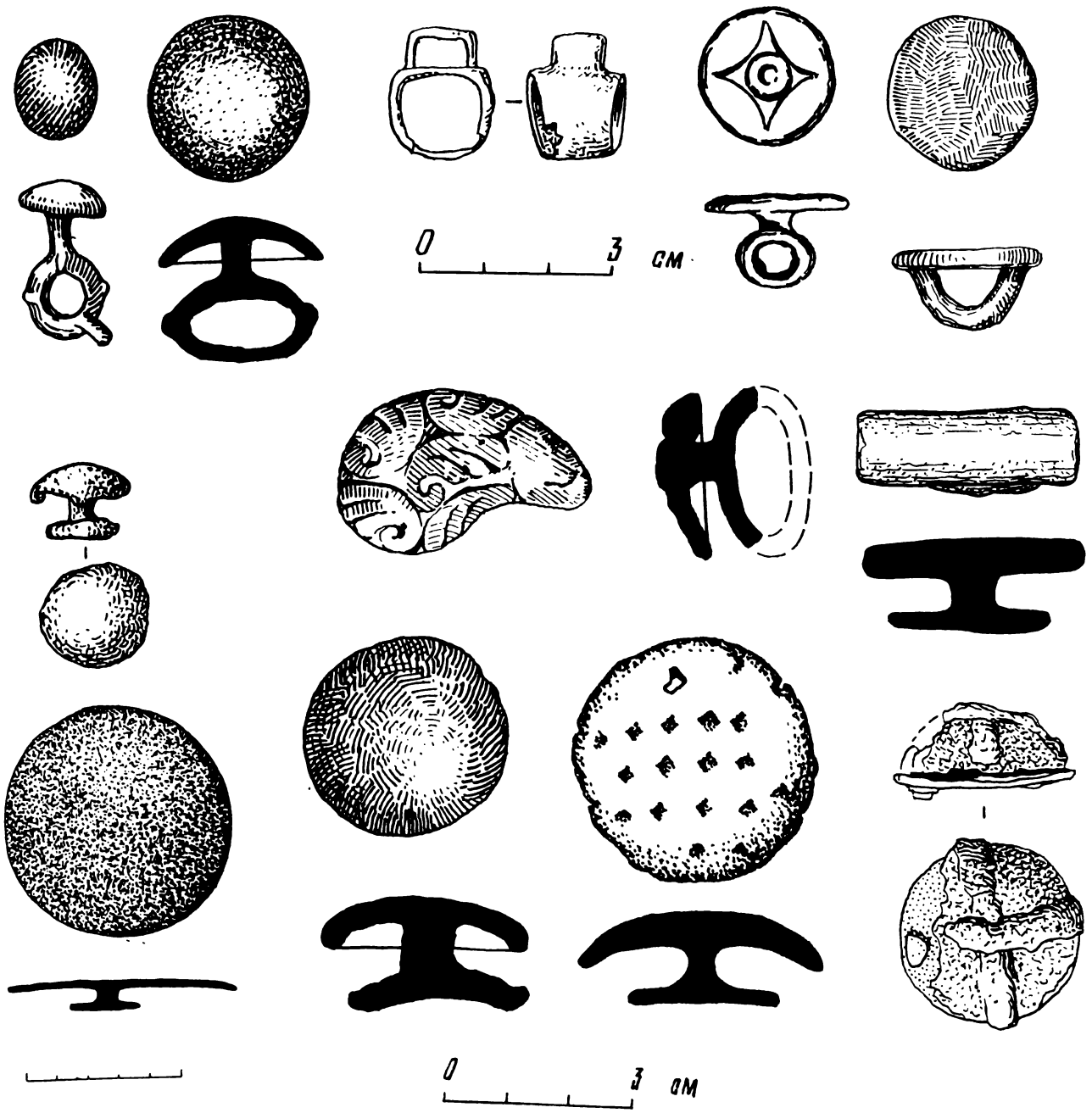

Рис. 75. Бляшки из могильника Южный Тагискен.

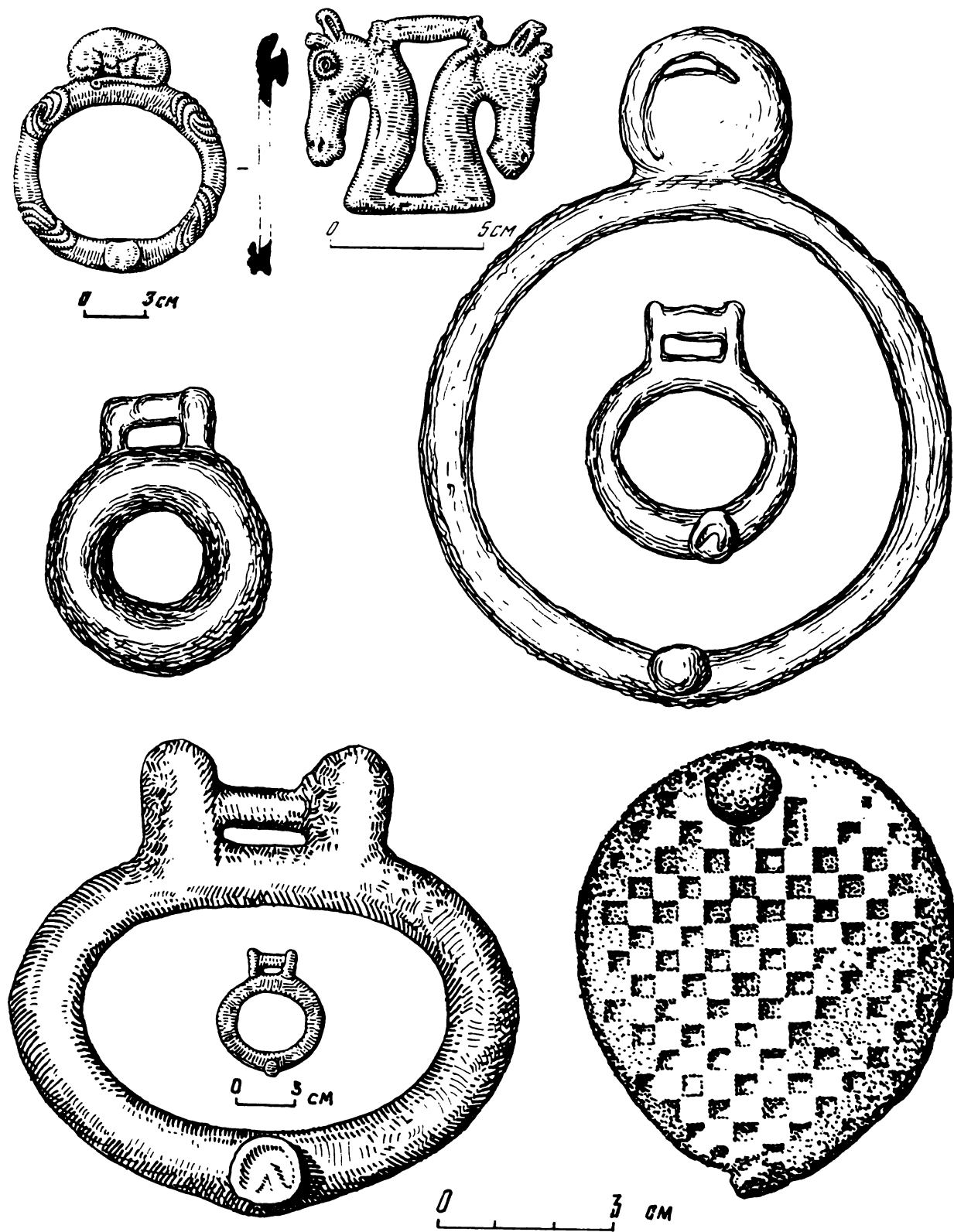

Рис. 76. Подпружные пряжки из могильника Южный тагискен.

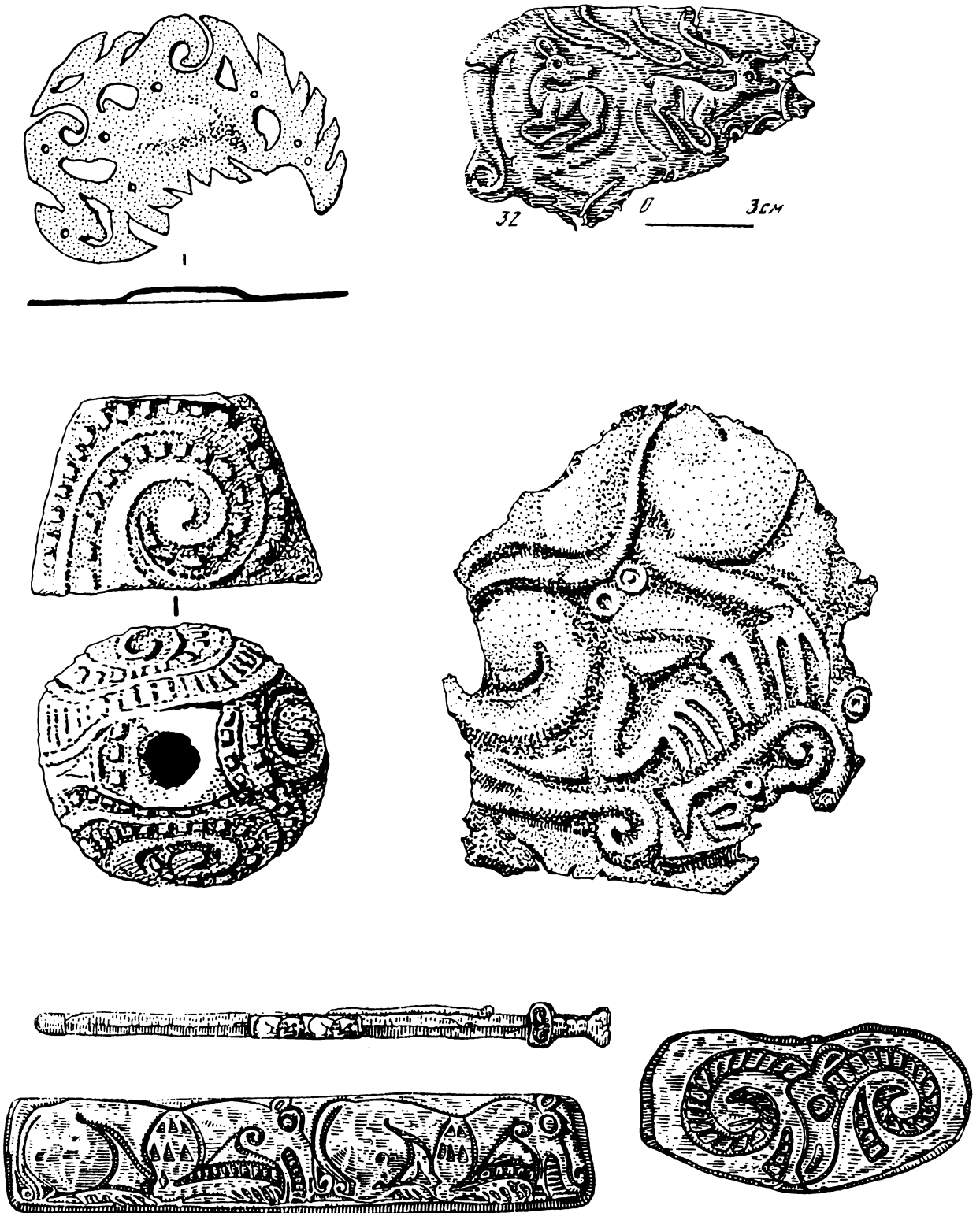

Рис. 77. Звериный стиль в могильнике Южный Тагискен.

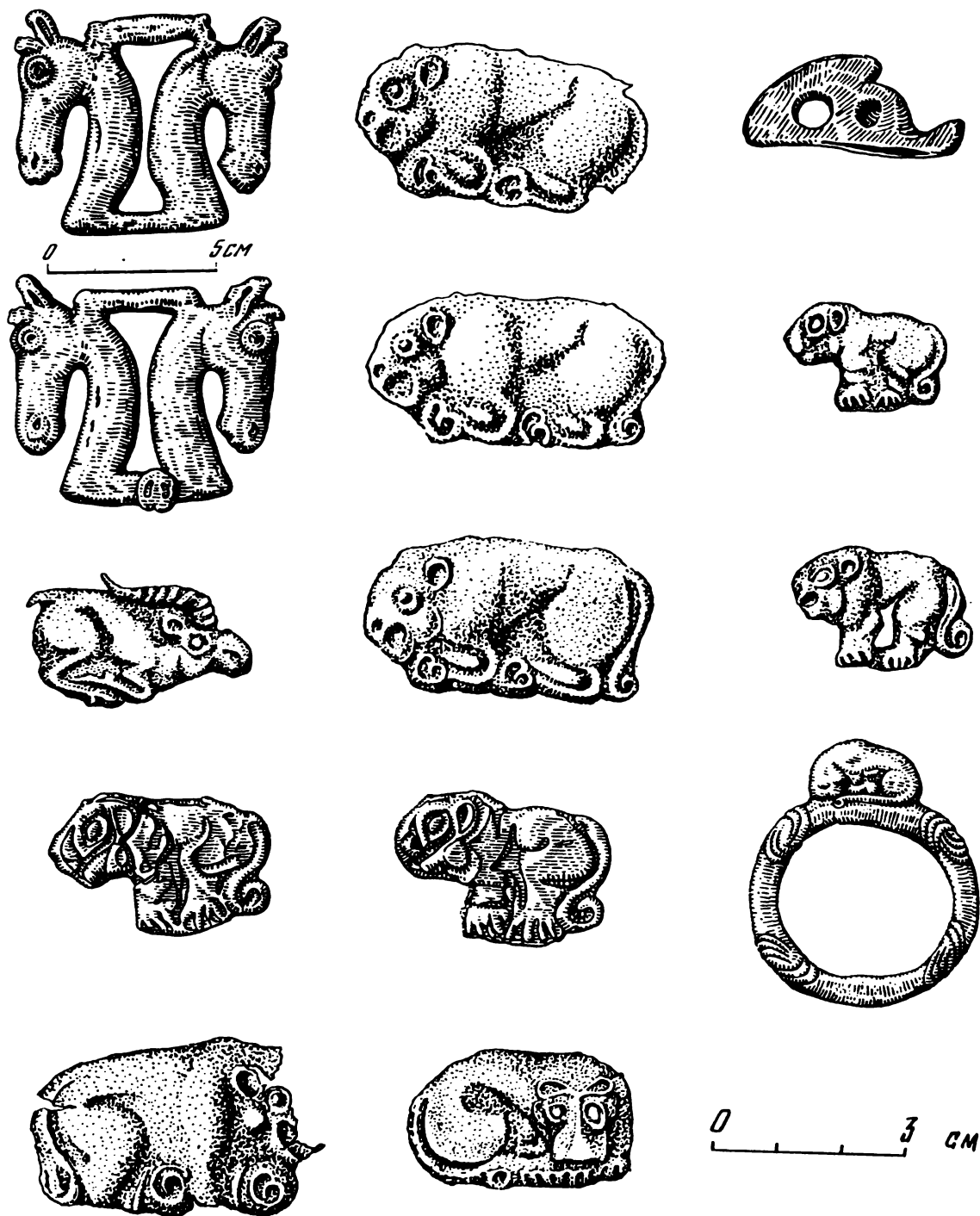

Рис. 78. Звериный стиль в могильнике Южный Тагискен.

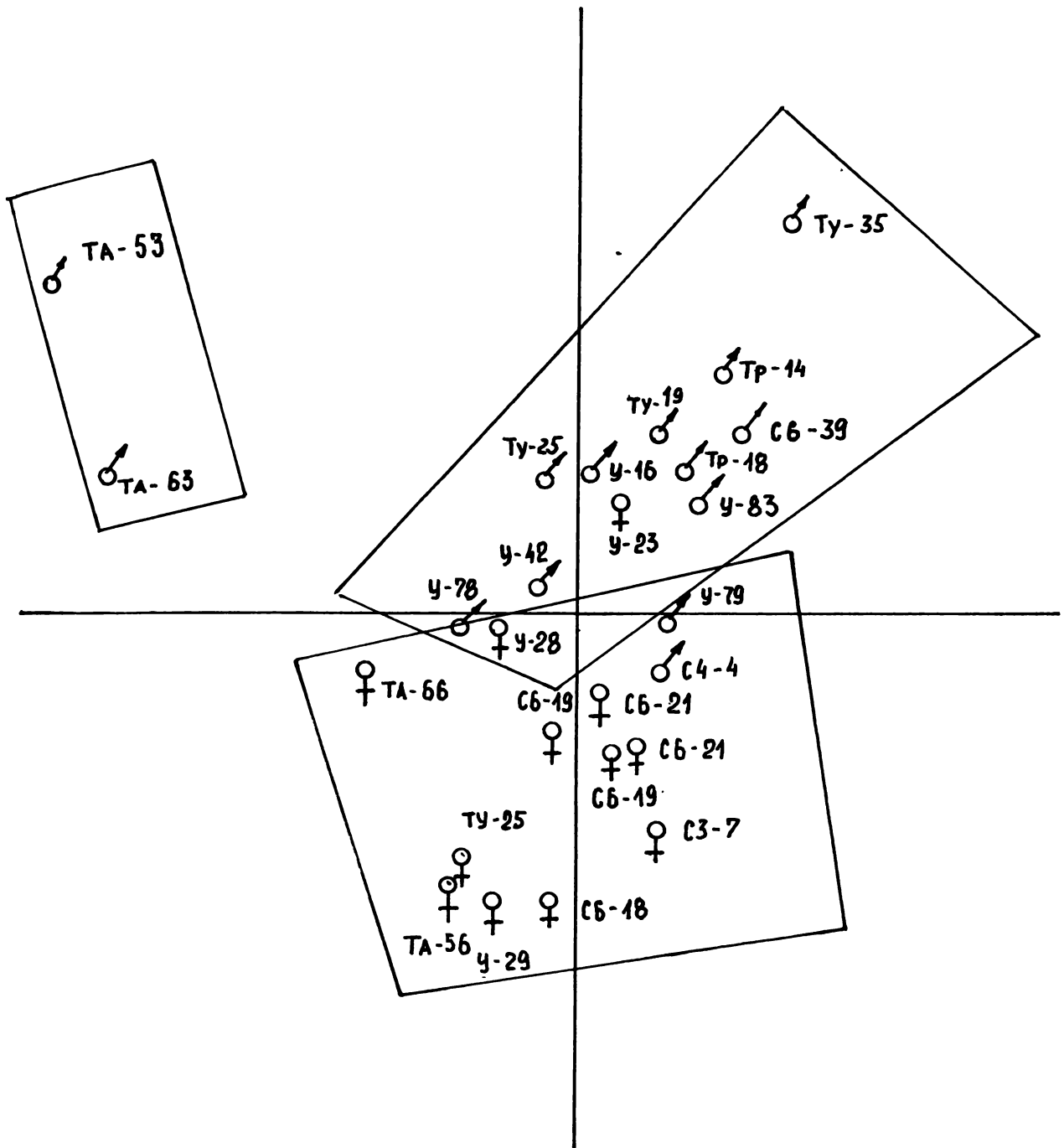

Рис. 79. Черепа раннесакского времени из Приаралья (метод главных компонент):
 Та - Южный Тагискен; У - Уйгарак; Ту - Тумек-кичиджик; Тр - Тарым-кая 1;
 С3 - Сакар-чага 3; С4 - Сакар-чага 4; С6 - Сакар-чага 6; цифрами обозначены номера курганов
 в каждом могильнике. ♀ - женские черепа; ♂ - мужские черепа.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И., 1949.* Осетинский язык и фольклор. 1. М.-Л.
- Абаев В.И., 1972.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.
- Абаев В.И., 1977.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Международный симпозиум по этнической древней истории Центральной Азии. Тезисы докладов советских ученых. М.
- Абрамова М.Б. Стефанов В.И., 1985.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск.
- Аванесова Н.А., 1975.* К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Материалы по археологии Узбекистана. Тр.САГУ. Вып. 270.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1956.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР. Т. 1. Археология. Алма-Ата.
- Адрианов А.В., 1916.* К археологии Западного Алтая // ИАК. Вып. 62. СПб.
- Акишев А.А., 1984.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата.
- Акишев К.А., 1956.* Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. // Тр.ИАИЭ АН Каз.ССР. Т.1. Археология. Алма-Ата.
- Акишев К.А., 1973.* Саки азиатские и скифы европейские: (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Акишев А.А., Акишев К.А., 1978.* К проблеме хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата. 1978.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984.* Антропология Азиатской части СССР. М.
- Адрианов Б.В., 1969.* Древние оросительные системы Приаралья. М.
- Адрианов Б.В., 1987.* Проблема исторического взаимодействия кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах (по материалам Приаралья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата.
- Адрианов Б.В., Итина М.А., Кесь А.С., 1974.* Земли древнего орошения Юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения // СЭ. № 5.
- Аникеева О.В., 1996.* Новые данные о происхождении каменного материала из могильников у с.Покровка // Курганы левобережного Илека. Отв. ред. Л.Т.Яблонский. М., 1996.
- Арсланова Ф.Х., 1972.* Новые материалы VII — VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. № 1.
- Артамонов М.И., 1961.* Антропоморфные божества скифской религии // АСГЭ. Вып. 2. Л.
- Артамонов М.И., 1973.* Сокровища саков. М.
- Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И.Мелюкова. М., 1989.*
- Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г.Мошкова. М., 1992.*
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959.* Древний Мингечаур (эпоха неолита и бронзы). Баку.
- Ахинжанов С.М. и др., 1987.* Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Бабанская Г.Г., 1956.* Барккаринский могильник // Тр.ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 1 Археология. Алма-Ата.
- Бартольд В.В., 1965.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. Соч. Т. III. М.
- Белинский А.Б., 1990.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. № 4.
- Берг Л., 1908.* Аральское море. СПб.
- Бернштам А.Н., 1949.* Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК. 28.
- Бернштам А.Н., 1950.* Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК. 28.
- Бернштам А.Н., 1952.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА 26. М.-Л.
- Бессонова С.С., 1983.* Религиозные представления скифов. Киев.
- Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1974.* Киммерийские погребения Высокой Могилы. // СА. № 1.

- Бобринский А.А., 1887.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т.1. СПб.
- Боковенко Н.А., 1986.* Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения) // Автореферат дисс. ... канд. наук. Л.
- Болелов С.Б., 1994.* Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии // РА. № 4.
- Бортвин Н.Н., 1949.* Находки на горе Азов на Урале // КСИИМК. Вып. 25.
- Борщов И.Г., 1865.* Материалы к ботанической географии Арало-Каспийского края. ЗИАН. СПб.
- Вайнберг Б.И., 1975.* Новые памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении // АО 1974 года. М.
- Вайнберг Б.И., 1977.* Памятник раннего железного века в Северной Туркмении // КД. Вып. 5. Ашхабад.
- Вайнберг Б.И., 1979.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. М.
- Вайнберг Б.И., 1988.* Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции "Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана). М.
- Вайнберг Б.И., 1991а.* Древняя история обводнения Присарыкамьшской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис. М.
- Вайнберг Б.И., 1991б.* Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-х — 80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Ч. 1. М.
- Вайнберг Б.И., 1992.* Памятники скотоводческих племен в Левобережном Хорезме // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1991.* Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР. Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1993.* Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М.
- Вайнштейн С.И., 1966.* Памятники кызылганской культуры // Тр.ТувКАЭЭ. Т. II. М.-Л.
- Виноградов А.В., 1980.* Памятники кызылганской культуры // ТрТувКАЭЭ. Т.П. М.-Л.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Виноградов А.В., Лопатин С.В., Мамедов Э.Д., 1965.* Кызылкупская бирюза // СЭ. № 2.
- Вишневская З.Я., 1930.* Форма черепа узбекского ребенка в связи с некоторыми особенностями его воспитания // ММУТ. № 2-3. Ноябрь-декабрь.
- Вишневская О.А., 1973.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв до н.э. (по материалам Уйгарака) // Тр.ХАЭЭ. Т. VIII. М.
- Вишневская О.А., Итина М.А., 1977.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА 177. М.
- Волков В.В., 1962.* Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР // Монгольский археологический сборник. М.
- Волков В.В., 1967.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор.
- Воробьева М.Г., 1973.* Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме // МХЭ. Вып. 9. М.
- Вязьмитина М.И., 1963.* Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. № 2.
- Галанина Л.К., 1977.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. Вып. Д1-33. М.
- Галанина, Л.К. 1983.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 24. Л.
- Генинг В.Ф., 1977.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4.
- Геродот., 1972.* История в девяти книгах (перевод и примеч. Г.А.Стратановского). Л.
- Гершенович Р.С., 1929.* О деформации затылка у узбекских грудных детей // Тр. СУ. Этнография. Вып. 2. Ташкент.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972.* Палеоантропология Средней Азии. М.
- Граков Б.Н., 1930.* Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // Труды секции археологии РАНИОН. М.
- Граков Б.Н., 1971.* Скифы. М.
- Граков Б.Н., 1977.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.
- Граков Б.Н., Тереножкин А.И., 1954.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Грантовский Э.А., 1977.* "Серая керамика", "расписная керамика" и индоиранцы // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии: Тез. докл. советских ученых. М.
- Грач А.Д., 1971.* Новые данные о древней истории Тувы // УзТГИИЯЛИ. Вып. XIV. Кызыл.
- Грач А.Д., 1980.* Древние кочевники в центре Азии. М.
- Грач А.Д., 1983.* Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АС. Вып. 23. Л.
- Грен Ар., 1863.* Экспедиция для исследования р. Джаны-Дарьи (летом 1859 г.) // Инженерный журнал. № 1.
- Гришин Ю.С., 1975.* Бронзовый и раннежелезный века Восточного Забайкалья. М.

- Грязнов М.П., 1947.* Памятники майэ-мирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII.
- Грязнов М.П., 1950.* Первый Пазырыкский курган. Л.
- Грязнов М.П., 1952.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. Вып. XVI.
- Грязнов М.П., 1956а.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. LXI.
- Грязнов М.П., 1961.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л.
- Грязнов М.П., 1978а.* К вопросу о сложении культуры скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. 154.
- Грязнов М.П., 1978б.* Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
- Грязнов М.П., 1980.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Грязнов М.П., 1983.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Грязнов М.П., 1992.* Алтай и Приалтайская степь // Археология СССР. Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Дебец Г.Ф., 1971.* О физическом типе людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. МИА 177. М.
- Дьяконов И.М., 1956.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л.
- Дьяконов И.М., 1960.* Рец.: Массон В.М. "Древнеземледельческая культура Маргианы" // ВДИ. № 3.
- Дэвлет М.А., 1975.* Памятники "скифского" времени в Северо-Восточной Туве // Первобытная археология Сибири. Л.
- Ермолаева А.С., 1983.* Раскопки могильника у с. Измайловка // АО 1981 года. М.
- Ермолаева А.С., 1987.* Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Железчиков Б.Ф., 1986.* Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.
- Железчиков Б.Ф., 1988.* Степи Восточной Евразии в VI—II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов.
- Завитухина М.П., 1966.* Курганы у с. Быстринского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып. 8. Л.
- Заднепровский Ю.А., 1962.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА 118. М.-Л.
- Замечания о древностях в киргиз-койсацкой степи (Извлечения из Обозрения киргиз-койсацкой степи Г.Г. 1822) // СВ. Ч. 20.*
- Замятнин С., 1946.* Скифский могильник "частые курганы" под Воронежем // СА. Вып. VIII.
- Збруева А.В., 1952.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА 30. М.
- Зданович Г.Б., 1969.* Покровский могильник на р. Ишим // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Зданович Г.Б., 1988.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (Основы периодизации). Свердловск.
- Ивашинцов. 1854.* Озерки низовой Сыр-Дарьи и при-Аральской степи // МС. Т. XIII. № 11.
- Иессен А.А., 1953.* К вопросу о памятниках VIII — VI вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. Т. XVIII.
- Иессен А.А., 1954.* Некоторые памятники VIII — VI вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Ильинская В.А., 1965.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. М.
- Ильинская В.А., 1975.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев.
- Ильинская В.А., 1980.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Обсуждение // НАА. № 5.
- Ильинская В.А., 1983.* Скифы и Кавказ. (Тезисы доклада) // АС. Вып. 23. Л.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.А. 1983.* Скифия VII — IV вв. до н.э. Киев.
- Итина М.А., 1958.* Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя // Тр.ХАЭЭ. Т. II. М.
- Итина М.А., 1963.* Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.) // МХЭ. Вып. 6.
- Итина М.А., 1974.* Бронзовый век Восточного Приаралья // История Каракалпакской АССР. Т.1. Ташкент.
- Итина М.А. 1977а.* История степных племен Южного Приаралья во II тысячелетии до н.э. // Тр.ХАЭЭ. Т. X. М.
- Итина М.А., 1977б.* Культура племен Приаралья // История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата.
- Итина М.А., 1980.* Хорезмская экспедиция — основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Итина М.А., 1984.* Загадочные ограды на курганных группах Низовьев Сырдарьи и Южного Приаралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Итина М.А. 1986а.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их "варварской" периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент.
- Итина М.А., 1986б.* Древний Хорезм: проблемы и открытия (по материалам археолого-этнографической экспедиции ИЭ) // ВАН. № 2.
- Итина М.А. 1992.* Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Кадырбаев М.К., 1968.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного ве-

ка Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.

Кадырбаев М.К., 1974. Могильник Жиланды на реке Нурс // В глубь веков. Алма-Ата.

✓ Кадырбаев М.К., 1977. Каменные алтари-жертвенники из северо-западного Казахстана // СА. № 3.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. Вып. 154.

✓ Кадырбаев М.К., Черников С.С., 1966. Загадка Золотого кургана // Изв. АН Каз.ССР. Серия общественных наук. Вып. 3. Алма-Ата.

Каульбарс А.В., 1881. Низовья Аму-Дарьи // Записка РГО по общей географии. Т. IX. СПб.

Кесь А.С., Андрианов Б.В., Итина М.А., 1980. Динамика гидрографической сети и изменения уровня Аральского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.

Киселев С.В., 1947. Монголия в древности // ИАН СССР. Серия истории и философии. Т. IV. № 4.

Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.

Кияткина Т.П. 1983. К вопросу об антропологии древнего населения Хорезма // Хорезм и Мухаммед ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1987. О двух этапах продвижения протоскифов в степные районы Восточной Европы // ИЧПГ. Тезисы. Омск.

Козенкова В.И., 1982. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3.

Козенкова В.И., Круинов Е.И., 1966. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.) // КСИА. Вып. 106.

Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА 46. М.

Кузнецова Т.М., 1991. Эподы по скифской истории. М.

✓ Кузьмин Н.Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.

Кузьмина Е.Е., 1964 О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков в Евразии. М.

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4—9. М.

Кузьмина Е.Е. 1974. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М.

Кузьмина Е.Е., 1975. Рец.: О.А.Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII — V вв. до н.э. М., 1973 // СА. № 2.

Кузьмина Е.Е., 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

Кузьмина Е.Е., 1981. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных //

Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.).

Кузьмина Е.Е., 1983. О прочтении текста изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. № 1.

Кузьмина Е.Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.

Кулемзин А.М., 1976. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово

Куртин Б.А., 1949. Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси.

Кушаев Г.А., 1968. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.

Кызласов Л.Р., 1975. Археологические данные о происхождении сакской культуры // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Л.

Кызласов Л.Р., 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакских культур // СА. № 2.

Кызласов Л. Р., 1978. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 154.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.

Левина Л.М., 1979. Поселения VII — V вв до н.э. и "шлаковые" курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. Тр.ХАЭЭ. Т. IX. М.

Левшин А., 1832. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. СПб.

Лесков А.М., 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. № 1.

Лесков А.М., 1981. Курганы, находки, проблемы. Л.

Либеров П.Д., 1950. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине // КСИИМК. Вып. XXXIV.

Либеров П.Д., 1954. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Литвинский Б.А., 1959. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. // Тр.ИИАЭ АН Тадж. ССР. Т. ХСІ. Вып. IV. Сталинабад.

Литвинский Б.А., 1968. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Бронзовые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // МКТ. Вып. 1. Душанбе.

Литвинский Б.А., 1969. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок Ферганских могильников) // Автореферат дисс. ... докт. наук. М.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники "Крыши мира". М.

Литвинский Б.А., 1984. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Литвинский Б.А., 1985. Ареал древнепамирской культуры // Памироведение. Вып. 2. Душанбе.

- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962.* Древности Кайрак-кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) // Тр.ИИ АН Тадж. ССР. Т. XXXIII. Душанбе.
- Лоховиц В.А., 1968.* Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Макарова Л.А., 1978.* Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита и бронзы Казахстана // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Максименков Г.А., 1966.* Раскопки в долине р. Черновой // АО 1965 года. М.
- Максимов Е.К., 1976.* Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Максимова А.Г., 1960.* Курганы сакского времени могильника Джувантобе // КСИИМК. Вып. 80.
- Макшеев А.И., 1851.* Описание Аральского моря // ЗРГО. Кн. IV. СПб.
- Мамонова Н.Н., 1978.* Демография Улангомского могильника // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
- Мандельштам А.М., 1967.* Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. Вып. 112.
- Мандельштам А.М., 1968.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА 145. Л.
- Мандельштам А.М., 1978.* К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА. Вып. 154.
- Мандельштам, 1982.* Рец.: Л.Р.Кызласов. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979 // Изв. СО АН СССР; серия общественных наук. Вып. 2. Новосибирск.
- Мандельштам А.М., 1992.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Маннай-оол М.Х., 1988.* Вклад кочевников Саяно-Алтайского нагорья в мировую цивилизацию // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. III ВКВ. Тезисы докладов и сообщений. М.
- Маргулан А.Х. 1979.* Бегазы-данды-баевская культура Центрального Казахстана // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х. и др., 1966.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Марков Г.Е. 1981.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество: дефиниции и терминология // СЭ. № 4.
- Марсадолов Л.С., 1985.* Хронология курганов Алтая (VII—IV вв. до н.э.) // Автореферат дисс. ... канд. наук. Л.
- Мартынов А.И., 1964.* Новый район карасукской культуры // СА. № 2.
- Массон В.М., 1956а.* Памятники культуры архаического Дахистана // ТрЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад.
- Массон В.М., 1956б.* Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба // КСИИМК. Вып. 64.
- Массон М.В., 1951.* Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года // ТрЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад.
- Матвеева А.В., Матвеев Н.П., 1992.* О реконструкции погребальных сооружений саргатской культуры // ИЧПГ. Ч.1. Омск.
- Материалы по киргизскому землепользованию. 1912.* Сырдарьинская область. Перовский уезд. Ташкент.
- Медведская И.Н., 1969.* О происхождении бронзовых черешковых наконечников стрел // КСИА. Вып. 119.
- Медведская И.Н., 1972.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. № 3.
- Медведская И.Н., 1980.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II—первой половины I тысячелетия до н.э. // СА. № 4.
- Мейер Л., 1865.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.
- Мелентьев А.Н., 1967.* Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени // КСИИМК. Вып. 112.
- Мелюкова А.И., 1964.* Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1—4. М.
- Мелюкова А.И., 1984.* Actes du 2-e Congres international de thracologie. Bucaresti. 1980 // СА. № 1.
- Мелюкова А.И., 1989.* Скифы и нескифские племена степи и лесостепи Восточной Европы в VII—III вв. до н.э. // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мерперт Н.Я., 1958.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Куйбышевская археологическая экспедиция. Т. II. МИА 61. М.
- Мещанинов И.И., 1930.* Кромлехи (яфетидо-логический экскурс в область классического мира) // ИГАИМК. Т. IV. Вып. 3. Л.
- Могильников В.А., Медникова З.М., 1985.* Находки металлических изделий раннего железного века у Новообинки (Алтайский край) // СА. № 1.
- Мошкова М.Г., 1961.* Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. Вып. 83.
- Мошкова М.Г., 1962.* Ново-кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. М.
- Мошкова М.Г., 1966.* Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. // КСИИМК. Вып. 107.
- Мошкова М.Г., 1972.* Савроматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // МИА 153. М.
- Мошкова М.Г., 1989.* Пути и особенности развития населения савромато-сарматской культурно-исторической области // Автореферат дисс. ... докт. наук. М.
- Мошкова М.Г., 1992.* Предисловие // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1957.* Археологические памятники близ с. Карабу-дахкент // МИА 68. М.

Мурзин В.Ю., 1982. Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н.э. // Древности степей Скифии. Киев.

Неразик Е.Е., 1988. Приаралье: экологические аспекты этнического развития // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тез. М.

Неразик Е.Е., 1990. Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. Археология. М.

Никитин В.В., 1915. Почвенный очерк междуручья Амударьи и Сырдарьи по маршруту Чимбай — Перовск // Почвенные экспедиции в бассейнах рек Сырдарьи и Амударьи. Вып. 1. М.

Низовья Амударьи. Сарыкамьш. Узбой. История формирования и заселения // МХЭ. Вып. 3. М.

Обельченко О.В., 1980. Курганы ранних кочевников в низовьях Зерафшана // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.

Окладников А.П., Худяков Ю.С., 1982. Рец.: М.П.Грязнов. Аржан. М., 1980 // СА. № 3.

Ольховский В.С., 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. № 4.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. М.

Отрощенко В.В., 1975. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев.

Отрощенко В.В., 1976. Погребения с трупосожжениями у племен срубной культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Очир-Горьева М.А., 1988. О расселении савроматов // ВЛГУ. Серия 2. (№ 16). Л.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э. М.

Пиотровский Б.Б., 1939. Вишаны. Л.

Погребова М.Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.

Подольский М.Л., 1981. Погребальный ритуал и представления о пути в загробный мир (по археологическим материалам Минусинской котловины) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Потемкина Т.М., 1987. К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и сопредельных регионов. Алма-Ата.

Пругер Е.Б., 1978. К проблеме Кызылкумов — одного из локальных древних горнопромышленных регионов Узбекистана // СНТТУ. № 556. Ташкент.

Пшеничнюк А.Х., 1982. Археологические поиски // В научном поиске. Уфа.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пьянков И.В., 1975. Массажеты Геродота // ВДИ. № 2.

Пьянкова, 1987. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильников эпохи бронзы низовой Вахша и Кызылсу) // Автореферат дисс. ... канд. наук. Душанбе.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифосакских племен. М.

Раевский Д.С., 1981. Рец.: А.Д.Грач. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980 // НАА. № 6.

Рыкушина Г.В., 1980. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху: Краниологический очерк // Палеоантропология Сибири. М.

Рысиназаров Н. 1965. Черепа из могильника Токкала // СЭ. № 2.

Рычков Ю.Г., 1964. Происхождение расы среднеазиатского междуручья // Тр.ТашГУ. Т. 235. Ташкент.

Сальников К.В., 1940. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // МИА 1.

Сальников К.В., 1948. Древнейшее население Челябинской области. Челябинск.

Сальников К.В., 1951. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА 21.

Северцев Н.А. 1874, 1875. О результатах физико-географических наблюдений в Арало-Каспийских степях в 1874 г. // ИРГО. Т. XI. Вып. 3. СПб.

Синицын И.В., 1954. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИИМК. Вып. 55.

Скопин И.В., 1960. Судебно-медицинское исследование повреждений рубящими орудиями. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1954. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.

Смирнов К.Ф., 1957. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. № 3.

Смирнов К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы - огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Смирнов К.Ф., Мошкова М.Г. 1979.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1—9. М.

Соболев Л., 1874. Из письма Л.Н.Соболева к вице-председателю географического общества. Село Чимбай, 1874. 30 мая // Изв.РГО. Т. X. Вып. 7. СПб.

Сорокин В.С., 1960. Могильник Тасты-Бутак 1. Раскопки 1956-1957 гг. // КСИИМК. Вып. 80.

Сорокин С.С., 1969. Новый памятник VII—VI вв. до н.э. на Южном Алтае // СА. № 2.

Таиров А.Д., 1986. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуручья. Челябинск.

- Таиров А.Д., 1991. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII—II вв. до н.э. // Автореферат дисс. ... канд. наук. М.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., 1988. Курган у с. Варны // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Таранов Н.А., 1885. Нижнее течение Сырдарьи. 1. Сырдарьинская область // Живописная Россия. Т. 10. Русская Средняя Азия. СПб.
- Тереножкин А.И., 1950. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXXIII.
- Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев.
- Тереножкин А.И., 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. № 1.
- Тереножкин А.И., 1971а. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. МИА 177. М.
- Тереножкин А.И., 1971б. Дата мингечаурских удил // СА. № 4.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Техов Б.В., 1972. Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа // СА. № 3.
- Толстов С.П., 1947. Аральский узел этногонического процесса // СЭ. Т. VI—VII.
- Толстов С.П., 1948а. Древний Хорезм. М.
- Толстов С.П., 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.
- Толстов С.П., 1961. Приаральские скифы и Хорезм (к истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи) // СЭ. № 4.
- Толстов С.П., 1962а. По древним руслу Окса и Яксарта. М.
- Толстов С.П., 1962б. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи (в связи с проблемой их освоения) // СЭ. № 4.
- Толстов С.П., 1963. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. М.
- Толстов С.П., Итина М.А., 1960. Проблема су-яр-аганской культуры // СА. № 1.
- Толстов С.П., Итина М.А. 1966. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. № 2.
- Тоцев Г.Н., 1984. Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области // Ранний железный век северо-западного Причерноморья. Киев.
- Трофимова Т.А., 1959. Основные проблемы палеоантропологии Хорезма // МХЭ. Вып. 2. М.
- Трофимова Т.А., 1963. Приаральские саки (краниологический очерк) // МХЭ. Вып. 5. М.
- Трофимова Т.А., 1967. Ранние саки Приаралья (по данным антропологии) // Тезисы Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии. М.
- Трудновская С.А., 1963. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. МХЭ. Вып. 5. М.
- Уманский А.П., 1970. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. 12.
- Хабарова С.В., 1993. Погребальный обряд андроновского населения южной части Западной Сибири // Автореферат дисс. ... канд. наук. М.
- Хабдулина М.К., 1987. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII—II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Хабдулина М.К., 1992. Северный Казахстан в эпоху раннего железного века // Автореферат дисс. ... канд. наук. Алма-Ата.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н.э.). М.
- Ходжайов Т.К., 1966. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник ККФАН УзССР. № 4.
- Ходжайов Т.К., 1986. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент.
- Чежина Е.Ф., 1983. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АС. Вып. 23. Л.
- Черников С.С., 1956. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции (1952) // КСИИМК. Вып. 64.
- Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА 88. М.-Л.
- Черников С.С., 1965. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось "скифское искусство". М.
- Черников С.С., 1972. К вопросу о датировке предметов "звериного стиля" Тез. докл. III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский "звериный стиль"). М.
- Членова Н.Л., 1962. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Членова Н.Л., 1973. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА. № 2.
- Шарафутдинова Э.С., 1981. Традиции и инновации в культурах поздней бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара. Л.
- Шер А.Я., 1980. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово.
- Шрамко Б.А., 1975. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелено-будинская проблема // СА. 1.
- Щепинский А.А., 1960. Марьяинские курганы эпохи бронзы // ЗОАО. Т. 1 (34). Одесса.
- Эверсман Э.А., 1949. Естественная история Оренбургского края. 1840 // Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неуструева. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Юсупов Р., 1991. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. Антропология. М.

Юсупов Х., 1986. Древности Узбоа. Ашхабад.

Юсупов Х., 1987. Бронзовые наконечники стрел /кочевников Северо-западного Туркменистана // Известия АН Туркм. ССР. Серия общественных наук. Вып. 4. Ашхабад.

Яблонский Л.Т., 1983. О некоторых принципах диагностики и дифференциации следов повреждений и трепанаций в краниологических сериях // Проблемы современной антропологии. Минск.

Яблонский Л.Т., 1986. Могильник раннесакского времени Сакар-чага 3 // СЭ. № 5.

Яблонский Л.Т., 1988. Этноисторическая ситуация в южном Приаралье эпохи ранних саков // III ВКВ "Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке". Тезисы докладов и сообщений. Т. 1. М.

Яблонский Л.Т., 1990. "Скифская триада" и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири." Тез. докл. VIII западно-сибирского археолого-этнографического совещания. Томск.

Яблонский Л.Т., 1991а. Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников) // Автореферат дисс. ... докт. наук. М.

Яблонский Л.Т. 1991б. Формирование культуры саков Южного Приаралья // СА. № 1.

Яблонский Л.Т. 1991в. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.

Яблонский Л.Т., 1992а. Новые данные о ранних скотоводах Южного Приаралья // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции, по священной памяти А.И.Тереножкина. Мелитополь.

Яблонский Л.Т. 1992б. Социальная структура саков Присарыкамья по данным погребального обряда // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Доклады республиканской научной конференции. Ч. 1. Омск.

Яблонский Л.Т. 1992в. Скифо-сакская контактная зона: проблема типологизации этногенетических

процессов. // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. М.

Яблонский Л.Т., 1993. Культуры сакского типа: единство или многообразие? // КСИА. Вып. 207.

Яблонский Л.Т., (Отв. редактор). Курганы левобережного Илека. 1993. Вып. 1. М.

Яблонский Л.Т., 1994. (Отв. редактор). Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.

Яблонский Л.Т., (Отв. редактор). Курганы левобережного Илека. 1995. Вып. 3. М.

Яблонский Л.Т. 1995., Раскопки курганов на юге Оренбургской области // Курганы Левобережного Илека. Вып. 3. М.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М. 1996.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып.3. М.

Яблонский Л.Т., Коляков С.М. 1992. Могильник Тарым-кая II // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье). М.

Ягодин В.Н., 1963. Поселение амирабадской культуры Кават 2 // МХЭ. Вып. 6. М.

Ягодин В.Н., 1984. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. Вып. 3. М.

Яценко И.В., 1959. Скифия VII—V вв. до н.э. // ТрГИМ. Вып. 36.

Ghirshman, 1939. Fouilles de Sialk, pres de Kashan 1933, 1934, 1935. Paris.

Herzfeld, 1941. Yran in the Ancient East. London.

Іллінська В.А., 1951. Курган Старша Могила пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. Т. 5. Київ.

Іллінська В.А. 1961. Скіфська вузда VI ст. до н.э. // Археологія. Т. 13. Київ.

Itina M.A., 1986a. Zur Erforschung der Ur- und Frühgeschichte im südöstlichen Aralgebiet // Das Altertum. Bd. 32. Heft 1.

Itina M.A. 1986. The Saka of the Aral Sea Area. Their origins and ties with the West // Traces of the Central Asian culture in the North. Helsinki.

Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.

Попов Р., 1932. Могильні гробові при с. Енджа // Известия на Българскія археологически институт. Т. VI. София.

Schmidt, 1957. Persepolis. V.II. Chicago.

Yablonsky L.T., 1990. Burial place of a Massagetan warrior // Antiquity. V. 64. № 243.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАН	— Вестник Академии Наук
ВДИ	— Вестник древней истории
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского Государственного Университета
ЗИАН	— Записки Императорской Академии Наук
ЗООА	— Записки Одесского археологического общества
ЗРГО	— Записки Российского географического общества
ИАН	— Известия Академии Наук
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии Истори и материальной культуры
ИзвРГО	— Известия Российского географического общества
ИЭ	— Институт этнографии
КД	— Каракумские древности
ККФАН	— Каракалпакский филиал Академии Наук
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	— Материалы и исследования по археологии
МКТ	— Материалы к археологии Таджикистана
МУТ	— Медицинская мысль Узбекистана и Туркмении
МС	— Морской сборник
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
НАА	— Народы Азии и Африки
РАН	— Российская Академия Наук
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Российское географическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Сибирский вестник
СВ	— Сибирский вестник
СЭ	— Советская этнография
Тр СУ	— Труды Саратовского Университета
ТрГИМ	— Труды Государственного Исторического музея
ТрИИ	— Труды Института истории
ТрИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии
ТрТашГУ	— Труды Ташкентского Государственного Университета
ТрТувКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археологической экспедиции
ТрХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТрЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УзТИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского Института истории, языка и литературы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение Introduction	5
Глава 1. Общие сведения о курганах Chapter 1. General information about the kurgans	10
Глава 2. Конструктивные особенности погребальных сооружений Chapter 2. Peculiarities of the constructions of the graves	28
Глава 3. Материальная культура Chapter 3. The material culture	38
Глава 4. Вопросы хронологии Chapter 4. The problems of the chronology	67
Глава 5. Палеоантропологические материалы из могильника Южный Тагискен Chapter 5. Paleoanthropological data from the Southern Tagisken cemetery	73
К этногенезу саков Нижней Сырдарьи (вместо заключения) To the problem of the ethnogenesis of the Saka of the Low Syrdarya (instead of conclusions)	79
Таблицы и рисунки Tables and illustrations	87
Литература и список сокращений Bibliography and list of abbreviations	176
Resume	185